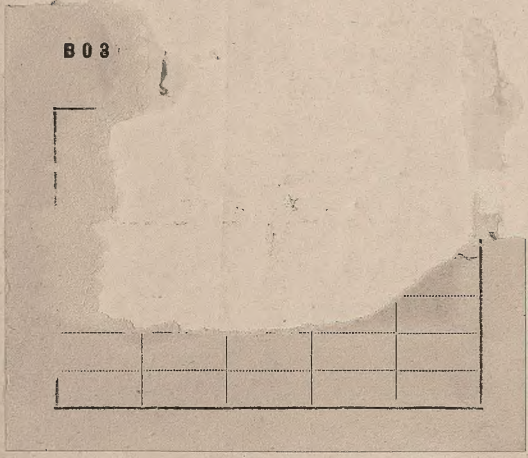
19

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОЙНЪ

ОТЪ ИХЪ НАЧАЛА ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ.

КЪ СТОЛѢТІЮ

занятія Тифлиса русскими войсками

26-го ноября 1799 года.

Подъ редакціею генералъ-маіора Потто.

Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго военнаго округа.

Напечатано по распоряженію командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Военно-Историческій Отдѣлъ, приступая къ изданію «Очерка Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи», желалъ только отмѣтить историческое значеніе дня 26-го ноября 1799 года, когда русскія войска, по волѣ своего верховнаго вождя, великодушно отозвавшагося на призывъ послѣдняго царя Грузіи, перешли черезъ Кавказскія горы и вступили въ Тифлисъ для спасенія единовѣрнаго народа.

Съ того дня русскіе не покидали болѣе Закавказья. Неизмѣнный ходъ событій, упразднивъ грузинскій престолъ и водворивъ порядокъ и благоденствіе въ странѣ, гдѣ въ теченіе столѣтій не умолкалъ громъ оружія, призвалъ народы Грузіи и всего Кавказа къ новой жизни, къ мирному общенію съ образованнымъ міромъ, подъ защитой русской державы.

Настоящее есть всегда плодъ прошедшаго. Для выясненія во всей полнотѣ значенія дня 26-го ноября 1799 года, Военно-Историческій Отдѣлъ призналъ необходимымъ ука-

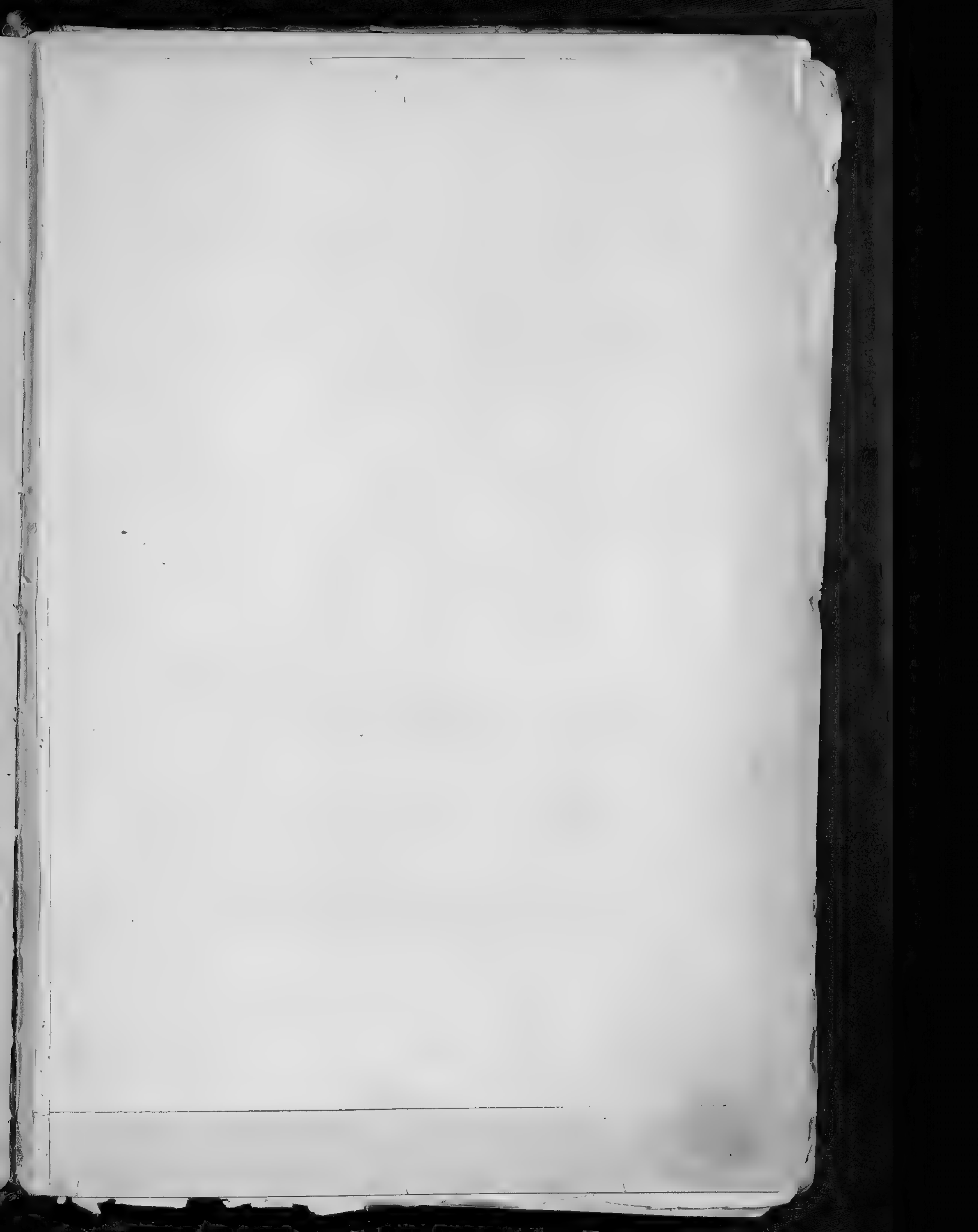
зать въ краткомъ обзорѣ тотъ путь, которымъ первыя случайныя сношенія Руси съ Кавказомъ привели постепенно къ сознанію исторической задачи Русскаго государства на Кавказскомъ перешейкѣ.

Въ составленіи «Очерка» принимали участіе: генералъ-маіоръ В. А. Потто, подполковникъ В. И. Томкѣевъ, капитанъ М. А. Рукевичъ и Е. Г. Вейденбаумъ.

26-го ноября 1899 года.
Г. Тифлисъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Вступленіе русскихъ войскъ въ Тифлисъ 26 Ноября 1799 года.

(Съ картины Рубо).

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ.

ОЧЕРКЪ
КАВКАЗСКИХЪ ВОЙНЪ

ОТЪ ИХЪ НАЧАЛА ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ.

I.

Историческія причины, приведшія насъ къ занятію устья Терека. Терская крѣпость. Гребенскіе казаки и ихъ городки. Первые нами походы въ Дагестанъ: Хворостининъ, Бутурлинъ и Плещеевъ.

Историческія свѣденія о сношеніяхъ древнихъ славянскихъ народовъ съ обитателями Кавказа крайне бѣдны.

Существуютъ указанія, что въ V вѣкѣ южные славяне платили дань хозарамъ, народу обитавшему отъ бассейновъ Дона и Волги до Кавказскихъ горъ. Въ столицѣ этого царства Итилѣ (Астрахани) жило много русскихъ купцовъ.

Съ середины IX вѣка славянскія племена начинаютъ объединяться подъ властью одного князя и около Кіева образуется Русь. По словамъ лѣтописцевъ, первый достовѣрный кіевскій князь Олегъ проникъ за Донъ и обложилъ данью нѣкогда сильное Хозарское царство. Слава руссовъ, какъ завоевателей, становится съ этихъ поръ громкою, предпріимчивость ведетъ ихъ въ предѣлы богатаго Кавказа. Въ 913 году 500 струговъ приходятъ къ устью Дона. Руссы подымаются по рѣкѣ, перевола-

киваютъ (возлѣ нынѣшняго Калача) свои суда на Волгу и выходятъ по ней въ Каспійское море. Здѣсь они грабятъ всѣ города западнаго берега и съ богатою добычею возвращаются назадъ. Черезъ 30 лѣтъ снова повторяется тотъ же походъ и по тому же маршруту, но русы проникаютъ далѣе до Куры, по ней добираются до нынѣшняго Карабага и осаждаютъ городъ Бердаа. Еще черезъ 30 лѣтъ Святославъ окончательно побѣждаетъ хозаръ, беретъ ихъ Бѣлу-Вѣжу и доходитъ до Кавказскихъ горъ, гдѣ „Ясы побѣди и Касоги (осетинъ и черкесовъ), и приведе ихъ Кыеву". По нѣкоторымъ источникамъ онъ доходилъ до Каспійскаго моря и раззорилъ Тарки.

Вѣроятно къ этому времени относится основаніе Тмутараканскаго княжества на восточномъ побережьи Азовскаго моря. По крайней мѣрѣ извѣстно, что внукъ Святослава, сынъ Владиміра святого, Мстиславъ получилъ его въ удѣлъ. Этотъ князь, богатырь по народному представленію, побѣдилъ черкесскаго Редедю и заставилъ прикубанскіе народы платить себѣ дань (1022 г.). Въ кабардинскихъ преданіяхъ говорится, что, когда Мстиславъ былъ на сѣверѣ увлеченъ междоусобицей, кабардинцы вторглись въ Тмутараканское княжество и раззорили его, жестоко отомстивъ за прошлый погромъ. И понынѣ существующія въ Кабардѣ пословицы отчасти подтверждаютъ это: „погибъ какъ тамтаракай", „участь тамтаракая". Княжество это было уничтожено и вотъ почему въ русскихъ лѣтописяхъ съ этой поры почти нѣтъ никакихъ упоминаній объ этой первой русской колоніи на Кавказѣ.

Лѣтописцы востока упоминаютъ еще о цѣломъ рядѣ браковъ, совершенныхъ нашими князьями съ ясынями и грузинками. Сама знаменитая царица Тамара, если вѣрить грузинскимъ сказаніямъ, была замужемъ за русскимъ княземъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, Юріемъ, котораго дядья выгнали изъ княжества *). Но Юрій черезъ пять лѣтъ былъ разведенъ, такъ какъ

*) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, Т. I, 525.

проявилъ „гнусную порочность", за которую грузинскій лѣтописецъ и проклинаетъ его.

Такимъ образомъ, несомнѣнно существуютъ историческія указанія о давнихъ сношеніяхъ славянъ и Руси съ Кавказомъ, но до XV вѣка они имѣли случайный характеръ, на сколько могутъ быть случайны столкновенія полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ воинственныхъ народовъ, раздѣленныхъ при этомъ громаднымъ степнымъ пространствомъ.

Съ первой половины XIII вѣка на пути роста Руси къ югу вдругъ стали монголы, наложившіе тяжелый гнетъ на весь востокъ Европы. Этотъ гнетъ, то усиливаясь, то ослабѣвая, не далъ однако заглохнуть нашимъ жизненнымъ силамъ, и въ первой половинѣ XIV столѣтія, искусной политикой Ивана Даниловича Калиты, Москва становится престольнымъ городомъ, вокругъ котораго начинаетъ объединяться Московское государство. Пошатнувшаяся при Дмитріи Донскомъ власть татарства окончательно уничтожается при Иванѣ III, а при внукѣ его Иванѣ IV берется Казань (1552) и черезъ три года падаетъ Астрахань. Такимъ образомъ, юго-восточная граница Московскаго государства, совпадавшая приблизительно съ южной границей теперешнихъ центральныхъ губерній, сразу раздвинулась до Каспійскаго моря, и мы пришли въ соприкосновеніе съ цѣлымъ міромъ народовъ, населявшихъ Кавказъ. Эти народы, тѣснимые раньше астраханскими татарами, а съ паденіемъ послѣднихъ—крымскими, въ новыхъ побѣдоносныхъ пришельцахъ съ сѣвера увидѣли своихъ избавителей и прибѣгли тогда къ защитѣ Московскаго государства. Московскій князь не могъ не откликнуться на эти призывы, льстившіе ему и обѣщавшіе громадное приращеніе предѣловъ, тѣмъ болѣе, что у предгорій Кавказа на Терекѣ уже сидѣли наши піонеры—казаки, выходцы рязанской вольницы.

Еще при Иванѣ III рязанскій удѣлъ отошелъ окончательно къ Москвѣ. Въ своемъ наказѣ Якову Телешову великій князь

велѣлъ сказать княгинѣ Аграфенѣ, бабкѣ малолѣтняго рязанскаго князя Ивана:

„Твоимъ людямъ служилымъ быти всѣмъ на моей службѣ, а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовьимъ да женскимъ дѣломъ не отпираясь, а по уму бабьему не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити *).

Но вольнолюбивые казаки, населявшіе Червленный Яръ, украйну рязанской земли, меньше всего были склонны подчиниться московскому самовластному режиму. При первыхъ слухахъ о переходѣ на службу Москвѣ они рѣшили уйти; къ тому же притеречный князь Агры-ханъ, кочевавшій иногда до рязанской украйны, приглашалъ ихъ на новыя привольныя мѣста. Преданіе говоритъ, что на масленой (между 1520—1530 гг.) собрался червленный войсковой кругъ и принялъ рѣшеніе, по которому осѣдлая часть казачества осталась и подчинилась Москвѣ, а все молодое, безсемейное, склонное къ „молодечеству“, собралось искать военнаго счастья въ далекихъ мѣстахъ. Въ продолженіи всего поста казаки работали и на страстной недѣлѣ около тысячи струговъ спустились по Хопру на Донъ и далѣе, тѣмъ же историческимъ путемъ, какимъ нѣкогда русскіе ходили на Хвалынь, переволоклись по Камышенкѣ на Волгу и затѣмъ въ Каспійское море. У устьевъ „Терека—Горынь рѣки“ ихъ встрѣтилъ Агры-ханъ (по имени котораго названъ заливъ Аграханскій), но казаки не воспользовались его гостепріимствомъ, а прошли вверхъ и наконецъ осѣли у сліянія Терека съ Сунжей, дойдя до земель кабардинскихъ. Тутъ казаки выбрали мѣста и начали постройку своихъ укрѣпленныхъ становъ или городковъ, въ воспоминаніе родины названныхъ Червленнымъ, Кордюковскимъ, Шадринскимъ, Гладковскимъ и др. Городки эти впослѣдствіи передали названія станицамъ, существующимъ и понынѣ. Сами себя казаки назвали Гребенскими, по характеру вновь за-

*) И. Попко, Терскіе казаки. I. 10.

нятой мѣстности. Съ собою они привезли шелковые стяги—знамена съ новгородскими гербами: двумя медвѣдями и тремя свѣчами на церковномъ престолѣ. Два изъ подобныхъ знамени, уже сильно обветшалыхъ, донынѣ какъ святыня хранятся въ Кизляро-Гребенскомъ полку *).

Новоселы скоро сжились съ сосѣдями, у которыхъ даже брали женъ, по вольно-казачьему обычаю „невѣнчальныхъ“.

Извѣстія о паденіи Казани и взятіи Астрахани, послѣдняго татарскаго оплота на Волгѣ, громкою вѣстью разнеслись до предѣловъ Кавказа. Кабардинскіе князья первые рѣшили просить защиты отъ крымцевъ у Московскаго, теперь уже не князя, а царя, и въ 1555 году они били государю Ивану Васильевичу челомъ всею землею и всѣмъ животомъ своимъ. Гребенцы, сильно тосковавшіе по родинѣ, тоже послали выборныхъ въ Москву бить челомъ царю-надёжѣ, повиниться въ ослушаніи и отдаться на государеву службу.

Иванъ Грозный принялъ кабардинцевъ въ подданство, многихъ изъ нихъ пожаловалъ подарками, а гребенцовъ милостиво простилъ, подарилъ ихъ вольною рѣкою Терекомъ и приказалъ беречь свою новую кабардинскую вотчину. Въ старинной гребенской пѣснѣ такъ поется объ этомъ:

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочутъ,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клокочутъ,
То гребенскіе казаки передъ царемъ гуторятъ,
Передъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.
Они самому царю-надёжѣ говорятъ:
— Ой ты батюшка, нашъ православный царь,
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
— Подарю я васъ, казаченки, да пожалую
Рѣкою вольною, Терекомъ Горынычемъ,
Что отъ самаго гребня до синя моря,
До синя моря до Каспицкаго **).

*) И. Попко, Терскіе казаки, I. 15.
**) Тамъ-же стр. 26.

По поводу этого посольства гребенцовъ, И. Попко весьма справедливо замѣчаетъ, что въ этихъ присылкахъ казаковъ къ царю „выражалось стремленіе зарубежныхъ русскихъ борцовъ сохранить единеніе съ родиной, связь съ государствомъ, зависимость отъ главы государства“. Дѣйствительно, что могло заставить вольнаго казака Ермака бить челомъ царю Сибирью или гребенцовъ Терекомъ, какъ не великій русскій государственный принципъ: „Православному Богу и Царю-батюшкѣ—Богу небесному и богу земному“.

Вернулись гребенцы на Терекъ тѣми же вольными казаками, но сознавая, что они теперь не отщепенцы, не отрѣзанные ломти, а слуги царскіе.

Между тѣмъ крымскіе татары, по смерти нашего вѣрнаго союзника Менгли-Гирея, начали вновь безпокоить югъ Россіи и участили свои налеты на Кабарду, какъ только узнали, что она отдалась подъ власть царя. Иванъ Васильевичъ, женившійся въ это время (1561) на красавицѣ кабардинской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ, по просьбѣ тестя послалъ на Терекъ воеводу князя Андрея Бабичева и Петра Протасьева съ большимъ войскомъ. Здѣсь при впаденіи Сунжи была заложена крѣпость (1567), названная Терскою, и гарнизонъ въ ней держался частью царскими ратными людьми, частью казаками. Свою задачу крѣпость эта выполнила настолько хорошо, что вскорѣ персидскій шахъ и турецкій султанъ просили срыть ее, такъ какъ она окончательно прервала торговый путь изъ Крыма къ Каспію и далѣе въ Персію. Требованія снести Терскую крѣпость, эту базу сторожевой и охранной службы гребенцовъ, шли попутно съ требованіемъ возврата султану Казани и Астрахани. Въ 1569 году крымцы даже совершили Дономъ и Волгою свой бѣдственный походъ, но Астрахани не вернули и торговыхъ сообщеній не возстановили. Однако, въ видѣ уступки подъ вліяніемъ угрозъ, Иванъ IV увѣдомилъ султана, что данъ указъ о срытіи Терской крѣпости, а царскому войску приказано отойти въ Астрахань (1571). Но

это была лишь дипломатическая отписка, потому что крѣпость не была снесена, изъ нея ушли одни стрѣльцы, но за то ихъ замѣнили, какъ говорилось въ подобныхъ же отпискахъ, какіе-то воры, бѣглые волжскіе казаки, безъ государева вѣдома; „никого де они не слушаютъ и хотя бы ихъ и побили, намъ стоять за нихъ не за что“ *).

Такъ принужденъ былъ говорить оффиціально Московскій царь подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, послѣ страшнаго погрома Москвы въ 1571 году. Но это отреченіе было фиктивное и вовсе не опасное для казаковъ.

Вслѣдствіе новыхъ просьбъ кабардинскихъ, по царскому указу, воевода Новосильцевъ въ 1578 г. пришелъ „въ Черкасы со многими людьми и съ вогненнымъ боемъ“ и „на рѣкѣ на Терекѣ, на устьѣ Сунчи рѣки городъ поставилъ“ т. е. возобновилъ Терскую крѣпость, въ которой однако воеводъ и ратныхъ людей не было оставлено, а по прежнему въ ней сидѣли казаки, тѣ самые, за которыхъ „намъ стоять не за что“, но гребенцы считались по прежнему царевыми, слушались всякаго приказа и исправно несли конвойную, этапную и сторожевую службу.

Въ 1579 году число казаковъ на Терекѣ значительно увеличилось частью той самой волжской вольницы, которая, избѣгая царскаго гнѣва, рѣшила уйти съ Волги. Одни съ Ермакомъ ушли тогда искать браннаго счастья въ Сибирь, другіе на Яикъ, а третьи къ Тереку и здѣсь у устья одного изъ его рукавовъ осѣли и построили свой городокъ о трехъ укрѣпленныхъ фасахъ, названный Трехстѣннымъ.

Къ этому же времени относятся событія, установившія нашу связь съ Закавказіемъ. Слухи о возрастаніи могущества московскаго царя проникли и въ злосчастную землю иверскую, т. е. Грузію, терзаемую то шахомъ кизылбашскимъ, то султаномъ турскимъ, то губительными междоусобицами. Грузинскій царь Александръ, подобно кабардинцамъ, рѣшилъ просить помощи и даже

*) С. Соловьевъ, Т. I. 620.

отдаться въ подданство, чтобы этимъ себя сдѣлать неприкосновеннымъ. Грузинское посольство пришло въ Москву (1584) и, принятое торжественно, било челомъ царю Ѳедору. Александръ писалъ:

„самъ своею головою и со всею своею землею под кров царствия ти и под вашу царскую руку рад поддаетца, понеже государь нашъ и земля наша хрестьянская, а от невѣрных турок в велицеи бедѣ и в утесненіе, і в томъ твоя царская воля, как государя нашего и его землю пожалуеш, от таких и невѣрных богомерских агарян оборонити“ *).

Это былъ первый призывъ Грузіи о помощи **).

Ѳедоръ Ивановичъ рѣшилъ взять подъ свою царскую руку землю иверскую и для защиты отъ крымскихъ набѣговъ поставить на Терекѣ крѣпость. Въ слѣдующемъ году грузинскій царь Александръ со всѣмъ родомъ и высшими князьями присягнулъ на подданство и обязался даже присылать ежегодно поминки: „50 камокъ кизылбашскихъ и 10 ковровъ“. Вслѣдствіе обѣщанія выстроить русскую крѣпость на Терекѣ, въ 1588 году были посланы съ ратными людьми воевода Михаилъ Бурцевъ и келарь Протасьевъ, которые и поставили въ устьѣ Терека городъ, названный Терскимъ, а старые Терки въ устьяхъ Сунжи стали именоваться съ тѣхъ поръ „Сунши, Суншиновымъ городищемъ“. Первымъ воеводою въ новомъ городѣ назначенъ былъ кн. Андрей Старкъ Ивановичъ Хворостининъ, въ распоряженіи котораго было 3 стрѣлецкихъ полка. Къ новому городу примкнули казаки Трехстѣннаго городка и сюда же перекочевали большая часть гребенцовъ и даже часть яицкихъ. Они-то всѣ и образовали Терское казачье войско.

Въ своемъ посланіи Александру царь Ѳедоръ Ивановичъ обѣщалъ завоеваніе шамхала тарковскаго, чтобы посадить на

---

*) С. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. В. I, стр. 12.

**) Но второе по порядку посольство царей грузинскихъ. Первое, кахетинскаго царя Александра (1491) имѣло, по мнѣнію С. Бѣлокурова (Вып. I, стр. XXVII), просто характеръ дипломатическій съ цѣлью завязать торговыя сношенія.

его мѣсто зятя грузинскаго царя. Въ свою очередь Александръ обязался помочь въ этомъ походѣ своимъ войскомъ. Но походъ этотъ состоялся лишь въ 1594 году. Князю Хворостинину, передавшему терское воеводство князю Засѣкину, велѣно было въ этотъ годъ собрать въ Астрахани тысячу волжскихъ, пятьсотъ яицкихъ казаковъ, удовлетворить ихъ продовольствіемъ, „а если станутъ приставать, то и денегъ по полтинѣ на брата“, затѣмъ ѣхать въ Терскій городъ, захватить ратныхъ людей и пойти на тарковскаго шамхала *). Князь Хворостининъ выполнилъ приказаніе. Къ концу весны его отрядъ, увеличенный еще тысячью доброхотными гребенцами, всего тысячъ пять войска, стоялъ возлѣ Терковъ и ожидалъ прибытія грузинской рати. Недождавшись ея, князь Хворостининъ двинулся на Тарки, но на переправѣ черезъ Койсу, нынѣшній Сулакъ, его встрѣтилъ шамхалъ Анди-ханъ съ тарковцами, кумыками и др. Произошла битва и Анди-ханъ бѣжалъ, открывъ дорогу къ своей почти неукрѣпленной столицѣ. Русскія войска легко взяли городъ и начали усиливать его палисадами и башнями оборонительными. Здѣсь воевода думалъ дождаться помощи изъ Грузіи, но она не приходила. Анди-ханъ между тѣмъ окружилъ Тарки и пресѣкъ ей всякое сообщеніе съ гарнизономъ русскихъ крѣпостей на Терскѣ. Положеніе Хворостинина съ массою больныхъ, и вѣроятно съ малымъ количествомъ продовольствія, начинало становиться критическимъ. Онъ собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было пробиться. Благодаря ночной темнотѣ и безпечности крѣпко спавшаго непріятеля, отряду удалось пройти за линію обложенія, но вдругъ на разсвѣтѣ оказалось, что онъ забралъ черезчуръ вправо и уперся въ непроходимыя болота рѣчки Озень. Гребенцы нашли мальчика ногайца, который и вывелъ ихъ тропою на другой берегъ. Но было уже поздно. Непріятель замѣтилъ бѣгство, конница бросилась вслѣдъ и скоро настигла нашъ отрядъ. Началась рѣзня. „Отбивая насѣдавшую конницу, русскіе

*) И. Попко, Терское войско, I. 35.

ускоряли ходъ, бросали тяжелый нарядъ, повозки, бросали трудно больныхъ, раненыхъ. Тарковцы и аварцы накидывались на нихъ, какъ голодные волки, и ихъ отчаянные вопли производили замиранiе въ сердцахъ московскихъ ратниковъ. Въ полдень надвинулась вся сила бусурманская. Нападенiя вели муллы съ поднятыми надъ головами свитками и съ завыванiемъ огненныхъ стиховъ корана. Русскiе упорно отбивались, то останавливаясь и строясь „въ кольцо", то вновь двигаясь и устилая путь каждаго перехода тѣлами убитыхъ и раненыхъ, своихъ и непрiятельскихъ. Только на закатѣ солнца добрались до Койсу, гдѣ наступившая ночь и обоюдное истощенiе прекратили битву" *). Изъ всего отряда вернулось не болѣе тысячи, да гребенцовъ человѣкъ триста. Ошибкою Хворостинина было его выжиданiе помощи отъ царя Александра, тогда какъ пять тысячъ не истощенныхъ болѣзнями, свѣжихъ русскихъ войскъ, да еще съ огненнымъ боемъ, могли всегда въ открытомъ полѣ одержать побѣду надъ 10-ти-тысячнымъ сбродомъ Анди-хана. Къ сожалѣнiю ошибка эта вновь, по той же самой программѣ, была повторена нами еще разъ.

Царь Борисъ, избранный въ 1598 г. на престолъ, вѣрилъ въ нашу миссiю на Кавказѣ. Для торговыхъ цѣлей онъ хотѣлъ утвердиться на берегахъ Каспiйскаго моря, но слѣдовало сначала побѣдить фальшиваго шамхала, этого лицемѣра, то льстиво преданнаго намъ, то коварно измѣнявшаго своимъ клятвамъ.

Въ 1604 году съ волжскихъ городовъ были двинуты, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Плещеева, нѣсколько полковъ. Въ Астрахани, а затѣмъ въ Терскомъ городкѣ, къ отряду примкнули волжцы, гребенцы и терцы. Всего собралось до 10 ти т. На содержанiе войскъ не пожалѣли денегъ и изъ казны было отпущено 100 т. руб., сумма по тому времени огромная. Бутурлинъ былъ старый и опытный въ бояхъ воевода; дѣйствiя его вообще отличались обдуманностью и все въ началѣ сулило полный успѣхъ. Двигаясь на югъ, Бутурлинъ широкою сѣтью разъѣздовъ захва-

*) Тамъ-же, стр. 37.

тилъ всю прибрежную мѣстность и его отряды производили фуражировки. Для сохраненія своихъ сообщеній съ Терскимъ городомъ онъ построилъ на р. Акташѣ и Сулакѣ крѣпостцы. Анди-ханъ укрылся въ Таркахъ, хорошо укрѣпленныхъ десять лѣтъ тому назадъ самимъ княземъ Хворостининымъ.

Бутурлинъ рѣшилъ штурмовать. Передъ битвой онъ заставилъ всѣхъ до единаго цѣловать крестъ, потомъ напомнилъ войскамъ, что подъ Тарками легло болѣе трехъ тысячъ нашихъ братьевъ, измѣннически убитыхъ, а затѣмъ раздѣлилъ отрядъ на двѣ части: Плещееву ввѣрилъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, себѣ взялъ стрѣльцовъ. Послѣ упорнаго боя на стѣнахъ, русскіе овладѣли городомъ. Улицы были завалены трупами защитниковъ. Войска наши расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ и частью въ Таркахъ, которые Бутурлинъ усилилъ рвами и башнями.

Старый, дряхлый, почти слѣпой Анди-ханъ спасся бѣгствомъ къ аварскому хану. Душею борьбы съ нами, борьбы не на жизнь, а на смерть, со всею фанатическою ненавистью мусульманина къ невѣрнымъ, сталъ его сынъ Султанъ-Мутъ или Махмутъ, который по примѣру отца окружилъ съ суши наше расположеніе въ Таркахъ.

Русскія войска начали испытывать лишенія. Приходилось или совсѣмъ отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій или обезсилить себя отсылкою въ Астрахань части войскъ. Бутурлинъ съ Плещеевымъ предпочли послѣднее и отослали половину стрѣлецкихъ полковъ. Изнуренныя болѣзнями и лишеніями оставшіяся войска кое-какъ перезимовали, а весною 1605 года положеніе нашего отряда еще болѣе ухудшилось, такъ какъ Султанъ-Мутъ, на зовъ котораго сбѣжались всѣ горцы, стѣснилъ блокаду и отрѣзалъ даже отъ моря. Князь Долгорукій, воеводствовавшій въ Сулакскомъ городкѣ, очутился безъ запасовъ, поэтому онъ сжегъ свою деревянную крѣпостцу, пробился черезъ непріятеля и отошелъ въ Терки; тоже сдѣлалъ и гарнизонъ Акташскаго укрѣпленія. Такимъ образомъ Бутурлинъ потерялъ окон-

чательно свои сообщенія. Положеніе становилось критическимъ, и кромѣ того прошелъ слухъ, что тарковцы ждутъ помощи изъ Дербента отъ турокъ, да притомъ еще „съ тяжелымъ нарядомъ“, т. е. артиллеріей. Между тѣмъ Султанъ-Мутъ первый завелъ переговоры о сдачѣ; русскіе воеводы съ гнѣвомъ отказались. Тогда послѣдовалъ штурмъ, начавшійся для тарковцевъ удачей—одна изъ сильныхъ оборонительныхъ башень взлетѣла на воздухъ отъ мины, подложенной непріятелемъ, и погребла подъ своими развалинами болѣе сотни пищальниковъ. Пѣшіе тарковцы, поощренные удачнымъ взрывомъ, отчаянно полезли на приступъ, но были отбиты съ жестокими потерями. Шамхалъ-Мутъ снова прибѣгъ къ переговорамъ, но на этотъ разъ значительно ослабилъ свои требованія. Въ концѣ концовъ обстоятельства вынудили Бутурлина и Плещеева согласиться на слѣдующія условія. Русскія войска могли покинуть Тарки съ оружіемъ въ рукахъ, со всѣми пушками, больныхъ же и раненыхъ тарковцы принимали на свое попеченіе съ обязательствомъ по ихъ выздоровленіи отпустить на свободу. Какъ залогъ того, что все это будетъ вѣрно исполнено, Султанъ-Мутъ далъ своего сына аманатомъ и съ десятью своими начальниками „далъ шерть“, т. е. поклялся на коранѣ. Былъ день магометанскаго байрама, когда правовѣрные въ честь пророка не щадятъ пороха, а муллы своимъ высокимъ фальцетомъ поютъ священные стихи; вдобавокъ въ тотъ же день праздновалась свадьба шамхала съ дочерью аварскаго хана, въ честь чего Султанъ-Мутъ выдалъ въ войско сотни тулуковъ бузы, этого одуряющаго татарскаго пива. Подъ вліяніемъ радостнаго праздничнаго настроенія объявлено было муллами разрѣшеніе отъ всякихъ клятвъ невѣрнымъ гяурамъ, и шамхалъ, свободный отъ своего обязательства, приказалъ истребить русскихъ, когда они выйдутъ изъ Тарковъ. Очевидно всѣ переговоры, всѣ эти клятвы были совершены съ расчетомъ на ихъ непремѣнное нарушеніе. Русскіе съ пѣснями, бубнами, литаврами вышли изъ города въ назначен-

ный часъ. Благополучно отошли они на нѣкоторое разстояніе и стали переходить злополучную рѣчку Озень, памятную гребенцамъ еще съ 1594 года, но тутъ на нихъ изъ засады ринулись съ неистовыми криками конные непріятельскіе наѣздники. Дрались въ рукопашную; русскіе сбивались въ кучи, не сдавались на дѣлаемыя имъ предложенія и рѣзались отчаянно, пока не падалъ послѣдній человѣкъ. Бутурлинъ, при первомъ азіятскомъ крикѣ угадавъ измѣну, собственноручно разрубилъ голову шамхальскому аманату, но, оказалось, это былъ подложный татарчукъ. Затѣмъ, изъ первыхъ на глазахъ отца палъ сынъ Бутурлина, прекрасный, храбрый юноша; затѣмъ, убиты два сына Плещеева, а послѣ пали и оба старыхъ воеводы, жертвы своей довѣрчивости; убитъ воевода Голевъ и всѣ прочіе; князь Владиміръ Бахтѣяровъ, сильно раненый, съ нѣсколькими другими взятъ въ плѣнъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ отпущенъ былъ на свободу. Почти все московское войско и казаки полегли здѣсь, съ ними же и тѣ больные и раненые, которые были оставлены въ Таркахъ. Всего погибло до 7-ми тысячъ. Остались цѣлы лишь тѣ очень немногіе верховые, которые, по выходѣ изъ города, еще до катастрофы отпросились у воеводы и ускакали впередъ. Столько же, если не больше, полегло и непріятеля, самъ Султанъ-Мутъ и храбрѣйшіе изъ его начальниковъ были убиты *). Дорого и имъ далась эта побѣда.

Такимъ образомъ и бутурлинскій походъ окончился трагически, подобно хворостининскому.

Очевидно, говоритъ историкъ Соловьевъ, было еще рано и не по силамъ Московскому государству, молодому, не окрѣпшему, бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными турками и персіянами.

Уцѣлѣвшіе остатки стрѣлецкихъ полковъ были отозваны въ

*) И. Попко, Терское войско I. 38—44 и прил. 51. Карамзинъ въ передачѣ бутурлинскаго похода говоритъ, что въ бою участвовали турки. И. Попко, излагая по преданіямъ, сохранившимся въ родѣ князей костековскихъ и аксаевскихъ, отрицаетъ это.

Астрахань. На нашемъ далекомъ рубежѣ оставались только гребенцы и терцы. Сто слишкомъ лѣтъ понадобилось Россіи, чтобы оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ей смутнымъ временемъ. Занятая внутреннимъ своимъ устройствомъ, она не могла обращать вниманія на далекія окраины и казаки поэтому были предоставлены себѣ. Въ теченіи цѣлаго вѣка имъ пришлось самостоятельно биться за свою независимость, и когда, при Петрѣ, мы снова вернулись къ берегамъ Каспійскаго моря, то встрѣтили въ нихъ хотя своеобразно, но отлично организованное войско, знавшее мѣстные языки и дороги, и опытное въ горной и лѣсной войнѣ.

Императоръ ПЕТРЪ I.

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ.

II.

Значеніе Каспійскаго моря. Персидскій походъ Петра Великаго. Крѣпость св. Креста. Покореніе каспійскаго побережья. Матюшкинъ. Левашевъ.

Персидскими походами Петра Великаго открывается эра „Восточнаго вопроса“, который въ ту пору былъ намѣченъ лишь однимъ штрихомъ, но впослѣдствіи разросся необычайно, какъ все задуманное этимъ государственнымъ геніемъ.

Петръ понималъ, что, пробившись на сѣверо-западъ къ Балтійскому морю, сдѣланъ только одинъ шагъ; что съ утвержденіемъ нашимъ на противоположномъ концѣ, на юго-востокѣ, черезъ Россію, по бассейнамъ Балтійскаго и Каспійскаго морей, соединенныхъ каналами, пройдетъ кратчайшій водный путь, по которому можетъ устремиться вся торговля Европы съ Азіей, и что, наконецъ, Россіи предстоитъ широкая задача разбудить дремлющій Востокъ и стать посредницей между нимъ и культурнымъ Западомъ.

Въ этомъ и заключается „завѣщаніе“, переданное Петромъ Великимъ своимъ преемникамъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, одни совсѣмъ не понимали задачи, другіе отвлекались иными важными вопросами, и когда, по завѣту Петра, этотъ вопросъ былъ выдвинутъ на должную высоту, на нашемъ пути уже стояли сильные противники.

Впервые мысль о движеніи къ Каспійскому морю возникаетъ у Петра Великаго на берегахъ Прута. Въ своемъ указѣ „Господину Сенату“ отъ 15-го іюля 1711 года онъ, описавъ съ

болью въ сердцѣ прутскую неудачу, заканчиваетъ подбодряющей надеждой:

„Сіе дѣло есть хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ (должны), гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое утѣшеніе, которая несравненною прибилью намъ есть“ *).

Такъ какъ мы владѣли уже выходомъ въ балтійскія воды, то, очевидно, здѣсь намекается на Каспійское море, куда съ той поры и устремляются взоры Петра. Однако самый походъ совершенъ былъ лишь черезъ 11 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Государя отвлекали возникшіе раньше и требовавшіе немедленнаго разрѣшенія вопросы, и кромѣ того, нужно было подготовить почву для будущихъ дѣйствій, собрать болѣе точныя свѣдѣнія о прикаспійскихъ странахъ.

Прикаспійскому походу предшествовало одно наше движеніе на Кавказъ, если и не имѣвшее завоевательныхъ цѣлей, то по крайней мѣрѣ значительно поднявшее значеніе русскаго имени среди тамошнихъ народовъ.

Собираясь въ Турцію, Петръ Великій приказалъ Апраксину двинуться на Кубань „на магометанскія татарскія жилища для воинскаго промысла и съ Божью милостью Кубань Его Царскому Величеству покорить и раззорить“. Къ серединѣ іюня 1711 года около Царицына собралось $3^1/_2$ пѣхотныхъ полка, $2^1/_2$ драгунскихъ, 4 тыс. яицкихъ казаковъ и $20^1/_2$ тысячъ калмыковъ нашего союзника хана Аюка, всего около 30-ти тысячъ. Въ концѣ іюня отрядъ выступилъ на югъ, къ Азову, и черезъ 2 мѣсяца подошелъ къ р. Кубани, которая, по описанію, была „рѣка великая и многомутная, берега неприступные, оба крутые и топкіе, и съ теченіемъ зѣло быстрымъ“. Не доходя ста верстъ, Апраксинъ выслалъ впередъ князя Львова съ 3500 драгунъ, и хана Дундука съ 14-ю тыс. калмыковъ, которые должны были спѣшно идти на городъ Копылъ, раззорить его и

*) Т. Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 15.

также всѣ селенія вплоть до моря. Главныя же силы продолжали движеніе и 29-го августа имѣли дѣло на самой Кубани. Застигнутые врасплохъ кубанцы понесли страшное пораженіе, много ихъ погибло въ бою, много потонуло въ рѣкѣ во время бѣгства. Подождавъ возвращенія передового отряда съ его удачнаго набѣга, Апраксинъ двинулся на 86 верстъ вверхъ по Кубани, сокрушая и раззоряя все на своемъ пути. Здѣсь онъ узналъ, что кубанскій мурза Чаръ-Асланъ возвращается съ великою добычею изъ похода на саратовскій и пензенскій уѣзды и находится недалеко. Апраксинъ повернулъ тотчасъ же на перерѣзъ и, остановившись на р. Чалѣ, выслалъ всѣхъ калмыковъ впередъ. Имъ удалось окружить Чаръ-Аслана и истребить почти всю его орду—„остался 1 мурза и 2 черныхъ татарина". Знатная добыча досталась въ руки побѣдителей, но главное, отбито до 2 т. русскихъ плѣнныхъ, уже и не чаявшихъ когда либо увидѣть родину. Только послѣ ухода русскихъ кубанцы опомнились. Народынъ (вѣроятно Нурединъ) султанъ успѣлъ собрать тысячъ семь своихъ черкесъ и извѣстныхъ некрасовцевъ и бросился за русскимъ отрядомъ, расположеннымъ на Чалѣ. Не доходя 2-хъ вер., султанъ остановился. Апраксинъ не дожидался нападенія, а 6-го сентября, вѣроятно на разсвѣтѣ, обрушился на безпечно спавшихъ кубанцевъ. Они снова были разбиты наголову и только часть спаслась, бросивъ „султанскіе клейноды и другіе знаки и щиты многіе и лошадей и ружья многое число"; самъ Нурединъ спасся, вскочивъ съ постели. Эта побѣда блестяще довершила походъ Апраксина. Всего же за этотъ походъ побито кубанцевъ и утонуло—20,757 человѣкъ, въ полонъ взято мужска, женска пола и невозрастныхъ—22,490 челов., отбито: верблюдовъ—2000, лошадей—39,200, крупной скотины—190,000, овецъ—227,000.

Если эти цифры не преувеличены, то Апраксинъ дѣйствительно выполнилъ царевъ указъ: „покорить и раззорить", а главнымъ образомъ, этимъ походомъ достигалось отвлеченіе кубан-

скихъ народовъ отъ помощи крымцамъ, которые настолько были озабочены дѣйствіями Апраксина, что не участвовали въ войнѣ 1711 года.

Въ октябрѣ войска тѣмъ же путемъ вернулись на Волгу *).

До этого похода или, вѣроятнѣе всего, позже Апраксинъ былъ на Терекѣ съ цѣлью привесть въ извѣстность силы терскихъ и гребенскихъ казаковъ. Его настоянію приписываютъ переселеніе гребенцовъ съ сунженскихъ гребней на лѣвый берегъ Терека, куда они перенесли свои городки съ ихъ же названіями. Образовавшіяся изъ нихъ станицы—Червленная, 2 Гладковскихъ, Шадринская, Кордюковская—существуютъ и понынѣ.

Городки эти, составляя непрерывную цѣпь укрѣпленныхъ пунктовъ по теченію Терека, представляли этапъ для движеній отъ моря въ Кабарду и впослѣдствіи послужили основаніемъ Терской кордонной линіи.

Въ это же время въ прикаспійскихъ областяхъ произошли событія, вызвавшія сначала долгіе дипломатическіе переговоры, а затѣмъ послужившіе предлогомъ къ нашему движенію въ эти области.

Въ 1710 году Россія заключила частный договоръ съ персидскими армянами о доставленіи шелка, ковровъ, серебра, золота и пр. Торговля быстро разраслась и уже черезъ два года въ Шемахѣ, одномъ изъ важныхъ торговыхъ центровъ, образовались склады русскихъ купцовъ на 4 слишкомъ мил. рублей. Персія въ то время находилась въ состояніи полной анархіи. Многія вассальныя ханства отложились; усилившіеся афганцы гро-

*) Кубанскій походъ 1711 г. статья Бранденбурга. Воен. Сбор. Т. LIV, отд. II.

Для иллюстраціи описываемой патріархальной эпохи не лишне добавить, что Апраксинъ, уходя въ походъ, печаловался, кому оставить управленіе губерніей и надумалъ оставить своего 4-хъ-мѣсячнаго сына, котораго вынесла мамка для прочтенія приказа. „А какъ онъ въ Казань возвратился, говорится въ рукописи, тогда того своего сына, Алексѣя, приказалъ мамкѣ вынести подъ одѣяломъ въ палатку, гдѣ множество людей было, и благодарилъ его за мудрые его поступки, а онъ сталъ плакать, и ближній бояринъ ко всѣмъ людямъ тако молвилъ. „вотъ-ста, смотрите, какое у меня умное дитя—обрадовался мнѣ и плакать сталъ“. И люди отвѣтствовали: „весь, государь, въ тебя“. На то онъ людямъ сказалъ: „Да не въ кого же де-ста быть, что не въ насъ, Апраксиныхъ“.

зили войной шаху Гуссейну, разбойничьи шайки громили города; одинъ изъ дагестанскихъ князей Сурхай объявилъ себя независимымъ и, соединившись съ авантюристомъ „подлаго рода изъ Мушкура“, Аджи-Даудомъ, опустошалъ одну область за другою и наконецъ ограбилъ Шемаху, гдѣ 300 русскихъ купцовъ были перебиты и ихъ склады расхищены. Шахъ Гуссейнъ, боясь, ко всѣмъ своимъ бѣдамъ, вмѣшательства России, отправилъ впервые своего посла въ Петербургъ, чтобы дарами задобрить русскаго царя и установить оффиціально торговый договоръ. Неизвѣстность политическаго положенія Персіи и вообще отсутствіе свѣдѣній объ этой странѣ вынудили Петра, въ свою очередь, командировать туда умнаго и энергичнаго Артемія Волынскаго съ нѣсколькими молодыми учеными, получившими приказаніе сколь возможно разведать о народахъ, военной силѣ, крѣпостяхъ и границахъ Персіи. Это посольство въ 1715 году выѣхало изъ Астрахани къ Дербенту и отсюда сухимъ путемъ медленно направилось къ югу на Шемаху, Тавризъ, въ Испагань, производя развѣдки. Оно вернулось лишь черезъ 2 года. За свое долгое пребываніе въ Персіи, Волынскій сдѣлалъ много наблюденій и, представляя царю отчетъ, высказалъ мысль, отвѣчавшую желаніямъ Петра:—„богатыя персидскія области, лежащія подлѣ Каспійскаго моря, коими непремѣнно могутъ овладѣть афганцы, для безопасности границъ россійскихъ, принять подъ свое защищеніе, занять и населить оныя войсками россійскими“. Отвѣтомъ на докладъ Волынскаго, служило назначеніе его астраханскимъ губернаторомъ, съ приказаніемъ тайно дѣлать приготовленія къ войнѣ и завязать возможно близкія сношенія съ мѣстными владѣтелями и Грузіей.

Въ періодъ пребыванія нашего посольства въ Персіи, Александромъ Бековичемъ-Черкасскимъ произведены изслѣдованія восточныхъ береговъ Каспійскаго моря *) и поручикомъ Кожи-

*) Рекогносцировка береговъ Каспійскаго моря и заложеніе тамъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ предшествовали походу кн. Черкасскаго въ Хиву, гдѣ онъ погибъ со всѣмъ

нымъ западныхъ. Свѣдѣнія эти пополнены были въ 1719 г. промѣрами и описаніями лейтенантовъ Вредена, Соймонова и князя Урусова, а со стороны суши, отъ Терковъ къ югу на Дербентъ и Баку, рекогносцировку производило новое посольство въ Персію гвардіи-капитана Баскакова съ „оріентальныхъ дѣлъ секретаремъ" Семеномъ Аврамовымъ, назначеннымъ постояннымъ консуломъ въ Раще (Рештъ), главный городъ гилянской провинціи.

Положеніе Персіи къ этому времени ухудшилось еще болѣе. Афганскій ханъ Миръ-Магмутъ объявилъ войну шаху Гуссейну и осадилъ Испагань. Сынъ шаха Тахмасъ, „слабый разумомъ", ѣздилъ по провинціямъ и тщетно собиралъ войска для выручки отца. Даудъ снова появился на сцену. Награбивъ громадное состояніе, онъ основался въ Шемахѣ и объявилъ себя ханомъ, а затѣмъ, узнавъ о приготовленіяхъ русскихъ къ походу, очень хитро и политично отдался подъ протекторатъ Турціи, которая не только утвердила его въ ханствѣ, но и обѣщала выслать войска для занятія сосѣднихъ областей.

Это настолько усложняло дѣло, что Петръ Великій, готовившійся къ персидскому походу лишь къ 1723 году, принужденъ былъ начать его раньше. Онъ окончилъ удерживавшую его на сѣверѣ вторую войну со Швеціею заключеніемъ мира въ Нейштадтѣ и сталъ дѣятельно готовиться къ новой кампаніи. Петръ приказалъ объявить Персіи, что походъ предпринимается лишь для наказанія разбойниковъ и вообще для охраненія торговыхъ интересовъ Россіи. Отвѣта не было получено, да его и не требовалось. Опаснѣе была Турція, всегда смотрѣвшая съ вожделѣніемъ на прикаспійскія земли. Ей была сообщена цѣль похода, и Порта не могла отрицать нашего права вступиться за наши интересы. Съ нею въ это время былъ заключенъ „вѣчный миръ", однако столь не прочный, что Петръ приказалъ украинскимъ и

своимъ отрядомъ такъ трагически. Въ инструкціи государя Бековичу была указана цѣль похода—завязать сношенія съ бухарцами и хивинцами, разрушить плотины, отводившія воды Оксу (Аму-Дарьи), направить ея теченіе снова въ Каспійское море, и, наконецъ, изслѣдовать пути въ Индію, проникнуть туда и установить связь съ индійскимъ моголомъ.

донскимъ атаманамъ установить усиленную охранную линію и особую быструю сигнализацію по южной нашей границѣ, а затѣмъ учредилъ въ кіевской и азовской губерніяхъ ландъ-милицію изъ однодворцевъ, старыхъ служилыхъ и охотниковъ.

Окончивъ на сѣверѣ, Петръ Великій переноситъ свою кипучую дѣятельность на Волгу.

Въ исходѣ 1721 г. началась въ поволжскихъ городахъ постройка судовъ. Весною 1722 г. половина гвардіи и 2 пѣхотныхъ полка посажены были въ Москвѣ на суда и отправлены въ Астрахань, гдѣ уже находились 3 пѣхотныхъ и 3 гарнизонныхъ полка. Три драгунскихъ направлены пѣшимъ порядкомъ къ Царицыну; отсюда они съ донскими казаками, артиллерійскими и пѣхотными лошадьми, должны были пересѣчь калмыцкія степи прямо на Терки. Вслѣдъ же за ними шли $3^1/_2$ тысячи калмыковъ хана Аюка, съ которымъ государь видѣлся въ Саратовѣ.

Всего для дѣйствія въ Персіи предназначалось: пѣхоты 25 тыс., конницы 9 т., казаковъ 10 т., матросовъ на судахъ 5 т., калмыковъ $3^1/_2$ т.; всего 52,500 *).

За это время астраханскій губернаторъ Артемій Волынскій проявилъ чрезвычайную энергію. Онъ собиралъ подробнѣйшія свѣдѣнія о Персіи, заготовлялъ провіантъ, строилъ суда, пристани, казармы въ Астрахани, ѣздилъ наконецъ не разъ на Терекъ, гдѣ склонилъ терскихъ и гребенскихъ казаковъ приписаться на царскую службу и обязалъ ихъ участвовать въ предстоящемъ походѣ **). Затѣмъ онъ склонилъ на нашу сторону кабардинцевъ, брагунцевъ, аксайцевъ, тарковцевъ, каракайтахцевъ, и только отемишскій и эндерійскій владѣтели упорствовали въ своей вѣрности Персіи. Затѣмъ карталинскій царь Вахтангъ,

*) Цифры по Буткову (I. 14). Бантышъ-Каменскій считаетъ 45 т., а по указу данному бригадиру Левашеву о заготовленіи провіанта,—40 т.

**) Служба эта фактически неслась всегда. Гребенцы и терцы всегда отзывались на призывъ терскихъ воеводъ, даже подчинялись указамъ астраханскихъ. Они давали конвойныхъ всѣмъ нашимъ посламъ въ Грузію и Персію, участвовали наконецъ въ несчастномъ хивинскомъ походѣ князя Черкасскаго, гдѣ ихъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ 1720 году они были регистрованы и приписаны къ военной коллегіи.

возвратившійся къ православію въ знакъ своего желанія сбросить персидскія оковы, обязался присоединиться къ нашимъ дѣйствіямъ. Въ общемъ нужно признать, что каспійскій походъ, будучи геніально задуманъ, былъ прекрасно подготовленъ, и въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ нашихъ прежнихъ войнъ, носившихъ скорѣе характеръ военныхъ авантюръ.

15-го мая Петръ Великій съ государыней выѣхалъ изъ Москвы и ровно черезъ мѣсяцъ Окою и Волгою прибылъ въ Астрахань. Въ тотъ же день опубликованъ былъ манифестъ на турецкомъ, персидскомъ и татарскомъ языкахъ и разосланъ въ прикаспійскія земли. Въ манифестѣ говорилось:

Въ 1712 году владѣлецъ лезгинскій Даудъ-бегъ и владѣлецъ казыкумухскій Сурхай, взбунтовавшись противу шаха, государя своего, городъ Шамаху приступомъ взяли и русскихъ людей, тамъ торговавшихъ, порубили и имѣнія ихъ на четыре милліона рублей похитили, и по требованію сатисфакціи на сихъ бунтовщиковъ отъ шаха не дано, по недостатку силъ. Потому Мы сами, почитая россійское государство весьма обиженнымъ въ имѣніяхъ и чести, рѣшились наказать сихъ бунтовщиковъ, обѣимъ сторонамъ вредныхъ. Всѣхъ въ сихъ странахъ нынѣ пребывающихъ подданныхъ шаха обнадеживаемъ, что никому ни малѣйшаго вреда, ни въ лицѣ, ни въ собственности, учинено не будетъ, только, чтобы они спокойно въ жилищахъ своихъ пребывали, къ дерзостнымъ грабителямъ не присовокуплялись, и имъ, тайно и явно, деньгами и съѣстными припасами не помогали; а противники будутъ признаны за нашихъ враговъ и поступлено будетъ съ ними безъ милосердія. Всѣмъ подданнымъ Порты, въ сихъ провинціяхъ для торговъ и другихъ дѣлъ находящимся, какъ требуетъ заключенный между обѣими державами вѣчный миръ, дается обнадеживаніе, что они отъ россійскихъ войскъ ничего опасаться не имѣютъ, только бы пребывали въ тишинѣ и покоѣ *).

Такое же извѣщеніе послано Семену Аврамову для передачи шаху.

*) П. Бутковъ I. 17.

Государь осмотрѣлъ въ Астрахани всѣ заготовленія и 30-го іюля приказалъ грузить мѣсячный провіантъ на 40 т. человѣкъ, артиллерію и обозъ. Часть драгунскихъ, всѣ обозныя лошади и яицкіе казаки отправлены сухимъ путемъ прямо на Терки, подобно тому, какъ другая часть кавалеріи, подъ начальствомъ бригадира Ветерани, слѣдовала изъ Царицына.

При выступленіи войскъ въ походъ былъ изданъ замѣчательный указъ о соблюденіи гигіены въ видахъ уменьшенія заболѣваемости нижнихъ чиновъ:

Большое остереженіе имѣть отъ фруктовъ, ради ихъ множества; также отъ соленаго, не только отъ рыбы, но и отъ мяса, а ветчину употреблять только для навару, а такъ не ѣсть; ибо и отъ жару довольно жажды будетъ; фрукты лучше не ѣсть вовсе; но понеже того учинить трудно, того ради, хотя и ѣсть, но мало; особливо же остерегаться отъ дынь, сливъ, шелковицы и винограду, отъ которыхъ тотчасъ кровавый поносъ и другія смертныя болѣзни припасть могутъ. Маркитантамъ запрещается фрукты, рыбу и соленое мясо продавать, подъ наказаніемъ и вѣчною работою на галеры. Смотрѣть, дабы никто отъ 9 часу по утру до 5 часовъ по полудни безъ шляпъ не ходилъ, и не сидѣлъ, гдѣ кровли нѣтъ; также, чтобы въ день не подъ кровлею не спали и на голой землѣ не спали же; но подстилали бы траву или камышъ, или иное что сыщется; толстотою не менѣе 5 дюймовъ, а что толще, то лучше. Не тораздо много воды пить; не въ самую полную сыть, а наипаче въ маршѣ. Сіе все чинить офицерамъ для образа, солдатъ держать въ семъ правилѣ; и кто сіе преступитъ, тотъ лишенъ будетъ чина своего или и вящше наказанъ будетъ, яко преступникъ указа *).

Самъ государь выполнялъ строго эти правила и даже остригся подъ гребенку, а изъ волосъ приказалъ сдѣлать парикъ, которымъ прикрывалъ голову. Парикъ этотъ и теперь покрываетъ восковую его статую въ петровской галлереѣ.

18-го іюля началась посадка войскъ на 274 разнообразныхъ

*) Тамъ же I. 141.

судна. Это были корабельные боты, шнавы, гукары, шуйты, тялки, яхты, эверсы, галіоты, ластовыя (грузовыя) суда и островскія (десантныя) лодки.

18-го іюля Петръ сѣлъ на корабль и послѣ пятидневнаго плаванія ступилъ 23-го іюля на кавказскій берегъ въ Теркахъ.

Одного взгляда было достаточно Петру, чтобы опредѣлить всю невыгодность этой крѣпости, затопляемый полою рѣчною водою и прибылою морскою *). Мѣстность совершенно не удовлетворяла требованіямъ десантнаго пункта и въ принципѣ государь рѣшилъ перенести крѣпость въ другое мѣсто.

29-го числа показалась наша многочисленная флотилія. Государь выѣхалъ ей навстрѣчу, и подалъ сигналъ свернуть къ югу вдоль Аграханской косы. Не доходя верстъ 25 до устьевъ Койсу, суда стали на якорь, противъ низменнаго поросшаго камышемъ берега.

На слѣдующій день, въ годовщину гангудской побѣды, государь чуть свѣтъ уже „былъ на ногахъ и торопилъ лейтенанта Соймонова готовить лодку, чтобы съѣхать на берегъ. Скоро шлюпка, на которой былъ поднятъ императорскій флагъ, быстро разрѣзая волны, понеслась къ берегамъ Дагестана. За мелководіемъ причалить къ самому берегу однако было невозможно, и шлюпка остановилась возлѣ песчаной низменной отмели, которая была совершенно закрыта густымъ и высокимъ камышемъ, окаймлявшимъ все прибрежное пространство. Тогда четыре гребца сошли въ воду и на доскѣ перенесли Петра на берегъ; лейтенантъ Соймоновъ шелъ по поясъ въ водѣ и поддерживалъ государя рукою. Императоръ первый вступилъ на берегъ и, замѣтивъ вблизи песчаные холмы, взошелъ на одинъ изъ нихъ и внимательнымъ взглядомъ окинулъ окрестность. Чудная картина представилась его взорамъ“ **).

*) Съ 1717 года уровень Каспійскаго моря значительно поднялся и такое увеличеніе продолжалось до 1747, когда былъ максимумъ. П. Бутковъ.

**) В. Потто. Кавказская война. Т. I, вып. 1.

Здѣсь выбрано мѣсто для десанта, который и былъ произведенъ въ тотъ же день. Лагерь немедленно обнесли рвомъ, а затѣмъ и болѣе сильными профилями съ батареями. Укрѣпленіе это получило названіе Аграханскаго ретраншамента, сохранившаго до сихъ поръ свои валы, разумѣется, въ разрушенномъ видѣ.

Въ день высадки привѣтствовать русскаго царя явились посланные отъ шамхала Адиль-гирея и почетныя депутаціи отъ другихъ владѣльцевъ, а затѣмъ и они сами начали являться со всѣми внѣшними знаками восточнаго почтенія. Петръ не вѣрилъ имъ и ихъ медоточивыя рѣчи считалъ фарисейскими, но тѣмъ не менѣе обласкалъ своихъ новыхъ подданныхъ, особенно Эль-Мурзу, князя черкасскаго, брата погибшаго въ Хивѣ Александра Бековича. Его государь даже принялъ на службу съ цѣлымъ отрядомъ.

Недоставало одной кавалеріи, чтобы продолжать дальнѣйшее движеніе. Ей пришлось въ маловодныхъ степяхъ терпѣть страшныя лишенія, много коней пало, всѣ они подбились и люди были истомлены до крайности. Обѣ кавалерійскія колонны соединились у Терковъ. Начальникъ всей конницы, генералъ-маіоръ Кропотовъ рѣшилъ здѣсь ей дать нѣсколько дней отдыха, но въ тотъ же день полученъ былъ приказъ выдѣлить бригадира Ветерани съ тремя драгунскими полками и 400-ми казаковъ для наказанія эндерійскаго владѣтеля, не изъявившаго покорности и, по слухамъ, даже намѣревавшагося дѣйствовать враждебно. Колонна Ветерани двигалась, повидимому, безъ всякихъ мѣръ предосторожности, потому что 23-го іюля, когда кавалерія, подходя къ Эндери, втянулась въ узкое горное дефиле, неожиданно ее атаковали эндерійцы, укрывшіеся по лѣснымъ склонамъ ущелья. Ветерани не съумѣлъ найтись: онъ остановилъ отрядъ, думая защищаться, но непріятель былъ невидимъ; войска наши попали подъ ружейныя пули и тучу стрѣлъ. Въ нѣсколько минутъ мы потеряли 80 человѣкъ и, вѣроятно, потери были

бы еще значительнѣе, еслибы не находчивость подполковника Наумова, который, не спросясь начальника отряда, вынесся съ нѣсколькими ротами драгунъ впередъ, проскакалъ къ аулу Эндери, взялъ его приступомъ и вырѣзалъ, раззорилъ и сжегъ все, что было можно. Эндерійцы бросились на защиту своихъ жилищъ и этимъ освободили драгунъ изъ ущелья.

Коварство эндерійцевъ было еще разъ наказано. За кавалерійскими нашими колоннами двигались калмыки Аюка въ числѣ до 4-хъ тысячъ. Съ Терека имъ приказано было вторгнуться во владѣніе эндерійскаго князя. Лучшаго дѣла имъ нельзя было поручить. Въ нѣсколько дней они превратили мѣстность въ пустыню, захвативъ при этомъ часть владѣній дружественнаго намъ аксайскаго султана. Добыча ихъ была громадна. Государь оставилъ при нихъ награбленное добро, даже выдалъ имъ въ видѣ жалованья 20 тыс. руб. и временно поселилъ ихъ на Терекѣ, противъ Кордюковскаго городка для наблюденія за эндерійцами.

2-го августа къ главнымъ силамъ подошла послѣдняя кавалерійская колонна, и съ нею 500 конныхъ гребенцовъ, 500 конныхъ и столько же пѣшихъ терцевъ. Давъ три дня отдыха кавалеріи, Петръ объявилъ походъ. Часть военнаго флота пошла къ Дербенту, а сухопутныя войска двинулись къ Сулаку, гдѣ спѣшно устраивались паромы. Въ Аграханскомъ ретраншаментѣ оставленъ подполковникъ Масловъ съ 2-мя тыс. человѣкъ.

11-го числа передовыя части стали подходить къ Таркамъ. Шамхалъ Адиль-гирей встрѣтилъ императора за пять верстъ и повергъ къ его стопамъ себя, весь свой родъ и все свое имущество. Обласканный государемъ, шамхалъ предложилъ 300 арobъ для перевозки провіанта, 250 головъ скота для довольствія войска и даже самъ проводилъ послѣднихъ къ лагерному мѣсту, а затѣмъ просилъ Петра осчастливить своимъ посѣщеніемъ его дворецъ. Государь далъ свое согласіе и дѣйствительно черезъ три дня, когда собралась подъ Тарками вся армія, посѣтилъ съ

государыней шамхала и удостоилъ даже обѣдать у него со всею свитою своей. Эта зала до сихъ поръ сохранилась, и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ еще цѣлъ желѣзный русскій ковшъ, которымъ Петръ пробовалъ родниковую воду въ дворцовомъ дворѣ.

16-го числа наша армія продолжала движеніе. Несмотря на обнародованный манифестъ и примѣръ участи эндерійцевъ, не всѣ мѣстные владѣльцы имѣли благоразуміе преклониться передъ грозною надвигающеюся силой. Отемишскій султанъ Магмудъ, по наущенію Даудъ-бека, не захотѣлъ пріѣхать привѣтствовать Петра, даже не выслалъ депутаціи. 17-го августа къ нему былъ посланъ есаулъ съ тремя казаками, но вмѣсто отвѣта, онъ приказалъ звѣрски замучить посланныхъ и тотчасъ же, какъ бы по сигналу, до 10-ти тыс. горцевъ спустилось съ горъ въ легкомысленной надеждѣ напасть на нашъ лагерь врасплохъ; но ихъ встрѣтили драгуны съ конными казаками. Нестройныя толпы были сбиты и жестоко преслѣдуемы, деревня Отемишъ и нѣсколько другихъ были сравнены съ землею, 600 человѣкъ заплатили жизнью за коварство, а 30 плѣнныхъ повѣшены вдоль дороги съ надписями, говорившими о причинѣ казни.

22-го числа русская армія была въ виду Дербента. Съ моря къ нему подошелъ невиданный еще никогда въ каспійскихъ водахъ военный флотъ. Древній городъ, запиравшій историческій проходъ, рѣшилъ не сопротивляться завоевателю, который широко покровительствовалъ торговлѣ и мирнымъ сношеніямъ. Управитель города наибъ и знатнѣйшіе изъ жителей вышли на р. Дарбахъ встрѣтить Петра и, павъ на колѣни, поднесли серебряный ключъ. „Городъ, говорилъ наибъ въ своемъ привѣтствіи, основанный великимъ Александромъ Македонскимъ, считаетъ справедливымъ сдаться другому Великому Монарху“ *). У воротъ стоялъ гарнизонъ въ ружьѣ и духовенство съ преклоненнымъ знаменемъ пророка. Гвардія первая вошла въ городъ и, занявъ индійскій и армянскій каравансараи, выставила кара-

*) В. Потто. Кавказская война. Т. I, вып. I, стр. 30.

улы. По улицамъ затѣмъ продефилировали остальныя войска и стали лагеремъ верстахъ въ восьми. Затѣмъ, подъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ со стѣнъ, торжественно въѣхалъ самъ государь съ блестящей свитой и эскортомъ драгунъ. Петръ остановился не въ лагерѣ, а въ ханскомъ дворцѣ и это не могло не считаться знакомъ большого довѣрія къ жителямъ, хотя было рискованно *).

24-го числа въ Баку былъ посланъ лейтенантъ Лунинъ съ манифестомъ, приглашавшимъ городъ сдаться. Но бакинцы, подстрекаемые агентами Даудъ-бека, не впустили Лунина въ городъ и отвѣтили, что русской помощи не желаютъ, а отъ разбойниковъ смогутъ оборониться сами.

Въ ожиданіи подвоза провіанта, государь пробылъ недѣлю въ Дербентѣ, продолжая жить въ ханскомъ дворцѣ. Въ нынѣшнемъ комендантскомъ домѣ долго сохранялось окно, пробитое саморучно Петромъ, съ видомъ на море и городъ. Однимъ изъ начальниковъ города, въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, это окно, нарушавшее, по мнѣнію эстетика, симметрію, было задѣлано. Тамъ же хранятся семь алебардъ и пушка съ надписью, указывающей, что она отлита въ 1715 году въ Воронежѣ. Въ приморской части Дербента, кромѣ того, до сей поры сохранилась землянка, обнесенная оградой съ надписью: „Мѣсто перваго отдохновенія Великаго Петра“ **).

Съ занятіемъ нами города онъ былъ значительно усиленъ. Перевезены сюда 20 мѣдныхъ орудій, двѣ мортиры, стѣны крѣпости усилены батареями, построены казармы на два полка и свезенъ достаточный провіантъ.

Около этого времени получено извѣстіе, что карталинскій царь Вахтангъ съ грузинскимъ войскомъ и значительнымъ армянскимъ ополченіемъ достигъ р. Алазани и, повергая себя на

*) Въ началѣ сентября открытъ былъ заговоръ на жизнь государя, составленный по наущенію крымскаго султана.

**) Ограда сооружена по приказанію Воронцова. Легенда о двухдневномъ пребываніи Петра въ землянкѣ не подтверждается исторически.

служеніе русскому царю, ждетъ его приказаній. Въ виду этого наша армія выступила далѣе къ югу и 30-го августа достигла р. Рубаса, гдѣ заложена была крѣпость—Рубасскій ретраншаментъ—на 600 человѣкъ гарнизона.

Это былъ предѣлъ, до котораго Петръ Великій лично довелъ свои войска. Отсюда онъ повернулъ назадъ въ то время, когда повидимому такъ благопріятно складывались обстоятельства. Ближайшими причинами перерыва кампаніи указываютъ на гибель вслѣдствіе бурь двухъ отрядовъ ластовыхъ судовъ—одного противъ Рубасскаго ретраншамента, другого—на Аграханской косѣ. Подвезеннаго же продовольствія оставалось лишь на мѣсяцъ, а средства края, разореннаго разбойничьими шайками, были бѣдны. Это вынуждало Петра уменьшить количество войскъ и перевезти весь излишекъ въ Астрахань. Однако, можно полагать, что были болѣе глубокія причины. Наша операціонная линія очень удлинилась, а въ тылу между тѣмъ было непокойно,—отемишцы, недостаточно проученные, выказывали враждебность, въ шамхальствѣ явились признаки недружелюбія. Чтобы закрѣпить за нами наши владѣнія, слѣдовало усилить существующія укрѣпленія и заложить новыя; кромѣ того въ Петербургѣ необходимо было личное присутствіе государя, гдѣ въ это время въ Сенатѣ возникли между Скорняковымъ и Шафировымъ недоразумѣнія, грозившія разстроить систему государственнаго управленія. 6-го сентября данъ указъ войскамъ идти обратно.

Сѣвернѣе Дербента, по пути слѣдованія, для связи было заложено нѣсколько укрѣпленій, и усилено Бойнакское, выстроенное въ концѣ августа генераломъ Кропотовымъ.

18-го числа войска подошли къ Сулаку и здѣсь въ томъ мѣстѣ, гдѣ отдѣлялся аграханскій рукавъ (ниже нынѣшней станціи ж. д. Кази-юртъ), заложено новое большое укрѣпленіе Св. Креста *) по проекту, составленному лично государемъ. Оно долж-

*) По преданію здѣсь былъ нѣкогда греческій городъ „Ставрополь", что въ переводѣ означаетъ—городъ креста. П. Бутковъ I, стр. 33.

но было замѣнить собою Терки. Стратегическое значенiе его было очень важно. Во первыхъ, мѣстность здѣсь была доступна, незатопляема, во вторыхъ, укрѣпленiе это господствовало на всемъ пространствѣ между Сулакомъ и Терекомъ, наблюдало надъ безпокойными эндерiйцами и сомнительными шамхальцами, наконецъ находилось ближе къ вновь занятымъ нами землямъ. Это была база для будущихъ нашихъ дѣйствiй. Старые Терки упразднены, все ихъ вооруженiе перевезено частью въ Дербентъ, частью въ новое укрѣпленiе, всѣ жители переведены сюда же. Чтобы не оставлять устья Терека безъ наблюденiя, было заложено новое небольшое укрѣпленiе на 6 верстъ выше бывшаго, и сохранившее тоже названiе.

Укрѣпленiе Св. Креста возводилось весьма быстро, потому что всѣ матерьялы были заготовлены заранѣе въ городахъ на Волгѣ и постепенно перевезены на мѣсто. Кромѣ того воздвигнута была обширная плотина, долженствовавшая преградить морской рукавъ Сулака и направить всѣ воды въ аграханскiй. Это его дѣлало судоходнымъ, а Аграханскiй заливъ удобной бухтой. Мѣстность вблизи крѣпости Св. Креста была заселена частью по царскому указу, частью добровольно. Здѣсь образовалось третье по счету войско въ бассейнѣ Терека, названное Аграханскимъ казачьимъ.

Въ концѣ сентября приказано было грузиться тремъ пѣхотнымъ полкамъ на суда, а кавалерiи двигаться прежнимъ порядкомъ на Астрахань. Затѣмъ Петръ назначилъ генералъ-маiора Матюшкина главнымъ начальникомъ вновь занятаго края, лично опредѣлилъ гарнизоны, комендантовъ въ крѣпостяхъ, далъ всѣмъ подробныя инструкцiи и 29-го сентября навсегда покинулъ Кавказъ. Черезъ пять дней онъ былъ уже въ Астрахани и давалъ Артемiю Волынскому обширныя указанiя по постройкѣ судовъ и вообще подготовкѣ къ походу будущаго года.

13-го октября 1722 г. государь отплылъ на сѣверъ, пробывъ, такимъ образомъ, на берегахъ Каспiйскаго моря ровно 5

мѣсяцевъ. Этимъ, собственно, завершается личное его участіе въ персидскомъ походѣ, потому что онъ не вернулся болѣе сюда, но за періодъ его царствованія искусными дѣйствіями Шипова, Левашова и Матюшкина намъ удалось овладѣть всѣмъ побережіемъ.

Передъ отъѣздомъ Петра изъ Астрахани получены были отъ нашего ращенскаго консула Аврамова свѣдѣнія объ успѣхахъ афганцевъ въ Персіи. Миръ-Магмутъ, овладѣвъ Испаганью, низвергъ шаха Гуссейна и засадилъ его въ тюрьму. Тахмасъ объявилъ себя шахомъ, но, не имѣя столицы, скитался по южнымъ провинціямъ, безъ успѣха собирая войска; афганцы грабили страну и въ томъ числѣ гилянскую провинцію. Губернаторъ Раще обратился тогда за помощью къ Аврамову.

Государь, получивъ эти свѣдѣнія, спѣшно собралъ 14 судовъ, посадилъ на нихъ два баталіона, подъ начальствомъ подполковника Шипова, „наилучшихъ свойствъ мужа", и приказалъ плыть къ Зинзили (Энзелійскій заливъ). Отправляясь въ походъ, Шиповъ просилъ увеличить число войскъ. Замѣчателенъ отвѣтъ Петра.

– Стенька Разинъ съ 500 казаками не боялся персовъ, а у тебя 2 баталіона регулярнаго войска.

Слова эти были вѣщими, потому что не только въ этотъ періодъ времени, но и во всѣ наши послѣдующія персидскія войны мы бывали въ нѣсколько десятковъ разъ слабѣе непріятеля и одерживали блестящія побѣды. У персіянъ былъ, такъ сказать, историческій страхъ къ русскимъ воинамъ; не даромъ еще кахетинскій царь Александръ въ 1590 г. просилъ посла нашего Звенигородскаго оставить хоть 25 терскихъ казаковъ: „только бы слава была, что по заставамъ стоятъ русскіе люди" *).

Шиповъ 1-го декабря пришелъ въ Зинзилійскій заливъ и тотчасъ же высадилъ 4 роты на берегъ. Гилянскій визирь къ этому времени получилъ отъ Тахмаса иныя инструкціи и отка-

*) С. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Вып. I, стр. XCIII.

зался впустить насъ въ городъ. Но Шиповъ все-таки занялъ русскій каравансарай въ Раще и дѣятельно сталъ укрѣпляться въ немъ. До февраля 1723 г. персіяне не проявляли враждебныхъ дѣйствій, но ращенскій визирь, собравъ наконецъ 15 т. человѣкъ, началъ дѣйствовать увѣреннѣе: онъ подступилъ къ каравансараю, а другой сильный отрядъ съ четырьмя орудіями выслалъ противъ нашихъ трехъ галіотовъ, стоявшихъ въ заливѣ, и предложилъ Шипову очистить городъ. Персы открыли огонь. Шипову, въ виду подавляющаго численнаго превосходства противника, оставалось прибѣгнуть только къ хитрости; онъ искусно воспользовался безпечностью непріятеля, ночью сдѣлалъ вылазку и напалъ на него съ двухъ сторонъ. Въ безумномъ страхѣ персы бѣжали, оставивъ до тысячи труповъ. Въ то же время лейтенантъ Золотаревъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь 100 человѣкъ, также не побоялся выстроенной за ночь батареи и многотысячнаго ея прикрытія; онъ подвелъ суда подъ самый берегъ, затѣмъ нѣсколькими орудійными залпами сбилъ непріятельскую артиллерію и разсѣялъ картечью пѣхоту, нанеся ей страшный уронъ.

Персы затихли, но втайнѣ дѣлали новыя приготовленія. Шиповъ принужденъ былъ на своемъ сообщеніи съ моремъ воздвигнуть крѣпость на р. Перибазарѣ и заложить другую на казбинской дорогѣ. Такимъ образомъ горсти нашей, заброшенной далеко, среди враждебнаго населенія, удалось удержаться и даже нанести непріятелю громадное пораженіе.

Матюшкину государь приказалъ какъ можно скорѣе овладѣть Баку, но вслѣдствіе недостатка въ судахъ выполнить это возможно было не ранѣе начала іюля мѣсяца.

Занятіе этого пункта, составлявшаго по мнѣнію Петра „всему дѣлу нашему ключь", являлось крайне необходимымъ, вслѣдствіе двусмысленныхъ дѣйствій Порты. Она, несмотря на „вѣчный миръ", съ недоброжелательствомъ смотрѣла на наши успѣхи по берегамъ Каспійскаго моря. Однако, нашему послан-

нику Неплюеву удалось склонить ее къ раздѣлу Персіи. На ея долю отходили эриванская, тавризская и кубинская провинціи, на нашу—всѣ прибрежныя.

Весною 1723 года турецкая армія въ 20 тыс. заняла пространство отъ Эривани до Тавриза, а отсюда она повернула къ сѣверу и наводнила Грузію. Царь Вахтангъ укрылся въ Имеретію и впослѣдствіи, въ 1724 году, въ крѣпость Св. Креста *). Турецкая армія, увеличенная до 80-ти тыс., грозила двинуться къ морю, врѣзаться клиномъ между нашими южными и сѣверными владѣніями. Это-то и заставляло Петра Великаго торопить Матюшкина.

6-го іюля 15 пакетботовъ, 5 гальотовъ и нѣсколько бусъ стали на бакинскомъ рейдѣ. Маіоръ Нечаевъ былъ посланъ къ городу съ предложеніемъ сдачи, но бакинцы отвѣтили также, какъ и въ прошломъ году.

21-го іюля Матюшкинъ высадилъ 4 баталіона, которые тотчасъ же „обметались рогатками“ и начали строить батарею. Конная вылазка съ цѣлью помѣшать работамъ была отбита одною орудійною пальбою. Суда между тѣмъ подошли ближе къ городу и начали бомбардировку изъ своихъ 18-ти-фунтовыхъ мѣдныхъ пушекъ. Къ вечеру въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, но бакинцы крѣпились. Черезъ четыре дня, когда была пробита брешь въ двойной береговой оградѣ, назначенъ былъ штурмъ, но гарнизонъ сдался и наши войска заняли крѣпость. Въ ней было 80 мѣдныхъ и чугунныхъ пушекъ, но пороху и ядеръ очень мало. Въ плѣнъ взято 700 персидскихъ солдатъ; жителямъ оставлено все ихъ имущество, но отобрано оружіе. Комендантомъ крѣпости назначенъ былъ кн. Барятинскій и въ распоряженіи его оставлено два полка (2382 человѣкъ).

---

*) Царь Вахтангъ въ 1725 г. прибылъ въ Петербургъ, представлялся Екатеринѣ I, затѣмъ жилъ долго въ Астрахани, гдѣ и умеръ. На содержаніе его и двора отпускалось 18 т. руб.; ему дарованы, кромѣ того, земли и 3,000 душъ въ разныхъ губерніяхъ. Надѣлены были жалованіемъ и крестьянами всѣ вышедшіе съ Вахтангомъ; они образовали такъ называемую грузинскую роту, отличавшуюся впослѣдствіи въ походахъ Миниха. П. Бутковъ. I 65.

Въ сентябрѣ 1723 г. подписанъ былъ наконецъ трактатъ съ Персіей и за нами признаны были города: Дербентъ, Баку, провинціи—Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Но это былъ номинальный договоръ. Тахмасъ призналъ своего посла Измаилъ-бека, заключавшаго договоръ, измѣнникомъ и не утвердилъ трактата. Въ занятыхъ пунктахъ мы должны были удерживаться силою оружія, волновалось и шамхальство съ другими мелкими владѣтелями.

25-го января 1725 года умеръ Петръ Великій, передавъ своимъ преемникамъ довершить начатое имъ великое дѣло. Однако судьбѣ было угодно судить иначе.

III.

Отношенія къ Кавказу преемниковъ Петра Великаго. Оставленіе всѣхъ его завоеваній и перенесеніе нашей границы обратно на Терекъ. Заложеніе Кизляра и Моздока. Переселеніе съ Волги Моздокскаго казачьяго полка.

Завоеваніе каспійскаго побережья не было конечною цѣлью Петра Великаго и являлось лишь средствомъ установить обширныя торговыя сношенія съ востокомъ.

Къ сожалѣнію, этимъ взглядомъ не были проникнуты ближайшіе преемники императора и мы увидимъ, какъ въ послѣдующія три царствованія интересъ къ Кавказу постепенно ослабѣвалъ, и наконецъ черезъ тринадцать лѣтъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, всѣ завоеванныя провинціи добровольно возвращены Персіи.

На востокѣ мы имѣли только одного сильнаго противника въ лицѣ Турціи, которая, не смотря на существовавшіе договоры и даже произведенное въ 1727 году разграниченіе, постоянно высказывала „нареканія о насильныхъ дѣйствіяхъ Россіи въ персидскихъ краяхъ", видя въ этомъ подрывъ личныхъ своихъ интересовъ. Она пока не прибѣгала къ открытой войнѣ, но черезъ своихъ агентовъ старалась возмутить противъ насъ мелкихъ владѣтелей. Шамхалъ тарковскій, встрѣтившій крайне недружелюбно постройку крѣпости Св. Креста, со смертью Петра счелъ себя свободнымъ отъ всякихъ клятвъ и сталъ явно проявлять враждебныя намѣренія. Онъ хотѣлъ напомнить русскимъ бѣдственныя времена Хворостинина и Бутурлина. Въ февралѣ 1725 года по его призыву къ нему стеклись тарковцы, бойнакцы, эндерійцы и всѣ прочіе дагестанскіе хищники. Во главѣ тридцатитысячной орды шамхалъ пресѣкъ сообщеніе Св. Креста съ Дербентомъ и бросился на Аграханскій ретранша-

ментъ. Но какъ ни внезапно было нападеніе, храбрый подполковникъ Масловъ съумѣлъ всего съ 150-ю солдатами геройски отбиться.

Генералъ Матюшкинъ, оцѣнивъ живого шамхала въ 5 тыс. рублей, а голову его въ двѣ тыс., приказалъ въ мартѣ мѣсяцѣ генералу Кропотову совершить набѣгъ на возмутившіяся владѣнія. Въ сентябрѣ Еропкинъ довершилъ раззореніе уцѣлѣвшихъ ауловъ и разрушилъ Тарки. Шамхалъ бѣжалъ въ горы, но, затѣмъ, надѣясь на всегдашнее русское милосердіе, явился съ повинной. Жизнь его была пощажена, но самъ онъ съ семьею былъ сосланъ въ далекую Колу.

Одновременно съ попыткой возстанія въ Дагестанѣ, въ Сальянахъ измѣннически погибъ подполковникъ Зимбулатовъ, командированный туда съ баталіономъ драгунъ для занятія пункта подъ будущую крѣпость. Зимбулатовъ со всѣми офицерами, за исключеніемъ одного прапорщика, оставшагося по болѣзни въ лагерѣ, былъ приглашенъ сальянскимъ наибомъ Гуссейномъ на обѣдъ и во время пира звѣрски убитъ со своими спутниками. Солдаты успѣли спастись на суда и вернуться въ Баку.

Въ Гилянахъ персіяне тоже продолжали угрожать русскимъ, но ихъ дѣйствія носили скорѣе комическій характеръ. Они обыкновенно ограничивались тѣмъ, „что выскакивали впередъ съ великою борзостью и крикомъ и, показывая свое храброваніе, прилежно наблюдали, чтобы не очень приблизиться къ россіянамъ". Одинъ только разъ непріятелю удалось сдѣлать засаду и окружить небольшую команду, участь которой, благодаря громадному численному превосходству противника, была бы весьма плачевна, но подоспѣвшій на помощь отрядъ, а главное два-три пушечныхъ выстрѣла разогнали тысячи персовъ.

Въ серединѣ 1725 года изъ всѣхъ каспійскихъ войскъ былъ образованъ Низовой корпусъ, на усиленіе котораго прибыли пять полковъ, начавшихъ свое формированіе еще при Петрѣ. Но это увеличеніе войскъ не вызвало нашихъ наступательныхъ

дѣйствій; мы, по указу Военной коллегіи, должны были ограничиться только обороной противъ персовъ или турокъ. Въ такомъ видѣ усталый и больной Матюшкинъ передалъ дѣла въ 1726 году князю Василію Долгорукому, извѣстному своимъ энергическимъ и благоразумнымъ подавленіемъ булавинскаго бунта.

Новый командиръ съ рѣдкою внимательностью отнесся къ своимъ обязанностямъ и прежде всего постарался вникнуть въ положеніе войскъ, которыя таяли отъ болѣзней и разныхъ невзгодъ. Онъ улучшилъ довольствіе, установилъ винную порцію и напомнилъ войскамъ приказъ Петра о соблюденіи гигіены въ этомъ климатѣ, къ которому даже мѣстные жители не могли привыкнуть и на лѣто спасались въ горы. Онъ первый обезпечилъ довольствіе казаковъ, несшихъ тяжелую службу въ отрядахъ и въ то же время получавшихъ очень незначительное содержаніе *). Затѣмъ, для лучшаго знакомства съ краемъ кн. Долгорукій, не взирая на свои 70 лѣтъ, совершилъ верхомъ объѣздъ всего края съ конвоемъ изъ баталіона пѣхоты и 2-хъ ротъ драгунъ. На возвратномъ пути онъ счелъ необходимымъ, для соединенія отдаленной гилянской провинціи съ сѣверными областями, занять Астару, Ленкорань и Кизилъ-агачское устье Куры, гдѣ приказалъ заложить Межигорское укрѣпленіе. Эти пункты заняты были безъ боя.

Военныя дѣйствія ограничились только гилянской провинціей, которой въ это время угрожалъ непріятель съ четырехъ сторонъ. Генералъ Левашовъ, пользуясь выгодами внутренняго положенія, быстро разбилъ Аббасъ-Кули-хана, восходящую звѣзду Персіи (впослѣдствіи занявшаго шахскій престолъ подъ именемъ Шахъ-Надира), затѣмъ бросился на его союзника Измаила, но тотъ ускользнулъ, а на его мѣсто подвернулся отрядъ персидскаго визиря Карчи-баши, потерпѣвшій страшное пора-

*) Не смотря на это и послѣдующія увеличенія, содержаніе казаковъ было все-таки мало. Такъ, въ 1775 году войсковой атаманъ Гребенского войска Сергѣй Шушкинъ получалъ въ годъ: жалованія 30 р., вина простого 70 ведеръ, муки 21 четверть, крупы 3 четверика, овса 6 четвертей, пороха и свинца по $1^1/_2$ фунта. И. Попко. Терскіе казаки, стр. 400.

женіе. Одновременно съ этимъ, съ востока къ Гиляни подошелъ Магомедъ-Салтанъ-ханъ съ 4-мя тыс. афганцевъ и весьма наивно послалъ Левашову требованіе очистить Раще. Противъ него выступилъ маіоръ Юрловъ съ 200-ми человѣкъ пѣхоты, 20-ю конными драгунами, 20-ю казаками и 50-ю грузинами и армянами. Афганская конница, закованная въ латы и панцыри, отважно атаковала русскихъ, но была отбита мѣткимъ ружейнымъ залпомъ. Небольшой нашъ отрядъ, не останавливаясь, бросился въ штыки „отъ чего афганцы пришли въ конфузію и пѣхоту свою смяли". Конная полурота драгунъ съ казаками врѣзалась въ непріятеля и погнала его. Такимъ образомъ „помощію Божіею афганцы съ мѣста збиты и прогнаны, и знатная надъ оными побѣда получена". Непріятель оставилъ 600 труповъ, три знамени, весь лагерь, лошадей и много пищалей. Мы потеряли 6 человѣкъ убитыми и 28 ранеными. Побѣда эта имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что грозные афганцы считались до сихъ поръ непобѣдимыми.

Но персіяне все-таки продолжали волноваться и мелкими дѣйствіями заставляли наши войска быть въ постоянномъ напряженіи. Со стороны Левашова нуженъ былъ большой тактъ и умѣніе, чтобы при такихъ условіяхъ экономическая жизнь въ странѣ не только не ослабѣвала, а напротивъ—развивалась. Процвѣтанію торговли много содѣйствовало выселеніе персовъ изъ Раще и его окрестностей, на мѣсто которыхъ пришли тароватые индійцы и армяне, умѣвшіе принаровиться къ обстоятельствамъ. Доходность гилянской области, по донесеніямъ Левашова, постепенно возрастала. Такъ въ 1725 году доходу было всего $38^1/_2$ тыс., въ 1726 году онъ повысился до 79 тыс., въ 1727—171 тыс., въ 1728—213 тыс., а въ 1729 году достигъ 235 тыс. *).

Съ восшествіемъ на престолъ Петра II, кн. Долгорукій былъ отозванъ ко двору. Продолжая числиться командиромъ Низового

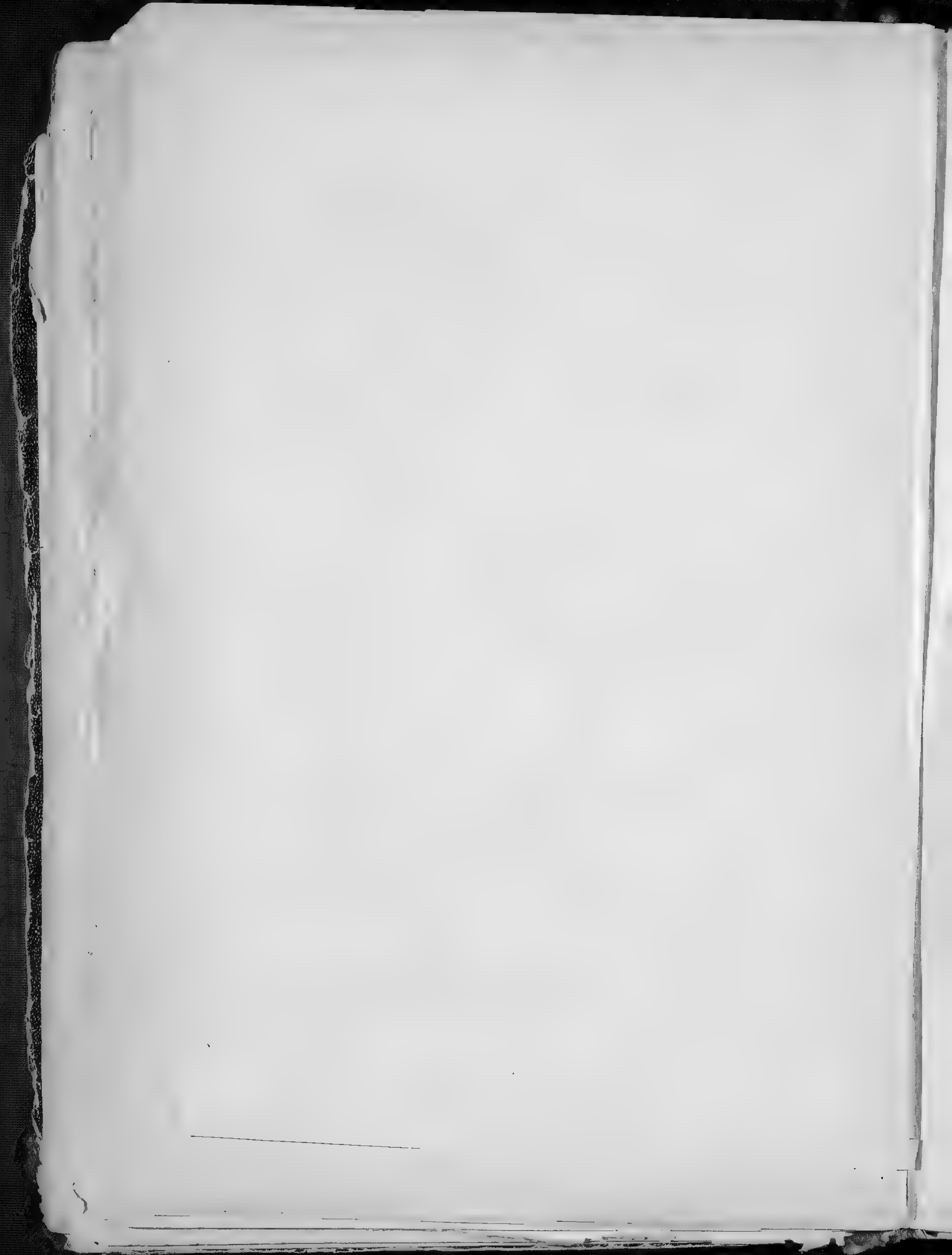
*) П. Бутковъ, I, стр. 150.

Петръ Великій въ Тарку 11 Августа 1722 года.

(Съ картины Ф. Рубо).

Фототипія Н. Дамо. Тифлисъ

корпуса, онъ раздѣлилъ непосредственное начальствованіе между Левашовымъ—къ югу отъ Куры, и Румянцевымъ—къ сѣверу, предписавъ имъ, согласно указаніямъ Военной коллегіи, воздерживаться отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій. Ровно черезъ годъ (13-го февраля 1729 г.) Левашовъ по повелѣнію государя, заключилъ съ Персіей договоръ, по которому ей возвращены провинціи астрабатская и мазандеранская (мизандронская).

Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ положеніе наше въ краѣ не измѣнялось. Турція по прежнему была въ войнѣ съ Персіей, дѣла которой за послѣднее время значительно улучшились, благодаря побѣдамъ Аббасъ-Кули-хана, называвшагося уже Надиръ-Шахомъ. Афганскій Эшрефъ, владѣвшій Испаганью, былъ разбитъ, изгнанъ и древняя столица Персіи, наконецъ, увидѣла своего законнаго шаха Тахмаса, возведеннаго Надиромъ на престолъ.

Съ воцареніемъ Анны Іоанновны наша восточная политика пошла окончательно по пути уступокъ. Императрица отозвала Румянцева *), а Левашова, произведеннаго въ полные генералы, назначила командиромъ Низового корпуса. Затѣмъ, въ Персію посланъ Шафировъ для веденія переговоровъ о возвратѣ ей южныхъ провинцій, такъ какъ, по мнѣнію правительства, мы произвели окупацію этихъ областей лишь для защиты Персіи и теперь, „поелику Гилянь уже отъ турковъ не въ опасности“, наша миссія можетъ считаться оконченною. Результатомъ переговоровъ былъ рященскій трактатъ, подписанный 21-го января 1732 года. Левашовъ немедленно вывелъ войска изъ Раще и, двигаясь берегомъ, по дорогѣ снялъ гарнизоны всѣхъ крѣпостей до р. Куры, ставшей нашей границей.

Вслѣдъ затѣмъ и Левашовъ долженъ былъ уступить свое мѣсто принцу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому, бывшему нѣкогда женихомъ царевны Елисаветы Петровны. Принцъ пріѣхалъ на

*) Румянцевъ остался при дворѣ, кн. Долгорукій былъ лишенъ чиновъ и заключенъ въ Шлиссельбургъ. При Елисаветѣ Петровнѣ онъ былъ освобожденъ и ему возвращены чины.

Кавказъ весною 1732 года въ тяжелое время. Уступка южныхъ провинцій не считалась въ глазахъ восточныхъ людей актомъ великодушія, а скорѣе—признакомъ нашей слабости, нашего страха передъ могучимъ завоевателемъ Шахъ-Надиромъ. Владѣльцы дагестанскіе, поощряемые турецкими агентами, образовывали шайки и дѣлали нападенія на наши отдѣльныя команды. Наконецъ 10 тыс. горцевъ собрались во всегдашній разбойничій притонъ аулъ Эндери, угрожая вторгнуться въ селенія казаковъ. Принцъ Гомбургскій приказалъ генералу Дугласу, прибывшему одновременно съ нимъ на Кавказъ, выслать баталіонъ противъ эндерійцевъ. Небольшой этотъ отрядъ, подъ начальствомъ полковника Коха, вѣроятно совершенно неопытнаго въ лѣсной войнѣ, былъ окруженъ горцами. Кохъ въ теченіи цѣлаго дня отбивался отъ отчаянныхъ атакъ непріятеля и только къ вечеру, потерявъ половину людей, пробился сквозь непріятеля.

Въ іюнѣ волненія среди дагестанцевъ достигли наивысшей степени. Турція, истощивъ свои боевыя средства въ Анатоліи, двинула изъ Крыма, подъ начальствомъ Султана-Фети-Гирея, вспомогательную 25-ти-тыс. армію, которая слѣдовала въ Персію долиною Кубани и черезъ Дагестанъ. Всѣ протесты наши противъ этого нарушенія договоровъ, угрозы принца Гомбургскаго силою остановить это вторженіе были также напрасны. Фети-Гирей двигался безостановочно и въ іюнѣ уже достигъ мѣста еліянія Аргуна съ Сунжей. Приходъ крымцевъ вызвалъ волненія среди мѣстныхъ мусульманъ, большинство которыхъ примкнуло къ новымъ пришельцамъ.

Въ началѣ іюня принцъ двинулся на встрѣчу Фети-Гирею и занялъ позицію на Сунжѣ, близъ нынѣшней крѣпости Грозной. Колонна Еропкина изъ 500 драгунъ и Волконскаго изъ 500 драгунъ и 800 чел. пѣхоты, прикрыли двѣ главныя дороги, ведущія изъ Кабарды въ Дагестанъ; а самъ принцъ съ 800-ми чел. пѣхоты и драгунъ сталъ позади ихъ въ резервѣ.

11-го іюня Фети-Гирей послалъ принцу требованіе пропу-

стить крымскую армію въ Персію, и, получивъ отказъ, атаковалъ Волконскаго. Послѣ упорнаго сопротивленія нашъ лѣвый флангъ подался назадъ, но въ эту минуту подоспѣлъ на выстрѣлы Еропкинъ со своими драгунами и принцъ съ остальною пѣхотою. Бой снова возгорѣлся, причемъ счастье опять уже начинало клониться на сторону непріятеля, какъ вдругъ кому-то пришла счастливая мысль, говоря теперешнимъ словомъ, массировать артиллерію и сосредоточить весь огонь на пунктъ наибольшаго скопленія противника. Нѣсколько ротъ драгунъ и казаковъ удачно воспользовались разстройствомъ противника и, врѣзавшись въ опустошенные ряды, рубили на право и на лѣво. Пѣхота также перешла въ наступленіе. Татары были разбиты: тысяча труповъ брошена на мѣстѣ боя и намъ досталось 12 знаменъ. Мы потеряли около 400 человѣкъ *).

Къ сожалѣнію принцъ Гессенъ-Гомбургскій не довершилъ пораженія упорнымъ преслѣдованіемъ разбитыхъ татаръ, а удовольствовался тактической побѣдой и заперея въ крѣпости Св. Креста. Крымцы проникли въ Дагестанъ. По дорогѣ они осадили Дербентъ, но были отбиты полковникомъ Ломаномъ, и затѣмъ уже безпрепятственно прошли въ Персію. Часть съ награбленною добычею вернулась обратно. На рѣкѣ Кумѣ она столкнулась съ полутора тысячнымъ коннымъ отрядомъ генерала Краснощекова, спѣшившаго на помощь принцу. Татаръ въ это время усилили кубанцы, некрасовцы и десять тысячъ калмыковъ Дундука-Омбо. Вся эта орда набросилась на слабый отрядъ Краснощекова, который вынужденъ былъ для защиты построить вагенбургъ. Два дня длился бой, боевыя средства отряда уже приходили къ концу, какъ вдругъ непріятель снялъ осаду и отступилъ. Эта неожиданная выручка была произведена кабардинскимъ княземъ Баматомъ Кургокинымъ, шедшимъ съ нѣсколькими сотнями на встрѣчу донцамъ. Среди осаждав-

*) П. Бутковъ. Ч. I, стр. 120. А. Зиссерманъ (Исторія кабард. п.) приводитъ потери: 53 убитыхъ и 78 раненыхъ (стр. 31).

шихъ онъ встрѣтилъ своего зятя Дундука-Омбо, котораго и уговорилъ отступить.

Съ приходомъ подкрѣпленія принцъ Гомбургскій выслалъ генерала Еропкина для наказанія дагестанцевъ, содѣйствовавшихъ крымскимъ татарамъ. Еропкинъ раззорилъ множество ауловъ и подступилъ къ сильно укрѣпленному аулу Башлы, столицѣ каракайтахской. Пунктъ этотъ считался неприступнымъ, и тѣмъ не менѣе онъ былъ взятъ штурмомъ, который, однако, обошелся намъ дорогою цѣною четырехсотъ убитыхъ. Башлинцы заплатили за нихъ поголовнымъ истребленіемъ.

Успѣхъ Фети-Гирея далъ поводъ Турціи направить этимъ же путемъ самого крымскаго хана Каплана, который съ 80-ю тысячами въ томъ же году прошелъ по нашимъ владѣніямъ безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны. Только чеченцы, озлобленные на крымцевъ за ихъ грабежи, завели одну колонну въ ущелье и истребили ее. На этомъ мѣстѣ горцы возвели памятникъ башню—Ханъ-кале (башня хана), по имени которой названо и ущелье.

Императрица Анна отозвала принца Гомбургскаго, а на его мѣсто назначила снова генерала Левашова. Но опытъ и дарованія этого выдающагося генерала не могли уже поправить дѣла. Онъ могъ только страхомъ держать въ повиновеніи мелкіе народы. Правительство же безповоротно рѣшило раздѣлаться съ областями—и къ этому скоро представился предлогъ.

Зимою 1734 года Шахъ-Надиръ тремя арміями осадилъ Эривань, Ганжу и Шемаху. Въ послѣднемъ городѣ защищался извѣстный Сурхай. Послѣ двухмѣсячной осады онъ сдался и былъ обезглавленъ. Въ это время нашъ посолъ князь Голицынъ только что заключилъ съ Персіей соглашеніе, по которому мы возвращали Баку и Дербентъ, но при непремѣнномъ условіи окончательнаго ухода турокъ. Турція съ своей стороны готова была сдать осажденные города съ областями, но только тогда, когда русскіе покинутъ берега Каспійскаго моря. Левашову

изъ Петербурга приказано было согласиться на эту уступку, давшую лишній поводъ торжествовать турецкимъ дипломатамъ.

10-го марта 1735 года въ персидскомъ лагерѣ подъ Ганжею былъ заключенъ трактатъ, по которому Россія „токмо отъ единаго своего великодушія соизволяетъ нынѣ и прежде времени отдать города Баку и Дербентъ со всѣми къ нимъ принадлежащими землями и деревнями“. Точно также „Дагестанъ, шамхалъ, усми (уцмій) и прочіе народы оные да пребудутъ со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами по прежнему въ сторонѣ иранскаго государства“. Генералу Левашову пришлось опять передавать области и выводить гарнизоны. Въ сентябрѣ нами покинута послѣдняя крѣпость Св. Креста, а терскіе и аграханскіе казаки переведены на Терекъ. Эта рѣка снова сдѣлалась нашей границей, какъ было за 12-ть лѣтъ тому назадъ.

Тогдашнее русское правительство съ своей точки зрѣнія было право. Оно видѣло только одни матеріальныя невыгоды и расходы, сопряженные съ занятіемъ персидскихъ провинцій. Дѣйствительно, сюда отвлекалось 12 пѣхотныхъ полковъ (28 тыс.), 8 драгунскихъ (6 тыс.) и 18 тыс. иррегулярныхъ войскъ, общее содержаніе которыхъ обходилось казнѣ 930 т.; доходность же не превышала четвертой доли расходовъ. Боевыя потери наши за все время не превысили 2000, но эта цифра меркнетъ передъ утратой войсковыхъ частей отъ болѣзней, унесшихъ болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ. Слѣдовательно, составъ частей *вымиралъ* за 12 лѣтъ *четыре раза* *).

Съ переходомъ нашимъ на Терекъ Левашовъ прежде всего основалъ новую крѣпость Кизляръ, сдѣлавшуюся главнымъ пунктомъ терскаго района, и первымъ комендантомъ ея 5-го октября 1735 года назначенъ былъ полковникъ Красногорцевъ. Затѣмъ онъ принялся и за устройство казаковъ. Изъ тысячи донскихъ семействъ, поселенныхъ возлѣ крѣпости Св. Креста подъ названіемъ Аграханскаго войска, оставалось въ живыхъ

*) П. Бутковъ. Часть I, стр. 152 и прилож.

лишь 452 семьи, которыя и перешли, подъ именемъ Терско-Семейнаго казачьяго войска, на нижнее теченіе Терека, расселившись по станицамъ Каргалинской, Дубовской и Бороздинской. Бывшее Терское войско, крайне разноплеменнаго состава, переведено было ко вновь построенной крѣпости и дало, такъ называемое, Терско-Кизлярское войско. Въ составъ его вошли охочены (охотники) и новокрещёны, грузины, армяне, тезики (таджики) и небольшое количество казанскихъ татаръ. Такимъ образомъ на Терекѣ образовалось теперь три войска: Гребенское, Терско-Кизлярское и Терско-Семейное, на которыя и была возложена трудная обязанность охранять наши южныя границы отъ набѣговъ горцевъ и персіянъ.

Чтобы хоть нѣсколько удерживать въ повиновеніи нашихъ затеречныхъ сосѣдей, въ Кизлярѣ содержались отъ нихъ аманаты, т. е. заложники, сыновья или вообще родственники знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ фамилій. Въ 1735 году мы имѣли аманатовъ отъ кабардинцевъ, аксайцевъ, эндерійцевъ, чеченцевъ и другихъ. Но это была очень слабая мѣра, тѣмъ не менѣе практиковавшаяся во всѣ времена нашихъ сношеній съ горцами.

Въ тылу терской линіи кочевали до предѣловъ Волги калмыки, управлявшіеся тогда ханомъ Дундукъ-Омбо. Этотъ воинственный ханъ весьма перемѣнчиво относился къ Россіи и высказывалъ далеко не такую вѣрность, какъ его отецъ Аюка-ханъ. Наскучивъ бездѣйствіемъ, онъ не преминулъ бы обрушиться на беззащитныя терскія станицы, однако хищническіе инстинкты его были удачно отвлечены въ другую сторону, на Кубань.

Война наша съ Турціей и дѣйствія въ Крыму требовали непремѣннаго обезпеченія нашего праваго фланга. Въ степяхъ между Дономъ и Кубанью кочевали ногаи, въ бассейнѣ Кубани жили воинственные горскіе народы и некрасовцы,—наши исконные враги еще со временъ Апраксина; всѣ они пополняли контингентъ турецкихъ силъ и всегда участвовали въ набѣгахъ на наши територіи. Въ г. Эски или Копылѣ жилъ даже турец-

кій сераскиръ, подстрекавшій ихъ на постоянныя враждебныя дѣйствія. Въ эту сторону и была направлена энергія Дундука-Омбо. Два года подъ рядъ онъ совершалъ свои замѣчательные съ кавалерійской точки зрѣнія налеты на Кубань. Весною 1736 года, дѣлая переходы по сто и болѣе верстъ, онъ въ три дня съ 40 тыс. прошелъ съ Кумы на Кубань, разнесъ и разгромилъ все, что встрѣтилось на пути. На Урупѣ онъ вырѣзалъ до 6-ти тыс. ногайцевъ, и 20 тыс. женъ и дѣтей увлекъ въ свои кочевья. Затѣмъ въ ноябрѣ, усиленный нѣсколько ген. Краснощековымъ съ донцами, онъ въ 14 дней прошелъ всю долину Кубани, взялъ приступомъ Копылъ, раззорилъ его, сжегъ всѣ станицы некрасовцевъ, дошелъ до Чернаго моря и тѣмъ же путемъ съ 10-ю т. плѣнныхъ, женъ и дѣтей, вернулся обратно. За нимъ осталась пустыня, съ выжженными селеніями и болѣе 30-ти т. труповъ.

На слѣдующій годъ Дундукъ, усиленный снова донскими и гребенскими казаками, опять нагрянулъ на Кубань, дошелъ до богатаго Темрюка, защищаемаго храбрыми янычарами, взялъ его открытымъ штурмомъ и не пощадилъ ни одного человѣка. Когда на Кубани нечего было истреблять, Дундукъ ушелъ въ свои степи, выдѣливъ въ крымскую армію своего сына Галдана-Норму съ 4-мя тыс. калмыковъ. Эти замѣчательныя дѣйствія калмыковъ безспорно много содѣйствовали нашему успѣху въ турецкой войнѣ, завершившейся въ 1739 г. бѣлградскимъ миромъ.

Можно, однако, предполагать, что Турція, оканчивая съ нами войну, надѣялась, что ее будетъ продолжать Персія. Дѣйствительно, Шахъ-Надиръ, упоенный успѣхами надъ турками, побѣдой надъ индійскимъ моголомъ и занявшій шахскій престолъ, вмѣсто низвергнутаго имъ же самимъ Тахмаса, послалъ въ 1740 г. въ Россію странное посольство съ извѣстіемъ о своихъ новыхъ успѣхахъ. Это была армія въ 16 т. человѣкъ съ 20-ю пушками, составлявшими какъ бы эскортъ посольскій. По сношеніи съ Петербургомъ, было разрѣшено пропустить лишь 3 т.

Шахъ-Надиръ, страдалъ въ это время, по донесеніямъ нашего посла Калушкина, маніей величія: онъ считалъ себя посланникомъ Бога и всесвѣтнымъ властителемъ; одна Россія еще не была имъ покорена и это составляло предметъ его тайныхъ мыслей. Во главѣ 100 тыс. арміи онъ двинулся въ 1741 году въ Дагестанъ, чтобы наказать лезгинъ за убійство родного своего брата. Но войска его терпѣли недостатокъ во всемъ, а весною 1742 года открылась среди нихъ моровая язва. Мѣстные жители бѣжали въ горы, Надиръ перенесъ свой лагерь къ болѣе возвышенному Кумъ-Таркале.

Какъ только разнесся слухъ о движеніи персовъ, на Терекѣ начали дѣятельно укрѣпляться. Кизляръ былъ усиленъ рвами, палисадами, войска увеличены до 5-ти пѣхотныхъ и 6-ти драгунскихъ полковъ, общимъ начальникомъ присланъ генералъ Еропкинъ, давнишній дѣятель на Кавказѣ. По линіи установлена усиленная охрана и сторожевые наши разъѣзды выдвинуты на Сулакъ, который сталъ естественной нашей границей. Въ чеченцахъ, тарковцахъ, аксайцахъ и даже эндерійцахъ мы нашли на этотъ разъ очень искреннихъ союзниковъ, извѣщавшихъ насъ о всякомъ движеніи Надира.

Все готовилось къ войнѣ, которая со дня на день должна была вспыхнуть. Между тѣмъ Надиръ вторгся въ Каракайтагъ, но не имѣя здѣсь особаго успѣха, бросился въ Эндери. Передъ Сулакомъ, однако, онъ остановился въ виду слуховъ о движеніи 40 тыс. нашей арміи. На самомъ же дѣлѣ Еропкинъ ждалъ прибытія лишь нѣсколькихъ драгунскихъ полковъ. Зиму Надиръ провелъ въ бездѣйствіи; весною же Турція, пользуясь его долгимъ отсутствіемъ изъ Персіи, вторглась въ недавно отнятыя у нея провинціи, а съ другой стороны грозили своимъ нашествіемъ полчища хивинцевъ и бухарцевъ. Эти обстоятельства заставили Надира повернуть назадъ и отказаться отъ грандіознаго плана, дѣлавшаго честь его отвагѣ, но не благоразумію. Часть арміи онъ, однако, оставилъ въ Дербентѣ.

Съ отъѣздомъ Надира, не скоро окончилась тревога за нашу юго-восточную границу и только въ 1745 году регулярныя войска были отозваны, а охрана линіи снова предоставлена исключительно однимъ казакамъ.

Черезъ девятнадцать лѣтъ воцарилась Екатерина II, хорошо понимавшая своимъ блестящимъ умомъ широкіе замыслы Петра. Она обратила вниманіе на далекій край, куда стремился ея великій предшественникъ и полагала со временемъ возобновить прерванныя тамъ дѣйствія. Но прежде всего слѣдовало удержать имѣющіяся владѣнія, а по свѣдѣніямъ разселенные тамъ казаки почти на половину вымерли. Императрица поэтому приказала усилить линію новою крѣпостью и переселить туда волжскихъ казаковъ. Моздокъ (Мез-догу, т. е. крупный лѣсъ) былъ основанъ кабардинскимъ княземъ Канчокинымъ, который со всею своею семьею и приближенными переселился на Терекъ; сюда же постепенно примкнули и нѣкоторыя кабардинскія семьи, а затѣмъ осетины, кистины и др. Въ 1763 году въ Моздокѣ возведенъ форпостъ, а затѣмъ въ 1765 году онъ превращенъ въ сильную крѣпость. Изъ поселенцевъ при нѣй была образована „Моздоцкая горская команда“.

Новая крѣпость эта, основанная на землѣ, принадлежащей кабардинцамъ, произвела среди послѣднихъ большія волненія. Она сильно подрывала ихъ матеріальное благосостояніе тѣмъ, что стала убѣжищемъ всѣмъ бѣглымъ христіанскимъ плѣнникамъ и другимъ невольникамъ, которые, принявъ крещеніе, становились подъ наше покровительство. Многочисленная Большая Кабарда почти вся отложилась отъ насъ; многія семьи выселились на Кубань и объявили намъ непримиримую вражду. Въ 1765 году кабардинцы вмѣстѣ съ черкесами вторглись на терскую линію, раззорили нѣсколько хуторовъ и осадили даже Кизляръ, но были отбиты съ громаднымъ урономъ.

Вслѣдствіе численной слабости казаковъ въ 1769 году были переведены на Терекъ еще 517 семей волжскихъ казаковъ,

жившихъ между Царицынымъ и Камышиномъ, а также 200 семей съ Дона „для дѣйствій при пушкахъ“.

Волжскіе казаки прибыли на Терекъ подъ командою полковника Ивана Савельева, который образовалъ изъ нихъ „Моздоцкій полкъ“, устроилъ его на новыхъ мѣстахъ и разселилъ по новымъ станицамъ: Галюгаевской, Наурской, Ищорской, Мекенской и Калиновской. Разумѣется, не легко было привыкать волжцамъ къ новой обстановкѣ. Сравнительно мирное житье на Волгѣ и Донѣ совсѣмъ было противоположно житью на Терекѣ, когда и спать и пахать и въ церковь Божью приходилось ходить съ оружіемъ въ рукахъ. Но волжцы скоро привыкли къ этой боевой жизни и въ открывшейся въ томъ же году войнѣ не отстали отъ своихъ сосѣдей терцевъ и гребенцовъ.

IV.

Первая турецкая война. Дѣйствія Медема на Кубани. Волненія въ Кабардѣ. Нашествіе Девлетъ-Гирея и Калги. Подвигъ Платова и оборона Наура. Академикъ Гмелинъ. Движеніе Медема въ Дагестанъ.

Условія бѣлградскаго мира, закончившаго турецкую войну въ царствованіе Анны Іоанновны 7-го сентября 1739 года, далеко не соотвѣтствовали успѣхамъ русскаго оружія. Причиною тому, какъ извѣстно, была Австрія, которая, потерпѣвъ отъ турокъ нѣсколько пораженій, поспѣшила безъ согласія Россіи и отдѣльно отъ нея подписать унизительныя мирныя условія. Лишившись неожиданно союзника, правительство наше не могло уже извлечь изъ своихъ побѣдъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, на которыя имѣло право расчитывать.

Собственно территоріальныя приращенія Россіи заключались только въ пріобрѣтеніи Азова, но подъ условіемъ срытія его укрѣпленій. Окрестности этого города должны были оставаться пустыми до турецкой границы на Кубани и служить барьеромъ между обоими государствами. Шестымъ артикуломъ роль такого же барьера придана и Кабардѣ, которая объявлена свободною. Россіи и Турціи предоставлялось, впрочемъ, по старинному обыкновенію брать изъ Кабарды заложниковъ для обезпеченія тишины, и свободно наказывать кабардинцевъ оружіемъ въ случаѣ ихъ набѣговъ. Постановленіе относительно Кабарды явилось здѣсь впервые въ русско-турецкихъ трактатахъ. Оно устраняло въ будущемъ домогательство крымскихъ хановъ на владѣнія этой областью. Затѣмъ Россія обязалась возвратить Турціи всѣ свои завоеванія: Кинбурнъ, Очаковъ, Хотинъ, Молдавію и проч., купивъ этою цѣною уничтоженіе условій Прут-

скаго договора 1711 года и признаніе императорскаго титула за россійскими самодержцами.

Послѣ бѣлградскаго мира Россія почти тридцать лѣтъ пользовалась нѣкоторымъ спокойствіемъ на югѣ. Но въ 1768 году Турція, вслѣдствіе происковъ Франціи, неожиданно вмѣшалась въ польскія дѣла и предъявила нашему послу Обрескову требованія, подчиниться которымъ не соотвѣтствовало достоинству Россіи. 29-го октября въ залѣ визирскаго дворца въ Константинополѣ былъ вывѣшенъ по обычаю конактуй—конскій хвостъ, а наше посольство заключено въ Эдикуль, т. е. семибашенный замокъ. Это было гласнымъ объявленіемъ войны и съ этой минуты обѣ стороны начали свои военныя приготовленія.

На военномъ совѣтѣ 4-го ноября 1768 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императрицы, было рѣшено весною 1769 года собрать три арміи у Кіева, Усть-Самары и Луцка и дѣйствовать наступательно, чтобы предупредить вторженіе турокъ отъ Днѣстра и Крыма *). Второстепеннымъ театромъ военныхъ дѣйствій являлся Кавказъ, вспомогательное значеніе котораго, при войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ, указано было еще Петромъ Великимъ, двинувшимъ на Кубань отрядъ ближняго боярина Апраксина. Такое же значеніе имѣли дѣйствія и Дундука-Омбо. По примѣру этого, на ноябрьскомъ военномъ совѣтѣ было рѣшено въ предстоящей войнѣ также оперировать на Кавказѣ, но развить дѣйствія еще болѣе, перенеся ихъ по ту сторону горъ въ Грузію и Имеретію. Для дѣйствій же на сѣверномъ Кавказѣ предназначались отряды генералъ-лейтенанта Берга отъ Дона на югъ и генералъ-маіора Медема отъ Терека на западъ.

Но была существенная разница между характеромъ предъидущихъ и предстоящихъ нашихъ дѣйствій на Кубани. Турки въ предшествовавшихъ войнахъ ограничивались только пропагандой и призывомъ мѣстныхъ народовъ къ партизанскимъ дѣйствіямъ противъ насъ. Съ нашей стороны Апраксинъ и Дун-

*) А. Петровъ. Война Россіи съ Турціей 1769—1774 годахъ. Т. I, стр. 173.

дукъ-Омбо своими раззореніями прикубанскихъ странъ также лишь отвлекали мѣстныя силы отъ помощи крымцамъ. Теперь турки намѣрены были бросить сюда 25-ти-тысячную армію, усилить ее столькими же кубанцами, 50-ью тысячами лезгинъ и дагестанцевъ и двинуться затѣмъ на наши юго-восточныя владѣнія. Слѣдовательно, отрядамъ Берга и Медема предстояла нелегкая задача вести оборонительный бой противъ наступленія стотысячной массы. По счастью, турки, въ первый же годъ войны потерпѣвъ чувствительныя пораженія на Днѣстрѣ и въ Крыму, не могли выполнить всего своего плана и дали намъ возможность сосредоточить всѣ наши силы на главномъ театрѣ, а на Кавказъ употребить всего лишь нѣсколько тысячъ.

Описанію закавказскаго похода Тотлебена посвящены особыя главы этого сочиненія, въ настоящей же главѣ имѣются въ виду исключительно дѣйствія на сѣверномъ Кавказѣ.

Генералъ Медемъ прибылъ на Терекъ въ февралѣ 1769 года и тотчасъ же приступилъ къ организаціи отряда. Въ его распоряженіе поступили по 3 эскадрона Уфимскаго драгунскаго и Грузинскаго гусарскаго полковъ, 4 гарнизонныя кизлярскія роты, 6 пѣшихъ и 4 конныхъ орудія, 500 только что поселенныхъ на Терекѣ волжскихъ казаковъ, 500 яицкихъ и нѣсколько сотенъ отъ мѣстныхъ войскъ *). Къ отряду должны были, кромѣ того, присоединиться еще нѣсколько тысячъ калмыковъ хана Убаши.

Первою заботою Медема было устройство тыла. Главная квартира была перенесена въ станицу Шадринскую, а въ Моздокѣ основана база и сюда съ открытіемъ навигаціи по Волгѣ начали свозить продовольственные и огнестрѣльные припасы. Затѣмъ, Медемъ попытался войти въ сношеніе съ горцами и ему

*) П. Бутковъ. Ч. I, стр. 120. По А. Петрову (ч. I, стр. 323) было всего: 2 эскадрона Уфимскаго драгунскаго, 2 эскадрона Грузинскаго гусарскаго полковъ, 1 гарнизонная рота изъ астраханскихъ баталіоновъ, 4 артиллерійскихъ орудій съ служителями; 1 инженеръ-офицеръ; казаковъ: 100 донскихъ, 497 волжскихъ; 490 яицкихъ; гребенскихъ, семейныхъ и терскихъ 150.

удалось склонить нѣкоторыхъ къ участію въ нашихъ дѣйствіяхъ, напримѣръ: Айдемирова чеченскаго, Бамата брагунскаго, Алишева костековскаго, и это было очень важнымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ это время происходили сильныя броженія. Медему удалось воспользоваться несогласіями между отдѣльными племенами, руководясь данной ему инструкціей—„остерегаться больше всего ихъ объединенія и возжигать между ними огнь внутренняго несогласія“—Divide et impere (раздѣли и властвуй). Обезпечивъ себя съ этой стороны, Медемъ хотѣлъ усилиться калмыками и только тогда обратиться противъ кабардинцевъ, которые стояли на флангѣ нашей операціонной линіи отъ Терека на Кубань.

Между тѣмъ турки открыли непріязненныя дѣйствія. Крымскіе султаны Арсланъ и Максютъ Гиреи въ началѣ 1769 года прибыли на Кубань съ небольшимъ турецкимъ отрядомъ и, затѣмъ, усилившись до 6-ти тыс. кубанскими горцами, двинулись къ сѣверу въ увѣренности, что наши границы по Дону совершенно обнажены, и калмыки направлены во 2-ю крымскую армію Румянцева. Въ дѣйствительности же туда выдѣлено было всего 20 тыс., но приблизительно столько же оставалось еще въ улусахъ на Манычахъ, подъ начальствомъ намѣстника калмыцкаго ханства хана Убаши, въ помощь которому былъ еще приданъ подполковникъ Кишенскій съ небольшимъ отрядомъ драгунъ и 2-мя пушками. Какъ только Убаша узналъ о появленіи турокъ, онъ немедленно выступилъ на встрѣчу.

Не лишнимъ будетъ здѣсь отмѣтить особенность въ тактикѣ калмыковъ, приводившей ихъ къ такимъ разительнымъ побѣдамъ. Въ своихъ поискахъ они днемъ старались быть невидимыми, съ замѣчательнымъ искусствомъ укрываясь цѣлыми отрядами въ буеракахъ или въ густой въ ростъ человѣка травѣ. Благодаря цѣлой системѣ дальнихъ разъѣздовъ, ихъ никогда нельзя было застать врасплохъ, а сами они знали всегда о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Обнаруживъ противника, они старались

кружными движеніями охватить его и затѣмъ производили дружный, большею частью внезапный налетъ. По внѣшнему виду они были загорѣлые брюнеты, сильны, малорослы, чрезвычайно быстры въ движеніяхъ, увертливы, необычайно дальнозорки, при томъ способны нѣсколько дней не слѣзать съ сѣдла, переносить жажду, подобно ихъ лошадямъ, славящимся этимъ и теперь,—словомъ, они представляли идеалъ кавалериста, умѣющаго одинаково драться на конѣ и пѣшимъ, рубить саблей, рѣзать ножомъ, стрѣлять изъ лука и ружья. Въ представленіи горцевъ это были „шайтаны"—черти, которыхъ они дѣйствительно своимъ видомъ и всею повадкой могли напомнить. Одно имя ихъ вселяло суевѣрный ужасъ среди кавказскихъ народовъ.

28-го апрѣля вечеромъ прискакалъ калмыкъ и далъ знать Убашѣ о появленіи верстахъ въ пятидесяти крымскихъ и кубанскихъ татаръ. Съ поспѣшностью, свойственной однимъ номадамъ, лагерь былъ снятъ и ночью же вся 15—20-ти-тысячная орда тронулась по направленію къ непріятелю, выдвинувъ далеко впередъ цѣлую сѣть разъѣздовъ. Часовъ около 10-ти былъ открытъ противникъ, съ которымъ калмыки завязали перестрѣлку. Извѣщенный объ этомъ, Убаша выслалъ поддержку, приказавъ ей скакать во весь духъ, а затѣмъ и самъ съ остальными поспѣшилъ къ мѣсту боя, на которомъ противникъ уже успѣлъ сосредоточить всѣ свои силы и тѣснилъ калмыковъ. Вдругъ на горизонтѣ показалось облако пыли, съ каждой минутой приближавшееся; вскорѣ подобныя же облака обозначились на флангахъ противника. Крымскимъ султанамъ стало яснымъ, что они ошиблись, расчитывая на уходъ калмыковъ,—и татары начали быстро отступать. Но калмыки, прекрасно знавшіе мѣстность, старались охватами направить ихъ отступленіе такъ, чтобы заставить татаръ упереться въ знакомый имъ, но совершенно неизвѣстный непріятелю, крутой обрывистый берегъ р. Калауса. Это удалось, и татары наконецъ вынуждены были занять обширную лощину, посреди которой врѣзывался глубокій оврагъ, по-

росшій терновыми кустами. Крымцы выдвинули впередъ нѣсколько сотъ пѣшихъ и подъ прикрытіемъ ихъ огня построили конныя свои части въ три линіи, обезпечивъ свой правый флангъ оврагомъ; въ тылу у нихъ находился обрывистый берегъ. Перестрѣлка продолжалась до 2-хъ часовъ, въ теченіи которыхъ успѣли собраться всѣ калмыки и прибылъ Кишенскій со своими драгунами и 2-мя орудіями. Эти орудія быстро рѣшили бой. Они на рукахъ были ввезены на вершину холма, командовавшаго всею лощиною, и нѣсколькими удачными выстрѣлами опрокинули одну линію татаръ на другую. Произошло страшное смятеніе среди непріятельскихъ рядовъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ татары могли только, бросивъ коней, спасаться въ оврагъ, въ надеждѣ по дну его добраться до Калауса и тамъ найти спасеніе; но и здѣсь отрядъ калмыковъ успѣлъ кружнымъ движеніемъ переправиться черезъ разливъ рѣки и отрѣзать крымцамъ всякій путь отступленія. Изо всѣхъ 6-ти тыс. гиреевыхъ войскъ мало кто спасся, калмыки же потеряли всего 16 убитыми и 15 ранеными. Побѣдителямъ досталось 5 знаменъ (одно черное, два красныхъ и два бѣлыхъ), нѣсколько тысячъ панцырей и болѣе 5-ти тыс. коней *).

Въ этомъ дѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе пріемы калмыковъ, съ которыми они ведутъ развѣдку, затѣмъ направляютъ къ желательному пункту отступленіе непріятеля и производятъ полный охватъ его. Они избѣгаютъ несвоевременной атаки и начинаютъ ее только тогда, когда артиллерія разстраиваетъ ряды противника.

Уничтоживъ крымскій отрядъ, Убаша выступилъ на соединеніе съ Медемомъ, который въ это время передвинулся къ Бештовымъ горамъ (бештау-пятигорье) и велъ переговоры съ кабардинцами. Представители Малой Кабарды, съ Касаемъ Атажукинымъ во главѣ, изъявили покорность и немедленно начали переселеніе на свои старыя мѣста на Баксанѣ. Большая же Ка-

*) П. Бутковъ I, 469. Прибавленіе къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ 1769 г. № 43.

барда, послушная фирману турецкаго султана, призывавшаго ее къ вооруженію противъ Россіи, поднялась и перекочевала въ верховья Кубани и ея притоковъ. Туда, по соединеніи съ Убашею, Медемъ выслалъ 29-го мая полковника Савельева съ его волжскими казаками и 2-мя тысячами калмыковъ; Савельеву удалось раззорить нѣсколько горскихъ ауловъ, но кабардинцы укрылись въ горы. 6-го іюня въ ту же сторону былъ направленъ болѣе сильный отрядъ того же полковника Савельева и преміеръ-маіора князя Ратіева изъ восьмисотъ казаковъ, одного эскадрона грузинскихъ гусаръ при 2-хъ орудіяхъ и 3-хъ тысячахъ калмыковъ. Кабардинцы заняли выгодную позицію на р. Эшканонѣ, притокѣ Подкумка, но были сбиты стремительною атакою гусаръ и казаковъ; калмыкамъ удалось отрѣзать и взять въ плѣнъ до 300 человѣкъ. Потери непріятеля достигли 50-ти человѣкъ, съ нашей стороны убито 9 и ранено 12. Кабардинцы сознали тщетность сопротивленія и на слѣдующій день сдались. Затѣмъ, они продѣлали всю формальную процедуру перехода въ наше подданство, т. е. учинили присягу на вѣрность, выдали аманатовъ и согласились имѣть у себя нашего пристава, которымъ назначенъ былъ секундъ-маіоръ Тагановъ, происходившій изъ знатнаго кабардинскаго рода. Но, признавъ нашу власть, кабардинцы сочли необходимымъ послать въ Петербургъ своихъ представителей Джанхота Сидякова и Каргока Татарханова съ цѣлью выхлопотать себѣ нѣкоторыя льготы, а главное—упраздненія Моздока.

Одновременно съ кабардинцами присягнули намъ абазинцы (абадзехи) и башильбаевцы, жившіе въ верховьяхъ Кубани.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, свою операціонную линію слѣва, Медемъ двинулся далѣе и 21-го іюня достигъ Кубани, которая въ эту пору находилась въ полномъ разливѣ. Простоявъ нѣсколько дней въ напрасномъ ожиданіи спада водъ, отрядъ нашъ двинулся далѣе вдоль праваго берега, перебросивъ вплавь на лѣвый 5 тыс. калмыковъ. Жившіе по ту сторону султанауль-

цы поспѣшно начали отступать тоже вдоль берега и наконецъ заняли сильную позицію на отрогахъ горъ, окаймлявшихъ все теченіе и устье Тиберды. Лѣвымъ своимъ флангомъ горцы упирались въ Кубань. Медемъ выдвинулъ тогда нѣсколько орудій и сбилъ противника; калмыки, воспользовавшись этимъ, перебрались черезъ Тиберду и съ двухъ сторонъ атаковали горцевъ, которые вынуждены были бросить убитыхъ и раненыхъ и укрыться далѣе въ глубину горъ.

Въ это время разъѣзды яицкихъ казаковъ открыли естественный мостъ, носившій названіе Ташъ-копиръ. Туда немедленно былъ направленъ Савельевъ съ четырьмя стами казаковъ; мостъ оказался занятымъ горцами и защищеннымъ каменною башнею. Казаки, спѣшившись, атаковали его, но были отбиты, причемъ раненъ полковникъ Савельевъ. На помощь казакамъ подоспѣлъ капитанъ Фромгольдъ съ гусарами и однимъ коннымъ орудіемъ. Нѣсколькими выстрѣлами мостъ былъ очищенъ и башня разрушена. Казаки вторично атаковали горцевъ, перерубили уцѣлѣвшихъ защитниковъ и взяли селеніе на той сторонѣ рѣки.

На слѣдующій день, по исправленіи настилки моста, черезъ Кубань переправился князь Ратіевъ съ Грузинскимъ гусарскимъ полкомъ, всѣми казаками, нѣсколькими тысячами калмыковъ и 4-мя орудіями. Отрядъ развернулся, насколько позволяла мѣстность, и началъ тѣснить кубанцевъ, заставляя ихъ все болѣе углубляться въ горы. Дойдя, наконецъ, до плато, на которомъ раскинулся аулъ Чекнасъ, непріятель остановился. Фронтальная атака почти неприступныхъ высотъ была немыслима; поэтому Ратіевъ отрядилъ въ обходъ капитана Фромгольда со всѣми яицкими и гребенскими казаками, которымъ удалось лѣсными и горными тропинками выйти въ тылъ противника въ то время, какъ съ фронта громила его артиллерія. Горцы отступили и, разбившись на мелкія партіи, укрылись въ лѣса и недоступныя скалы. Увлекшись преслѣдованіемъ и раззореніемъ покинутыхъ ауловъ, калмыки и казаки тоже разбрелись и многіе отряды за-

блудились въ незнакомой мѣстности, такъ что Ратіеву только къ вечеру слѣдующаго дня удалось собрать людей. На возвратномъ пути пришлось снова брать съ бою мостъ, сильно занятый непріятелемъ, думавшимъ отрѣзать намъ отступленіе, но атакой казаковъ путь былъ очищенъ и отрядъ соединился съ главными силами.

Пораженіе горцевъ было полное. Они потеряли множество убитыми и до 270-ти плѣнными, всѣ ихъ жилища были раззорены на большомъ пространствѣ, угнано до 30-ти тыс. разнаго рода скота и освобождено много русскихъ, грузинъ и армянъ, томившихся въ многолѣтней неволѣ. Наши потери, однако, были довольно чувствительны; онѣ заключались въ 2-хъ раненыхъ офицерахъ, 21 убитыхъ и 33-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Движеніе это въ неприступную мѣстность поразило горцевъ. Они никогда не подозрѣвали, чтобы кто нибудь, кромѣ нихъ, могъ проникнуть въ эти дебри, а тѣмъ болѣе провезти артиллерію, которую многіе горцы видѣли впервые въ конной запряжкѣ. Главнѣйшими нашими противниками въ послѣднихъ дѣлахъ были султанаульцы, горцы ногайскаго происхожденія. Нѣкогда они были подвластны Россіи, но затѣмъ откочевали за Кубань; теперь же, послѣ причиненнаго погрома, они снова изъявили покорность и въ 1770 году были переселены въ Кабарду.

Этимъ заканчиваются всѣ боевыя дѣйствія Медема на Кубани. Онъ вынужденъ былъ вернуться обратно на Малку, вслѣдствіе необычайнаго въ томъ году разлитія рѣкъ, а главное, въ тылу возмутились чеченцы, думавшіе воспользоваться отсутствіемъ войскъ на линіи. Съ Малки Убаша вернулся въ свои улусы, а Медемъ отошелъ на Терекъ.

Только въ февралѣ 1770 года Медемъ получилъ возможность выступить для обузданія чеченцевъ и однимъ появленіемъ своимъ привелъ ихъ къ покорности. Большая ихъ часть съ Али-Султаномъ была выведена изъ горъ и поселена на Сунжѣ, на

земляхъ издревле принадлежавшихъ гребенцамъ. Но умиротвореніе было чисто наружное,—чеченцы продолжали волноваться и дѣлать мелкія нападенія то на казачьи станицы, то на нашихъ подданныхъ горцевъ. Медемъ вынужденъ былъ поэтому два раза совершать экспедиціи въ Чечню и силою оружія водворять на время спокойствіе.

Между тѣмъ, калмыки въ своихъ улусахъ скучали бездѣйствіемъ. Ханъ Убаши, видя, что русскія войска ничего не предпринимаютъ, рѣшилъ произвести самостоятельно набѣгъ на Кубань. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ отрядилъ 1500 человѣкъ, подъ начальствомъ своего родственника Егеменя-Убаши къ городу Копылу. Въ нѣсколько большихъ переходовъ калмыки подошли къ столицѣ закубанья, но городъ оказался перенесеннымъ на острова и жители въ немъ заперлись. Двое сутокъ калмыки укрывались въ камышахъ, ожидая удобнаго случая напасть врасплохъ, но копыльцы, вѣроятно извѣщенные о появленіи своихъ исконныхъ враговъ, не показывались. Егемень потерялъ наконецъ терпѣніе. Онъ приказалъ 12-го іюня тысячи всадникамъ на разсвѣтѣ переправиться вплавь нагими черезъ Кубань и ворваться въ городъ. Калмыки переплыли рѣку, но Копылъ былъ сильно укрѣпленъ валомъ и рвомъ съ рогатками. Калмыки бросились къ воротамъ и начали ломиться въ нихъ, стараясь ихъ разбить каменьями. Поднятая тревога вызвала всѣхъ жителей къ защитѣ, началась пальба изъ пушекъ, ружей, сайдаковъ, и атакующіе вынуждены были отступить. Калмыки ограничились грабежомъ окрестныхъ селеній и вернулись въ свои улусы.

Этотъ набѣгъ и возможность вторичнаго нашествія вынудили многихъ кубанскихъ мурзъ начать переговоры о переходѣ въ русское подданство, но это не избавило ихъ отъ Убаши, который 9-го августа нагрянулъ снова на Кубань, произвелъ погромъ въ обычномъ своемъ духѣ и 11-го вернулся уже на Калаусъ, куда прибылъ Медемъ, чтобы удержать рвеніе калмыковъ. Подобные набѣги вовсе не входили въ расчеты Медема, не же-

лавшаго или не бывшаго въ состояніи, за отсутствіемъ войскъ, продолжать операціи на Кубани. Онъ довольствовался притворнымъ смиреніемъ горцевъ, а набѣгъ Убаши озлоблялъ ихъ и оттягивалъ переходъ ихъ въ наше подданство. По этому поводу произошла размолвка, приведшая къ совсѣмъ нежелательнымъ результатамъ.

Ханъ Убаши назывался оффиціально намѣстникомъ калмыковъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ владыкой надъ своимъ народомъ. По праву наслѣдія, по услугамъ, оказаннымъ Россіи его дѣдомъ, отцомъ и имъ самимъ, онъ имѣлъ право на уваженіе. Нельзя отрицать того громаднаго значенія, которое имѣли калмыки при нашихъ операціяхъ на Кубани. Мы дѣйствовали на кавказскіе народы не численностью, а искусствомъ и авторитетомъ русскаго имени, калмыки же были страшны своею численностью и тою репутаціею неуязвимыхъ шайтановъ, которую они пріобрѣли своими безпощадными набѣгами на Кубань, Дагестанъ, Персію и Крымъ. Эта грозная сила, подобная стихіи, до сихъ поръ была направлена къ нашей выгодѣ. Въ инструкціи данной Медему 15-го января 1769 года говорилось, что:

„Надобно конечно, чтобы отъ него (Медема) все дѣло зависѣло; но надобно же при томъ сколь можно щадить и нѣжность честолюбія владѣльца, т. е. не отдавать ему приказовъ, которые не только его, но владѣльцовъ и весь народъ могутъ привесть въ уныніе и нерадѣніе, когда изъ того примѣтится, что онъ въ его, Медема, волю преданъ“... „При томъ ласковость, скромность и обхожденіе пристойное, смотря по лицу каждаго, пріобрѣтутъ ему, Медему, немедленно склонность и вообще отъ степного сего народа“ *).

Медемъ не съумѣлъ справиться со своей задачей, онъ именно сталъ третировать Убашу и, послѣ самовольнаго похода его на Кубань, написалъ ему рѣзкое предписаніе, затронувшее „нѣжность честолюбія владѣльца“. 21-го августа Убаша пріѣхалъ въ

*) П. Бутковъ. I, стр. 308.

калаусскій лагерь на свиданіе къ Медему, имѣлъ съ нимъ разговоръ и на слѣдующій день уѣхалъ къ себѣ въ улусъ. Убаша, вѣроятно, понялъ изъ этого объясненія свою подвластную роль, а въ административныхъ мѣрахъ увидѣлъ конецъ своей независимости и рѣшилъ поэтому покинуть Россію. Въ январѣ 1771 года 28 тысячъ кибитокъ поднялись и потянулись къ Уралу въ предѣлы Китая. По пути своевольныя калмыцкія орды причинили раззореніе на 293,497 руб. 89½ коп. Но и этотъ грабежъ, исчисленный съ такою поразительною точностью, былъ намъ менѣе вреденъ, чѣмъ переходъ Убаши на сторону турокъ, что было весьма возможно *).

Медемъ тотчасъ испыталъ всю невыгоду своего разлада съ Убашею и вынужденъ былъ по недостатку войскъ перейти отъ наступательныхъ дѣйствій къ оборонительнымъ. Такимъ образомъ, кампанія 1771 года окончилась ничѣмъ и нашъ отрядъ, простоявъ нѣкоторое время у Бештовыхъ горъ, отошелъ въ Моздокъ и 26-го сентября былъ распущенъ на зимнія квартиры.

Во весь послѣдующій періодъ своего пребыванія на Кавказѣ Медемъ былъ озабоченъ главнѣйшимъ образомъ волненіями въ Кабардѣ.

Въ концѣ 1771 года вернулись изъ Петербурга Сидяковъ и Татархановъ, привезшіе высочайшій рескриптъ (отъ 15-го августа 1771 года), въ которомъ кабардинцамъ хотя и было отказано въ главной ихъ просьбѣ—упраздненіи Моздока, но въ тоже время признано за ними право на полученіе 50-ти рублей за каждаго бѣглаго христіанскаго невольника. Медему же одновременно съ этимъ было предписано стараться не принимать холопей кабардинскихъ, чтобы не раздражать ихъ и „сколь возможно остерегаться отъ малѣйшихъ знаковъ принужденія“.

Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что мы примѣняли по отно-

---

*) За уходомъ 28-ми тысячъ кибитокъ, у насъ, тѣмъ не менѣе, все еще оставалось до 13-ти тысячъ на пространствѣ между Манычами и Волгою, но эти калмыки только впослѣдствіи приняли участіе въ нашихъ дѣйствіяхъ.

шенію къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ горцамъ крайне мягкую политику и этимъ постепенно пріучали ихъ къ той неустойчивости, къ постояннымъ колебаніямъ, съ какими эти народы относились къ намъ во всѣ послѣдующія времена. Безнаказанность за постоянныя измѣны, задобриваніе подарками и деньгами вліятельнѣйшихъ лицъ вызывали въ нихъ совсѣмъ обратныя чувства. Многіе считали жалованіе наше обязательною данью Россіи, другіе видѣли въ нашей уступчивости предлогъ къ постояннымъ дальнѣйшимъ претензіямъ и при малѣйшемъ отказѣ подымали оружіе противъ насъ. Генералъ Медемъ, хорошо изучившій эти народы, говорилъ о кабардинцахъ, что всѣ ихъ неудовольствія „суть придирки по ненависти ихъ къ Россіи; держать ихъ въ повиновеніи можно только страхомъ оружія“ *). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его распоряженіи было слишкомъ мало войскъ, чтобы примѣнять свою систему и приходилось поэтому дѣлать уступки въ тѣхъ случаяхъ, когда необходима была твердость.

Всѣ заботы и усилія русскаго правительства были направлены на главные театры, гдѣ, благодаря блестящимъ побѣдамъ Румянцева, Панина, Орлова, Долгорукова, могущественная до сей поры Турція была окончательно низвержена съ своего пьедестала. Въ 1770 и 1771 годахъ отъ Турціи отложились буджакскіе и едисанскіе ногаи, переведенные съ устьевъ Днѣстра въ пріазовскія степи на мѣста, покинутыя калмыками. Затѣмъ, въ 1772 году завоеванный нами Крымъ объявленъ былъ независимымъ и на ханскій престолъ, при нашемъ посредствѣ, избранъ Сагибъ-Гирей. 1-го ноября 1772 года съ нимъ былъ заключенъ въ Карасу договоръ, по которому намъ уступлены Керчь, Еникале, Кинбурнъ, Большая и Малая Кабарды. Турція этого договора не признала, и съ своей стороны назначила ханомъ Девлетъ-Гирея и калгою—Шабазъ-Гирея.

Девлетъ-Гирей не могъ проникнуть въ Крымъ, а потому

*) Рапортъ Медема отъ 2-го марта 1773 года. Акты Археогр. ком. т. I.

принужденъ былъ ограничить свою дѣятельность Кубанью и Кабардою, не желавшею подчиниться условіямъ карасунскаго договора. Въ маѣ 1773 года Девлету удалось поднять населеніе и двинуть 25-ти-тысячное скопище къ Моздоку. Однако горцы не рѣшились атаковать крѣпость, а потребовали только выдачи нѣсколькихъ человѣкъ плѣнныхъ, захваченныхъ нашими отрядами въ прошломъ году. Медему, имѣвшему на всей линіи не болѣе $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ, пришлось согласиться на уступку и возвратить 12 кабардинцевъ. Простоявъ нѣкоторое время верстахъ въ 30-ти около Моздока, горцы отошли назадъ. Девлетъ-Гирей послѣ этого уѣхалъ въ Турцію и тамъ уговорилъ султана ввѣрить ему армію въ 40 тысячъ, которая въ концѣ 1773 года на 120-ти большихъ корабляхъ была направлена къ Суджукской бухтѣ (теперешній Новороссійскъ). Возлѣ мыса Карабуруна ее неожиданно атаковала эскадра вице-адмирала Синявина. Въ происшедшемъ сраженіи мы уже начали одерживать рѣшительную побѣду, потопивъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ, какъ вдругъ налетѣвшій внезапно ураганъ разогналъ обѣ флотиліи. Изъ турецкаго флота уцѣлѣло всего 23 корабля; наши спаслись всѣ, за исключеніемъ двухъ, загнанныхъ вѣтромъ къ непріятелю и взятыхъ въ плѣнъ. Съ остальными 9—10-ю тысячами своего десанта, Девлетъ-Гирей высадился въ Суджукѣ, а затѣмъ весною 1774 года перешелъ къ Тамани и основалъ въ ней свою квартиру. Отсюда Девлетъ-Гирей предпринялъ движеніе противъ едичкульскаго калги Шагинъ-Гирея, брата крымскаго хана Сагиба, и вынудилъ его бѣжать въ Ею, гдѣ мы возводили тогда укрѣпленіе, названное послѣ этого Шагинъ-Гиреевскимъ и лишь впослѣдствіи переименованное въ Ейское.

Юго-восточныя наши границы въ это время были почти беззащитны, почти всѣ донцы были потребованы въ дѣйствующія арміи и на пространствѣ между Азовскимъ моремъ и Терекомъ было въ нашемъ распоряженіи всего три донскихъ полка и нѣсколько незначительныхъ отрядовъ, высланныхъ изъ крымской

арміи. На старыхъ калмыцкихъ кочевьяхъ по Калаусу и Манычу располагались едисанскіе ногаи, настроеніе которыхъ было весьма перемѣнчиво. Главный ногайскій начальникъ Джанъ-Мамбетъ всѣми силами старался отклонить своихъ подчиненныхъ отъ содѣйствія туркамъ. Для поддержанія Джанъ-Мамбета былъ назначенъ подполковникъ Бухвостовъ съ 400-ми гусаръ и драгунъ при 2-хъ единорогахъ.

Въ началѣ марта Девлетъ-Гирей выступилъ на Донъ и выдвинулъ впередъ Шабаза противъ едисанскихъ ногаевъ. Бухвостову, своевременно извѣщенному, удалось разбить турецкій авангардъ и вынудить непріятеля отойти назадъ. Въ виду возможности новаго нашествія Девлета, рѣшено было переселить Мамбета съ его ногаями съ Калауса на Ею. Дѣйствительно, 1-го апрѣля дано было знать о появленіи непріятеля, почему Бухвостовъ для прикрытія этого передвиженія, а также транспортовъ, перевозившихъ заготовленный для донскихъ командъ провіантъ, выдвинулъ на такъ называемый черкасскій трактъ два слабыхъ донскихъ полка Платова и Ларіонова. Отрядъ 2-го апрѣля занялъ на р. Калалѣ, при ея впаденіи въ Егорлыкъ, позицію, упиравшуюся въ высокій отвѣсный откосъ; съ другихъ трехъ сторонъ были за ночь спѣшно вырыты рвы и кромѣ того усилены возами, поставленными по линіи огня. Утромъ 3-го апрѣля показался непріятель, достигавшій громадной численности 20—25-ти тыс. всадниковъ. Платовъ, выбравъ двухъ доброконныхъ казаковъ, приказалъ имъ скакать къ Бухвостову и извѣстить его о положеніи отряда; самъ же рѣшилъ обороняться до послѣдней крайности, отлично понимая, что этимъ боемъ рѣшается, участь Дона, въ то время совсѣмъ беззащитнаго. Платову, впослѣдствіи знаменитому атаману донцевъ, имя котораго облетѣло всю Европу, въ то время было всего 23 года. Наиболѣе видная дѣятельность его протекла внѣ Кавказа, среди кровавыхъ войнъ наполеоновской эпохи, но колыбелью его извѣстности былъ все-таки Кавказъ—свидѣтель геройской обо-

роны его въ глухихъ, тогда еще пустынныхъ степяхъ нынѣшней ставропольской губерніи. Татары, подойдя къ казачьему стану, устремились на приступъ, но первая атака ихъ была отбита съ громаднымъ урономъ. Отступившіе ряды противника были замѣнены свѣжими, и снова повторился штурмъ, также отбитый однимъ огнемъ. Казаки били въ упоръ, такъ что валъ и ровъ оказались скоро заваленными трупами. Озлобившіеся татары еще шесть разъ безуспѣшно пытались сломить упорство ничтожной горсти русскихъ, и казаки къ ужасу своему начали сознавать, что борьба ихъ не можетъ быть продолжительна. Самъ опытный въ бояхъ Ларіоновъ находилъ дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ и завелъ съ Платовымъ рѣчь о томъ, что благоразумнѣе уступить татарамъ, выговоривъ нѣкоторыя условія сдачи. Однако юный и пылкій Платовъ думалъ иначе: для него смерть въ бою была милѣе жизни, опозоренной сдачей врагу, онъ убѣдилъ въ этомъ Ларіонова, вдохнулъ мужество и всѣмъ прочимъ. Татары, озлобленные неудачами, рѣшились на девятый отчаянный штурмъ; казаки мужественно готовились ихъ встрѣтить, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: „наши скачутъ!“ Это былъ казачій полкъ Уварова, мчавшійся на выручку. Изъ посланныхъ двухъ казаковъ, одинъ былъ убитъ, другому же, по счастью, удалось доскакать до лагеря Бухвостова. Первыми изготовились казаки Уварова и своевременно подоспѣли къ мѣсту боя. Горсть отчаянныхъ храбрецовъ, наклонивъ пики, врѣзалась въ ряды татаръ. Платовъ выскочилъ изъ-за закрытій и тоже ударилъ на непріятеля съ другой стороны. Первые ряды были смяты, они увлекли за собою другіе, и все начало спѣшно отступать, опасаясь появленія новыхъ подкрѣпленій... И вдругъ вся эта масса наскакиваетъ на Бухвостова, спѣшившаго съ гусарами, драгунами и орудіями на выручку своихъ. Мгновенно орудія были сняты съ передковъ и на встрѣчу татаръ полетѣла губительная картечь... Не давъ имъ опомниться, на нихъ ударили гусары и драгуны. Произошло тогда явленіе, почти небывалое въ

военныхъ лѣтописяхъ: тысяча съ небольшимъ всадниковъ гнала передъ собою двадцатитысячное скопище, охваченное паникой! Побѣда была полная и виновникъ ея Бухвостовъ былъ достойно награжденъ въ чинѣ подполковника орденомъ Св. Георгія 3-й ст. Это былъ первый георгіевскій кавалеръ на Кавказѣ.

Непріятель въ этомъ дѣлѣ оставилъ болѣе 500 тѣлъ, мы же потеряли очень мало по сравненію съ достигнутыми результатами; у насъ убито и безъ вѣсти пропало 22, ранено 54, но за то лошадей убито 288 и болѣе 300 ранено *).

Въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ Бухвостовъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ еще нѣсколько разъ наносилъ пораженія кубанцамъ и даже занялъ внезапнымъ налетомъ гор. Копылъ, гдѣ захвачено 4 заряженныхъ орудія и большое количество артиллерійскихъ и продовольственныхъ припасовъ.

Донъ былъ спасенъ отъ погрома. Девлетъ-Гирей увидѣлъ, что въ эту сторону ему не удастся проникнуть и направилъ свои орды къ Тереку, гдѣ его ждали кабардинцы, кумыки и чеченцы.

Въ первыхъ числахъ іюня Девлетъ пришелъ въ Кабарду и отсюда выдѣлилъ Шабазъ-Гирея съ 9-ю тысячами къ казачьимъ станицамъ. Скопище это нагрянуло на новыя, недавно только основанныя селенія моздокскихъ казаковъ и раззорило четыре станицы. Казачьи семьи по счастью успѣли укрыться въ Моздокѣ и въ Наурѣ. 10-го іюня горцы прошли мимо Моздока, но не рѣшились напасть на эту сильную крѣпость и бросились къ Науру, который горцы считали плохо укрѣпленнымъ. Однако они жестоко обманулись. Станица была обнесена валомъ, рвы усилены рогатками, на вооруженіи стояли четыре пушки и гарнизонъ его составлялъ весь Моздокскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Савельева, но кромѣ того все взялось за оружіе—и малолѣтки, и старики и даже казачьи жены.

Оборона этой станицы составляетъ одинъ изъ блестящихъ

*) П. Бутковъ I, 331 и газета „Кавказъ“ 1854 г. статьи Сенюткипа №№ 12, 13, 22, 23 и др.

эпизодовъ боевой жизни казаковъ и ярко рисуетъ бытовую сторону казачества, среди котораго женщина, вѣчная труженица въ мирное время, въ минуту опасности могла являться такимъ же бойцемъ, какъ ея отецъ, мужъ или сынъ.

11-го іюня, въ день Св. Духа, татары обложили Науръ и ринулись на приступъ, но были встрѣчены жестокимъ огнемъ. Они сейчасъ же повторили атаку и снова были отбиты..... Въ продолженіи 12-ти часовъ непріятель кидался на валы, но всякій разъ его съ удивительной отвагой встрѣчали защитники и защитницы; послѣднія подавали снаряды, заряжали ружья, передавали ихъ казакамъ, сами рубили косами и кололи вилами тѣхъ смѣльчаковъ, которымъ удавалось взобраться на валъ, лили на нихъ кипятокъ, горячую смолу, а иныя и сами дѣйствовали оружіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдѣли ряды казаковъ. Въ рапортѣ моздокскаго коменданта, описывавшаго это дѣло начальнику Кизляра, говорится: „нѣкоторыя неточію казачія жены, но и дѣвки, другія съ ружьями, а прочія съ косами, ко отвращенію и врежденію онаго (непріятеля) такъ вспомоществовали, что изъ бабъ оказалися такія, кои изъ ружей стрѣляли зарядовъ до двадцати, а одна изъ нихъ, будучи съ прочими съ косою, у непріятеля при стремленіи его на валу къ рогаткѣ, отрубя ему голову, получила отъ него ружье“ *). Непріятель въ своихъ безплодныхъ приступахъ, наконецъ, истощилъ усилія и временно затихъ. Преданіе говоритъ, что въ эту минуту казакъ, по фамиліи Перепорхъ, направилъ орудіе на курганъ, гдѣ была ставка калги Шабаза, и удачнымъ выстрѣломъ разнесъ палатку, а вмѣстѣ съ тѣмъ убилъ и любимаго племянника калги **). Это такъ поразило послѣдняго, что онъ снялъ осаду и ушелъ за Терекъ.

*) Дѣло стараго моздокскаго архива 1774 года № 29. Рапортъ моздокскаго коменданта отъ 21-го іюня 1774 года. Въ исторіи русскаго казачества есть еще примѣръ защиты женщинами укрѣпленія. Въ 1641 году 500 казачекъ съ полутора тысячью казаковъ въ кр. Азовѣ семь дней сряду отбивали приступы 100 тыс. турокъ и принудили ихъ уйти. Бутковъ I. 333.

**) В. Потто. Кавказская война I. 85.

Непріятель похоронилъ болѣе ста труповъ (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ до 800); кромѣ убитаго Гирея, палъ также Каргоко Татархановъ тотъ самый, который былъ посломъ отъ кабардинцевъ въ Петербургѣ, и числился капитаномъ нашей службы. Въ составъ силъ противника въ этомъ боѣ, входили главнымъ образомъ кабардинцы, а также было и до 500 некрасовцевъ. Говорятъ, послѣдніе, участвуя въ атакахъ, криками своими даже подбодряли защитниковъ.

Не будучи въ состояніи овладѣть станицей, непріятель ограничился уничтоженіемъ того, что было возможно и въ общемъ раззорилъ наурцевъ и моздокцевъ на 51 тысячу. Полковникъ Савельевъ тотчасъ же выступилъ за горцами и 18-го числа настигъ одну партію въ 900 человѣкъ и истребилъ ее всю, захвативъ три знамени.

Между тѣмъ Девлетъ-Гирей продолжалъ стоять въ Кабардѣ. Генералъ Медемъ въ концѣ августа двинулся туда и 27-го числа атаковалъ горцевъ у р. Геделена въ Чегемскомъ ущеліи и отбросилъ его за Кубань. Этимъ окончились военныя дѣйствія, такъ какъ получено было извѣстіе о заключеніи 10-го іюля 1774 года кучукъ-кайнарджійскаго мира, которымъ по отношенію Кавказа подтверждался карасунскій договоръ.

Изъ послѣдующей дѣятельности Медема на Кавказѣ можно отмѣтить лишь одинъ выдающійся фактъ, именно—походъ его съ небольшимъ отрядомъ въ Дагестанъ для наказанія уцмія каракайтахскаго за грабежи и вѣроломство, жертвою котораго погибъ, между прочимъ, возвращавшійся изъ Персіи ученый путешественникъ, академикъ Гмелинъ. Нужно сказать, что еще, при открытіи турецкой войны, владѣтели Грузіи и Имеретіи, желая привлечь къ себѣ вниманіе русскаго правительства, просили императрицу Екатерину прислать къ нимъ знающихъ людей для разработки золотыхъ, серебряныхъ и другихъ металловъ

рудъ. Закавказье, утверждали цари Ираклій и Соломонъ, изобилуетъ такими рудами, но мѣстное населеніе не пользуется ими и даже скрываетъ ихъ существованіе, чтобы не возбудить еще болѣе алчность турокъ; если же русскій отрядъ будетъ присланъ на защиту закавказскихъ христіанъ, то разработка рудныхъ богатствъ дастъ средства для его содержанія и для изготовленія на мѣстѣ пушекъ и лафетовъ.

Желаніе Ираклія и Соломона было исполнено. Въ это время по высочайшему повелѣнію отъ нашей Академіи наукъ снаряжались ученыя экспедиціи въ различныя части имперіи для естественно-историческихъ и другихъ изслѣдованій. Изученіе обширнаго астраханскаго края было возложено на академика Самуила Гмелина и адъюнкта Антона Гюльденштедта. Въ началѣ 1770 года они получили повелѣніе раздѣлить между собою область изслѣдованій такъ, чтобы одинъ изъ нихъ могъ отправиться въ Грузію. Жребій этотъ выпалъ на долю Гюльденштедта.

Окончивъ свои занятія на линіи по Тереку, Гюльденштедтъ прибылъ въ сентябрѣ 1771 года въ Тифлисъ и посвятилъ цѣлый годъ изученію христіанскихъ областей Закавказья. Замѣтки его, собранныя и изданныя академикомъ Палласомъ, содержатъ много въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ положеніи этого края. Въ октябрѣ 1772 года Гюльденштедтъ возвратился на Терекъ и оттуда проѣхалъ чрезъ безлюдныя степи сѣвернаго Кавказа въ Азовъ и далѣе въ Россію. Въ Петербургъ возвратился онъ только въ мартѣ 1775 года послѣ многолѣтнихъ безпрерывныхъ разъѣздовъ.

Жребій Гмелина не былъ такъ счастливъ, какъ его товарища. Взявъ на свою долю изслѣдованіе Каспійскаго моря и прилегающихъ къ нему странъ, онъ покинулъ Астрахань на предоставленномъ въ его распоряженіе суднѣ и въ теченіе 1770—1773 годовъ посѣтилъ кавказское побережье, Туркменію и прикаспійскія области Персіи. Обратный путь изъ Энзели въ

Астрахань Гмелинъ пожелалъ совершить берегомъ чрезъ Астару, Баку, Дербентъ и Кизляръ. Въ половинѣ января 1774 года покинулъ онъ Дербентъ и вступилъ во владѣнія уцмія кайтахскаго Эмира-Гамзы.

Въ 1752 году, во время нашествія на Дагестанъ грознаго Надиръ-шаха, подвластные уцмію терекемейцы и евреи, всего до 280-ти дворовъ, избѣгая разгрома, покинули Кайтахъ и поселились на кумыкской плоскости подъ покровительствомъ эндерійскихъ князей. Эмиръ-Гамза настойчиво требовалъ возвращенія своихъ подвластныхъ, такъ какъ съ ихъ уходомъ лишился значительныхъ доходовъ, которые получалъ съ нихъ въ видѣ повинностей. Эндерійскіе князья по этой же причинѣ находили невыгоднымъ для себя возвратить терекемейцевъ и евреевъ въ Кайтахъ. Кумыкскіе владѣльцы считались русскими подданными и подчинялись кизлярскому коменданту. Эмиръ-Гамза обращался съ своей претензіей и къ русскимъ властямъ, но кизлярскій комендантъ не имѣлъ основаній содѣйствовать уцмію, всегда намъ враждебному.

Въ тѣ времена существовалъ еще у кавказскихъ горцевъ древній обычай, извѣстный подъ названіемъ *баранты*. Русскіе военные начальники придерживались также этого обычая при столкновеніяхъ съ горцами. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія, генералъ Левашовъ, командовавшій войсками „у Кавказа“, далъ подчиненнымъ ему частнымъ начальникамъ инструкцію, въ которой значеніе и правила производства баранты опредѣлены въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „между всѣми горскими народами есть обычай, кто у кого украдкою лошадей или скотъ отгонитъ, или человѣка въ плѣнъ возьметъ, тогда обиженная сторона старается отплатить тѣмъ же способомъ, даже, если случай допуститъ, и со излишествомъ. Послѣ того обѣ стороны примиряются“. По правиламъ баранты не было надобности обращать возмездіе именно на обидчика: за него отвѣчало все общество или племя, къ которому онъ принадлежалъ. Къ этому-то обычаю и

рѣшился прибѣгнуть Эмиръ-Гамза для обезпеченія своего иска къ эндерійскимъ князьямъ. Не имѣя возможности вторгнуться въ ихъ владѣнія, онъ взялъ въ баранту академика Гмелина *), проѣзжавшаго черезъ Кайтахъ. Захватъ этотъ далъ ему возможность обратиться уже прямо къ кизлярскому коменданту съ требованіемъ возвратить бѣжавшихъ подвластныхъ или уплатить за нихъ 30,000 рублей.

Пока шла переписка объ освобожденіи плѣнника, дѣло разрѣшилось само собою. Несчастный Гмелинъ, изнуренный предшествовавшими путешествіями и скуднымъ содержаніемъ, скончался 27-го іюля 1774 года въ с. Ахметъ-кентѣ, въ трехъ верстахъ отъ с. Маджалиса, нынѣ административнаго центра Кайтахо-Табасаранскаго округа Дагестанской области.

Эмиръ-Гамза разрѣшилъ студенту Михайлову и рисовальщику Бауру, раздѣлявшимъ плѣнъ Гмелина, отвезти тѣло его въ Кизляръ. Но полное разложеніе заставило ихъ предать его землѣ въ с. Каякентѣ 28-го іюля 1774 года.

Надъ прахомъ Гмелина долгое время не было ни креста, ни камня, ни огорожи—ничего, что могло бы напомнить и указать путешественнику мѣсто, гдѣ покоятся кости безвременно погибшаго ученаго труженика. Лишь въ 1861 году, академикъ Б. А. Дорнъ, путешествуя съ ученою цѣлью по Дагестану, разыскалъ въ Каякентѣ мѣсто погребенія своего собрата и поставилъ на немъ небольшой памятникъ.

Извѣстіе о смерти Гмелина произвело въ Петербургѣ удручающее впечатлѣніе. Императрица повелѣла Медему (указъ 5-го сентября 1774), чтобы онъ всѣми мѣрами постарался склонить уцмія Эмиръ-Гамзу къ возврату вещей и бумагъ покойнаго профессора и въ случаѣ, если переговоры не помогутъ, а дѣла въ Кабардѣ позволятъ, то учинилъ бы на упрямца воинскій поискъ.

*) Старое дѣло 1774 года бывшей астраханской комендантской канцеляріи такъ и озаглавлено: „дѣло о захватѣ г. профессора Гмелина горскимъ владѣльцемъ уцміемъ въ баранту“.

Но всѣ старанія были тщетны: уцмій не только ничего не выдалъ, но, по слухамъ, уничтожилъ всѣ бумаги и коллекціи.

Въ мартѣ 1775 года Медемъ съ 3-мя тысячами регулярныхъ и 2-мя тысячами иррегулярныхъ войскъ двинулся въ Дагестанъ по направленію къ Дербенту, который уже 9 мѣсяцъ осаждался уцміемъ. Походъ совершился при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Кумыки встрѣчали войска очень радушно и даже отводили для солдатъ квартиры, отрядный обозъ перевозился ими же и чеченцами за извѣстную плату, наконецъ шамхалъ тарковскій, всѣми мѣрами старавшійся снискать русское покровительство, не только оказывалъ радушный пріемъ нашему отряду, но и самъ съ нѣсколькими тысячами присоединился къ Медему. 28-го марта Медемъ достигъ урочища Иранъ-Харабъ (погибель Персіи) и расположился на мѣстѣ нѣкогда бывшаго укрѣпленнаго лагеря Надиръ-Шаха, верстахъ въ пятнадцати отъ Дербента. Уцмій бросилъ осаду города и въ тотъ же день атаковалъ нашъ отрядъ. Наши войска построились тремя каре, между которыми стали иррегулярныя части, а въ сторонѣ и на флангѣ за лѣсомъ расположились тарковцы. Войска уцмія, достигавшія 9-ти тысячъ, бросились на центръ, но были отбиты дѣйствіемъ артиллеріи и ружейнымъ огнемъ; затѣмъ непріятель бросился на правое каре, потомъ на лѣвое, но вездѣ принужденъ былъ отступить съ громаднымъ урономъ. Наши воспользовались замѣшательствомъ противника и перешли въ наступленіе. Кайтахцы обратились въ полное бѣгство. Тарковцы своевременно ударили во флангъ и захватили до 220-ти человѣкъ плѣнными; калмыки и наша кавалерія преслѣдовали бѣгущихъ и успѣли захватить еще 105 человѣкъ и до 160 лошадей. На мѣстѣ противникъ оставилъ до 700 труповъ *).

Разгромивъ Эмира-Гамзу, мы явились невольными освободителями Фетъ-Али-хана, который осадой уцмія былъ доведенъ до послѣдней крайности и готовъ былъ уже сдаться. Въ поры-

*) Дѣло моздокск. арх. 1875 г. № 46. Рапортъ ген. Медема отъ 31-го марта 1775 г.

вѣ искренней радости, онъ палъ на колѣни передъ Медемомъ и поднесъ ему ключи отъ города, отдаваясь Россіи въ вѣчное подданство. Ключи эти съ письмомъ хана на имя государыни были отосланы въ Петербургъ.

Медемъ, не особенно дальновидный политикъ, не удовольствовался разгромомъ уцмія, а занялъ Дербентъ, полагая этимъ разширить наши предѣлы. Но какія бы то ни были пріобрѣтенія, могущія создать намъ новаго врага на нашихъ окраинахъ въ лицѣ Персіи, вовсе не входили въ расчеты русскаго правительства. Въ этомъ смыслѣ было дано Медему нѣсколько указовъ, въ которыхъ предписывалось отклонять всякія просьбы о подданствѣ, хотя ласкать мѣстныхъ владѣтелей, но ни въ какомъ случаѣ не обязываться къ вооруженному вмѣшательству. Въ такомъ же духѣ даны были отвѣты Фетъ-Али-хану съ возвращеніемъ ключей, шамхалу и царю Ираклію, который, по выраженію рескрипта Медему отъ 28-го іюля 1775 года „и понынѣ продолжаетъ искать способовъ здѣшнимъ пособіемъ собственному своему властолюбію услужить... сіе же дѣло невозможное, а буде онъ хочетъ, пускай собственными силами новыя производитъ завоеванія и пріобрѣтенія“.

Медемъ положительно не понималъ своей роли. Онъ основался въ Дербентѣ и пробовалъ содѣйствовать разширенію власти Фетъ-Али-хана. Въ іюнѣ онъ командировалъ маіора Криднера въ Табасарань, бывшую во враждѣ съ дербентскимъ ханомъ. Послѣдній даже былъ проводникомъ въ этомъ походѣ. Но Криднеръ неосторожно углубился въ горы, былъ окруженъ, потерялъ штандартъ, знамя, много людей и только потому спасся съ остальными, что кадій табасаранскій приказалъ пропустить нашъ отрядъ. Знамена были потомъ выкуплены за 170 рублей.

Медемъ оставилъ въ Дербентѣ маіора Криднера съ 1500-ми человѣкъ пѣхоты и кавалеріи и нѣсколькими орудіями, а самъ вернулся въ іюнѣ на Терекъ, гдѣ вновь начала волноваться Кабарда, а чеченцы покушались на казачьи станицы.

Такимъ образомъ, Медемъ ограничился въ дѣлѣ наказанія уцмія только побѣдой надъ нимъ подъ Дербентомъ. Самъ же Эмиръ-Гамза ускользнулъ и могъ до нѣкоторой степени торжествовать, потому что не выполнилъ ни одного нашего требованія.

Оставленіе гарнизона въ Дербентѣ не имѣло никакого смысла, и со стороны Медема оно являлось совершеннымъ произволомъ. Положеніе же оставленнаго отряда было очень тяжелое. Страна, раззоренная нашествіемъ уцмія, не могла довольствовать нашихъ войскъ, а Фетъ-Али-ханъ оказался неблагодарнѣйшимъ человѣкомъ: видя, что нечего больше ожидать отъ насъ, тяготясь, наконецъ, нашимъ присутствіемъ, онъ намѣренно ставилъ гарнизонъ въ еще болѣе невыгодныя условія. По счастью, на выручку явился тарковскій шамхалъ Муртазали, который безвозмездно доставлялъ въ нашъ отрядъ провіантъ.

Не смотря на присутствіе нашихъ войскъ, дѣйствія Фетъ-Али-хана вдобавокъ не отличались особымъ дружелюбіемъ. Осенью 1775 года около Дербента потерпѣло крушеніе русское судно купца Скворцова. Пользуясь такъ называемымъ побережнымъ правомъ, Фетъ-Али-ханъ завладѣлъ всѣмъ имуществомъ судна на 700 тысячъ и, чтобы скрыть слѣды своего грабежа, велѣлъ перебить нѣсколькихъ спасшихся матросовъ. Преступленіе раскрылось и поднялась сложная переписка по этому дѣлу, но ничто не могло заставить хана возвратить награбленнаго. Криднеръ, который, какъ оказалось впослѣдствіи, участвовалъ въ дѣлежѣ добычи, бездѣйствовалъ, за что былъ въ 1777 году судимъ и разжалованъ.

Весною 1776 года въ Дербентъ былъ командированъ капитанъ Фромгольдъ, который принялъ командованіе и привелъ отрядъ обратно на Терекъ.

Волненія въ Кабардѣ, отозвавшія Медема изъ Дагестана, были вызваны крымскими дѣлами. Девлетъ-Гирей проникъ въ концѣ 1775 года въ Крымъ, низвергъ Сагибъ-Гирея и турецки-

ми гарнизонами занялъ всѣ крѣпости, Кабарду же объявилъ принадлежащей Крыму. Это явное нарушеніе послѣдняго мирнаго договора однако не вызвало особыхъ осложненій. Въ Крыму водворили порядокъ дѣйствія Суворова, а появленіе Медема съ отрядомъ на Малкѣ вынудило кабардинцевъ вновь присягнуть Россіи и выдать аманатовъ.

Черезъ годъ Медема смѣнилъ (указъ 21-го мая 1777 года) генералъ-маіоръ Якоби, бывшій до сей поры астраханскимъ губернаторомъ.

V.

Имеретинскій царь Соломонъ проситъ у Россіи помощи противъ турокъ. Императрица Екатерина рѣшается послать въ Имеретію вспомогательный корпусъ. Привлеченіе кахетинскаго и карталинскаго царя Ираклія къ войнѣ съ Турціей. Графъ Тотлебенъ. Военно-грузинская дорога. Русскій корпусъ переходитъ чрезъ Кавказскія горы. Отступленіе его отъ крѣпости Шоропани и возвращеніе въ Карталинію *).

Въ предшествующей главѣ уже было сказано, что въ турецкую войну 1768—1774 годовъ правительство наше сдѣлало первый опытъ дѣйствія противъ турокъ изъ Закавказья.

Получивъ извѣстіе о войнѣ, императрица Екатерина созвала 12-го ноября 1768 года чрезвычайный совѣтъ, на которомъ, въ числѣ прочихъ мѣръ, было постановлено: отправить въ Морею, къ далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ нашего закона, живущимъ въ турецкихъ областяхъ, для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ турками „за законъ“.

Рѣшимость поднять христіанъ Закавказья противъ турокъ основывалась не на одномъ только предположеніи о готовности ихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ единовѣрной Россіей противъ общаго врага. Постановленіе совѣта имѣло въ виду положительныя заявленія и просьбы владѣтеля Имеретіи объ оказаніи ему помощи въ борьбѣ съ Турціей. Имеретинскій царь Соломонъ I, изнемогая въ борьбѣ съ турками, въ исходѣ 1766 года обратился къ кизлярскому коменданту генералъ-маіору Потапову съ

---

*) Эта и слѣдующая за нею глава составлены, главнымъ образомъ, по документамъ, изданнымъ профессоромъ А. А. Цагарели въ сборникѣ „Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи“. Томъ I, съ 1768 по 1774 годъ. С.-Петербургъ 1891. Нѣкоторыя свѣдѣнія, не вошедшія въ сборникъ Цагарели, почерпнуты изъ архивныхъ дѣлъ. Наконецъ, пособіемъ служили отчасти матеріалы Буткова и другіе печатные источники. Въ нашей исторической литературѣ походъ Тотлебена почти неизвѣстенъ и потому было признано необходимымъ изложить болѣе подробно этотъ первый опытъ дѣйствія русскихъ войскъ за Кавказомъ.

просьбою исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію съ нѣкоторыми князьями, дворянами и служителями. Домогательство это было однако отклонено нашимъ дворомъ, не желавшимъ нарушить добрыя отношенія къ Оттоманской Портѣ. Продолжавшіяся въ Имеретіи внутреннія усобицы и смуты заставили Соломона искать спасенія въ горахъ на границѣ Осетіи. Противники его, владѣтели Мингреліи, Гуріи и Рачи, при помощи турокъ поставили царемъ Имеретіи Теймураза, двоюроднаго брата Соломона. Въ такихъ обстоятельствахъ Соломонъ вновь отправилъ въ іюнѣ 1768 года въ Петербургъ кутаисскаго митрополита (кутатели) Максима для испрошенія помощи противъ турокъ. Посланный находился еще въ пути, когда Соломону удалось захватить Теймураза и присоединить къ своимъ владѣніямъ область мятежнаго рачинскаго эристава Ростома.

Между тѣмъ, вѣсть о посольствѣ митрополита Максима дошла до Петербурга. Тогда всѣ сношенія двора нашего по дѣламъ Кавказа велись чрезъ кизлярскаго коменданта. Просьба царя Соломона пришла какъ разъ въ то время, когда получено было извѣстіе о войнѣ съ Турціей. При другихъ обстоятельствахъ призывъ Соломона не могъ бы, конечно, имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ предложенія искать убѣжища въ Россіи, какъ это уже не разъ бывало съ христіанскими владѣтелями Закавказья. Но на этотъ разъ ходатайство о помощи Имеретіи вполнѣ соотвѣтствовало видамъ нашего правительства.

Въ январѣ 1769 года кизлярскій комендантъ г.-м. Потаповъ отправилъ къ Соломону поручика князя Хвабулова *) съ письмомъ управлявшаго коллегіей иностранныхъ дѣлъ первенствующаго министра графа Никиты Ивановича Панина отъ 30-го ноября 1768 года. Глубокіе снѣга въ горахъ и другія затрудненія не позволили Хвабулову исполнить порученіе съ надлежа-

*) Поручикъ Грузинскаго гусарскаго полка князь Григорій Хвабуловъ происходилъ изъ рода грузинскихъ князей Кобулоцыхъ. Хвабуловъ есть искаженіе этого имени.

щей поспѣшностью. Только 20-го марта 1769 года прибылъ онъ въ грузинскую крѣпость Крцхинвалъ или Цхинвалъ *) и оттуда въ Рачу, гдѣ находился царь Соломонъ.

Благоволеніе Ея Императорскаго Величества (писалъ Соломону графъ Панинъ) вообще ко всему грузинскому народу, какъ православному и единовѣрному, и особливо къ вашей свѣтлости, какъ поборнику и защитнику христіанства,... всегда было великое, но по нынѣ однако же настояли обстоятельства, препятствующія явному пособствованію. Пока турецкій дворъ хранилъ миръ въ разсужденіи Всероссійской имперіи, ей, какъ знаменитѣйшей въ христіанствѣ державѣ, оставалось ненарушимымъ и съ своей стороны содержаніемъ онаго всему свѣту показывать примѣръ, въ какомъ долженствуютъ быть уваженіи свято и торжественно заключенные трактаты... Объявленіе войны..., происшедшее недавно отъ Порты отоманской безъ всякой причины, но по одной къ христіанству ненависти и обыкновенному ей вѣроломству,... изъемлетъ уже нынѣ изъ среды все то, что дѣлало затрудненіе въ снисхожденіи на домогательства вашей свѣтлости... Такимъ образомъ, настоящая война... почтена можетъ быть для вашего... отечества предзнаменованіемъ отрады избавленія или, лучше сказать, самымъ удобнѣйшимъ къ тому орудіемъ. Неутомленное вашей свѣтлости попеченіе къ огражденію находящагося подъ властію вашею христіанскаго народа, чтобы дѣйствительно цѣль свою достигло, зависитъ отъ новыхъ стремительствъ, употребляемыхъ къ тому вами, но которыя предъ прежними тѣмъ удачнѣе быть уже могутъ, чѣмъ меньше, безъ сомнѣнія, съ турецкой стороны найдетъ сопротивленія. Почти излишно входить во изъясненіе, что при возгорѣвшей нынѣ... войнѣ вы хотя главнѣйше для пользы вашего отечества трудиться будете, но тѣмъ самымъ окажете услугу всему христіанству и ... моей всемилостивѣйшей Государынѣ, какъ православной монархинѣ, слѣдовательно, теперь не одно, но многія побужденія имѣете. По пріѣздѣ сюда отправленнаго отъ васъ митрополита учинено быть имѣетъ точное постановленіе о военныхъ со стороны вашей дѣйствіяхъ и обще съ нимъ пошлется къ вамъ нарочный офи-

*) Нынѣ мѣстечко въ Горійскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., на рѣкѣ Ліахвѣ.

церъ съ полнымъ наставленіемъ, а при томъ не оставится дать и вспоможеніе, какое по разстоянію мѣста удобнѣе можно будетъ исполнить. Но пока митрополитъ вашъ ... прибудетъ и назадъ къ вамъ возвратится требуется время немалое и потому здѣсь я предварительно же могу увѣрить и обнадежить вашу свѣтлость... отъ ... имени моей всемилостивѣйшей Государыни, что когда Господь Богъ благословитъ насъ успѣхами... и тѣмъ дѣла приведены будутъ къ примиренію, тогда ея величество несомнѣнно вашу пользу и интересъ между выгоднѣйшими для Имперіи своей артикулами поставить изволитъ въ самомъ мирномъ трактатѣ. Ваша свѣтлость можетъ теперь стараніе употребить къ собранію большаго числа войска, нежели сколько обыкновенно содержитъ, да и дѣйствительно начать противъ общаго непріятеля дѣйствовать, не допуская его привесть себя въ оборонительное состояніе, а тѣмъ самымъ облегчая и послѣдующія ваши предпріятія... Я уповаю, что ваша свѣтлость и сами по себѣ стараться не преминете грузинскаго и кахетинскаго царя Ираклія, вашего ближняго сосѣда, склонить, чтобы онъ съ вами противъ врага христіанскаго имени общее дѣло составилъ. Онъ не меньше къ тому одолженъ какъ христіанскій владѣтель и народа такого, который равномѣрно вашему находится въ утѣсненіи въ разсужденіи православной вѣры и свободности житія, съ тою только разностію, что ваше владѣніе расхищается отъ турокъ и отъ варваровъ, въ горахъ живущихъ, лезгинцевъ, а его отъ сихъ послѣднихъ, которые плѣнниковъ туркамъ же продаютъ, но, по превозможеніи турокъ, и лезгинцы общими силами скорѣе усмирены быть могутъ, а вопреки, усиленіе однихъ послужитъ усиленіемъ и для другихъ".

По донесенію князя Хвабулова, царь Соломонъ „съ великимъ пріятствомъ" принялъ письмо графа Панина и съ „великимъ восторгомъ" выслушалъ призывъ къ войнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что самъ собою не можетъ начать военныхъ дѣйствій, такъ какъ не разсчитываетъ на послушаніе подвластныхъ князей и даже опасается, что они будутъ ему препятствовать; если же императрица окажетъ ему помощь войсками, то онъ

может набрать въ своихъ владѣніяхъ до 20-ти тыс. воинскихъ людей и надѣется подчинить себѣ многихъ пограничныхъ турецкихъ хановъ. Изъ Рачи князь Хвабуловъ, согласно данной ему инструкціи, отправился въ Грузію для свиданія съ царемъ Иракліемъ. Въ Тифлисѣ находились въ это время турецкіе посланцы, которые пріѣхали къ Ираклію съ просьбой не принимать участія въ предстоявшей русско-турецкой войнѣ. Было ли это дѣйствительно такъ, или же Ираклій желалъ этимъ извѣстіемъ придать себѣ особенное значеніе въ глазахъ русскаго офицера, но Хвабуловъ былъ задержанъ въ пути и получилъ отъ царя приказаніе переодѣться въ грузинское платье. Затѣмъ его доставили тайно въ Тифлисъ и помѣстили въ предмѣстьи, чтобы не узнали турецкіе посланцы. На другой день вечеромъ состоялось свиданіе съ царемъ.

Ираклій, какъ и царь имеретинскій, выслушалъ съ „великимъ восторгомъ" предложеніе графа Панина, но тоже поставилъ первымъ условіемъ присылку семи и во всякомъ случаѣ не менѣе пяти русскихъ полковъ. Помощь эта, говорилъ Ираклій, „нужна больше и для того, что самымъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Грузію нанесется страхъ не только въ турецкой и персидской сторонахъ, но и во всѣхъ тамошнихъ окончностяхъ, и всѣ почувствуя, что онъ, царь Ираклій, принятъ въ высочайшее покровительство, содрогнутся". Содержаніе русскаго вспомогательнаго отряда Ираклій обязывался принять на свой счетъ. Затѣмъ онъ просилъ, чтобы при заключеніи мира съ Турціей грузинское царство было упомянуто въ трактатѣ состоящимъ подъ покровительствомъ Россіи. Третье желаніе царя состояло въ полученіи видимаго для всѣхъ знака монаршей милости. При исполненіи этихъ условій Ираклій обѣщалъ набрать изъ своихъ подвластныхъ и изъ лезгинъ всего до 50-ти тыс. человѣкъ и завоевать всѣ турецкіе города, „даже до самаго Царя-града".

Въ маѣ 1769 году Ираклій имѣлъ совѣщаніе съ прибыв-

шимъ въ Тифлисъ царемъ Соломономъ. Они постановили отправить въ Петербургъ, для окончательныхъ переговоровъ, князя Артемія Андроникова и князя Давида Квенихидзе. Оставалось еще условиться на счетъ дороги, по которой русскія войска могли бы пройти въ Закавказье. Для обсужденія этого вопроса цари съѣхались еще разъ въ Цхинвалѣ. Положили направить русскій отрядъ „на Хеви *) и Чимы“, т. е. по нынѣшней военно-грузинской дорогѣ. Ираклій обязался расчистить этотъ горный путь такъ, чтобы не могло послѣдовать никакихъ трудностей въ провозѣ тяжестей.

Пока князь Хвабуловъ находился еще на пути изъ Кизляра въ Имеретію, митрополитъ Максимъ прибылъ въ Петербургъ и 8-го марта 1769 года представилъ императрицѣ Екатеринѣ просительную грамоту царя Соломона отъ 23-го іюня 1768 года.

Такимъ образомъ, желанія Соломона вполнѣ совпадали съ видами нашего правительства. Времени терять было нельзя: наступала весна и главная армія уже 15-го апрѣля 1769 года перешла черезъ Днѣстръ. Для осуществленія принятаго плана объ одновременномъ нападеніи на турокъ и въ Малой Азіи, надлежало воспользоваться открытіемъ навигаціи по Волгѣ для снаряженія и отправленія вспомогательнаго отряда, назначеннаго дѣйствовать въ Имеретіи. Вслѣдствіе этого было рѣшено, не ожидая извѣстій о результатахъ посылки князя Хвабулова, отправить въ Имеретію уполномоченное лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ сформированію въ Кизлярѣ отряда. На должность русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Имеретіи былъ назначенъ надворный совѣтникъ князь Антонъ Романовичъ Моуравовъ. Отецъ его выѣхалъ изъ Грузіи въ Россію въ 1724 году въ свитѣ царя Вахтанга Левановича, въ 1738 году принятъ въ военную службу капитаномъ и въ этомъ же году убитъ подъ

---

*) *Хеви* значитъ по-грузински *ущелье*. Подъ этимъ нарицательнымъ именемъ подразумѣвается ущелье Терека. *Чимы* есть осетинское селеніе Чми между почтовыми станціями Балтой и Ларсомъ.

Хотиномъ въ сраженіи съ турками. Князь Антонъ Романовичъ воспитывался въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1753 году выпущенъ подпоручикомъ въ Грузинскій гусарскій полкъ и принималъ участіе въ прусской войнѣ; въ 1764 году переименованъ въ коллежскіе ассесоры, а въ 1768 году опредѣленъ членомъ въ контору конфискаціи. Неизвѣстно, какія соображенія побудили коллегію иностранныхъ дѣлъ поручить Моуравову такое отвѣтственное и щекотливое дѣло, какъ представительство русскаго правительства въ отдаленномъ Закавказскомъ краѣ. Въ прошломъ князя Моуравова не было ничего такого, что указывало бы на его дипломатическія способности. Служба въ Грузіи окончилась для него очень печально: по жалобѣ графа Тотлебена на его нерадивость и участіе въ интригахъ, онъ былъ арестованъ въ 1770 году и отправленъ изъ Грузіи въ Петербургъ. Здѣсь признали его не преступникомъ, а просто „неумѣвшимъ и невозмогшимъ найтись въ предстоявшихъ ему различныхъ и внезапныхъ случаяхъ, и пришедшимъ въ замѣшательство отъ непривычки и недомысленности, нежели колико умышленно виноватымъ и точное имѣвшимъ намѣреніе дѣйствовать противъ пользы службы, съ пренебреженіемъ клятвы своей долгу и званію". Вслѣдствіе этого князь Моуравовъ былъ освобожденъ въ 1773 году изъ-подъ ареста, съ зачетомъ его въ наказаніе, и опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ грузинскаго языка.

Въ обширной инструкціи, данной князю Моуравову 28-го мая 1769 года за подписью графа Н. И. Панина, излагается сначала анархическое положеніе Имеретіи: „властители ея турки-магометане и сосѣди, варвары-лезгинцы, въ горахъ живущіе, сдѣлали жребій тамошнихъ жителей крайне несчастливымъ, продолжаемымъ непрестанно расхищеніемъ оныхъ въ плѣнъ и неволю и предуспѣвъ довести имеретійскихъ князей и дворянъ до такого нечувствія, что большой части изъ нихъ и произвольная продажа природныхъ своихъ людей въ нечестивыя руки не ка-

жется противною христіанскому закону и самому человѣколюбію. Сверхъ того взаимное предательство и отступленіе христіанскаго закона для корысти или мщенія и честолюбивыхъ видовъ суть дѣйствія, сколько ни гнусныя, но часто въ Имеретіи случающіяся. Такимъ образомъ время отъ времени умалялся народъ и земля приходила въ опустошеніе. Настоящій имеретійскій царь Соломонъ, или въ самомъ дѣлѣ за должность христіанскаго владѣтеля почтя, или убѣжденъ будучи другими, но здѣсь неизвѣстными причинами, осмѣлился однако же за нѣсколько лѣтъ назадъ воспротивиться вредному обыкновенію, хотя и сильно утвержденному времени продолженіемъ. Довольно было сего обстоятельства вооружить противъ него турокъ, ибо здѣсь отчасти извѣстно, что злоупотребленіе наконецъ не въ томъ одномъ состояло, но что и самая уже земля платила Портѣ въ подать людьми, а особливо женскимъ поломъ. Подтверждается сіе бывшимъ царя Соломона искательствомъ склонить Порту удовольствоваться данью, въ древнія лѣта отъ Имеретіи дарованною. Каждый дворъ платилъ тогда чрезъ каждые три года по одной холстинной рубашкѣ, или деньгами по 20-ти к.“.

Сдѣлавъ затѣмъ бѣглый обзоръ предшествовавшихъ сношеній царя Соломона съ Россіей, „Инструкція“ излагаетъ причины, по которымъ невозможно исполнить желаніе Соломона о присылкѣ ему въ помощь значительнаго (до 5000) русскаго отряда. Временное пребываніе такого числа воинскихъ людей было бы, не говоря о дороговизнѣ ихъ содержанія, безполезно для Имеретіи „при неустройствѣ, въ какомъ она по внутреннему своему состоянію находится и пока обитатели ея въ невѣжествѣ и небреженіи остаются; ибо по взятіи войска назадъ, участь ея еще худшею сдѣлаться могла бъ, а довольствуясь только славою имѣть Имеретію въ протекціи и истощать на защищеніе ея и иждивеніе и силы, совсѣмъ здравой политикѣ противно“. Поэтому необходимо, чтобы царь Соломонъ прежде всего проявилъ не на словахъ только готовность совокупить всѣ свои си-

лы для наступленія противъ турокъ и для прикрытія и защиты границъ Имеретіи. Въ такомъ случаѣ можетъ быть оказана ему дѣйствительная помощь посылкою воинской команды, хотя небольшой, но достаточной для того, чтобы показать и дать почувствовать имеретинамъ всѣ преимущества порядочнаго войска, не нанося ни имъ, ни Россіи тягости въ ихъ содержаніи. Команда эта будетъ состоять изъ главнаго командира знатнаго военнаго чина, одного штабъ-офицера, артиллерійскаго и инженернаго офицеровъ, лекаря, роты мушкетеровъ, роты драгунъ и роты гусаръ. При нихъ отправятся 4 трехъ-фунтовыя пушки и 2 двѣнадцати-фунтовые единорога съ надлежащимъ числомъ прислуги. Такимъ образомъ, сверхъ прямой помощи, царю Соломону предоставится удобный случай, пользуясь совѣтами и руководствомъ начальника отряда, обратить въ пользу своего отечества европейское просвѣщеніе и внушить своимъ подданнымъ охоту къ подражанію. Кромѣ войска, царю будетъ дано еще 50 тыс. руб., т. е. такая сумма, которая, конечно, превышаетъ его годовой доходъ.

Возлагая на князя Моуравова обязанность побуждать царя Соломона ко всѣмъ вышеозначеннымъ полезнымъ видамъ, „Инструкція“ поручала ему, между прочимъ, 1) изслѣдовать дорогу по ущелью Терека, и донести, можетъ ли отрядъ пройдти по ней безъ всякаго затрудненія, или же необходимо ея исправленіе; 2) попытаться склонить грузинскаго царя Ираклія къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи; 3) по прибытіи въ Имеретію начальника отряда дѣйствовать по общему съ нимъ соглашенію, стараясь не только у владѣтеля, у знатныхъ, но и у всего народа пріобрѣсть довѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе на него.

Начальникомъ вспомогательнаго отряда, о которомъ говорилось въ „Инструкціи“, былъ назначенъ генералъ-маіоръ графъ Готлобъ Куртъ Генрихъ Тотлебенъ. Неизвѣстно, почему выборъ императрицы Екатерины палъ именно на этого генерала, всего

менѣе пригоднаго для самостоятельнаго командованія войсками въ отдаленномъ и почти неизвѣстномъ краѣ, гдѣ благоразуміе, обдуманность въ словахъ и поступкахъ въ соединеніи съ твердостью и рѣшительностью были болѣе необходимы, чѣмъ военные таланты. Тотлебенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ авантюристовъ, которыхъ было такъ много въ Европѣ въ прошедшемъ столѣтіи. Онъ началъ службу въ 1724 году пажемъ при дворѣ саксонскаго курфюрста, въ 1745 году получилъ графскій титулъ и должность члена суда, но попался въ какихъ-то злоупотребленіяхъ и бѣжалъ изъ Дрездена въ Голландію. Здѣсь поступилъ онъ въ военную службу, но вскорѣ оставилъ ее, увлекъ богатую сироту, состоявшую у него подъ опекою, и бѣжалъ съ нею въ Берлинъ. Безпорядочная жизнь и столкновеніе съ какимъ-то важнымъ лицомъ заставили Тотлебена покинуть Пруссію и искать убѣжища сначала въ Саксоніи, потомъ опять въ Голландіи. Отсюда отправился онъ въ Петербургъ, нашелъ доступъ къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, предложилъ ей свои услуги въ предстоявшей борьбѣ съ Пруссіей и представилъ планъ веденія малой войны. Предложеніе было принято и Тотлебенъ опредѣленъ на службу съ чиномъ генералъ-маіора. Во время семилѣтней войны, командуя корпусомъ, онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, былъ раненъ, получилъ орденъ св. Александра Невскаго, 28-го сентября 1760 года занялъ Берлинъ. На этомъ оборвалась его русская служебная карьера. Онъ имѣлъ неосторожность издать на нѣмецкомъ языкѣ извѣстіе о занятіи Берлина, причемъ прославилъ одного себя и дурно отнесся о другихъ. Извѣстіе это возбудило справедливое неудовольствіе въ русской арміи. Въ Петербургѣ признали реляцію Тотлебена „продерзостною, ибо онъ свою заслугу увеличиваетъ на иждивеніи почти всей арміи, особливо же явно поноситъ генералъ-поручика графа Чернышева съ его корпусомъ“. Тотлебену было высочайше повелѣно просить прощенія у графа Чернышева, собрать и представить главнокомандующему графу Бу-

турлину всѣ экземпляры реляціи и печатно же на нѣмецкомъ языкѣ отречься отъ ея сочиненія. Тотлебенъ не пожелалъ подчиниться повелѣнію и подалъ въ отставку. Императрица Елисавета Петровна съ своей стороны не согласилась на его увольненіе, но и не настаивала на исполненіи отданнаго повелѣнія. Такимъ образомъ дѣло уладилось и Тотлебенъ остался въ русской службѣ. Но неудовольствіе въ арміи, конечно, не могло исчезнуть. Вскорѣ оно проявилось самымъ рѣзкимъ образомъ. Въ іюнѣ 1761 года, когда Тотлебенъ съ своимъ корпусомъ находился въ Помераніи, подчиненные ему полковые командиры арестовали его „за вредительную службѣ переписку съ непріятелемъ“. Тотлебенъ былъ отправленъ въ Петербургъ и преданъ военному суду, который 20-го мая 1762 года приговорилъ его, какъ измѣнника, къ лишенію чести, имѣнія и живота. Приговоръ однако не былъ приведенъ въ исполненіе, а по воцареніи Екатерины Великой указомъ 11-го апрѣля 1763 года смертная казнь замѣнена изгнаніемъ изъ Россіи, во вниманіе къ тому, что „злое умышленіе Тотлебена никакихъ вредныхъ слѣдствій государству еще не произвело“. Въ маѣ 1769 года, когда началась уже турецкая война, Тотлебенъ обратился къ императрицѣ съ просьбою о помилованіи и возвращеніи въ Россію. Государыня находила сначала возможнымъ разрѣшить ему поселиться гдѣ нибудь въ Россіи, напримѣръ въ Сибири, но потомъ даровала полное прощеніе съ преданіемъ забвенію всего прошлаго. Объ этомъ было объявлено всенародно указомъ сената отъ 27-го мая 1769 года.

Въ высочайшей грамотѣ на имя царя имеретинскаго отъ 26-го мая 1769 года Соломону объявлялось, что въ Имеретію будетъ вскорѣ отправленъ одинъ изъ россійскихъ военачальниковъ, въ искусствѣ своемъ довольно уже испытанный. Военачальникомъ этимъ, какъ уже сказано, оказался Тотлебенъ, только за недѣлю до того помилованный императрицею. Назначеніе это можно объяснить единственно только желаніемъ воспользо-

ваться услугами генерала, показавшаго себя довольно искуснымъ въ веденіи малой войны; но вмѣстѣ съ тѣмъ, отправленіе Тотлебена на Кавказъ можно объяснить опасеніемъ дать ему въ команду какую либо часть въ большой арміи, гдѣ его прошлое, хотя и преданное забвенію, тѣмъ не менѣе было хорошо всѣмъ памятно. Если, такимъ образомъ, думали устранить неудобство принятія на дѣйствительную службу человѣка, обвиненнаго въ измѣнѣ, то упустили изъ виду еще болѣе важныя неудобства посылки такого человѣка въ Имеретію. Здѣсь, вдали отъ всякаго надзора и контроля, Тотлебенъ могъ безнаказанно дать полный просторъ своимъ дурнымъ страстямъ и привычкамъ авантюриста-наемника, ничѣмъ, кромѣ личной выгоды, не связаннаго съ тою страною, которой онъ являлся представителемъ. Наконецъ и здѣсь были люди, хотя бы тотъ же князь Моуравовъ, участвовавшій въ прусской войнѣ, которые знали и помнили происшествіе въ Помераніи. Войска, очевидно, не могли имѣть довѣрія къ такому предводителю, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, подозрительно относился къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Тотлебенъ не зналъ русскаго языка и потому, для объясненій съ грузинами, долженъ былъ прибѣгать къ содѣйствію двухъ переводчиковъ. Легко представить себѣ какія недоразумѣнія происходили при двойномъ переводѣ и какъ пользовались ими злонамѣренные люди.

Къ осени 1769 года вспомогательный отрядъ собрался въ Моздокѣ. Въ составъ его вошли: одна рота Грузинскаго гусарскаго полка, одинъ эскадронъ (3 роты) Уфимскаго драгунскаго полка, одна рота пѣхоты, казаки и четыре 3-фунтовыя пушки, всего до 500 человѣкъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, военныя силы владѣтелей Имеретіи и Грузіи были очень значительны. По показанію митрополита Максима, царь Соломонъ выходилъ противъ турокъ обыкновенно съ 20—30-ью тысячами войска, но при денежной помощи можетъ набрать до 50-ти тыс. человѣкъ. Силы Ираклія князья Хвабуловъ и Андрониковъ опредѣляли

тоже въ 40—50 тыс. Основываясь на этихъ показаніяхъ, императрица Екатерина писала Румянцеву, что Ираклій выступитъ съ 30-ью тыс., а Соломонъ съ 20-ью тыс. человѣкъ. Дѣйствительность показала вскорѣ настоящую цѣну этихъ разсчетовъ, основанныхъ на самообольщеніи владѣтелей Закавказья своимъ мнимымъ могуществомъ.

Какъ ни незначителенъ былъ самъ по себѣ составъ отряда графа Тотлебена, сформированіе его и снабженіе провіантомъ представляло большія затрудненія. Въ то время мы имѣли на сѣверномъ Кавказѣ только два населенные пункта—Кизляръ и недавно (въ 1763 году) основанную крѣпость Моздокъ. Между ними, по лѣвому берегу Терека, были расположены казачьи городки или станицы. На пространствѣ обширныхъ степей между Терекомъ и Дономъ не было совсѣмъ осѣдлаго населенія: здѣсь кочевали съ своими табунами и стадами ногайцы и калмыки, здѣсь же кабардинцы пасли на сочной степной травѣ своихъ знаменитыхъ коней. Коменданты Кизляра и Моздока подчинялись астраханскому губернатору. Отсюда же, съ Волги, доставлялся провіантъ и все прочее снабженіе незначительныхъ гарнизоновъ этихъ крѣпостей. Сообщеніе съ Астраханью производилось въ лѣтнее время моремъ отъ устья Терека, зимою же безводною дорогою *) по берегу Каспія. Для доставки провіанта, фуража, артиллерійскихъ и всякихъ другихъ припасовъ и грузовъ наряжались такъ называемые аульные татары, жившіе около Кизляра. Впослѣдствіи они же перевозили запасы и въ Грузію, когда отрядъ Тотлебена перешелъ чрезъ Кавказскія горы.

Сообщеніе Моздока съ Грузіей было еще затруднительнѣе. Между Терекомъ и подошвою Кавказскаго хребта дорога шла по Малой Кабардѣ. Самый путь не представлялъ никакихъ препятствій, но набѣги чеченскихъ хищниковъ дѣлали его очень опаснымъ для транспортовъ и одиночныхъ путниковъ. Еще въ

*) Она извѣстна подъ названіемъ кизлярскаго или линейнаго тракта. Протяженіе ея 400 верстъ.

тридцатыхъ и даже сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія сообщеніе совершалось здѣсь только съ *оказіей*, т. е. подъ прикрытіемъ воинской команды.

Отъ осетинскаго селенія Заурова, на мѣстѣ котораго въ 1784 году заложена Владикавказская крѣпость, начиналась горная дорога или, вѣрнѣе, тропа по ущелью Терека. Здѣсь путнику приходилось бороться и съ природою и съ людьми. Въ Даріальской или Тагаурской тѣснинѣ, гдѣ Терекъ, пробивая себѣ путь черезъ боковой хребетъ, съ бѣшенствомъ несется по скалистой трещинѣ, сообщеніе было возможно только по крутымъ тропамъ, проложеннымъ горцами черезъ каменныя громады. Мѣстами тропа прерывалась надъ обрывомъ и путникъ бывалъ принужденъ или искать дороги на другомъ берегу, или подниматься по зыбкимъ, сплетеннымъ изъ вѣтвей, лѣстницамъ на отвѣсныя скалы.

На всемъ протяженіи Даріальской тѣснины Терекъ не имѣетъ бродовъ ни въ какое время года. Тагаурскіе осетины занимали всѣ переправы и взимали произвольную плату не только за устройство временныхъ мостовъ, но и вообще за пропускъ черезъ ущелье. Даже сравнительно значительныя воинскія команды не всегда могли безпрепятственно проходить здѣсь. Такъ, въ 1770 году, нашъ отрядъ въ 90 человѣкъ нижнихъ чиновъ при 10-ти офицерахъ, посланный графомъ Тотлебеномъ изъ Грузіи въ Моздокъ, подвергся въ ущельи нападенію осетинъ и лишился лошадей, оружія и всего имущества. Въ слѣдующемъ году, посланный отъ нашей Академіи наукъ ученый Гюльденштедтъ, послѣ неоднократныхъ тщетныхъ попытокъ проникнуть изъ Моздока въ Тифлисъ, нашелъ, наконецъ, случай для исполненія своего намѣренія. Онъ выступилъ 11-го сентября изъ селенія Чми или Чимъ (между Балтою и Ларсомъ) подъ прикрытіемъ 24-хъ казаковъ и 100 осетинъ, которыхъ велъ на службу царя Ираклія одинъ изъ осетинскихъ владѣльцевъ. Устройство нѣсколькихъ переправъ черезъ Терекъ и преодоленіе

разныхъ другихъ препятствій заняли такъ много времени, что Гюльденштедтъ прибылъ въ Душетъ только въ концѣ сентября, употребивъ болѣе двухъ недѣль на совершеніе перехода въ 120 верстъ. Обратный путь академика въ Моздокъ былъ еще затруднительнѣе. Прибывъ въ октябрѣ 1772 года въ грузинское селеніе Степанъ-цминда (при нынѣшней казбекской почтовой станціи), онъ вынужденъ былъ остановиться, такъ какъ всѣ мосты на Терекѣ ниже селенія были снесены водою или умышленно уничтожены осетинами. Три верхніе моста находились въ вѣдѣніи моурава (старшины) селенія Степанъ-цминда, который былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ русскими. При его содѣйствіи, переговоры о мостахъ окончились очень скоро: грузины взялись возстановить ихъ за 60 руб. и исполнили это на другой же день. Но осетины, владѣвшіе двумя мостами въ тѣснинѣ Даріала, были не такъ сговорчивы: они потребовали впередъ 80 руб. и не хотѣли дать заложниковъ въ обезпеченіе обязательства. Этотъ отказъ въ исполненіи обычая, установленнаго вѣками, показался Гюльденштедту подозрительнымъ и онъ уклонился отъ заключенія сдѣлки. Послѣдствія оправдали его осторожность. Оказалось, что осетины хотѣли его ограбить, пользуясь тѣмъ, что ихъ аманаты (заложники), находившіеся въ Кизлярѣ, умерли и еще не были замѣнены другими. Они выставили къ переправамъ 300 вооруженныхъ людей и ожидали путешественника. Не видя выхода изъ этого положенія, Гюльденштедтъ окольными тропами, доступными однимъ горцамъ, послалъ вѣсть о своемъ плѣнѣ комендантамъ Кизляра и Моздока. Генералъ Медемъ отправилъ на выручку отрядъ въ 600 человѣкъ при двухъ орудіяхъ подъ командою маіора фонъ-Крюднера. Опасаясь быть запертымъ съ двухъ сторонъ въ тѣснинѣ, Крюднеръ остановился въ сел. Чми и послалъ оттуда 200 человѣкъ вверхъ по ущелью. Осетины не посмѣли сопротивляться и разбѣжались при появленіи войска. Дорога была открыта безъ кровопролитія и Гюльденштедтъ могъ оставить Степанъ-цмин-

да послѣ мѣсячной задержки. Освобожденіе его обошлось въ 30 руб., истраченныхъ на подарки тагаурскому старшинѣ Ахмету, владѣльцу сел. Ларса.

Не будетъ излишнимъ привести еще нѣсколько свѣдѣній о состояніи пути по ущелью Терека во второй половинѣ прошедшаго вѣка. Нѣмецкій авантюристъ Яковъ Рейнеггсъ, состоявшій врачемъ при царѣ Иракліи, называетъ этотъ путь очень опаснымъ, даже гибельнымъ, особенно въ зимнее время, когда горы одѣваются мощнымъ снѣжнымъ покровомъ и только высокіе шесты, съ насаженными на нихъ лошадиными черепами, указываютъ путнику направленіе, котораго онъ долженъ держаться. Несмотря на всю опасность этой дороги, ее предпочитали другимъ, такъ какъ только здѣсь можно было имѣть достаточное число людей для переноски и переправы поклажи. Рейнеггсъ не находитъ словъ для изображенія тѣхъ вымогательствъ, которымъ подвергались путешественники и особенно купцы со стороны носильщиковъ-осетинъ. Отъ Тифлиса до сел. Степанъ-цминда товары доставлялись на вьюкахъ безъ какихъ либо особенныхъ затрудненій. Здѣсь вьюки снимались съ лошадей и приспособлялись для переноски на людяхъ на протяженіи 30-ти верстъ до сел. Чми. Тюки должны были вѣсить 200—240 фунтовъ. Къ каждому тюку нанимались три человѣка, которые несли его по очереди и помогали другъ другу въ опасныхъ мѣстахъ. Отъ Степанъ-цминда до Даріала занимались этимъ дѣломъ грузины, а отъ Даріала до Чми тагаурскіе осетины. Грузъ сдавался старшинѣ, который распредѣлялъ его между носильщиками и получалъ за сохранность особую плату. Но никакой отвѣтственности за утрату старшина не подвергался, и носильщики совершенно безнаказанно грабили порученный имъ товаръ.

Въ тѣ времена горцы почти не знали и не употребляли монеты. Счетъ стоимости велся на рубашки, причемъ каждая рубашка равнялась шести локтямъ грубаго холста *). За перенос-

*) Въ Кизлярѣ, при канцеляріи коменданта, имѣлись для казенной надобности осо-

ку одного тюка платилось шесть рубашекъ, т. е. на деньги около 4-хъ рублей. По доставленіи товаровъ въ сел. Чми, купецъ уплачивалъ всему тагаурскому племени еще 6 рубашекъ въ видѣ мостовой пошлины да, кромѣ того, раздавалъ мелкіе подарки разнымъ попрошайкамъ, отказывать которымъ было бы очень неблагоразумно, такъ какъ, въ сущности, они могли безнаказанно отнять весь товаръ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, шума, крика и угрозъ, всѣ разсчеты благополучно окончены. Носильщики разошлись по своимъ селеніямъ. Обрадованный купецъ навьючиваетъ свой товаръ на лошадей и собирается въ дальнѣйшій путь, но старшина сел. Чми, получившій уже свою долю платы за пропускъ черезъ мостъ, требуетъ еще лично для себя 6 рубашекъ въ вознагражденіе за гостепріимство и покровительство, оказанное имъ путнику. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Чми новая преграда: путь идетъ по узкой тропѣ, проложенной по карнизу скалы надъ обрывомъ. Здѣсь стоитъ сторожевая башня, обитателямъ которой надо уплатить двѣ рубашки за пропускъ. Впрочемъ, это уже послѣдняя остановка: далѣе путь свободенъ, если, конечно, не преградитъ его шайка кабардинскихъ или чеченскихъ хищниковъ.

Любопытенъ самый способъ дѣлежа полученной осетинами дани. Каждая штука полотна раздѣлялась немедленно на столько кусковъ, сколько было старшинъ тагаурскаго племени. А такъ какъ ихъ было очень много, то каждому доставался только незначительный клочекъ ткани. Вслѣдствіе этого, всѣ тагаурцы носили рубашки, сшитыя изъ множества лоскутковъ или заплатъ.

Таковъ былъ путь въ Грузію, который предстояло впервые преодолѣть нашимъ войскамъ съ артиллеріей и обозомъ. Въ

бые склады такого холста. Въ 1770 году, когда движеніе военныхъ транспортовъ по Даріальскому ущелью усилилось по случаю нахожденія русскихъ войскъ за Кавказомъ, казною было израсходовано въ три мѣсяца 15,860 арш. холста на уплату горцамъ за пропускъ по дорогѣ и за переноску тяжестей. Холстъ доставлялся изъ Нижняго Новгорода.

первыхъ числахъ августа 1769 года графъ Тотлебенъ прибылъ изъ Кизляра въ Моздокъ и немедленно аресговалъ всѣхъ находившихся тамъ осетинскихъ старшинъ, съ объявленіемъ имъ, чтобы они безъ всякихъ отговорокъ исправили и содержали въ цѣлости всѣ мосты на Терекѣ по дорогѣ въ Грузію. Вслѣдъ затѣмъ, 12-го августа 1769 года, Тотлебенъ выступилъ изъ Моздока и 24-го августа достигъ селенія Ларса. Для дальнѣйшаго слѣдованія отсюда къ сел. Степанъ-цминда пришлось построить десять мостовъ. Орудія, лафеты, колеса и пороховые ящики были порознь перенесены въ теченіе трехъ дней людьми, высланными изъ Грузіи. Отъ Степанъ-цминда, перваго селенія, подвластнаго грузинскому царю, дорога была, хотя узка и камениста, но доступна движенію на колесахъ. Миновавъ это селеніе, Тотлебенъ остановился лагеремъ на Адосъ-миндори *), откуда послалъ царю Ираклію просьбу о дозволеніи пройдти чрезъ его землю въ Имеретію и о заготовленіи за плату потребнаго количества провіанта и фуража. Ираклій отвѣчалъ, что самъ ѣдетъ изъ Тифлиса на встрѣчу отряду къ сел. Хода **), куда и проситъ прибыть графа Тотлебена вмѣстѣ съ княземъ Моуравовымъ. Свиданіе это состоялось 29-го августа. За двѣ версты до царской ставки Тотлебена встрѣтилъ зять Ираклія князь Давидъ Орбеліани съ десятью князьями и дворянами. Они проводили генерала до назначенной ему палатки. Черезъ четверть часа церемоніймейстеръ пригласилъ его къ Ираклю. Передъ входомъ въ царскій шатеръ стояли придворные съ тростями въ рукахъ, пажи, сыновья Ираклія Георгій и Леванъ и католикосъ Антоній. Вслѣдъ затѣмъ появился самъ царь, который обнялъ и поцѣловалъ Тотлебена, сказавъ, что онъ благодаритъ Бога, сподобившаго его видѣть въ землѣ своей такого знаменитаго человѣка, присланнаго отъ всемилостивѣйшей императрицы, защитницы

---

*) Равнина при сел. Коби на военно-грузинской дорогѣ.

**) Сел. Хода не показано на нашихъ картахъ. Оно находилось при верховьяхъ Арагвы, близъ нынѣшней гудаурской почтовой станціи.

рода христіанскаго. Послѣ первыхъ привѣтствій царь ввелъ Тотлебена въ шатеръ и предложилъ ему мѣсто на сундукѣ, покрытомъ ковромъ; но генералъ отказался и сѣлъ на полъ. Ираклій съ сыновьями и католикосомъ помѣстились противъ него. Послѣ краткой бесѣды и угощенія, состоявшаго изъ вина и фруктовъ, Тотлебенъ откланялся. На другой день Ираклій отдалъ визитъ Тотлебену въ лагерѣ при Адосъ-миндори. Тотлебенъ съ своею свитою выѣхалъ ему на встрѣчу. Въ русскомъ лагерѣ привѣтствовали царя пушечными выстрѣлами, игрою на трубахъ и барабаннымъ боемъ. Въ генеральской палаткѣ Ираклія, царевича Левана, католикоса и царскую свиту угостили обѣдомъ. Здравицы за императрицу Екатерину и Ираклія сопровождались пушечною пальбою, впервые огласившею своимъ грохотомъ дикое ущелье Терека. Послѣ стола князь Моуравовъ приступилъ къ разъясненію видовъ и намѣреній русскаго правительства въ отношеніи Грузіи. Царь желалъ имѣть какое нибудь письменное подтвержденіе словъ князя Моуравова, но письмо къ Ираклію отъ графа Панина было запечатано въ конвертѣ на имя царя Соломона. По убѣдительной просьбѣ Ираклія Моуравовъ рѣшился вскрыть этотъ конвертъ. Узнавъ изъ переданнаго ему письма графа Панина о желаніи императрицы Екатерины привлечь его къ войнѣ съ Турціей, Ираклій отозвался полною готовностью, обѣщалъ поднять также эриванскихъ армянъ и лезгинъ, но просилъ дать ему въ помощь не менѣе 5-ти тыс. русскаго регулярнаго войска. При этомъ Ираклій далъ понять, что безъ него имеретинскій царь ничего не можетъ сдѣлать и не будетъ въ состояніи снабдить отрядъ провіантомъ и фуражемъ. Любопытенъ отзывъ князя Моуравова о самомъ царѣ Иракліи:

„Отъ роду ему сорокъ восьмой годъ. Наружный его видъ доказываетъ величественную важность, соединенную съ геройствомъ, и всѣ его разговоры полны разума, набожности и несуевѣрнаго почтенія къ закону. Равно въ числѣ его достоинствъ—правленіе его самодержавное и неограниченное ни мало, всѣ князья, живущіе въ его владѣніи,

его вѣрные подданные, и всѣ распоряженія показываютъ владѣтеля, знающаго повелѣвать своими народами".

Сентября 26-го Тотлебенъ чрезъ Анануръ и сел. Ламискана на р. Ксанѣ прибылъ на границу Имеретіи къ урочищу Кортохти, гдѣ на другой день имѣлъ свиданіе съ царемъ Соломономъ и объявилъ ему, что имѣетъ повелѣніе выгнать турокъ изъ Имеретіи и возстановить царя въ прежнихъ его владѣніяхъ. Соломонъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что заготовилъ для отряда на нѣсколько мѣсяцевъ провіанта и фуража, и тутъ же приказалъ выдать командѣ пшеничнаго хлѣба на два дня и пять быковъ на мясную порцію.

Этимъ, кажется, и ограничилось исполненіе пышныхъ обѣщаній Соломона, не потому, что онъ не желалъ ихъ сдержать, а вслѣдствіе совершеннаго неимѣнія запасовъ и невозможности ихъ собрать. Имеретинское царство находилось тогда въ состояніи совершенной анархіи и разоренія. Власть царя признавалась едва только въ двухъ уѣздахъ, Кутаисскомъ и Шорапанскомъ, нынѣшней Кутаисской губерніи.

„Имеретійцы, доносилъ графу Панину князь Моуравовъ, въ самомъ бѣдномъ и жалостномъ состояніи находятся: князья и дворяне ихъ носятъ платье изъ сѣраго сукна, а подлый (т. е. простой) народъ—своевольный, гордый и непослушный, большая часть босые. Довольствуютъ же себя лѣсными плодами и своево просянова хлѣба весьма мало въ пищу употребляютъ. Пшеничнаго хлѣба весьма мало сѣютъ, а имѣютъ просо, называемое по имеретински гоми, изъ которой варятъ кашу и оную вмѣсто хлѣба въ пищу употребляютъ. Во все время зимою и лѣтомъ довольствуютъ лошадей полевымъ кормомъ, сѣна не имѣютъ, а, вмѣсто ячменя и овса, просомъ. Имеретійцы и къ своимъ друзьямъ и родственникамъ никакой довѣренности не имѣютъ и всякій часъ ожидаютъ незапнаго нападенія и смертоубивства, что между ними часто и случается, а мужики у своихъ же сосѣдей имеретинцевъ крадутъ дѣтей и отводятъ ихъ въ городъ Кутаисъ и тамъ туркамъ продаютъ. Соломонъ конныхъ и пѣшихъ съ нуждою

6000 войскъ набрать можетъ и власть его, какъ отъ турковъ, такъ и отъ княжскихъ фамилій, весьма стѣснена; и хотя до 8000 дворовъ крестьянскихъ имѣетъ, но оные отъ турковъ совсѣмъ раззорены и въ крайнюю нищету приведены".

Таково было тогда экономическое и нравственное положеніе Имеретіи. Въ политическомъ отношеніи дѣла были также неблагопріятны. Турки содержали свои гарнизоны въ Кутаисѣ, Шорапанѣ, Багдатѣ и Цуцхватѣ. Въ Кутаисѣ, столицѣ Имеретіи, считалось однихъ поселянъ-турковъ 500 дворовъ, которые занимались торговлею и земледѣліемъ. Съ своими сосѣдями, владѣтелями Мингреліи и Гуріи, Соломонъ находился въ постоянной войнѣ. Въ этихъ областяхъ турки также содержали гарнизоны въ Поти, Анакліи, Цихисдзири и Кобулетѣ и невозбранно торговали мѣстными жителями-христіанами. По словамъ князя Моуравова, во всѣхъ перечисленныхъ крѣпостяхъ находилось въ гарнизонѣ до 3000 турокъ, большую часть которыхъ составляли природные имеретины, принявшіе мусульманскую вѣру.

Царь Соломонъ, какъ кажется, не былъ человѣкомъ, способнымъ найдтись въ такомъ трудномъ положеніи, хотя бы и при помощи русскихъ войскъ. Князь Моуравовъ называетъ его отважнымъ и храбрымъ воиномъ, но легкомысленнымъ въ разговорахъ.

„Соломонъ, писалъ князь Моуравовъ графу Панину, услугу и пользу всероссійскому престолу показать не въ состояніи: онъ, какъ дикой, не имѣя никакого воспитанія, и притомъ самаго бѣднаго состоянія человѣкъ, въ маломъ своемъ владѣніи никакого порядка не имѣетъ, да и учредить не можетъ, и окруженъ непріятелями, и 200 человѣкъ, которыхъ онъ для нужныхъ случаевъ всегда при себѣ имѣлъ, за неимѣніемъ денегъ содержать не въ состояніи".

Послѣдующія событія вполнѣ оправдали этотъ отзывъ нашего резидента: Соломонъ нисколько не заботился объ общемъ дѣлѣ и, предоставя Тотлебену воевать съ турками, воспользовался этимъ случаемъ для сведенія счетовъ съ своими личными

врагами. Послѣ свиданія въ Кортохти Тотлебенъ съ отрядомъ и царь Соломонъ съ своими 200 имеретинами подошелъ 3-го октября къ крѣпости Шорапани, построенной изъ дикаго камня на высокой и крутой горѣ при сліяніи Квирилы и Дзерулы. Гарнизонъ состоялъ всего изъ 23-хъ турокъ, но къ нему присоединились жители предмѣстья, покинувшіе свои жилища и вошедшіе въ крѣпость при извѣстіи о приближеніи русскихъ. Крѣпкое природное положеніе Шорапани дѣлало ее неприступною для слабаго отряда, имѣвшаго только полевыя пушки. Къ тому же царь Соломонъ, получивъ извѣстіе о вторженіи владѣтеля Мингреліи въ его предѣлы, пошелъ къ нему на встрѣчу, оставивъ Тотлебена на произволъ судьбы. Съ его уходомъ прекратилась и доставка отряду провіанта. Войска „съ превеликою нуждою“ продовольствовались четыре дня пшеничнымъ хлѣбомъ, потомъ перешли на малыя порціи проса, а соли вовсе не имѣли 14 дней. Вслѣдствіе этого появились среди солдатъ болѣзни и число больныхъ ежедневно умножалось. При такихъ условіяхъ Тотлебенъ не нашелъ возможнымъ продолжать дѣйствія противъ Шорапани. Послѣ 4-хъ-дневныхъ попытокъ взять крѣпость открытою силою, онъ снялъ блокаду и возвратился 13-го октября въ Карталинію, расположившись тамъ на зимнихъ квартирахъ въ Гори и Цхинвалѣ.

VI.

Походъ царя Ираклія и русскаго корпуса къ Ахалциху. Внезапное возвращеніе графа Тотлебена въ Карталинію. Ссора съ Иракліемъ и заговоръ противъ графа Тотлебена, который удаляется съ войсками въ Анануръ. Прибытіе Томскаго пѣхотнаго полка. Походъ въ Имеретію, взятіе Багдата и Кутаиса. Неудачная блокада Поти. Смѣна Тотлебена и назначеніе на его мѣсто генерала Сухотина. Вторичная неудачная блокада крѣпости Поти. Отозваніе русскаго корпуса изъ Грузіи. Кучукъ-кайнарджійскій трактатъ въ отношеніи Грузіи и Имеретіи. Заключеніе.

Въ теченіе лѣта 1769 года переговоры съ царемъ Иракліемъ привели къ окончательному согласію его принять дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ. Первымъ условіемъ для этого Ираклій ставилъ присылку значительнаго русскаго отряда, для совмѣстнаго дѣйствія съ его войсками, и принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи; затѣмъ, отпускъ денегъ на военные расходы. Ираклій просилъ о назначеніи къ нему не менѣе 15-ти русскихъ полковъ, обѣщая „знаменитѣйшіе успѣхи“ и „знатнѣйшую прибыль“. Онъ, конечно, разсчитывалъ возвратить Грузіи всѣ отторгнутыя отъ нея турками области, главнымъ образомъ Ахалцихскую, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ 15-ю полками можно было распространить предѣлы грузинскаго царства до Эрзерума. Но въ Петербургѣ не находили возможнымъ и не считали нужнымъ дѣлать Малую Азію однимъ изъ главныхъ театровъ войны. Цѣль диверсіи со стороны Закавказья состояла въ отвлеченіи части турецкихъ силъ отъ Дуная, куда была направлена наша дѣйствующая армія. Съ другой стороны, кабинетъ нашъ желалъ посылкою войскъ и денегъ христіанскимъ владѣтелямъ Закавказья показать на дѣлѣ свое искреннее участіе въ ихъ судьбѣ. Въ обращенныхъ къ нимъ грамотахъ императрицы Екатерины и письмахъ графа Панина они призывались

къ единенію и самодѣятельности, указывалось на наступленіе благопріятныхъ для этого условій, разъяснялось, что чѣмъ большихъ успѣховъ достигнутъ они сами въ борьбѣ съ турками, тѣмъ болѣе выгодныя условія будутъ выговорены для нихъ при заключеніи мира. При такой программѣ не было надобности въ посылкѣ значительнаго числа русскихъ войскъ: Ираклій и Соломонъ должны были дѣйствовать собственными силами, довольно значительными по ихъ заявленію; русскій же отрядъ назначался только для помощи и руководства, для нагляднаго доказательства всѣхъ преимуществъ дисциплинированной и искусной въ военномъ дѣлѣ части предъ мужественною, но нестройною толпою воиновъ.

Поведеніе Соломона подъ Шорапанской крѣпостью обнаружило ненадежность его обѣщаній и слабость его силъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ политическимъ положеніемъ Закавказья оказалось, что первенствующее значеніе имѣетъ тамъ не Соломонъ, а Ираклій, державшій твердыми руками свои владѣнія. Какъ воинъ и военачальникъ онъ пользовался громкою славою далеко за предѣлами Кавказа. Такимъ образомъ, для успѣха дѣла, являлось необходимымъ войти въ болѣе тѣсныя отношенія съ владѣтелемъ Карталиніи и Кахетіи. Въ этихъ видахъ князю Моуравову было повелѣно быть резидентомъ при царѣ Иракліи, а графу Тотлебену предложено склонить царя употребить стараніе къ прекращенію въ Имеретіи непорядковъ, происходившихъ отъ взаимныхъ ссоръ и притязаній между Соломономъ, рачинскимъ эриставомъ и владѣтелями Мингреліи и Гуріи.

Отрядъ Тотлебена, уменьшенный болѣзнями, оказывался совершенно недостаточнымъ для помощи одновременно и Ираклію и Соломону. По представленію Тотлебена послѣдовалъ 22-го октября 1769 года указъ на имя Государственной военной коллегіи о пріумноженіи корпуса, дѣйствовавшаго за Кавказомъ, такимъ образомъ, чтобы, включая и войска, уже тамъ находившіяся, онъ состоялъ изъ одного пѣхотнаго полка, одной мушке-

терской роты, двухъ эскадроновъ карабинеровъ, двухъ эскадроновъ гусаръ, 200 донскихъ казаковъ и 300 калмыковъ, съ артиллеріею, всего 3767 человѣкъ *). Несмотря на всѣ усилія Кизлярскаго коменданта, только къ концу 1769 года удалось собрать въ Моздокѣ 3 роты Оренбургскаго драгунскаго полка, 1 роту Грузинскаго гусарскаго полка и 1 роту пѣхоты изъ астраханскихъ баталіоновъ, всего до 358 чел. и 150 казаковъ. Тотлебенъ, прибывшій за ними 1-го января 1770 года, лично повелъ ихъ въ Грузію. Томскій пѣхотный полкъ, назначенный въ составъ вспомогательнаго корпуса, стоялъ въ Казани. Къ 8-му января 1770 года онъ прибылъ въ Царицынъ подъ командою полковника Клавера, а въ маѣ находился уже въ Грузіи **). Калмыки были отправлены изъ Моздока только въ августѣ этого года подъ начальствомъ секундъ-маіора Баумгартена. Разлитіе Терека задержало ихъ при сел. Чми. Пока исправляли дорогу, калмыки разбѣжались, такъ что изъ 300 осталось только 89 человѣкъ.

Еще во время стоянки отряда осенью и зимою 1769 года въ Карталиніи, возникли неудовольствія между Тотлебеномъ и княземъ Моуравовымъ. Начальникъ русскихъ войскъ находилъ, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ при дворѣ Ираклія, какъ грузинъ по происхожденію, держитъ во всемъ и всегда сторону своихъ единоземцевъ, не исполняетъ данной ему инструкціи и употребляетъ свое свойство и знакомство съ грузинами во вредъ русскихъ войскъ. Въ видѣ примѣра Тотлебенъ указывалъ на то, что подъ Шорапанью Моуравовъ затруднялся предъявить царю Соломону настойчивое требованіе о доставленіи провіанта. По-

*) Въ корпусѣ этомъ числилось: штабъ и оберъ-офицеровъ—106; унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ—3302. Прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ—352. Всего 3767 человѣкъ. Артиллерія, кромѣ полковой, состояла изъ: 12-ти-фунтовыхъ единороговъ—4; 3-хъ-фунтовыхъ единороговъ—4; 3-хъ-фунтовыхъ пушекъ—4. Всего 12 орудій.

**) Слѣдуя съ Волги къ Моздоку, Томскій полкъ прошелъ изъ Царицына прямою дорогою черезъ Калмыцкую степь. У подошвы Ергеней имѣются родники и озера, но за урочищемъ Хаалгайнъ-Гашунъ (близъ Санзыра) полку пришлось проходить болѣе 80-ти верстъ по совершенно безводной мѣстности. Путь этотъ сохранилъ и до сихъ поръ названіе *Томскаго шляха* или *тракта*.

дозрительнымъ казалось Тотлебену также и то, что Моуравовъ и подполковникъ Челокаевъ, живя въ Тифлисѣ, давали царю Ираклію наставленія относительно приготовленія орудій и вообще устройства артиллеріи. Тотлебенъ, находя почему-то предосудительнымъ для русскихъ интересовъ, чтобы Ираклій имѣлъ собственныя пушки, просилъ графа Панина объ отозваніи изъ вспомогательнаго корпуса всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія и князя Моуравова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ, онъ намекалъ на неблагонадежность и самого царя Ираклія.

При такихъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ Ираклій соединился 17-го марта 1770 года подъ мѣстечкомъ Сурамомъ съ русскимъ корпусомъ для совмѣстнаго дѣйствія противъ турокъ. Грузинское войско состояло изъ 7000 человѣкъ съ тремя пушками. Царя сопровождали сынъ его Георгій и два архіерея съ походною церковью. Въ свитѣ находились 50 лезгинъ и персидская музыка. Цѣлью похода былъ избранъ главный оплотъ турецкой власти въ Закавказьи—городъ Ахалцихъ, въ которомъ, по извѣстіямъ, кромѣ жителей, было тогда не болѣе 600—700 лезгинъ. Наступленіе предполагалось вести правымъ берегомъ Куры черезъ сел. Садгери (близъ нынѣшняго Боржома) къ крѣпости Ацхуръ, имѣвшей тоже турецкій гарнизонъ. Для переправы изъ Сурама на правый берегъ Куры строился мостъ близъ сел. Квишхеги. Другой мостъ находился при крѣпости Ацхурѣ. Царь Соломонъ долженъ былъ тоже явиться подъ Ахалцихомъ прямымъ путемъ изъ Имеретіи черезъ Зекарскій перевалъ.

Таковъ былъ планъ войны, предложенный Ираклiемъ и принятый Тотлебеномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при дружномъ дѣйствіи онъ увѣнчался бы полнымъ успѣхомъ. По вѣрному разсчету Ираклія, овладѣніе Ахалцихомъ отдавало въ руки союзниковъ также и всѣ турецкія крѣпости въ Имеретіи, такъ какъ только изъ Ахалциха получали онѣ помощь и поддержку.

Но мнительность и заносчивость Тотлебена не допустили исполнить задуманный планъ. Недовѣріе его къ Ираклію, Моуравову и всѣмъ офицерамъ-грузинамъ расло каждый день и распространилось также и на русскихъ офицеровъ. Невозможность непосредственныхъ объясненій съ подозрѣваемыми, по незнанію ихъ языка, конечно, не мало содѣйствовала усиленію этихъ недоразумѣній.

Въ концѣ марта 1770 года прибылъ въ русскій отрядъ въ качествѣ волонтера подполковникъ Наумъ Николаевичъ Чоглоковъ *), рекомендованный Тотлебену графомъ Н. И. Панинымъ. Этотъ „необузданный и безмозглый молодецъ“, какъ его назвала императрица Екатерина, еще по дорогѣ на Кавказъ удивлялъ ѣхавшаго съ нимъ капитанъ-поручика Львова своею пышностью и ужасалъ своимъ необузданнымъ лганьемъ. Его сопровождали собственный переводчикъ грузинскаго и армянскаго языковъ, подлекарь съ аптекою, два егеря, шесть гусаровъ, камердинеръ, поваръ и т. д. И на пути и въ Грузіи онъ объявлялъ всѣмъ, что приходится двоюроднымъ братомъ императрицѣ и, послѣ цесаревича, считается ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Прибывъ въ лагерь подъ Сурамомъ, Чоглоковъ, не стѣсняясь, порицалъ Тотлебена и намекалъ, что имѣетъ именной указъ съ какимъ-то особымъ порученіемъ. Въ русскомъ и въ грузинскомъ лагеряхъ, повидимому, охотно слушали болтовню и хвастовство Чоглокова, одни по довѣрчивости, другіе по разсчету, третьи въ угоду молодому тароватому офицеру, имѣвшему дѣйствительно большія связи при дворѣ. Около него сгруппировались всѣ недовольные Тотлебеномъ, а такихъ было много, такъ какъ надменный, дерзкій и заносчивый генералъ не скрывалъ своего недовѣрія и нерасположенія къ офицерамъ русскаго и грузинскаго происхожденія. Наконецъ, на страстной не-

*) Отецъ его Николай Наумовичъ Чоглоковъ былъ женатъ на Марьѣ Симоновнѣ Гендриковой, близкой свойственницѣ императрицы Елисаветы Петровны. Обстоятельство это даетъ отчасти ключъ къ разумѣнію поступковъ Наума Чоглокова.

дѣлѣ, 3-го апрѣля 1770 года, Чоглоковъ согласился съ маіоромъ Ременниковымъ и нѣсколькими офицерами устранить графа Тотлебена отъ командованія отрядомъ. Послѣднему было объ этомъ доложено и онъ въ тотъ же день арестовалъ Чоглокова и Ременникова.

Нелѣпая затѣя эта дала Тотлебену поводъ заподозрить въ соучастіи въ заговорѣ также резидента князя Моуравова, подполковника князя Челокаева и многихъ другихъ лицъ до царя Ираклія включительно. Онъ полагалъ, что начало заговору было положено еще въ Кизлярѣ, гдѣ находился одинъ изъ соучастниковъ подполковникъ князь Ратіевъ.

Таково было положеніе дѣлъ когда, послѣ долгой и безплодной стоянки подъ Сурамомъ, Тотлебенъ рѣшился двинуться противъ Ахалциха. Соединенные отряды слѣдовали правымъ берегомъ Куры по боржомскому ущелью и 15-го апрѣля имѣли стоянку при сел. Садгери. Здѣсь, несмотря на протесты Ираклія, Тотлебенъ оставилъ весь обозъ, шесть пушекъ и половину своего отряда. На слѣдующій день миновали разоренную лезгинами крѣпость Сакире, а 17-го апрѣля въ полдень подошли къ крѣпости Ацхуръ, занятой турецкимъ гарнизономъ. Здѣсь случилось невѣроятное происшествіе: 19-го апрѣля Тотлебенъ, не предупредивъ Ираклія, повернулъ назадъ и пошелъ въ Сурамъ, къ великому смущенію и негодованію и русскаго и грузинскаго войска. Въ лагерѣ Ираклія поднялся переполохъ. Грузины громко кричали объ измѣнѣ. Самъ царь прискакалъ къ Тотлебену и умолялъ его остаться, выражая готовность вполнѣ подчиниться ему и занять мѣсто младшаго офицера. Но Тотлебенъ остался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ и мольбамъ. Ацхурскій гарнизонъ, замѣтивъ неурядицу среди непріятелей, сдѣлалъ вылазку и потѣснилъ передовыхъ грузинъ, но Ираклій возстановилъ порядокъ и вогналъ турокъ обратно въ крѣпость.

Лишившись помощи русскаго отряда, Ираклій не прекратилъ, впрочемъ, военныхъ дѣйствій. Ахалцихскій паша отпра-

вилъ къ Ацхуру на помощь турокъ и лезгинъ, приказавъ поспѣшить туда же также гарнизонамъ изъ Ахалкалаки и Хертвиса. Ираклій пошелъ имъ на встрѣчу, чтобы предупредить соединеніе, и 20-го апрѣля 1770 года, на половинѣ пути между Ахалцихомъ и Хертвисомъ, поразилъ турокъ на голову въ достопамятной битвѣ при сел. Аспиндза. Здѣсь сложили свои головы многіе знатные турецкіе беги и знаменитѣйшіе дагестанскіе наѣздники, предводители лезгинскихъ шаекъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный разбойникъ Малачилау или Кохта, былъ изрубленъ самимъ Иракліемъ. Преданіе говоритъ, что въ Тифлисѣ узнали о пораженіи турокъ по кровавому цвѣту рѣки и по трупамъ, принесеннымъ въ городъ Курою.

Послѣ боя подъ Аспиндзой Ираклій не воспользовался, какъ можно и должно было ожидать, достигнутымъ успѣхомъ. Вмѣсто преслѣдованія турокъ, онъ направился кратчайшею дорогою черезъ Ахалкалаки въ Тифлисъ, куда прибылъ 29-го апрѣля 1770 года.

Ираклій объяснялъ свое возвращеніе желаніемъ лично заняться заготовленіемъ продовольствія и всего нужнаго для русскихъ войскъ. Но истинною причиною прекращенія военныхъ дѣйствій, начатыхъ столь успѣшно, слѣдуетъ, кажется, считать опасенія, возбужденныя поступками Тотлебена. Въ отступленіи отъ Ацхура царь видѣлъ прямую измѣну Тотлебена тому дѣлу, ради котораго онъ былъ присланъ въ Грузію. Сверхъ того, во время пребыванія Ираклія въ турецкихъ предѣлахъ, прошелъ въ народѣ слухъ, что Тотлебенъ возвратился въ Сурамъ съ цѣлью привести грузинъ къ присягѣ и приказать имъ высочайшимъ именемъ не признавать Ираклія своимъ владѣтелемъ. Существованіе подобнаго предположенія подтверждаетъ капитанъ-поручикъ Львовъ, считавшій сначала Тотлебена вполнѣ правымъ въ его распрѣ съ Иракліемъ. Вотъ что писалъ онъ 7-го мая 1770 года изъ Ананура полковнику Перфильеву:

„теперь непремѣнно положили, чтобъ, дождавъ Томскій полкъ,

съ царя Ираклія орденъ отобрать и его самого въ Россію отправить, князей противной партіи такъ-же, сколько можно будетъ, прижать и всю Грузію въ подданство ея величества привести. Въ подданство же привести всю Грузію право и съ 8000 нашихъ солдатъ весьма легко".

Слухъ объ этихъ намѣреніяхъ, несомнѣнно, дошелъ до Ираклія, и онъ поспѣшилъ отступить въ свою столицу прямымъ путемъ, минуя Боржомское ущелье и Сурамъ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ Тотлебенъ. Этотъ послѣдній, какъ только получилъ извѣстіе о прибытіи царя въ Тифлисъ, съ своей стороны покинулъ Сурамъ и форсированными маршами, въ два дня, достигъ Ананура и засѣлъ въ немъ.

Тотлебенъ оправдывалъ свое внезапное отступленіе небрежностью или недоброжелательствомъ Ираклія, не заготовившаго провіантъ и фуражъ для русскаго отряда. Но едва-ли это было такъ. Тотлебенъ выступилъ къ Ахалциху, имѣя съ собою продовольствія на нѣсколько дней. Изъ сохранившейся переписки видно, что во время стоянки отряда подъ крѣпостью Садгери (15-го апрѣля) Ираклій просилъ указаній Тотлебена относительно мѣста, куда должны быть направлены запасы, но не получилъ никакого отвѣта. Еще въ сел. Квишхети, гдѣ передъ походомъ стоялъ Тотлебенъ, и затѣмъ во время движенія къ Ацхуру, грузины свободно и открыто покупали у солдатъ печеный хлѣбъ и овесъ. Подъ Ацхуромъ казаки отогнали у непріятеля сто коровъ, не считая множества скота, полученнаго въ добычу отрядомъ. Кромѣ того, за хлѣбомъ были посланы партіи въ непріятельскія селенія и дѣйствительно доставили его, но Тотлебенъ не пожелалъ обождать ихъ возвращенія. Во всякомъ случаѣ, если даже допустить основательность указаннаго Тотлебеномъ повода къ отступленію отъ Ацхура, все-таки онъ не даетъ ключа къ объясненію дальнѣйшихъ поступковъ начальника русскаго отряда. Покинувъ Ираклія въ самую трудную для него минуту, Тотлебенъ не остался въ Карталиніи, въ которой квартировалъ всю зиму и гдѣ имѣлось наиболѣе способовъ къ продо-

вольствію отряда. Расположивъ, по прежнему, свои войска въ Гори, Цхинвалѣ и Сурамѣ, близъ входа въ Боржомское ущелье, онъ могъ бы самою близостью своею къ мѣсту военныхъ дѣйствій оказать Ираклію по крайней мѣрѣ нравственную поддержку. Но онъ поступилъ иначе: усиленными маршами пройдя Карталинію, онъ занялъ въ началѣ мая Душетъ, захватилъ тамъ съ крѣпостной стѣны двѣ пушки и удалился съ ними въ Анануръ. Во время этого поспѣшнаго похода были совершены разнаго рода насильственныя дѣйствія противъ населенія: въ селеніе Мухрани ограблена православная церковь, близъ Душета захвачено имущество мѣстнаго моурава и убитъ одинъ дворянинъ.

Причину внезапнаго отступленія Тотлебена надо, кажется, искать въ его мнительности и боязни ареста, вызванныхъ поступками Чоглокова. Какъ уже было сказано, онъ относился подозрительно и къ Ираклію съ его войсками, и къ Моуравову, и ко всѣмъ своимъ офицерамъ русскаго и грузинскаго происхожденія. Были, конечно, люди, которые имѣли свою выгоду въ поддерживаніи этой подозрительности. По словамъ царя Ираклія, Тотлебенъ, будучи въ Сурамѣ и Квишхети, весьма лѣнился выступить противъ непріятеля. Оставивъ въ крѣпости Садгери весь обозъ, артиллерію и половину отряда, онъ пришелъ подъ Ацхуръ только съ двумя палатками и одной пушкой. Объяснить такое странное распоряженіе можно только боязнью Тотлебена попасть въ ловушку. Ему могло казаться, что Ираклій, пройдя Боржомскую тѣснину, займетъ выходъ изъ нея къ Сураму и, такимъ образомъ, явится полнымъ распорядителемъ судебъ русскаго отряда. Поэтому-то Тотлебенъ призналъ необходимымъ оставить половину своихъ силъ въ Садгери, чтобы обезпечить себѣ отступленіе. Ираклій полагалъ даже довольно основательно, что Тотлебенъ вовсе не имѣлъ желанія идти вмѣстѣ съ нимъ противъ турокъ, но, не осмѣливаясь не исполнить высочайшаго повелѣнія, дошелъ до Ацхура и повернулъ на-

задъ подъ уважительнымъ предлогомъ недостатка провіанта и фуража.

Но и въ Сурамѣ Тотлебенъ не считалъ себя въ безопасности. Еще съ весны 1770 года ожидалъ онъ прибытія гусарскаго эскадрона, отправленнаго изъ Кизляра въ Грузію подъ командою подполковника московскаго легіона князя Николая Юрьевича Ратіева. Сначала Тотлебенъ относился къ князю Ратіеву очень благосклонно. Обращаясь въ февралѣ 1770 года съ просьбою къ графу З. Г. Чернышеву объ отозваніи князя Моуравова и всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія, Тотлебенъ дѣлалъ исключеніе только для одного князя Ратіева, находя его человѣкомъ очень честнымъ и полезнымъ для службы. Ратіевъ подвигался съ своею командою изъ Кизляра очень медленно и тѣмъ возбудилъ мнительность Тотлебена, который заподозрилъ его въ соучастіи въ заговорѣ Чоглокова и Ременникова. Ратіеву былъ посланъ приказъ отправить немедленно обратно въ Россію всѣхъ состоящихъ въ эскадронѣ оберъ- и унтеръ-офицеровъ изъ грузинъ; но Ратіевъ не исполнилъ приказанія и повелъ эскадронъ въ прежнемъ составѣ. Такое неповиновеніе укрѣпило подозрѣнія Тотлебена. Возвратясь изъ-подъ Ацхура въ Сурамъ, онъ отправилъ секундъ-маіора Карпа и ротмистровъ Зорная и Пинхнера съ 30-ю гусарами съ приказаніемъ арестовать ослушника. Между тѣмъ Ратіевъ, переваливъ съ большими затрудненіями черезъ Кавказскій хребетъ, остановился на ночлегъ близъ Ананура. Въ полночь 27-го апрѣля маіоръ Карпъ прискакалъ съ своею командою къ ставкѣ Ратіева и вручилъ ему приказъ Тотлебена. Ратіевъ отказался отдаться подъ арестъ, объяснивъ, что онъ слѣдуетъ къ Тотлебену, который можетъ лично арестовать его, если признаетъ это нужнымъ. Карпъ настаивалъ и даже хотѣлъ прибѣгнуть къ насилію; проснувшіеся отъ шума гусары Ратіева тоже схватились за оружіе. Къ счастью Карпъ, сдѣлавъ нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, ускакалъ съ своимъ ординарцемъ, а Зорнай и его гусары бы-

ли арестованы. На другой день Ратіевъ получилъ изъ Тифлиса сообщеніе отъ князя Моуравова и письмо отъ царя Ираклія. Оба требовали прибытія его съ командою въ Тифлисъ „по самонужнѣйшимъ обстоятельствамъ". Ратіевъ послѣдовалъ приглашенію и 1-го мая вступилъ въ Тифлисъ съ гусарами и артиллеріей.

Извѣстіе о безуспѣшности попытки арестовать Ратіева и о его вступленіи въ Тифлисъ привело Тотлебена въ величайшее смятеніе. Опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Ираклія и не питая довѣрія къ русскимъ офицерамъ своего незначительнаго отряда, онъ не призналъ возможнымъ оставаться болѣе въ Сурамѣ, гдѣ легко могъ быть отрѣзанъ отъ сообщенія съ Моздокомъ. Подъ вліяніемъ этого опасенія, онъ покинулъ Сурамъ и, какъ уже было сказано, поспѣшилъ занять Анануръ съ цѣлью обезпечить себѣ, въ случаѣ надобности, путь отступленія въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ была принята имъ чрезвычайная мѣра: 2-го мая онъ объявилъ по всей Грузіи отъ имени императрицы Екатерины манифестъ, которымъ обѣщалась значительная денежная награда тому, кто представитъ живыми или мертвыми Ратіева, Чоглокова и Деграліе *), оказавшихъ себя измѣнниками и бунтовщиками особѣ государыни императрицы, всероссійскому государству и принятому въ высочайшую защиту царю Ираклію и его фамиліи.

Манифестъ этотъ и оскорбилъ и встревожилъ Ираклія. Онъ находилъ, что Тотлебенъ не имѣлъ права дѣлать подобное публичное распоряженіе безъ его вѣдома и согласія, считалъ его оскорбительнымъ для своего царскаго достоинства и соблазнительнымъ для своихъ подданныхъ. Весьма вѣроятно, что Ираклій усмотрѣлъ въ манифестѣ и скрытую угрозу самому себѣ.

---

*) Чоглоковъ, арестованный Тотлебеномъ, былъ отправленъ 4-го апрѣля 1770 г. въ Россію, но съ дороги бѣжалъ и 1-го мая прибылъ въ Тифлисъ вмѣстѣ съ уволеннымъ отъ службы поручикомъ Деграліе. Этотъ послѣдній былъ исключенъ Тотлебеномъ изъ службы за какія-то письма, „вредительныя" для императрицы Екатерины и для царя Ираклія. Деграліе не отрицалъ своего авторства, но утверждалъ, что письма писалъ по приказанію Тотлебена.

Такъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ князь Моуравовъ графу Панину. На другой же день послѣ появленія манифеста Ираклій написалъ князю Ратіеву письмо, въ которомъ перечислилъ всѣ поступки Тотлебена, обличающіе его измѣну императрицѣ, и заключилъ слѣдующими словами:

„симъ объявляю какъ вамъ, такъ и прочимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, чтобъ Тотлебена арестовать и къ ея величеству и высочайшему двору отослать и кого вы за благо изобрести и того командиромъ учинить, пока Томскаго полку полковникъ прибудетъ и когда отъ ея величества повелѣніе послѣдуетъ по тому исполнимъ, и когда кто сіе не учинитъ, тотъ предъ всемилостивѣйшею государынею и предъ высочайшимъ дворомъ ея отвѣтствовать долженъ“.

По поводу того же манифеста Ираклій писалъ русскому резиденту князю Моуравову отъ 6-го мая 1770 года: „Тотлебенъ не долженъ былъ писать къ моему народу такія письма безъ вѣдома моего, и за такими причинами не могу я стерпѣть его въ моей землѣ, да и въ службѣ моей всемилостивѣйшей государынѣ сдѣлаетъ мнѣ остановку, и если отъ такого презлого человѣка избавите, то беру на себя, что находящіяся здѣсь государевы войска въ провіантѣ и въ хорошемъ содержаніи нужды не будутъ имѣть“.

Такимъ образомъ, Ираклій и Тотлебенъ, представители двухъ союзныхъ государствъ, стояли какъ враги одинъ противъ другого, готовясь каждый принять рѣшительныя мѣры при первомъ враждебномъ дѣйствіи противника. Обѣ стороны отправляли жалобу за жалобой въ Петербургъ. Но при тогдашнихъ разстояніяхъ и способахъ сообщенія отвѣтъ могъ послѣдовать не скоро. Тотлебенъ, несмотря на неоднократныя приглашенія Ираклія стать лагеремъ въ Мухрани, Гори или другомъ какомъ либо мѣстѣ, гдѣ снабженіе отряда легче и удобнѣе, не рѣшался покинуть крѣпкій Анануръ и распоряжался тамъ какъ въ непріятельской странѣ. Онъ выгналъ изъ Душета и Ананура грузинскіе караулы и замѣнилъ ихъ своими гарнизонами, разсылалъ

партіи для грабежа окрестныхъ селеній и приводилъ жителей къ присягѣ на русское подданство. Признавая Ираклія непріятелемъ Россіи, онъ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и высочайшимъ именемъ приказалъ нашему резиденту князю Моуравову выѣхать изъ Тифлиса въ Моздокъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Моуравовъ не рѣшился однако покинуть свой постъ до именнаго высочайшаго повелѣнія.

Въ Петербургѣ впечатлѣніе, произведенное распрей, было не въ пользу грузинскаго царя. Донесеніямъ Тотлебена и состоявшаго при немъ капитанъ-поручика Львова дано болѣе вѣры, чѣмъ представленіямъ Ираклія. Онъ былъ признанъ безусловно виновнымъ въ оскорбленіи Тотлебена и неисполненіи принятаго на себя обязательства. Причину распри нашли исключительно въ навѣтахъ и ковахъ зломысленныхъ людей, т. е. Чоглокова, Ратіева, Моуравова и Деградія. Для ближайшаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ и принятія мѣръ къ успѣшному продолженію военныхъ дѣйствій императрица избрала лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитана Николая Даниловича Языкова. Въ данной ему 9-го іюля 1770 года инструкціи предусматривалась возможность трехъ случаевъ: 1) распря Ираклія съ Тотлебеномъ еще продолжается и потому военныя дѣйствія противъ турокъ остановились; 2) Тотлебенъ лишилъ Ираклія его владѣнія, но возбудилъ этимъ противъ себя его подданныхъ и потому остается въ бездѣйствіи, и 3) грузины отнеслись равнодушно къ устраненію Ираклія и, вмѣстѣ съ Тотлебеномъ, продолжаютъ войну противъ турокъ. Сообразно этимъ тремъ возможностямъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ, Языкову поручалось опредѣлить: необходимо ли возстановленіе Ираклія въ его владѣніи, или примиреніе его съ Тотлебеномъ, или же продолженіе войны возможно безъ этихъ предварительныхъ мѣръ. Къ инструкціи были приложены двѣ высочайшія грамоты къ царю Ираклію и письма къ нему же графа Панина. Предъявленіе царю той или другой грамоты ставилось въ зависимость отъ по-

ложенія дѣлъ, которое оказалось бы на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ Языковъ долженъ былъ истощить предварительно всѣ старанія, чтобы Ираклій остался благонамѣреннымъ къ России, по крайней мѣрѣ во время продолженія турецкой войны. Однимъ изъ пунктовъ инструкціи Языковъ уполномочивался отрѣшить князя Моуравова отъ должности резидента и отправить его въ Петербургъ подъ присмотромъ, а вмѣсто него назначить находящагося уже въ Грузіи капитанъ-поручика Львова. Поводъ къ отрѣшенію Моуравова былъ взятъ изъ донесеній Тотлебена: онъ не имѣлъ никакого усердія въ порученной ему должности, но предпочиталъ пользу Грузіи пользамъ Россіи, давно искалъ ссорить Тотлебена съ Иракліемъ и вступалъ противъ него въ заговоры.

Между тѣмъ Тотлебенъ, по прибытіи Томскаго пѣхотнаго полка, призналъ возможнымъ покинуть Анануръ. Напрасно Ираклій нѣсколько разъ умолялъ его забыть взаимныя пререканія и воспользоваться благопріятнымъ временемъ для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій. Тотлебенъ рѣзко и даже грубо отказался отъ примиренія и объявилъ царю, что пойдетъ одинъ къ Ахалциху черезъ Имеретію, принявъ предварительно въ Грузіи мѣры, предписываемыя предосторожностью и особенно необходимостью обезпечить свободное сообщеніе съ Моздокомъ.

Изломавъ почти всѣ находившіяся въ Ананурѣ грузинскія пушки и захвативъ болѣе 200 пудовъ пороха, Тотлебенъ двинулся въ походъ черезъ Мухрань и Гори къ Сураму. Во всѣхъ попутныхъ крѣпостяхъ онъ оставлялъ гарнизоны и приводилъ населеніе къ присягѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1770 года русскій отрядъ вступилъ въ Имеретію. Царь Соломонъ съ своими князьями встрѣтилъ Тотлебена верстахъ въ 20-ти отъ грузинской границы. На общемъ совѣтѣ было рѣшено атаковать крѣпость Багдатъ, расположенную при выходѣ р. Ханисъ-цкали изъ ущелья на лѣсистую плоскость. Крѣпость эта закрывала большую дорогу изъ Кутаиса въ Ахалцихъ, откуда турки вхо-

дили въ Имеретію. Самое укрѣпленіе имѣло видъ четыреугольника. Длина его стѣнъ, сложенныхъ изъ крупныхъ булыжныхъ камней, не превышала 80-ти шаговъ. Гарнизонъ состоялъ всего изъ 30-ти турокъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Тѣмъ не менѣе взятіе этой крѣпостцы представило значительныя затрудненія. Стѣны оказались непроницаемыми для полевыхъ пушекъ. Обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ русскимъ отрядомъ, осажденные вступили въ переговоры и изъявили готовность сдаться, если имеретинская царица поручится за жизнь и имущество гарнизона. Предложеніе было принято, турки вышли съ знаменами, а царица Марія вошла въ крѣпость съ своею свитою. Безкровное занятіе Багдата при помощи женщины дало Тотлебену поводъ написать пышную реляцію о совершенномъ подвигѣ. Хотя крѣпость Шорапань была взята царемъ Соломономъ еще до прибытія въ Имеретію Тотлебена, этотъ послѣдній включилъ и ее въ перечень плѣнныхъ турокъ и взятыхъ трофеевъ. Императрица Екатерина, сообщая Вольтеру, письмомъ отъ 18-го августа 1770 года, о закавказскихъ подвигахъ Тотлебена, писала о взятіи Багдата: „супруга имеретинскаго царя, прибывъ въ русскій станъ, просила графа предоставить ей честь первой вступить въ крѣпость, когда она будетъ занята. Вы понимаете, конечно, что ей не было въ этомъ отказано...“.

На слѣдующій послѣ сдачи Багдата день союзники отправились къ Кутаису и 5-го іюля стали лагеремъ подъ его стѣнами. Здѣсь, если принять во вниманіе обширность крѣпости, гарнизонъ былъ еще менѣе значителенъ, чѣмъ въ Багдатѣ: онъ состоялъ изъ 50-ти или 60-ти воиновъ. Городскихъ жителей было всего до 220-ти человѣкъ обоего пола, такъ какъ царь Соломонъ еще до прибытія Тотлебена разорилъ городскія предмѣстья. Но и здѣсь малокалиберныя полевыя орудія оказались безсильными противъ толстыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Осаждающіе рѣшили окружить Кутаисъ частыми постами, чтобы прекратить непріятелю способы доставать продовольствіе. Томимые голо-

домъ горожане начали ежедневно выбѣгать въ нашъ лагерь. Турки охотно выпускали ихъ изъ крѣпости, чтобы уменьшить у себя число ртовъ. Тотлебенъ, не обращая вниманія на совѣты своихъ офицеровъ, также охотно принималъ бѣглецовъ, занося ихъ въ списокъ военноплѣнныхъ. Такимъ образомъ собралось въ нашемъ лагерѣ голодныхъ горожанъ до 160-ти человѣкъ. Наконецъ и защитники крѣпости вступили въ переговоры, не приведшіе однако къ положительному результату. Утромъ 6-го августа удалось учащенной пальбой пробить брешь въ одной изъ осыпавшихся стѣнъ. Въ тотъ же день Тотлебенъ получилъ извѣстіе, что гарнизонъ готовится въ слѣдующую ночь тайно покинуть крѣпость. Дѣйствительно, часовъ около 10-ти вечера турки прорвались между пикетами и благополучно ушли. Крики и ружейные выстрѣлы подняли на ноги войска, но Тотлебена не могли нигдѣ найдти. Потомъ оказалось, что въ то время, когда турки выходили изъ крѣпости, онъ тайно поспѣшилъ съ небольшою командою проникнуть въ нее черезъ брешь. На другое утро были осмотрѣны убитые въ крѣпости и около нея. Большая часть состояла изъ женщинъ и дѣтей, военныхъ же людей найдено очень мало. Тотлебенъ просилъ царя Соломона приказать окрестнымъ сельчанамъ ловить бѣжавшихъ турокъ. Несмотря на обѣщанное вознагражденіе, они доставили только одного человѣка и одну отрѣзанную голову. Съ нашей стороны 6-го августа обошлось безъ потери, но за все время блокады Кутаиса корпусъ лишился до 70-ти человѣкъ.

Въ реляціи Тотлебена занятіе Кутаиса названо штурмомъ. Захваченные при этомъ горожане отправлены къ высочайшему двору подъ именемъ военноплѣнныхъ. Половина ихъ состояла изъ женщинъ и дѣтей.

Послѣ Кутаиса Тотлебенъ пытался предпринять движеніе прямою дорогою къ Ахалциху, но дошелъ только до горъ и возвратился опять подъ Кутаисъ. Сюда же прибылъ 23-го сентября и капитанъ Языковъ съ высочайшими грамотами отъ 9-го

іюля. Еще съ дороги Языковъ предложилъ Моуравову прибыть изъ Тифлиса въ корпусъ Тотлебена. Моуравовъ пріѣхалъ 26-го сентября, былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ Петербургъ.

Языковъ доносилъ, что отрядъ нашъ не имѣетъ нужды ни въ хлѣбѣ, ни въ мясѣ, но въ амуниціи, одеждѣ и обуви большой недостатокъ, время же холодное и дождливое, отчего много больныхъ. Въ Тотлебенѣ Языковъ замѣтилъ стремленіе дѣйствовать безъ помощи союзниковъ, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлить военную славу. Отъ примиренія съ Иракліемъ онъ рѣшительно отказался, съ Соломономъ же успѣлъ уже поссориться и не позволилъ ему участвовать въ предположенномъ походѣ къ крѣпости Поти.

Таковы были первыя впечатлѣнія Языкова, изложенныя въ его рапортѣ графу Н. И. Панину отъ 13-го октября 1770 года. Послѣдующіе отзывы его о начальникѣ русскаго отряда еще болѣе рѣзки. Онъ находилъ, что Тотлебенъ, поссорившись съ владѣтелями Грузіи и Имеретіи, потерялъ совершенно безплодно для дѣла цѣлый годъ, а безполезною осадою ничтожныхъ крѣпостей только напрасно изнурялъ солдатъ и даромъ проливалъ ихъ драгоцѣнную кровь. Ираклія и Соломона Языковъ нашелъ вполнѣ преданными императрицѣ и готовыми всѣми мѣрами и силами содѣйствовать общему дѣлу, но Тотлебенъ отказывается наотрѣзъ исполнить цѣль, указанную ему въ инструкціи. „Лаской—такъ оканчиваетъ Языковъ свой рапортъ отъ 3-го декабря 1770 года—лаской изъ здѣшняго народа все сдѣлаетъ, а грубость и суровость ихъ отгоняетъ“.

Въ своихъ донесеніяхъ графу Панину Языковъ избѣгалъ касаться личныхъ качествъ Тотлебена. Какъ человѣкъ сдержанный и осторожный въ выводахъ, онъ, очевидно, не хотѣлъ давать отзывы поспѣшные, не основанные на провѣренныхъ данныхъ. Въ первыхъ рапортахъ, какъ уже было указано выше, онъ объяснялъ славолюбіемъ стремленіе Тотлебена дѣйствовать

собственными силами. Но въ рапортѣ отъ 19-го декабря 1770 года эта простительная слабость замѣняется позорною алчностью:

„пребываніе здѣсь графа Тотлебена ни что иное, какъ только чтобъ достать себѣ добычу, что довольно уже и досталъ и для того точно отгоняетъ отъ себя здѣшнихъ царей и одинъ хочетъ города брать. Примѣръ его жадности къ добычѣ подъ Кутаисомъ: когда изъ крѣпости выходили голодные люди и по большей части женщины съ вьюками, графъ посылалъ офицеровъ оныхъ обирать, даже снималъ перстни съ рукъ, оставляя однѣ рубашки, а взятое все къ нему въ ставку приносили. А по взятіи уже крѣпости сказали графу, что есть пожитки, зарытые въ крѣпости. Послалъ онъ за плѣнными турками и велѣлъ офицерамъ допрашивать ихъ гдѣ въ крѣпости зарыты пожитки, и сѣчь ихъ нещадно батожьемъ,—тиранства такого, я думаю, у самихъ турокъ не бываетъ. Оное мнѣ сказывали исполнители, да и много другихъ подобныхъ случаевъ, кои считаю за излишнее описывать. Солдаты наги, безъ соли и пищи, никогда войско россійское въ такой нуждѣ не бывало,—все оное отъ дурнаго распорядка. Лаской здѣсь хлѣба со излишествомъ всегда можно достать, а за ссорами хлѣба не продаютъ“.

Упомянувъ затѣмъ еще разъ о полной готовности Ираклія и Соломона *) исполнять всѣ повелѣнія императрицы и объ оскорбительномъ обращеніи съ ними начальника отряда, считающаго ихъ какъ послѣдняго солдата, Языковъ находитъ необходимымъ для пользы дѣла смѣнить Тотлебена, котораго „въ здѣшнихъ народахъ до послѣдняго человѣка не терпятъ“.

Подобный же отзывъ о надменности, запальчивости и грабительствѣ Тотлебена находимъ и въ отзывѣ капитанъ-поручи-

*) Въ разговорѣ съ Языковымъ царь Соломонъ при всѣхъ князьяхъ сказалъ: „ежели государынѣ угодно, я охотно свою голову на плаху положу и клянусь Богомъ, когда наша государыня намъ съ царемъ Иракліемъ прикажетъ запречься вмѣсто быковъ, мы станемъ тянуть и горы на себѣ возить. А графа Тотлебена послѣ такой обиды, что онъ меня назвалъ татариномъ, какимъ я въ вѣкъ мой не былъ, видѣться съ нимъ и вмѣстѣ быть никакъ не могу“.

ка Львова. „Я никогда не смѣлъ подумать, писалъ онъ 2-го декабря 1770 года, чтобы могъ быть графъ Тотлебенъ столько къ интересу жаденъ, чтобъ для полученія онаго и честь свою повредить ни мало не жалѣетъ; такимъ-то точно онъ теперь всѣми, въ командѣ его находящимися, по справедливости почитается“.

Въ первыхъ числахъ октября 1770 года Тотлебенъ направился къ Поти. На границѣ Мингреліи присоединился къ нему съ 400 чел. владѣтель этой страны Каціа Дадіани, отдѣлившій часть своего войска для занятія небольшихъ турецкихъ укрѣпленій Рухи на р. Ингурѣ и Анакліи на берегу Чернаго моря. Въ нихъ было по 20-ти чел. турецкихъ солдатъ, которые бѣжали при первомъ извѣстіи о вступленіи русскихъ въ Мингрелію. Во второй половинѣ октября Тотлебенъ занялъ поселеніе Поти и обложилъ самую крѣпость. Въ донесеніи объ этомъ ничтожномъ событіи онъ писалъ, что отнялъ также у непріятеля крѣпости Рухи и Анаклію, причемъ наименовалъ Поти—городомъ Екатерины, Анаклію—Алексѣевны, а Рухи—Св. Павла. По требованію Тотлебена радостное событіе это отпраздновали въ Кизлярѣ и Астрахани благодарственными молебствіями. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, положеніе нашего корпуса подъ Поти было самое бѣдственное и только русскій солдатъ могъ безропотно подчиниться тѣмъ условіямъ, въ которыхъ поставили его упрямство и алчность Тотлебена.

Потійская крѣпость имѣла четыре бастіона безъ рва и наружныхъ укрѣпленій. Тотлебенъ расположилъ свои войска на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ стѣнъ за дурно устроенными закрытіями. Не имѣя крѣпостныхъ орудій, онъ не могъ вредить непріятелю, а самъ несъ большія потери. Въ то время, когда у насъ было убитыхъ до 100 человѣкъ, турки потеряли только пятерыхъ. Единственный артиллерійскій офицеръ князь Колычевъ палъ на батареѣ отъ ружейной пули. Тотлебенъ имѣлъ подъ ружьемъ не болѣе 1200 человѣкъ,—число совершенно не-

достаточное для полнаго обложенія крѣпости. Людьми, бывшими при Дадіанѣ, онъ не желалъ пользоваться и даже приказалъ, чтобы при штурмѣ ни одинъ мингрелецъ не былъ пропущенъ въ крѣпость. Матеріальная часть въ нашемъ корпусѣ находилась въ полномъ разстройствѣ. Рядовые были наги и босы, рѣдкій имѣлъ рубаху; терпѣли нужду въ провіантѣ и особенно въ соли, отъ недостатка которой начинали пухнуть. Лазаретъ съ больными и ранеными стоялъ подъ выстрѣлами. Запасъ пороха и патроновъ, былъ очень скуденъ. „Мы держимся здѣсь“, доносилъ графу Панину капитанъ Языковъ, „однимъ счастіемъ нашей великой государыни“.

Опасность положенія увеличивалась возможностью наступленія турокъ съ юга и сѣвера, со стороны Батума и Аку (Сухума). Тотлебена предупреждали объ этомъ, но онъ не обращалъ вниманія на предостереженія. Между тѣмъ, событія ясно указывали на приближеніе грозы.

Въ декабрѣ 1770 года абхазцы отогнали изъ-подъ русскаго лагеря 412 лошадей, превративъ однимъ ударомъ всю нашу кавалерію въ пѣхоту. Въ концѣ того же мѣсяца появились близъ Поти передовыя части сильнаго турецкаго корпуса (до 6000 человѣкъ), наступавшаго изъ Батума. Тотлебенъ потерялъ голову и не зналъ, что предпринять. Къ счастью, въ лагерѣ находились Языковъ и Львовъ. Послѣдній въ одни сутки проскакалъ въ Кутаисъ и упросилъ царя Соломона двинуться немедленно въ Гурію въ тылъ непріятеля. Маневръ этотъ спасъ нашъ корпусъ отъ гибели, такъ какъ турки повернули назадъ при первомъ извѣстіи о движеніи имеретинскаго ополченія. „Царь Соломонъ великую намъ услугу оказалъ“, доносилъ Языковъ: „ежели бы онъ не спѣшилъ съ войскомъ, то бы наша гибель была“.

Наступилъ и 1771 годъ, а крѣпость держалась. Тотлебенъ называлъ свои дѣйствія блокадой, но въ дѣйствительной блокадѣ состоялъ нашъ корпусъ, нуждавшійся во всемъ необходимомъ, тогда какъ въ крѣпости до послѣдняго дня обложенія

слышалось мычаніе рогатаго скота и кудахтаніе куръ. Въ началѣ февраля пришло достовѣрное извѣстіе о готовившемся нападеніи абхазцевъ. Языковъ и Львовъ вновь отправились за помощью въ Кутаисъ, но Тотлебенъ, не выждавъ ихъ возвращенія, 6-го февраля 1771 года снялъ блокаду и отступилъ въ м. Хони на границѣ Мингреліи и Имеретіи.

Такъ кончилась эта злосчастная блокада, продолжавшаяся три съ половиною мѣсяца. Не одна сотня храбрыхъ воиновъ нашихъ погибла безъ пользы подъ стѣнами Поти, не въ честномъ бою, а отъ нужды и смертоносныхъ испареній ріонскихъ болотъ. „Графъ Тотлебенъ", писалъ съ негодованіемъ Языковъ, „болѣе стыда, нежели похвалы въ здѣшнемъ краѣ нашей націи сдѣлалъ! Здѣшній народъ о насъ заключаетъ теперь менѣе, нежели какъ прежде".

Отступленіе въ Хони довершило разстройство отряда. Время стояло холодное, дождь смѣнялся снѣгомъ. Дороги въ болотистой и лѣсистой Мингреліи сдѣлались непроходимыми. Въ отрядѣ не было лошадей, и солдаты, босые и нагіе, тащили на себѣ артиллерію и обозъ по глубокой грязи и топкимъ болотамъ.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ, взглядъ на Тотлебена, какъ на жертву коварства Ираклія и Соломона, поколебался. Сама императрица дивилась его неслыханной подозрительности и находила, что „онъ способнѣе въ Грузіи наши дѣла испортить, нежели оныя привести въ полезное состояніе". Первыя же донесенія Языкова показали, что рѣчь идетъ уже не объ исправленіи дѣла, а о спасеніи нашего отряда. На мѣсто Тотлебена былъ назначенъ изъ дѣйствующей арміи г.-м. Сухотинъ, о чемъ императрица грамотами отъ 13-го января 1771 года извѣстила владѣтелей Грузіи и Имеретіи. Тотлебенъ получилъ это неожиданное для него извѣстіе въ Кутаисѣ, въ концѣ марта, и считалъ виновниками его Языкова и Львова *). Ему казалось да-

*) Тотлебенъ скончался въ Варшавѣ въ 1773 г. Наумъ Чоглоковъ, князь Ратіевъ и

же, что Львовъ замышлялъ арестовать его. Въ маѣ прибылъ въ Кутаисъ Сухотинъ и вступилъ въ командованіе корпусомъ.

Императрица Екатерина писала царю Ираклію, что Сухотинъ въ войнѣ противъ турокъ „довольные опыты оказалъ храбрости и военнаго искуства“. Дѣйствія его за Кавказомъ показали, что онъ не имѣлъ, однако, качествъ, необходимыхъ для самостоятельнаго командованія: благоразумія и предусмотрительности. Корпусъ, по его собственному отзыву, найденъ былъ имъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи: „люди безъ палатокъ, мундировъ, шляпъ, ни одной лошади, ни одного сѣдла, ни одного хомута, пороху на пушку только по пяти, а на человѣка по десяти выстрѣловъ, ни одной штуки шанцевого инструмента“. Несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ, санитарное состояніе корпуса не могло быть хорошимъ и требовало внимательнаго попеченія о людяхъ. Назначая Сухотина на Кавказъ, императрица рескриптомъ повелѣла ему удержать Поти, если графъ Тотлебенъ дѣйствительно завладѣлъ этимъ городомъ, его крѣпостью и портомъ. Сухотинъ, ознакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, не имѣлъ настолько мужества, чтобы отказаться отъ предпріятія противъ Поти, предложеннаго ему въ Петербургѣ, гдѣ не могли знать ни разстройства корпуса, ни мингрельскихъ болотъ. Тщетно царь Соломонъ предостерегалъ его объ опасности похода къ Поти въ лѣтніе мѣсяцы и предлагалъ отложить предпріятіе до болѣе благопріятнаго времени. Напрасно и царь Ираклій доказывалъ свою любимую мысль о необходимости дѣйствовать противъ Ахалциха, какъ главнаго оплота турокъ. Сухотинъ надменно отвергъ всѣ совѣты, объявивъ, что онъ не боится ни солнечнаго жара, ни дурного воздуха и не нуждается ни въ чьей помощи для овладѣнія крѣпостью. Войска наши, изнуренные предшествовавшими лишеніями и трудами, испытали подъ Поти

прочіе заговорщики были судимы въ Казани въ 1771 году и приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. При императорѣ Павлѣ Чоглоковъ возвратился изъ ссылки и умеръ 1798 г. въ Новгородѣ.

неслыханныя бѣдствія. Въ лѣто 1771 года болотная лихорадка свирѣпствовала тамъ съ небывалой жестокостью. Въ короткое время въ нашемъ корпусѣ умерло отъ нея до 800 человѣкъ, здоровыхъ не было ни одного и еще въ ноябрѣ числилось до 500 больныхъ. Сухотинъ былъ вынужденъ отступить къ Кутаису и, страдая отъ лихорадки, а болѣе отъ сознанія ошибки, послалъ императрицѣ прошеніе объ увольненіи, такъ какъ не чувствовалъ себя въ состояніи ни корпусомъ повелѣвать, ни предпринимать съ нимъ что нибудь противъ непріятеля.

Злосчастный походъ къ Поти былъ послѣднимъ опытомъ активнаго участія нашего закавказскаго корпуса въ турецкой войнѣ. Дальнѣйшее пребываніе его въ Грузіи было признано безполезнымъ. Грамотами отъ 4-го февраля 1772 года императрица извѣстила объ этомъ Ираклія и Соломона, причемъ обѣщала утвердить за ними при заключеніи мирнаго трактата съ Турціей всѣ сдѣланныя ими завоеванія.

Уходъ нашихъ войскъ вызвалъ всеобщее сожалѣніе христіанскаго населенія Закавказья. Можно вполнѣ вѣрить искренности этого чувства. Какъ ни былъ слабъ корпусъ по численному составу, какъ ни дурно былъ онъ руководимъ, пребываніе русскихъ войскъ за Кавказомъ служило достаточною угрозою для турокъ. Ираклій и Соломонъ хорошо сознавали, что уходъ корпуса, являясь какъ бы видимымъ знакомъ лишенія ихъ покровительства могущественнаго сосѣда, отдавалъ христіанъ на произволъ мщенію ихъ исконнаго врага.

Войска наши покинули Кутаисъ 5-го мая 1772 года, а въ началѣ августа вступили въ Моздокѣ на русскую землю послѣ почти трехлѣтняго пребыванія за Кавказомъ.

Екатерина не забыла обѣщанія своего принять во вниманіе интересы христіанскихъ областей Закавказья при заключеніи мира съ Турціей. Въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ 10-го іюля 1774 года отношенія Порты оттоманской къ этимъ областямъ опредѣлены 23-мъ артикуломъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„въ части Грузіи (Имеретіи) находящіяся крѣпости Багдадчикъ (Багдатъ-цихе), Кутаисъ и Шегербанъ (Шорапанъ), россійскимъ оружіемъ завоеванныя, будутъ Россіею признаны принадлежащими тѣмъ, кому они издревле принадлежали, такъ, что ежели подлинно оные города издревле или съ давняго времени были подъ владѣніемъ блистательной Порты, то будутъ признаны ей принадлежащими; а по размѣнѣ настоящаго трактата въ условленное время россійскія войска выйдутъ изъ упомянутыхъ провинцій Грузіи и Мингреліи. Блистательная же Порта съ своей стороны обязывается дозволить совершенную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые въ томъ краю въ теченіе настоящей войны какимъ ни есть образомъ ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякаго рода другихъ податей; обязывается не почитать между ними никого за своихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, которые издревле ей принадлежали. Всѣ замки и укрѣпленныя мѣста, бывшія у грузинцовъ и мингрельцовъ во владѣніи, оставить паки подъ собственною ихъ стражею и правленіемъ, такъ какъ и не притѣснять никоимъ образомъ вѣру, монастыри и церкви, и не препятствовать поправленію старыхъ и созиданію новыхъ. Но какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то россійская имперія не имѣетъ совсѣмъ впредь въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ".

Статья эта впервые опредѣлила съ большею или меньшею точностью отношенія Турціи къ ея христіанскимъ подданнымъ Закавказья и поставила ихъ подъ охрану международнаго акта. Артикулъ двадцать третій создалъ и для Россіи, какъ участницы договора, право требовать отъ Порты соблюденія и исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ въ отношеніи Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. Въ смыслѣ политическомъ это былъ очень крупный успѣхъ.

Постановленія 23-го артикула относились собственно только къ владѣніямъ Соломона, такъ какъ царство Ираклія не состояло подъ верховною властью турецкаго султана. Послѣ заключенія мира турки дѣлали притязанія на Имеретію, хотѣли

ввести въ нее свои войска и занять гарнизонами упомянутые въ трактатѣ города. Но Соломонъ нашелъ способы воспротивиться этому и не пустилъ турокъ въ свои владѣнія.

Такъ кончился первый опытъ дѣйствій противъ турокъ со стороны Малой Азіи. Въ военномъ отношеніи онъ не имѣлъ никакого успѣха. Причины тому были и случайныя и общія. Къ первымъ надо отнести неудачный выборъ начальниковъ вспомогательнаго русскаго отряда. По тогдашнимъ обстоятельствамъ края для этой должности требовался не столько воинъ, сколько дипломатъ, который сумѣлъ бы соединить и направить къ одной цѣли разрозненныя силы. Подъ начальствомъ Тотлебена и Сухотина корпусъ нашъ бѣдствовалъ не отъ непріятеля, а отъ раздоровъ между военачальниками и мѣстными владѣтелями. Личныя свойства Тотлебена внесли разладъ даже въ самое войско и грозили совсѣмъ подорвать въ немъ порядокъ и дисциплину. Общія причины неуспѣха заключались въ томъ, что русскій корпусъ въ Грузіи былъ отдѣленъ отъ своей базы главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, трудно проходимымъ и населеннымъ хищническими племенами. Вслѣдствіе этого снабженіе войска всѣмъ необходимымъ изъ Россіи представляло величайшія затрудненія и нерѣдко вовсе прерывалось на долгое время; на мѣстѣ же правильно организованная провіантская часть была вовсе неизвѣстна. Грузинскія войска, во время войны, продовольствовались, главнымъ образомъ, путемъ реквизицій и грабежомъ въ непріятельской землѣ.

„Отдаленность Грузіи и трудность проѣздовъ—два обстоятельства, которыя присвоеніе сей земли непрочнымъ дѣлаютъ“. Такъ отвѣчалъ графъ Панинъ 16-го іюля 1770 года на предложеніе Тотлебена завладѣть царствомъ грузинскимъ. Эти же соображенія заставили императрицу Екатерину отклонить ходатайство Ираклія о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи и его же предложеніе о заключеніи съ нимъ формальнаго союза противъ турокъ.

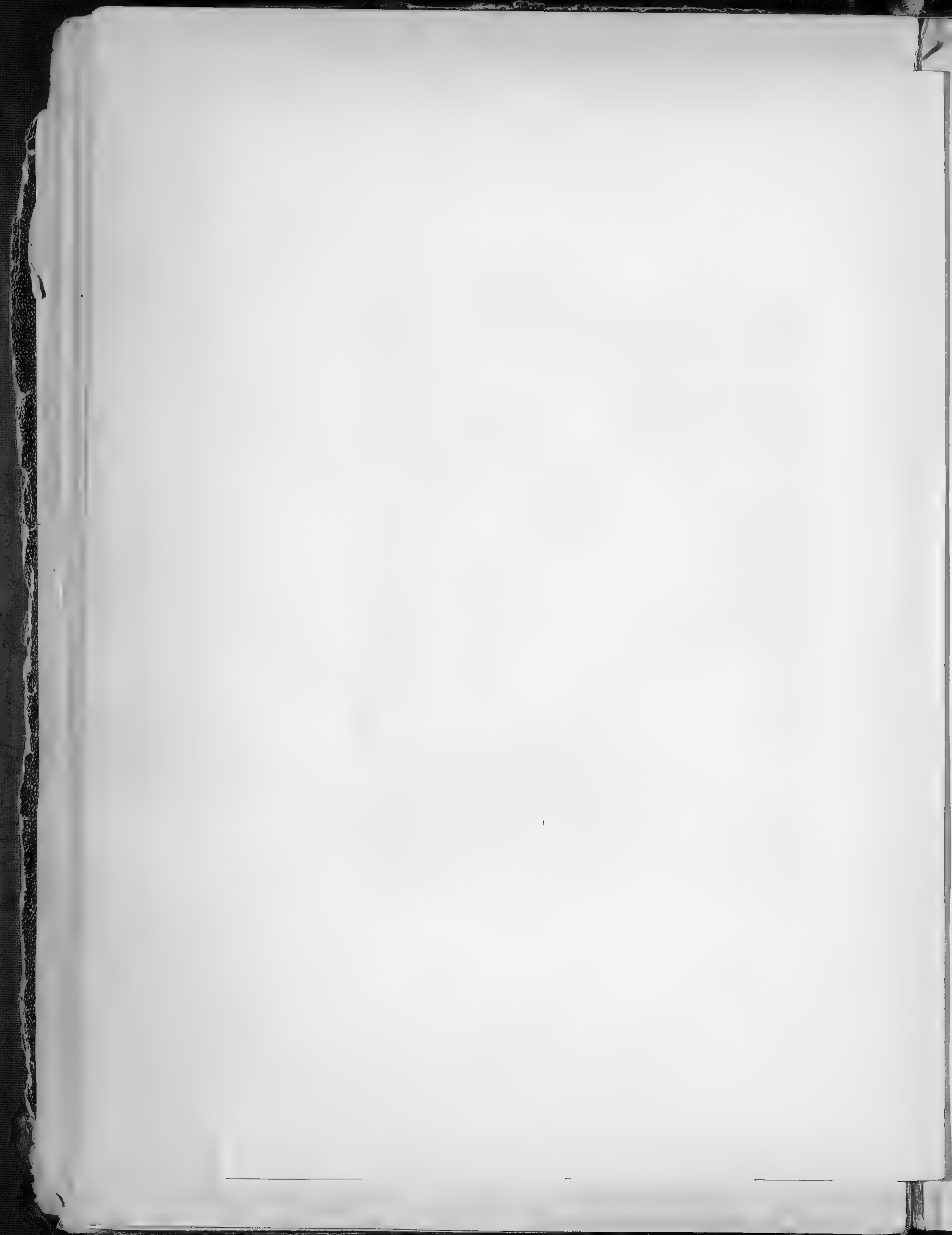
Для дѣйствительнаго вліянія на дѣла Закавказья надлежало предварительно распространить русскую власть отъ береговъ Терека до подошвы Кавказскихъ горъ и построеніемъ крѣпости при входѣ въ ущелье Даріала держать въ повиновеніи хищныя племена, обитающія вдоль дороги въ Грузію.

Ближайшее исполненіе этой задачи, по мысли князя Таврическаго, выпало на долю его внучатнаго брата Павла Сергѣевича Потемкина.

ЦАРЬ ИРАКЛІЙ II.

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ

VII.

Генералъ Якоби. Заложеніе Азовско-Моздокской линіи. Нѣсколько словъ о бытѣ казаковъ. Нападеніе кабардинцевъ и закубанцевъ на линію. Разгромъ кабардинцевъ Якоби и генераломъ Фабриціаномъ. Кавказскія минеральныя воды.

По окончаніи первой турецкой войны, съ назначеніемъ князя Потемкина намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ, азовскимъ и астраханскимъ, наши дѣла на сѣверномъ Кавказѣ принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ, и правительство ясно намѣчаетъ цѣль, къ которой намѣрено стремиться. Цѣль эта прежде всего заключалась въ огражденіи нашихъ южныхъ границъ, прилегавшихъ къ Кавказу, отъ прорыва хищныхъ народовъ, которые вносили опустошеніе не только на Донъ, но даже въ предѣлы нынѣшней Воронежской губерніи. Слабая терская линія, опиравшаяся только на двѣ крѣпости— Кизляръ и Моздокъ, хотя и представляла собой надежный оплотъ для русскихъ владѣній, будучи населена стойкими и неустрашимыми терскими, гребенскими и моздокскими казаками, но она прикрывала лишь незначительную часть русской границы, а все остальное пространство до Чернаго моря оставалось совершенно открытымъ. Никакой мирный трудъ, никакая осѣдлая жизнь не могли развиваться въ краѣ подъ угрозою вѣчныхъ погромовъ, и князь Потемкинъ рѣшилъ заложить рядъ новыхъ укрѣпленій, которыя, простираясь отъ Терека до самаго Дона, сдерживали бы стремленія враждебныхъ сосѣдей на наши земли, подкрѣпляли бы дѣйствія нашихъ войскъ въ Крыму и въ прикубанскихъ степяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужили бы и началомъ русской колонизаціи на сѣверномъ Кавказѣ. Въ своихъ грандіозныхъ замыслахъ Потемкинъ уже видѣлъ возможность разве-

денія здѣсь виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, шелковыхъ и бумажныхъ плантацій, устройство заводовъ, умноженія скотоводства и конскихъ табуновъ и, наконецъ, развитія хлѣбопашества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Исполненіе этого важнаго дѣла, въ смыслѣ государственнаго значенія, онъ и возложилъ на астраханскаго военнаго губернатора генерала Якоби, „какъ человѣка въ пограничныхъ дѣлахъ опытнаго“.

Боевой генералъ, получившій за турецкую войну, въ числѣ немногихъ лицъ, орденъ св. Георгія 3-й степени, Якоби, совмѣстно съ оберъ-квартирмейстеромъ подполковникомъ генеральнаго штаба Германомъ (впослѣдствіи знаменитымъ побѣдителемъ турецкаго сераскира Баталъ-паши) осенью 1776 года, произвелъ подробную рекогносцировку мѣстности отъ Моздока въ сѣверозападномъ направленіи къ Азовскому морю, и затѣмъ представилъ Потемкину свои соображенія о проложеніи новой линіи, названной имъ Азовско-Моздокскою. Эта линія по его проекту должна была заключать въ себѣ десять крѣпостей, или правильнѣе укрѣпленныхъ селеній, съ промежуточными между ними редутами, и пройти отъ Моздока, стоявшаго на Терекѣ, по рѣкамъ Малкѣ, Курѣ, Золкѣ, Подкумку, Саблѣ (Карамыку) и Калаусу до границы Донского войска, а оттуда черезъ крѣпость св. Димитрія (нынѣшній Ростовъ) до Азова. Изслѣдованія, составленныя Якоби и Германомъ, дали Потемкину обширный матеріалъ для всеподданнѣйшаго доклада, и императрица утвердила проектъ 24-го апрѣля 1777 года.

Для заселенія и обороны новой линіи Потемкинъ назначилъ хоперскихъ казаковъ съ Дона и остатокъ тѣхъ волжскихъ казаковъ возлѣ Дубовки, которые въ 1769 году выдѣлили изъ себя часть на заселеніе терской линіи и образовали Моздокскій полкъ. Кромѣ того, сюда же направлены были два регулярные полка Владимірскій драгунскій и Кабардинскій пѣхотный, которые вмѣстѣ съ казаками и гарнизонными баталіонами, расположенными по крѣпостямъ, образовали, такъ называемый, Астра-

ханскій корпусъ, усиленный еще двумя или тремя донскими полками, предназначавшимися на первыхъ порахъ для содержанія форпостовъ. Начальство надъ этимъ корпусомъ въ маѣ 1777 года, по отозваніи съ Кавказа генерала Медема, Потемкинъ возложилъ на генерала Якоби, который, соединивъ въ своихъ рукахъ военное и гражданское управленіе краемъ, является, такимъ образомъ, первымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ ряду нашихъ кавказскихъ правителей.

Генералъ Якоби началъ съ того, что осмотрѣлъ на Дону, въ Новохоперской крѣпости, назначенныхъ къ переселенію 700 хоперскихъ, а затѣмъ въ Дубовкѣ—500 волжскихъ казаковъ и приказалъ имъ къ началу августа мѣсяца прибыть въ Царицынъ. Казаки должны были выступить въ боевомъ составѣ, безъ семей, оставляемыхъ на мѣстѣ до будущаго года, и по прибытіи въ Царицынъ поступить подъ команду полковника Шульца, который велъ изъ саратовской губерніи Владимірскій драгунскій полкъ. Изъ Царицына вся колонна направлялась прямо на югъ къ Моздоку.

Мѣстность, по которой предстояло движеніе, была обширная степь, тянувшаяся вдоль Ергеней,—ряда возвышенныхъ холмовъ, составляющихъ водораздѣлъ Чернаго и Каспійскаго морей, и идущихъ отъ приволжскихъ горъ къ возвышенностямъ нынѣшней ставропольской губерніи. Западный склонъ Ергеней изобилуетъ прекрасными пастбищами и прѣсною водою; восточный же, наоборотъ, представляетъ необозримыя солончаковыя степи съ горькосоленою водою, и растительность встрѣчается тамъ лишь рѣдкими оазисами, а въ ту пору года (конецъ лѣта), и она подъ дѣйствіямъ южнаго солнца почти совершенно выгорали.

Никто изъ казаковъ, а тѣмъ болѣе драгунъ, не зналъ предстоящаго пути, а потому проводниками были взяты четыре калмыка, которые повели колонну сначала по западному склону, но затѣмъ, не желая истощать пастбищъ своихъ родичей, кочевавшихъ на этихъ лугахъ, перешли незамѣтно на восточный,—и

поставили этимъ отрядъ въ крайне бѣдственное положеніе. Не втянутые въ работу и не привыкшіе къ тяжелымъ условіямъ степного похода, кони, особенно казачьи, пали на половину. Только на 20-й день пути колонна достигла р. Гурбуръ-Харъ-Сала, обиловавшей водой и окруженной хорошими лугами. Здѣсь полковникъ Шульцъ простоялъ два дня, чтобы дать возможность хоть нѣсколько оправиться измученнымъ конямъ. Оставалось еще пять переходовъ, но самыхъ тяжелыхъ. Пришлось раздробить колонну на отдѣльныя команды и дѣлать переходы по 50-ти, 70-ти и даже 80-ти верстъ.

На двадцать пятый день слѣдованія, 31-го августа, кавалерія, на половину спѣшенная, достигла наконецъ урочища Маджаръ, на р. Кумѣ, и здѣсь простояла двѣ недѣли лагеремъ. Отсюда генералъ Якоби приказалъ волжскимъ казакамъ двинуться прямо къ урочищу Бештамаку, при сліяніи Малки и Терека, гдѣ поджидалъ ихъ пришедшій два мѣсяца назадъ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Хоперцы и драгуны перешли въ Моздокъ, и затѣмъ въ концѣ сентября оба отряда были направлены въ пункты, намѣченные подъ ихъ поселенія. Работы кипѣли, и въ теченіе 1777 и 1778 годовъ поставлены всѣ десять крѣпостей:

1) Екатериноградская, на урочищѣ Бештамакъ при сліяніи Малки и Терека, имѣла важное стратегическое значеніе, какъ пунктъ, удерживавшій спокойствіе въ Малой Кабардѣ и открывавшій путь въ горы. 2) Павловкая, на р. Курѣ, прикрывала Соляной Бродъ и главную дорогу изъ Кабарды внизъ по р. Кумѣ къ соляному Етагольскому озеру и въ Астрахань. 3) Марьевская, на Золкѣ, служила промежуточнымъ пунктомъ между крѣпостями Павловской и Георгіевской. 4) Георгіевская считалась самою важною крѣпостью. Выдвинувъ свои форпосты на Куму и Подкумокъ, она имѣла обсерваціонное значеніе надъ всѣми племенами, живущими въ верховьяхъ Кумы, Кубани, Малки и Баксана. Впослѣдствіи сюда и перенесено было центральное управленіе сѣвернымъ Кавказомъ. 5) Андреевская, на Ка-

рамыкѣ (Саблѣ); она существовала не долго и была перенесена на рѣчку Томузловку съ переименованіемъ ее *въ Александровскую.* 6) Александровская, на р. Буйволы, прикрывала лучшія пастбища, которыми пользовались абазинцы, черкесы и кабардинцы; крѣпость эта скоро была упразднена, а названіе ее, какъ мы сказали, перешло на Андреевскую. 7) Сѣверная. 8) Ставрополь (нынѣ губернскій городъ). 9) Московская, расположенныя на мѣстности, изобиловавшей громадными лѣсами, одинаково сторожили выходъ изъ нихъ на равнину, и 10) Донская, на р. Ташлы, впадающей въ Большой Егорлыкъ, имѣла особо важное значеніе, находясь въ узлѣ трехъ дорогъ, ведущихъ къ Кубани, Азову и Дону.

Первыя пять крѣпостей: Екатериноградскую, Павловскую, Марьевскую, Георгіевскую и Александровскую (бывшую Андреевскую), Якоби назначилъ райономъ разселенія Волжскаго полка, который являлся такимъ образомъ ближайшимъ сосѣдомъ своихъ же волжскихъ земляковъ—моздокцевъ; послѣдующія четыре крѣпости (за упраздненіемъ Александровской): Сѣверная, Ставропольская, Московская и Донская отходили къ хоперцамъ, также приближавшимся къ своимъ же родичамъ донскимъ казакамъ.

Нѣкоторыя изъ возводимыхъ укрѣпленій имѣли точныя, согласованныя съ требованіями современнаго военнаго искусства профили и размѣры, напримѣръ: Екатериноградская, Георгіевская, Павловская и Ставропольская, но остальныя представляли собою станицы, обнесенныя иногда каменною, иногда турлучной (плетневой) оградой, съ присыпаннымъ валомъ и вырытымъ кругомъ рвомъ. Для входа имѣлись ворота, надъ которыми устраивались вышки для наблюденія за непріятелемъ. Приступая къ постройкамъ своихъ укрѣпленныхъ селеній, казаки прежде всего отводили мѣсто подъ церковь и обносили его каменной оградой съ продѣланными въ ней бойницами. Жилыя строенія располагались кругомъ, но не ближе ружейнаго вы-

стрѣла отъ этой ограды. Улицы планировались правильными кварталами, причемъ главная, идущая черезъ всю станицу, отъ однихъ воротъ до другихъ, почти всегда именовались „красною“. Вырывъ себѣ землянку или сколотивъ кое-какъ хату, казакъ употреблялъ всѣ свои силы на постройку Божьяго храма, и въ этомъ отношеніи станицы щеголяли одна передъ другою. Красота церкви, высота ея колокольни, густота звона, блескъ купола и золоченнаго креста служили признакомъ бо̀льшаго или меньшаго достатка станицы. Медленные удары колокола сзывали станичныхъ жителей на повседневную молитву, а частые, „набатъ“, возвѣщали тревогу. Заслышавъ этотъ зловѣщій звонъ, служилые казаки бросались на валъ, а немощные старцы, не имѣвшіе уже силъ носить оружія, женщины и дѣти спѣшили въ церковную ограду. Если одолѣвалъ непріятель, то казаки, отбиваясь и отстаивая шагъ за шагомъ родную станицу, отходили къ той-же церковной оградѣ, какъ къ редюиту,—и Господній храмъ, служилъ, такимъ образомъ, какъ-бы знаменемъ, вокругъ котораго собиралось все населеніе и черпало въ немъ силы для послѣдней защиты.

Тяжело вначалѣ жилось казакамъ на новой линіи, которую приходилось устраивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотать о засѣвахъ и участвовать въ экспедиціяхъ. Особенно тяжело приходилось безъ „бабъ“, которыя по стародавнимъ обычаямъ вѣдали всѣмъ казацкимъ хозяйствомъ. Прошло два года, пока семьи прибыли съ Дона и Волги, а казаки къ этому времени успѣли уже совсѣмъ раззориться. Посѣвовъ у нихъ не было, а между тѣмъ довольствіе, выдававшееся имъ во время похода, прекратилось съ расселеніемъ ихъ по линіи. Денежное пособіе, по 20-ти руб. на каждую семью, также выдано не было, а относительно льготы, освобождавшей казаковъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ отъ всякой службы, нечего было и думать, когда они очутились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Строилъ ли казакъ свою хату, среди неогороженной еще мѣстности, велъ ли коня на водопой

или выѣзжалъ въ поле, ему приходилось имѣть всегда ружье, за спиной и пистолетъ за поясомъ. Войска Астраханскаго корпуса, назначенныя собственно для прикрытія работъ, сами вынуждены были работать наравнѣ съ казаками, иначе послѣдніе не успѣли бы отстроиться до самой зимы, хотя имъ помогали еще кизлярскіе татары и трухменцы, возившіе на своихъ арбахъ строительные матеріалы.

Но какъ не бѣдствовали казаки, а въ концѣ концовъ всетаки обстроились, засѣмянили кое какъ землю и оглядѣлись въ новой для нихъ обстановкѣ. Обстановка эта указала имъ прежде всего на необходимость многое позаимствовать отъ своихъ сосѣдей, и казаки въ этомъ случаѣ поступили такъ, какъ поступали ихъ предки. Предки же ихъ обыкновенно приходили къ своимъ противникамъ какъ будто нагіе, брали у нихъ одежду, сбрую и оружіе, дѣлались на нихъ похожими, а потомъ уже ихъ били. Тоже самое случилось и съ новыми линейными казаками, съумѣвшими отрѣшиться отъ завѣтовъ своей старины. Тяжелыя сабли и длинныя, неуклюжія пики были ими брошены; кинжалъ и шашка въ тонкихъ сафьянныхъ ножнахъ, не производившая ни звона, ни шума, сдѣлались ихъ любимымъ оружіемъ; даже казацкіе жупаны,—и тѣ отошли въ область преданій, замѣняясь мало-по-малу черкесками, которыя казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя. Но измѣняя внѣшность, казакъ оставался тѣмъ же русскимъ человѣкомъ, и только къ своей природной смѣткѣ прибавилъ нѣкоторую долю азіатской хитрости, позволявшей ему изворачиваться въ трудныхъ обстоятельствахъ. Все это было нужно, и все это принесло обильные плоды, когда казаку пришлось состязаться съ врагомъ, который ставилъ цѣлью своей жизни разбой,—но разбой, возведенный имъ уже на степень культа *).

*) Весьма интересныя свѣдѣнія о бытѣ казаковъ помѣщены въ рукописной исторіи Хоперскаго казачьяго полка, составленной есауломъ Толстовымъ. Исторія эта уже печатается Военно-историческимъ отдѣломъ.

Сначала военныя дѣйствія горцевъ носили характеръ мелкихъ нападеній на одиночныхъ людей или на небольшія команды; они очевидно еще не сознавали значенія вновь возводимой линіи и только тогда, когда убѣдились, что здѣсь идетъ не постройка редутовъ, а предпринимается цѣлая система заселенія края, грозящая ихъ самобытности, они рѣшили противиться всѣми своими силами, и дали клятву уничтожить ненавистныя имъ станицы, хотя бы цѣною тысячи жизней и цѣлыми потоками крови. Горцы превосходно понимали разницу между занятіемъ страны военною силой и истиннымъ завоеваніемъ ея, т. е. заселеніемъ. „Укрѣпленіе, говорили они, это камень, брошенный въ полѣ: дождь и вѣтеръ снесутъ его; станица—это растеніе, которое впивается въ землю корнями и понемногу застилаетъ и охватываетъ все поле“.

Уже въ январѣ 1778 года кабардинцы думали сдѣлать внезапное нападеніе на Павловскую крѣпость и даже подошли къ ней въ числѣ 4-хъ тыс., но своевременное прибытіе туда Якоби съ войсками заставило ихъ отступить. Сознавая свою слабость, и въ то же время не желая подчиниться нашему владычеству въ краѣ, кабардинцы рѣшили эмигрировать въ Грузію, куда ихъ призывалъ Ираклій II, желавшій воспользоваться воинственностью этого народа для защиты своихъ южныхъ предѣловъ. Почему генералъ Якоби воспротивился этому переселенію, такъ легко, повидимому, разрѣшавшему вопросъ о безопасности нашей границы—неизвѣстно; но агенты царя Ираклія были арестованы, и кабардинцы вынуждены остаться на своихъ мѣстахъ. Якоби заставилъ ихъ дать заложниковъ и новую присягу на вѣрность. Неудовольствіе однако же тлѣло и, вспыхнувъ весною 1779 года, разразилось надъ линіей страшною бурею. Возбуждаемые турками, обѣщавшими имъ помощь, вся Кабарда и закубанскіе народы, соединившись вмѣстѣ, рѣшили одновременно напасть на линію въ нѣсколькихъ пунктахъ. Кабардинцы раннею весною первые перешли черезъ Малку и, расположившись

въ 7-ми верстахъ отъ Марьевской крѣпости на рѣчкѣ Золкѣ, послали къ Якоби грозное требованіе снести всѣ возведенныя имъ укрѣпленія. Въ ожиданіи отвѣта, они прервали сообщенія между крѣпостями и въ короткое время успѣли вырѣзать 85 человѣкъ и угнать до 5-ти тыс. головъ скота.

Всѣ эти нападенія застали нашу линію и самого генерала Якоби врасплохъ. Войска были разбиты на части и распредѣлены по крѣпостямъ для работъ. Кромѣ того безпечность, свойственная русскому человѣку, была причиной ослабленія первоначально принятыхъ мѣръ предосторожности. Подъ рукою у генерала Якоби, стоявшаго лагеремъ возлѣ Павловской крѣпости, было всего 2 тыс. человѣкъ. Онъ не могъ дробить свой небольшой отрядъ для погони за отдѣльными партіями и принужденъ былъ временно бездѣйствовать, въ ожиданіи прибытія генерала Фабриціана, спѣшившаго на линію съ новыми войсками. Пока онъ ограничился тѣмъ, что вызвалъ съ Терской линіи гребенскихъ и семейныхъ казаковъ, а за калмыками на Куму послалъ гонцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Якоби прибѣгъ къ крайней мѣрѣ, приказавъ арестовать въ Моздокѣ всѣхъ находившихся тамъ кабардинцевъ и вмѣстѣ съ аманатами, закованными въ цѣпи, употребить на самыя тяжкія работы; впослѣдствіи ихъ всѣхъ отправили въ Астрахань и засадили въ казематы.

Такъ наступило лѣто, когда три тысячи черкесовъ, подъ предводительствомъ Дулакъ-султана, перейдя Кубань, внезапно бросились на русскія крѣпости. Бой, такъ сказать, загорѣлся разомъ по всему протяженію Моздокской линіи. Но горцы ошиблись, предполагая найти въ новыхъ переселенцахъ людей, не приготовленныхъ къ военному дѣлу; казаки вездѣ защищались мужественно, и стойкость ихъ превзошла самую отчаянную отвагу нападающихъ.

Небольшой Алексѣевскій редутъ (близъ Александровскаго укрѣпленія) былъ атакованъ врасплохъ, и горцы, захвативъ казачій табунъ изъ донского полка Устинова, обступили это ма-

ленькое укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Но когда они готовились къ штурму, изъ воротъ редута вынеслась хоперская сотня съ есауломъ Михѣевымъ и бросилась въ шашки. Въ одно мгновеніе она была окружена черкесами, потеряла 18 казаковъ убитыми, и, будучи отброшена въ лѣсъ, спѣшилась, засѣла въ кусты и продолжала защищаться. Послѣ жаркой перестрѣлки, горцы вынуждены были оставить ее въ покоѣ и, бросившись опять на укрѣпленіе, ворвались въ форштадтъ, убили нѣсколькихъ жителей, но редута взять не могли и отступили съ большою потерею. Другая крѣпость, Андреевская, отбилась еще при худшихъ условіяхъ, такъ какъ въ то самое время, когда начинался приступъ, въ крѣпости произведенъ былъ пожаръ. Но самое жестокое пораженіе черкесы понесли подъ Ставрополемъ, гдѣ двѣсти казаковъ изъ донского полка Кутейникова наголову разбили ихъ главную полуторатысячную партію.

Одновременно съ черкесами шесть тысячъ кабардинцевъ атаковали лагерь Якоби у Павловской крѣпости, а въ тоже время отдѣльная толпа ихъ въ нѣсколько тысячъ ударила на небольшой отрядъ, изъ двухъ ротъ пѣхоты, казаковъ и калмыковъ, слѣдовавшій сюда же изъ Моздока. Отбитые на обоихъ пунктахъ съ громаднымъ урономъ, кабардинцы соединились опять и бросились на Марьевскую крѣпость, гдѣ двѣсти волжскихъ казаковъ, подъ командой капитана Баса, едва успѣли запереть передъ ними ворота.

Обложивъ крѣпость и наскоро построивъ громадные щиты-мантелеты для прикрытія отъ казацкихъ выстрѣловъ, кабардинцы приступили къ правильной осадѣ и повели траншеи. Работая цѣлую ночь руками и кинжалами, они дошли до крѣпостного рва, какъ вдругъ утромъ 10-го іюня въ тылу у нихъ появился Якоби. Разбитые въ кровопролитномъ сраженіи, послѣдовавшемъ затѣмъ подъ стѣнами Марьевской крѣпости, кабардинцы бѣжали за Малку, и тотчасъ же пустили въ ходъ всѣ извороты и тонкости азіатской политики, чтобы добиться своихъ за-

таенныхъ цѣлей иными путями. Они давали аманатовъ, предлагали двойное вознагражденіе за причиненные убытки, но упорно стояли на требованіи, чтобы были уничтожены крѣпости. Получивъ отказъ, кабардинцы снова нахлынули на линію въ августѣ мѣсяцѣ, и на этотъ разъ ареной своихъ дѣйствій сдѣлали окрестности Георгіевска. Здѣсь они выжгли на корню весь хлѣбъ, истребили сѣнокосы, угнали много скота, пробовали даже штурмовать самый Георгіевскъ; имъ удалось даже разбить небольшой русскій отрядъ, высланный изъ крѣпости въ числѣ 80-ти человѣкъ при одномъ орудіи. По всей вѣроятности они напали на него врасплохъ, такъ какъ только этимъ и можно объяснить себѣ послѣдовавшую затѣмъ рѣзню, въ которой офицеръ и сорокъ нижнихъ чиновъ были изрублены, а остальные бѣжали, оставивъ пушку въ рукахъ кабардинцевъ *).

Это прискорбное происшествіе случилось 27-го сентября 1779 года, въ тотъ самый день, когда на линію прибыли новыя войска изъ Россіи подъ командой генералъ-маіора Фабриціана. Фабриціанъ былъ однимъ изъ выдающихся героевъ турецкой войны, получившій георгіевскій крестъ на шею еще въ подполковничьемъ чинѣ за штурмъ Галаца. Со времени учрежденія георгіевскаго ордена онъ былъ первымъ кавалеромъ 3-й степени. Фабриціанъ привелъ съ собою Томскій, Ладожскій и Селенгинскій пѣхотные полки. Кромѣ того, не задолго передъ тѣмъ изъ егерскихъ ротъ, отдѣленныхъ отъ своихъ полковъ, сформированы были въ Россіи нѣсколько егерскихъ баталіоновъ, изъ которыхъ два, Горскій и Кабардинскій, отправлены были на Кавказъ и еще въ 1777 году поступили въ составъ астраханскаго корпуса. Располагая такими значительными силами, Якоби рѣшился самъ перейти въ наступленіе, и 29-го сентября съ частію войскъ подступилъ къ главному кабардинскому стану, располо-

*) Потто. Кавказская война, т. I, стр. 103 –104; Буткова, ч. II.; Сенюткинъ. Военныя дѣйствія донцовъ противъ ногайскихъ татаръ. В. сб. 1860 года, № 8. „Ставропольскія губернскія вѣдомости“, статьи Бѣнтковскаго.

женному на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Малкою. Въ тоже время генералъ Фабриціанъ съ остальными войсками, двигаясь кружнымъ путемъ, обошелъ его съ тыла, а кавалерія: Моздокскій казачій полкъ и 10 эскадроновъ владимірскихъ драгунъ отрѣзали путь отступленія къ югу. Окруженные со всѣхъ сторонъ, кабардинцы на предложеніе сдаться отвѣчали, однако, ружейнымъ огнемъ,—и войска начали атаку. Пять часовъ длилась упорная битва. Пушка, захваченная кабардинцами, была отбита обратно; лагерь взятъ приступомъ и все, что было на островѣ, легло подъ штыками русскихъ солдатъ.

Замѣчательно, что въ этомъ бою сражались противъ насъ только одни князья съ своими вассалами—уорками и узденями. Простой народъ почти не участвовалъ въ битвѣ; толпы его стояли особымъ лагеремъ, верстахъ въ шести или въ семи, и при первыхъ выстрѣлахъ бѣжали въ горы. Вся тяжесть потери легла, такимъ образомъ, на однихъ князей и дворянъ, —благородныхъ представителей кабардинскаго народа. Погромъ былъ жестокій, но такимъ погромомъ только и можно было добиться покорности кабардинцевъ.

Лишенные лучшихъ своихъ предводителей, не надѣясь уже больше на поддержку простого народа, кабардинскіе князья и дворяне явились въ русскій лагерь и просили пощады и мира. Якоби перечислилъ всѣ учиненныя ими до этого времени клятвы (ихъ было четырнадцать), столько же измѣнъ и столько же монаршихъ прощеній. „Какое же ручательство вы представите въ томъ, что не нарушите и нынѣшней клятвы, какъ нарушили прежнія“? спросилъ ихъ Якоби. Кабардинцы отвѣтили, что они вполнѣ предаются великодушію побѣдителей. Тогда Якоби предписалъ имъ слѣдующія условія: кабардинцы признаютъ себя подданными русской императрицы, покоренными силою оружія, и въ случаѣ измѣны, возмущенія и нарушенія клятвы кѣмъ либо изъ владѣльцевъ, подданные его тотчасъ получаютъ свободу и дѣлаются вольными; за причиненные убытки кабардинцы долж-

ны заплатить русскимъ 10 тыс. руб. и 12,150 головъ скота, и, сверхъ того, они не имѣютъ права ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ вести войны безъ дозволенія русскаго правительства, которое, въ свою очередь, обязывается защищать ихъ отъ нападеній сосѣднихъ съ ними народовъ. Когда условія эти были объявлены, обѣ стороны скрѣпили ихъ своею клятвой, и кабардинцы, отказавшись отъ всякихъ притязаній на земли, занятыя подъ наши укрѣпленія, торжественно признали Малку границею россійскихъ владѣній.

Проведеніе этой новой границы включило въ русскіе предѣлы мѣстность, богатую минеральными источниками и издавна извѣстную у насъ подъ названіемъ Пятигорья.

Первыя свѣдѣнія о существованіи цѣлебныхъ водъ близъ горы Бештау обнародованы въ 1717 году лейбъ-медикомъ Петра Великаго Готлибомъ Шоберомъ, который основывался только на разсказахъ и слухахъ. Въ 1773 году академикъ Гюльденштедтъ, возвращаясь изъ Грузіи, посѣтилъ и описалъ горячіе сѣрные ключи, вытекающіе на поверхность земли у подошвы горы Машуки. Русское населеніе кавказской линіи получило возможность пользоваться ими только черезъ 7 лѣтъ, когда въ 1780 году въ пяти верстахъ отъ нынѣшняго города Пятигорска на р. Подкумкѣ была поставлена Константиногорская крѣпость. Пріѣзжіе больные помѣщались или въ самой крѣпости или въ образовавшейся при ней слободкѣ и ежедневно отправлялись къ источникамъ, гдѣ на время курса учреждался военный постъ для защиты отъ нападеній горскихъ хищниковъ.

Знаменитый углекислый источникъ Нарзанъ остался въ 1780 году за предѣлами моздокско-азовской линіи. Слухи о его чудодѣйственныхъ свойствахъ побудили академика Палласа въ 1793 году изслѣдовать ихъ на мѣстѣ. Подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ Палласъ посѣтилъ богатырскій источникъ и далъ ему названіе Александровскаго. Доступнымъ для больныхъ сдѣлался онъ гораздо позднѣе, именно съ заложенія въ 1803 году

Кисловодскаго укрѣпленія. Что же касается извѣстности Ессентукскихъ щелочныхъ водъ, то она начинается еще позднѣе, когда въ 1823 году произведено было первое изслѣдованіе ихъ профессоромъ Нелюбинымъ.

Заложеніемъ Азовско-моздокской линіи и покореніемъ Кабарды Якоби положилъ начало русской колонизаціи на сѣверномъ Кавказѣ. Здѣсь первымъ піонеромъ, первымъ колонизаторомъ является казакъ—вѣрнѣйшій слуга русскаго государства, и казачьи станицы, а равно слободки, образовавшіяся при крѣпостяхъ, послужили основаніемъ къ развитію русскаго вліянія въ краѣ, гораздо болѣе прочнаго, чѣмъ пріобрѣтеннаго только одною силою оружія.

Къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность Якоби на Кавказѣ была непродолжительна, такъ какъ въ 1781 году, съ новымъ административнымъ дѣленіемъ Россіи, онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Иркутской и Колыванской губерній. По отъѣздѣ его Кавказскій край оставался безъ самостоятельнаго правителя болѣе года. Въ Астрахань на мѣсто Якоби назначенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ д. с. с. Жуковскій, который по своему званію могъ только распоряжаться въ краѣ одними гражданскими дѣлами, не касаясь военнаго устройства. Такимъ образомъ въ первый разъ Астрахань перестала вѣдать военными дѣлами на Кавказѣ. Астраханскій корпусъ въ то же время переименованъ былъ въ *Кавказскій*, и на линіи временно командовалъ имъ генералъ Фабриціанъ, сподвижникъ Якоби. Вскорѣ Фабриціанъ былъ вызванъ въ Петербургъ и на дорогѣ скончался, а въ сентябрѣ 1782 года начальникомъ Кавказскаго корпуса назначенъ генералъ-поручикъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

VIII.

Прошлое Прикубанскаго края: донцы и черкесы. Мѣры, принятыя къ огражденію нашей южной границы. Переселеніе изъ Бессарабіи ногайскихъ ордъ. Борьба ихъ съ черкесами и донцами. Суворовъ на Кубани. Эпоха присоединенія къ Россіи Тавриды. Возмущеніе ногайцевъ и выселеніе ихъ съ Кавказа.

Укрѣпленная линія, заложенная генераломъ Якоби отъ Моздока до самаго устья Дона, хотя и оградила донскія поселенія и южныя степи Россіи отъ безпрерывныхъ вторженій горскихъ народовъ, но такъ какъ обширныя степныя пространства, лежавшія къ югу отъ Дона до самой Кубани по прежнему оставались открытыми, и представляли широкій путь, которымъ пользовались, какъ закубанскіе черкесы и кабардинцы, такъ и ногайскія орды, кочевавшія въ этой степи, для нападенія на наши укрѣпленія,—то у насъ естественно возникла мысль о необходимости устройства новой передовой линіи уже по самой Кубани.

Чтобы понять значеніе нашихъ послѣдующихъ дѣйствій въ этой части края, необходимо хотя въ короткомъ очеркѣ изложить тѣ историческія событія, которыя предшествовали имъ въ теченіе послѣдняго столѣтія.

„Кубань вѣчно течетъ съ кровью",—говорила народная пословица,—и слово это было вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Обширная степь, растилавшаяся отъ праваго берега этой рѣки до самаго Дона и притока его Маныча, съ давнихъ временъ, насколько помнитъ это исторія донскаго казачества, служила кровавою ареной, на которой состязались два храбрые народа, жившіе по ея окраинамъ: донцы и черкесы. Ихъ раздѣляла дикая, тогда еще совсѣмъ не культированная степь, бо-

гатая однако естественною растительностью, степными рѣчками, лиманами и озерами, по берегамъ которыхъ кочевали хищныя ногайскія орды: касаевская, наврузская и бистиневская. Черкесовъ и ногайцевъ связывало единство религіи и общая жажда добычи въ русскихъ предѣлахъ. Но та же самая жажда добычи приводила ихъ и въ частыя столкновенія между собою. Много нужно было имѣть отваги и удали тѣмъ, которые рѣшались пускаться въ набѣги черезъ эти безбрежныя, почти невѣдомыя пространства. Опасность грозила имъ на каждомъ шагу. Черкесскія партіи, какъ метеоры, блуждавшія по всѣмъ направленіямъ, при встрѣчѣ въ этихъ степяхъ съ ногайцами и даже между собою одинаково не давали пощады другъ другу. Сколько разъ сильнѣйшія изъ нихъ истребляли слабѣйшихъ, не думая о томъ, что вмѣстѣ съ отнятой добычей они приносили на родину пламя междоусобной войны и кроваваго мщенія. Во всякомъ случаѣ находились ли черкесы въ дружбѣ съ ногайцами, или вели съ ними войну,—на донскихъ поселеніяхъ одинаково тяжело отзывались, какъ миръ, такъ и война между ними.

Взаимныя отношенія обострились еще болѣе съ начала прошлаго столѣтія, когда, по усмиреніи на Дону булавинскаго бунта, часть казаковъ, извѣстная подъ именемъ некрасовцевъ, въ числѣ семи или восьми тысячъ душъ обоего пола, ушла на Кубань и поселилась въ Таманѣ *). Некрасовцы, разъединенные съ православными донцами расколомъ, не хотѣвшіе имѣть съ ними никакого общенія, сдѣлались ихъ злѣйшими врагами и стали доставлять лучшихъ вожаковъ для хищническихъ партій; подъ ихъ руководствомъ черкесы и ногайцы простирали свои набѣги вплоть до Черкаска и даже до Царицына, грабя донскіе городки и выжигая пастбища. Если въ эту пору и случалось на берегахъ Кубани затишье, то оно было только времен-

*) Игнатій Некрасовъ одинъ изъ соумышленниковъ Булавина, командовавшій значительнымъ отрядомъ, по усмиреніи бунта ушелъ на Кубань со всѣми своими приверженцами, которые по имени его и стали называться некрасовцами.

нымъ, а затѣмъ горячая кровь опять перемѣшивалась съ холодною водою быстрой рѣки, и въ степи опять появлялись свѣжіе могильные курганы. Даже зима съ ея суровыми морозами, въ которые легко одѣтый горскій витязь не охотно надѣвалъ холодную кольчугу, не всегда служила оплотомъ для нашихъ станицъ, потому что крѣпкій ледъ, сковывавшій Кубань, представлялъ слишкомъ заманчивый мостъ, чтобы не воспользоваться имъ для быстраго набѣга.

Донскіе казаки не могли отвѣчать имъ тѣми же опустошительными набѣгами. Мѣры, принятыя Петромъ Великимъ послѣ усмиренія булавинскаго бунта, навсегда уничтожили въ казакахъ прежній духъ своевольства, и если они ходили на Кубань войною, то уже не иначе, какъ цѣлымъ войскомъ и съ разрѣшенія правительства. Таковы были кубанскіе погромы Апраксина, Аюка-хана, Дундукъ-Омбы и Убаши, въ которыхъ донцы принимали дѣятельное участіе.

Тѣмъ не менѣе суровыя условія порубежной жизни вырабатывали среди казачества такіе оригинальные типы, которые и понынѣ сохраняются въ народной памяти. Эти люди представляли собой живой протестъ противъ всего, что стѣсняло старинную волю и удаль казачества. И не жажда добычи, а прелесть сильныхъ ощущеній, желаніе прославить свое имя, стать героемъ народныхъ былинъ и разсказовъ,—вотъ что увлекало ихъ на скользкій путь опасныхъ приключеній. „Это были поэтическія созданія войны, творцы ея“, какъ выразился одинъ изъ нашихъ писателей. Казаки называли ихъ охотниками, „гулебщиками“, а иногда словомъ „отвага“. Люди эти, собираясь—

Въ чистомъ полѣ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сарацына въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечь
У татарина отсѣчь,

Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса—

разумѣется не спрашивали ни у кого позволенія, а шли „во царевъ кабакъ", и тамъ за чаркою вина сами выбирали себѣ походнаго атамана, а иногда пускались и въ одиночку. Послѣднихъ называли уже „характерниками", и народное суевѣріе приписывало имъ нѣкоторыя даже сверхъ-естественныя свойства. Послѣднимъ представителемъ этого типа служилъ на Дону въ половинѣ минувшаго столѣтія казачій старшина Иванъ Матвѣевичъ Краснощековъ,—богатырь, котораго черкесы называли „аксакъ", хромой (онъ былъ раненъ въ ногу и нѣсколько прихрамывалъ). О немъ дѣйствительно остался цѣлый цыклъ пѣсенъ, которыя и понынѣ поются на Дону, какъ былины стараго времени. Особенно интересна одна, разсказывающая о встрѣчѣ его съ черкесскимъ богатыремъ, Овчаромъ, такимъ же, какъ онъ, характерникомъ. Противники встрѣтились въ глухой степи съ глазу на глазъ. Овчаръ былъ убитъ, и Краснощековъ завладѣлъ его оружіемъ и рѣзвымъ аргамакомъ. Броневскій, посѣтившій Донъ въ 1831 году, говоритъ, что порода этого жеребца сохранялась и тогда въ лучшихъ донскихъ табунахъ и была извѣстна подъ именемъ „овчарской". „Жизнь и подвиги Краснощекова, говоритъ Кирѣевскій въ своемъ извѣстномъ Сборникѣ народныхъ пѣсенъ:—встрѣчаются, какъ воспоминанія, и въ пѣсняхъ позднѣйшихъ, сложенныхъ послѣ его смерти. Объ этомъ крупномъ историческомъ лицѣ мы доселѣ не имѣемъ не только дѣльной монографіи, но даже простого біографическаго очерка, а между тѣмъ это послѣдній русскій богатырь, съ именемъ и лицомъ котораго связаны послѣднія наши былины; онъ, какъ герой, сопровождается пѣснею съ молодыхъ лѣтъ до смерти. И послѣ него не нашлось уже никого, кто бы вызвалъ въ народѣ подобное былевое творчество".

Но время шло, мѣнялись условія жизни, и подъ ихъ вліяніемъ перевелись наконецъ эти казацкіе типы. Во второй поло-

винѣ прошлаго столѣтія донской атаманъ Степанъ Ефремовъ выпросилъ позволеніе перенесть для лучшаго прикрытія своихъ городковъ передовые форпосты въ задонскую степь и учредить кордоны по берегамъ рѣкъ Маныча, Кагальника и Еи. Съ этихъ поръ прорывы въ донскія земли дѣлаются рѣже, а когда прошла Азовско-моздокская линія, и совсѣмъ прекратились. По крайней мѣрѣ мы уже не встрѣчаемъ больше извѣстій о разгромѣ казацкихъ городковъ черкесами или татарами.

Одно обстоятельство, повидимому, также содѣйствовало къ обезпеченію нашей донской окраины. Во время первой турецкой войны, въ 1771 году, четыре большія ногайскія орды, кочевавшія въ Бессарабіи близъ Аккермана, подъ именемъ буджацкихъ татаръ, приняли русское подданство, и съ разрѣшенія императрицы, перешли въ свободную прикубанскую степь, широко раскинувъ по ней свои становища. Это были ногайцы буджацкой, джамбулуцкой, едисанской и едишкульской ордъ, въ сложности свыше 50-ти тыс. семей, или, какъ говорили татары, „казановъ“. Они быстро вытѣснили прежнихъ хозяевъ этого края: касаевцевъ, наврузцевъ и бистиневцевъ, которые, будучи стѣснены ими до послѣдней возможности, ушли за Кубань и, соединившись съ черкесами, сдѣлались непримиримыми врагами своихъ единоплеменниковъ.

Въ первые годы своего поселенія, ногайцы, управляемые благоразумнымъ и преданнымъ намъ Джанъ-Мамбетъ-беемъ, жили спокойно и, будучи во враждѣ съ закубанцами, стерегли свою степь и даже служили намъ какъ бы передовыми форпостами. Но едва Мамбетъ умеръ—въ ордѣ начались волненія, принявшія вскорѣ опасные для насъ размѣры.

Поводомъ къ этому послужили слѣдующія обстоятельства.

Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, заключенный въ 1774 году, произвелъ очень важныя измѣненія въ политическомъ положеніи Крыма и зависимыхъ отъ него кубанскихъ ногайцевъ и кабардинцевъ. Артикуломъ третьимъ мирнаго договора „всѣ та-

тарскія племена Крыма и Кубани признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней державы, пребывающими подъ самодержавною властью собственнаго ихъ хана чингизскаго поколѣнія, всѣмъ татарскимъ обществомъ избраннаго и возведеннаго". Россія и Турція обязались не вступаться ни подъ какимъ видомъ какъ въ избраніе и возведеніе хана, такъ и въ домашнія, политическія, гражданскія и внутреннія ихъ дѣла. Изъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній въ Крыму Россія оставила за собою только крѣпости Керчь и Еникале съ ихъ уѣздами и пристанями. Относительно Кабарды, большой и малой, въ 21-мъ артикулѣ было постановлено, что она можетъ быть отдана Россіи, если на то послѣдуетъ согласіе крымскаго хана. Въ сущности 21-мъ артикуломъ Турція только подтвердила совершившійся фактъ, такъ какъ ханъ Сагибъ-Гирей еще по трактату, заключенному съ нимъ въ Кара-су 1-го ноября 1772 года, призналъ власть Россіи надъ большою и малою Кабардою.

Не трудно было предвидѣть, что созданная кайнарджійскимъ договоромъ особая „татарская нація, въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, не зависящая", не могла долго просуществовать въ видѣ самостоятельнаго политическаго тѣла. Русское правительство не имѣло еще настолько силы, чтобы настоять на присоединеніе Крыма, а Порта была настолько ослаблена, что согласилась поневолѣ на отказъ отъ своихъ верховныхъ правъ надъ крымскою и другими татарскими ордами. Недалекому будущему предстояло разрѣшить этотъ споръ окончательно. Каждая сторона могла разсчитывать, что онъ будетъ рѣшенъ въ ея пользу. Султанъ, въ качествѣ верховнаго калифа магометанскаго закона, имѣлъ въ своемъ распоряженіи могущественное орудіе вліянія на татаръ, такъ какъ именно онъ присылалъ свое духовное благословеніе вновь избранному хану. Россія, владѣя крѣпостями Керчью и Еникале, пріобрѣла возможность непосредственно руководить самымъ избраніемъ хана.

Судьба рѣшила споръ въ пользу Россіи. Въ исходѣ 1775 или началѣ 1776 года по проискамъ Порты Сагибъ-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма и замѣненъ Девлетъ-Гиреемъ, стариннымъ нашимъ противникомъ. Турецкіе гарнизоны заняли всѣ крымскія крѣпости, и новый ханъ, повинуясь турецкому внушенію, предъявилъ притязаніе даже на владѣніе Кабардою. Въ отвѣтъ на это, въ концѣ 1776 года, сильный русскій корпусъ подъ начальствомъ князя Прозоровскаго вступилъ въ Крымъ. Суворовъ разсѣялъ силы татаръ между Карасубазаромъ и Акъ-Мечетью и заставилъ Девлетъ-Гирея бѣжать въ Константинополь. На мѣсто его былъ поставленъ нами Шагинъ-Гирей, младшій братъ Сагиба, низложеннаго турками. Но спокойствіе не возстановилось и послѣ этого. Порта настойчиво продолжала требовать вывода русскихъ войскъ изъ Крыма, и султанъ не присылалъ Шагинъ-Гирею своего калифскаго благословенія. Ошибка, допущенная въ началѣ крымскаго дѣла провозглашеніемъ независимости татаръ, говоритъ Соловьевъ *), была еще усилена уступкою туркамъ религіознаго вліянія надъ ними,—а это не замедлило отразиться самымъ тяжкимъ образомъ на всей ихъ политической жизни. Въ Крыму начались кровавыя распри, и Турція съ своей стороны не осталась праздною зрительницею этихъ событій.

Подготовляя сама вторженіе въ Крымъ, она отлично понимала, что прежде надо было отвлечь куда нибудь часть русскихъ силъ, охранявшихъ Перекопъ, и въ этихъ видахъ возмутила ногайцевъ, образовавшихъ двѣ партіи—покорныхъ и непокорныхъ хану. Къ послѣднимъ пристали черкесы, и вмѣстѣ съ татарами стали производить вторженія въ улусы тѣхъ, которые хотѣли остаться покорными. Междоусобная война запылала во всемъ своемъ ужасѣ. Чтобы прекратить эти новыя смуты, императрица приказала ввести въ ногайскую степь Кубанскій корпусъ, стоявшій по близости, въ Бахмутской провинціи, и два донскіе

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVI—XXIX, книга шестая, стр. 985.

полка, Кульбакова и Вуколова, заняли кордонъ по самой Кубани. На эти-то полки черкесы и обратили первые свои удары.

6-го іюня 1777 года въ темную ночь они внезапно бросились на казачій постъ, стоявшій верстахъ въ 20-ти отъ Темрюка, вблизи котораго случайно ночевали также двѣ сотни съ командиромъ полка полковникомъ Кульбаковымъ. Ночью бушевала буря, а передъ самою зарею окрестности Кубани покрылись такимъ густымъ туманомъ, за которымъ въ нѣсколькихъ шагахъ уже ничего не было видно. Въ эту-то ненастную пору 500 черкесовъ, скрытно переплывъ Кубань, зашли въ тылъ донцамъ и вдругъ безъ выстрѣла и крика бросились въ кинжалы. Кровь полилась мгновенно по всему биваку. Напрасно раненые и часовые кричали своимъ товарищамъ объ опасности—ихъ голоса заглушала буря, и прежде чѣмъ казаки очнулись, многіе изъ нихъ уже перешли отъ временнаго покоя къ вѣчному. При первыхъ выстрѣлахъ Кульбаковъ явился посреди бивака и знакомый голосъ его ободрилъ казаковъ. Три-четыре десятка донцовъ, успѣвшихъ вскочить на коней, примкнули къ своему командиру и бросились въ пики. Тревога между тѣмъ распространилась уже по окрестнымъ постамъ, и горцы, опасаясь быть окруженными, ушли за Кубань. Съ такимъ же успѣхомъ отбились посты полковника Вуколова. Тогда черкесы явились уже въ значительныхъ силахъ и, оттѣснивъ донскіе посты, осадили укрѣпленный городъ Копылъ. Разбитые и здѣсь въ кровавомъ бою подъ стѣнами города, они бѣжали за Кубань, но не отказались отъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Пока происходила эта борьба, часть ногайцевъ, подъ предводительствомъ Тавъ-султана, открыла военныя дѣйствія противъ донцовъ, чтобы отбить у нихъ богатую манычскую степь подъ свои кочевья. Черкесы тотчасъ дали имъ помощь, и 9-го октября казачій постъ, стоявшій на рѣчкѣ Кагальникѣ при Песчаномъ Бродѣ, былъ разбитъ, на голову. Ногайцы вошли въ донскую землю, но застали ее уже во всеоружіи. Войсковой ата-

манъ Иловайскій, опасаясь за самый Черкаскъ, приказалъ полкамъ, расположеннымъ въ задонской степи, спѣшить къ нему на помощь, а между тѣмъ призвалъ къ поголовному ополченію всѣхъ жителей. Готовность донцовъ отразить нападеніе разстроила планы татаръ, и казаки безъ труда оттѣснили ихъ обратно за Кагальникъ. Боя при этомъ не было, но самое происшествіе служило доказательствомъ, что ногайцы при случаѣ могутъ стать явными и даже опасными для насъ врагами.

Безпрерывныя смуты въ прикубанской степи заставили русское правительство обратить на нее серьезное вниманіе, и чтобы разъединить ногайцевъ, какъ съ крымскими татарами, такъ и съ черкесами, рѣшено было учредить новую укрѣпленную линію отъ Тамани до устьевъ Кубани, чтобы закрыть ею Керченскій проливъ, черезъ который происходили сношенія съ Крымомъ, а затѣмъ продолжить ее уже по самой Кубани до Павловской крѣпости, находившейся на азовско-моздокской линіи. Рядъ укрѣпленій, разъединявшій ногайцевъ и устранявшій отъ нихъ постороннія вліянія, долженъ былъ по мнѣнію свѣтлѣйшаго князя Потемкина, водворить между ними нѣкоторую осѣдлость, положить предѣлъ ихъ междоусобицамъ и обезпечить движеніе на линію войскъ и транспортовъ отъ Азова и крѣпости Св. Димитрія.

Порученіе это возложено было на Суворова. Онъ прибылъ на Кубань въ половинѣ января 1778 года и началъ съ того, что объѣхалъ всю линію нашихъ постовъ, изучая страну и составляя топографическое и этнографическое описаніе края. Зима стояла мягкая, безснѣжная, и три тысячи солдатъ, отряженныхъ имъ на работы, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль возвели цѣлый рядъ укрѣпленій. Главныхъ крѣпостей по Кубани было четыре: Александровская, Марьевская, Копылъ и Новотроицкая; далѣе, близъ самаго устья Кубани, стояла крѣпость Екатерининская, а за нею—Тамань. Между этими крѣпостями расположено было шестнадцать небольшихъ редутовъ и фельдшан-

цевъ. Вѣрный своимъ принципамъ никогда не раздроблять войска, Суворовъ поставилъ въ каждой крѣпости только по двѣ роты пѣхоты, а въ редутахъ по одной и даже менѣе, но за то каждое укрѣпленіе снабдилъ артиллеріею. За этою линіею стояли сильные резервы, занимая Темрюкъ, Ачуевъ и Керпели, расположенные по пути къ крѣпости Св. Димитрія; находившіеся у самаго моря Бейсугскій редутъ и Ейскій ретраншаментъ также были заняты войсками. Чтобы избавить конницу отъ безпрерывныхъ и изнурительныхъ разъѣздовъ по Кубани, Суворовъ приказалъ выжечь прирѣчные камыши, и этимъ отнялъ у горцевъ возможность подкрадываться къ нашимъ пикетамъ; летучіе кавалерійскіе отряды распредѣлены были по всѣмъ укрѣпленіямъ и содержали между ними посты. Не смотря на тяжесть работъ, войска ежедневно занимались то сторожевою службой, то маневрами примѣнительно къ новой мѣстности и характеру новаго непріятеля. Въ донесеніи Румянцеву Суворовъ говоритъ прямо, что количественный недостатокъ будетъ пополненъ качественнымъ достоинствомъ *). Понимая однако, что одною силою оружія нельзя упрочить за собою завоеванный край, Суворовъ, какъ искусный дипломатъ и политикъ, пріобрѣлъ себѣ множество друзей среди почетныхъ татарскихъ мурзъ и султановъ, черезъ которыхъ и вліялъ на народъ. Менѣе ста дней пробылъ онъ на Кубани, а между тѣмъ край былъ имъ изслѣдованъ, непріятель изученъ и построено болѣе 20-ти укрѣпленій. Въ апрѣлѣ 1778 года Суворовъ былъ отозванъ въ Крымъ для командованія войсками вмѣсто князя Прозоровскаго, а Кубанскій корпусъ поступилъ подъ начальство генералъ-маіора Райзера.

Къ дѣятельности Суворова на Кубани надо отнести еще переговоры, начатые имъ съ некрасовцами, которые при первомъ появленіи нашихъ войскъ въ степи, бросили свои городки у Тамани и, удалившись за Кубань, поселились близъ нынѣшней Анапы. Переговоры эти возложены были Суворовымъ

*) Петрушевскій. Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 201.

на войскового атамана Иловайскаго, но, не смотря на все его усердіе, не привели ни къ какимъ результатамъ. Напрасно Иловайскій въ своемъ краснорѣчивомъ посланіи: „жительствующимъ на кубанской сторонѣ, некрасовскихъ казаковъ почтенному господину войсковому атаману и всѣмъ прочимъ господамъ чиновникамъ, старикамъ и атаманамъ молодцамъ“ *), уговаривалъ ихъ вспомнить природную свою государыню и добровольно возвратиться изъ иновѣрной и христоненавистной страны въ настоящее отечество, въ православную Всероссійскую имперію, обѣщая имъ полное прощеніе и забвеніе прошлаго **). Некрасовцы не шли ни на какіе уговоры и даже запятнали себя постыднымъ и ничѣмъ не извиняемымъ вѣроломствомъ. Такъ, посланные къ нимъ для увѣщанія два казака изъ полка Кульбакова, занимавшаго своими постами брошенные ими городки на Таманскомъ полуостровѣ, были задержаны, а потомъ закованы въ желѣза и проданы въ рабство. Та же участь постигла и третьяго посланца-татарина ***). Тѣмъ не менѣе у насъ все еще расчитывали пробудить въ нихъ голосъ совѣсти, и, когда вскорѣ послѣ этихъ случаевъ одна изъ ихъ рыболовныхъ ватагъ показалась въ лиманѣ, напротивъ Екатерининской крѣпости, полковникъ Ренбомъ приказалъ Кульбакову съ частію его полка тотчасъ перейти за Кубань, чтобы „войти съ ними въ дружескую переговорку“. Кульбаковъ исполнилъ приказаніе и „началъ ихъ къ себѣ подзывать, на что они съ его стороны къ себѣ звать стали, и онъ, Кульбаковъ, доказывая имъ наше усердіе, послалъ къ нимъ въ камыши нѣсколько человѣкъ“... Но тутъ-то и выразилась въ полной силѣ злоба некрасовцевъ, копившаяся въ нихъ десятками лѣтъ скитальческой жизни внѣ родины. Едва наши посланные приблизились къ ихъ стану, какъ были окружены и приняты ружейнымъ огнемъ, такъ что Кульбакову при-

*) Дмитренко. Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска. Т. I, стр. 7.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же, стр. 11.

шлось выручать ихъ уже оружіемъ, при чемъ два казака были ранены, а некрасовцевъ и абазинъ побито и переранено около 20-ти человѣкъ *).

„Вотъ какое въ нихъ христіанство, которое ни мало не похоже на раскольниковъ,—доносилъ Кульбаковъ войсковому атаману:—а одно только скопище разбойниковъ, которое никакого сожалѣнія не достойно" **).

Казалось бы, что послѣ этого всякіе переговоры становились излишними, но Ренбомъ еще разъ отправилъ къ нимъ капитана Фалкейклача, который на военномъ ботѣ долженъ былъ подойти къ ихъ берегу. Некрасовцы встрѣтили его пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и заставили удалиться. Тогда атаманъ Иловайскій сдѣлалъ послѣднюю попытку, пославъ къ нимъ премьеръ-маіора Зазерскаго и походнаго есаула Харитонова. Имъ удалось высадиться около Анапы, но далѣе берега некрасовцы ихъ не пустили, письма отъ войска къ нимъ не приняли, а прислали сказать, „что сія задача для ихъ совсѣмъ невозможная, почему и велѣли ѣхать обратно, да и впредь о томъ не помышлять" ***). Такъ окончились наши переговоры съ некрасовцами, которые вскорѣ послѣ того сами покинули Анапу и перебрались въ Суджукъ, откуда на турецкихъ корабляхъ были перевезены сперва въ Анатолію, а потомъ на Дунай.

Между тѣмъ съ отъѣздомъ Суворова въ Крымъ, дѣла на Кубани приняли весьма тревожный характеръ, такъ какъ Райзеръ своими безтактными дѣйствіями въ короткое время вооружилъ противъ себя и черкесъ и ногайцевъ. Оскорбленные имъ ногайскіе мурзы еще сдерживали свое негодованіе, но черкесы, подвергшись безпричинному нападенію съ его стороны, отвѣтили цѣлымъ рядомъ кровавыхъ набѣговъ. Лѣтомъ 1778 года они напали на кордонъ, занимаемый Иллирійскимъ гусарскимъ пол-

*) Тамъ же.
**) Тамъ же, стр. 12.
***) Тамъ же, стр. 17.

комъ около редута Гавриловскаго (между крѣпостями Александровской и Марьевской) и отогнали лошадей цѣлаго эскадрона. Командиръ его бросился въ погоню съ пѣшими гусарами, но попалъ въ засаду и погибъ вмѣстѣ со всѣмъ эскадрономъ. Затѣмъ черкесы нанесли жестокое пораженіе гарнизону Архангельскаго укрѣпленія (нынѣшній Екатеринодаръ), а черезъ мѣсяцъ, подкравшись къ другому укрѣпленію, захватили команду, высланную за водой и, никѣмъ не преслѣдуемые, увели съ собою плѣнныхъ *). Казачьи разъѣзды то и дѣло попадали въ засады. Очевидно инструкціи Суворова были забыты.

Встревоженный такимъ положеніемъ дѣлъ, Суворовъ писалъ Райзеру выговоръ за выговоромъ. Онъ ставилъ ему въ вину жестокость военныхъ мѣръ, когда достаточны были мирныя, что поступалъ онъ круто, когда нужна была ласка, напоминалъ ему, что „благомудрое великодушіе иногда болѣе полезно, чѣмъ стремглавый военный мечъ" **). По его настояніямъ Райзеръ былъ наконецъ отозванъ, но вслѣдъ затѣмъ 10-го марта 1779 года Порта утвердила условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, признала Шагинъ-Гирея ханомъ, но потребовала за то удаленія русскихъ войскъ изъ Крыма и съ Кубани. Линія, учрежденная Суворовымъ, такимъ образомъ была покинута, укрѣпленія срыты, и войска Кубанскаго корпуса отведены за Донъ.

Не смотря на мирный договоръ, спокойствіе въ ордахъ, подвластныхъ крымскому хану, не водворялось. Турки, по прежнему преслѣдовавшіе свои личныя цѣли, волновали и черкесъ и ногайцевъ, стараясь возстановить тѣхъ и другихъ противъ ненавистнаго имъ Шагинъ-Гирея. Въ ордахъ опять пошла смута. Черкесы то и дѣло врывались въ ногайскія кочевья, и на берегахъ Бейсуга, Есени, Еи и даже въ окрестностяхъ Ейска шли кровавыя битвы. Турки, между тѣмъ, пользуясь общимъ замѣ-

---

*) Петрушевскій. Генералисимусъ князь Суворовъ, т. I, стр. 212. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о ставропольской губерніи, 1868 года, отдѣлъ III. Бутковъ. Ч. II, гл. 78, стр 45.

**) Петрушевскій. Князь Суворовъ, стр. 213—214.

шательствомъ, захватили, вопреки договора, татарскій городокъ Суджукъ (нынѣшній Новороссійскъ), лежавшій на берегу Чернаго моря, и обратили его въ сильную крѣпость, куда стекались всѣ недовольные ханомъ. Къ бѣдствіямъ разорительной войны прибавилась страшная безкормица, вслѣдствіе неурожая травъ и появленія саранчи, пронесшейся по степи опустошительною полосою. Скотъ падалъ тысячами, и ногайцы опять стали врываться въ манычскую и кагальницкую степи, вызывая этимъ чрезвычайныя и поголовныя ополченія всего Донского войска. Въ довершеніе всего, въ началѣ 1781 года, во всѣхъ ордахъ вспыхнулъ бунтъ противъ Шагинъ-Гирея, тотчасъ поддержанный Турціей, которая въ гибели этого несчастнаго хана видѣла вѣрное средство къ возвращенію своей утраченной власти надъ Крымомъ. Постоянныя смуты въ степи заставили насъ двинуть Кубанскій корпусъ опять въ окрестности Ейскаго ретраншамента, и хотя военныя дѣйствія его ограничились одною демонстраціей, но этого было достаточно, чтобы орда опять раздѣлилась на два враждебные лагеря, окончившіе свое пререканіе новой рѣзнею, въ которой погибло множество народа. Послѣ этого часть ногайцевъ ушла за Кубань къ недавнимъ своимъ врагамъ черкесамъ, а остальные остались и продолжали мятежъ еще цѣлые два года. Было ясно, что пока ногайцы сидѣли надъ Кубанью, нечего было и думать о заселеніи степного пространства нынѣшней ставропольской губерніи какимъ нибудь осѣдлымъ населеніемъ. Выведенное изъ терпѣнія, русское правительство рѣшило наконецъ, по мысли князя Потемкина, покончить съ Крымомъ и переселить ногайскія орды на луговую сторону Волги въ привольныя степи, обезлюдившіе послѣ пугачевскаго бунта.

Исполненіе этого дѣла опять поручено было Суворову.

Обстоятельство на этотъ разъ намъ благопріятствовало. Легкомысленный ханъ, едва державшійся на шаткомъ престолѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, вынужденъ былъ нако-

нецъ бѣжать подъ защиту русскихъ войскъ и, сложивъ съ себя ханское достоинство, самъ передалъ свои державныя права русской императрицѣ. Извѣстіе объ этомъ поразило Константинополь и вызвало въ немъ взрывъ общаго негодованія. Суджукскій комендантъ получилъ приказаніе тотчасъ занять войсками татарскіе города Тамань, Темрюкъ и Ачуевъ, объявивъ ихъ собственностью Турціи. Къ счастію, войскъ у нихъ подъ рукою не было, а пока готовили флотъ, русскія войска вступили въ Крымъ, и манифестъ 6-го апрѣля 1783 года возвѣстилъ Россіи о добровольномъ отреченіи Шагинъ-Гирея и о присоединеніи къ Россійской державѣ крымскаго полуострова, Тамани и Кубани. Турція, не имѣвшая силъ противиться совершившемуся факту, особымъ актомъ, заключеннымъ въ Константинополѣ 28-го декабря 1783 года признала за Россіей Крымъ и правый берегъ Кубани. Что же касается до закубанскихъ народовъ и крѣпости Суджукской, то они остались за Оттоманскою Портою.

Крымъ молча покорился своей судьбѣ, но не то произошло на Кубани. Когда Суворовъ лѣтомъ 1783 года прибылъ въ Ейскъ и оповѣстилъ всѣ ногайскія орды объ отреченіи Шагинъ-Гирея, ногайцы спокойно присягнули на вѣрность императрицы Екатеринѣ. Пользуясь огромнымъ съѣздомъ, Суворовъ тутъ же успѣлъ уговорить многихъ вліятельныхъ мурзъ и султановъ къ переселенію за Волгу. Сначала дѣло пошло успѣшно. Вся джамбулуцкая орда уже выступила къ Дону, а остальныя готовились къ переселенію, какъ вдругъ пронеслась молва, что Шагинъ-Гирей прибылъ въ Тамань, и при помощи турокъ намѣренъ возвратить утраченное царство. Этотъ слухъ поразилъ умы дикихъ ногайцевъ, и мысль о переселеніи сдѣлалась имъ ненавистною. Джамбулукцы, отошедшіе отъ Еи уже болѣе чѣмъ на сто верстъ, взбунтовались первые, перебили своихъ приставовъ, и устремились назадъ на прежнія кочевья. Но имъ приходилось теперь уже прорываться черезъ линію нашихъ форпостовъ, предусмотрительно протянутую въ тылу у нихъ отъ рѣчки Еи до поло-

вины Дона. Видя кругомъ возмущенie, Суворовъ извѣстилъ атамана Иловайскаго, прося чтобы „братцы-казачки, тогда жъ съ Богомъ, кому какъ на догадъ, хотя вплавь, за Донъ къ Когальнику пообближались и показались бы туча тучею“ *). Но Иловайскiй могъ собрать только четыре слабые полка, съ которыми поспѣшно и двинулся къ Песчаному Броду. Между тѣмъ десять тысячъ татаръ подъ предводительствомъ мурзы Канакая обрушились на роту Бутырскаго полка, содержавшую форпостъ на Еи. Рота, конечно, была бы уничтожена, но къ ней на помощь подоспѣли сперва два эскадрона драгунъ, а затѣмъ отряды полковниковъ Телѣгина и Павлова. Тогда, по словамъ Суворова, произошла жестокая рубка татаръ, загнанныхъ въ болотистую рѣчку. Самъ Канакай былъ убитъ, и съ нимъ погибло три тысячи татаръ. Лошадей и скота отбито было болѣе 20-ти тыс. головъ. Атамана Иловайскаго Суворовъ извѣстилъ объ этомъ слѣдующею лаконической запиской: „Ваше превосходительство! Остановитесь. Полно! Теперь все благополучно. Я буду скоро у карантина. Только канакаевцы почти всѣ перекрошены; самого (Канакая) небережно прострѣлили въ ухо“ **).

Сильное пораженie ногайцевъ не только не образумило, но еще болѣе воспламенило ихъ злобу. Междоусобная брань запылала такъ быстро, что прежде, чѣмъ русскiе успѣли вмѣшаться, уже погибли всѣ лучшiе и преданнѣйшiе Россiи люди. Мятежъ охватилъ всѣ орды; русская стража, находившаяся при нихъ, была изрублена. Часть мятежниковъ устремилась на Донъ, другая къ Ейску,—но обѣ потерпѣли полную неудачу. Тогда, убѣдившись, что сопротивленiе для нихъ не возможно, ногайцы поголовно ушли за Кубань, расчитывая стать независимыми, какъ отъ Россiи, такъ и отъ Турцiи. Удайся имъ это—нашимъ границамъ грозила бы сугубая опасность, а потому Суворовъ съ

*) Дмитренко. Сборникъ историческихъ матерiаловъ по исторiи кубанскаго казачьяго войска. Т. I, стр. 22.

**) Сенюткинъ. Военныя дѣйствiя донцовъ противъ ногайскихъ татаръ. Военный Сборникъ 1860 года, № 9, стр. 75.

обычною своею энергіею рѣшилъ немедленно перенесть военныя дѣйствія на вражескую землю.

Вся трудность предстоявшей экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы настигнуть ногайцевъ прежде, чѣмъ они успѣютъ уйти въ недоступныя горы. Но вмѣстѣ съ быстротою нужна была скрытность движенія,—и русскій отрядъ шелъ по ночамъ, а дни проводилъ въ глухихъ оврагахъ и камышахъ, не смѣя даже сварить себѣ пищи, чтобы не привлечь вниманія чуткихъ сторожевыхъ пикетовъ горцевъ. 29-го сентября войска дошли наконецъ до устья Лабы, гдѣ ихъ ожидалъ атаманъ Иловайскій съ десятью донскими полками. Тутъ Суворовъ отдалъ свой извѣстный приказъ, который при вечернемъ паролѣ читался передъ каждою частію. „Войскамъ, говорилось въ этомъ приказѣ, отдыха нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія или плѣна непріятеля. Если онъ не близко, то искать его вездѣ... Пули беречь, работать холоднымъ оружіемъ“... Ночью перешли Кубань и 1-го октября па разсвѣтѣ близъ урочища Керменчукъ настигли ногайцевъ. Они стояли огромнымъ таборомъ, видимо не ожидая нападенія. Суворовъ тотчасъ подалъ сигналъ къ атакѣ. Казаки и драгуны со всѣхъ сторонъ ринулись на непріятеля; два баталіона егерей поддержали ихъ,—и началась страшная сѣча. Хуже вооруженные, хуже предводимые, не дисциплинированные, не имѣвшіе понятія о строѣ, ногайцы дрались отчаянно и въ безсильной злобѣ сами рѣзали своихъ женъ и бросали въ рѣку грудныхъ младенцевъ. Больше 4000 ногайскихъ труповъ валялось на десяти-верстномъ разстояніи; въ плѣнъ взято до 700 ясырей и не малое число дѣтей и женщинъ. Броневскій въ своей исторіи Донского войска говоритъ, что въ добычу казакамъ досталось 30 тыс. лошадей, 40 тыс. рогатаго скота и 200 тыс. овецъ *).

---

*) Суворовъ въ своемъ донесеніи говоритъ, что взято *множество* скота, *примѣрно:* рогатаго до 6000, овецъ до 15,000. Разница выходитъ большая, но не надо забывать, что донцы могли получить много скота на возвратномъ пути, да могли и скрыть настоящую цифру добычи, чтобы не дѣлиться съ другими войсками.

Страшный урокъ, данный ногайцамъ, навелъ паническій страхъ даже на крымскихъ татаръ, которые, опасаясь подобной же участи, тысячами бѣжали въ Турцію. Ногайцы поступили иначе. Только злѣйшіе враги Россіи отдались подъ покровительство черкесовъ, а остальные вернулись назадъ съ повинной головою и были переселены Суворовымъ въ Крымъ. Весь край отъ Кубани до Дона опустѣлъ совершенно, и только черезъ восемь лѣтъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочевали ногайцы, появляются остатки славной запорожской сѣчи, переселившіеся сюда подъ именемъ Черноморскаго казачьяго войска.

Съ уничтоженіемъ силы татаръ домашній бытъ донцовъ совершенно измѣнился. Вѣчная брань съ врагами наконецъ миновала; земледѣльцы, выходя на работы, уже не нуждались въ военномъ прикрытіи; задонскіе посты были сняты, и пушки, стоявшія на бастіонахъ Черкаска, болѣе никогда уже не заряжались. „Тихій Донъ“ дѣйствительно сталъ тихимъ.

Генералисимусъ Суворовъ.

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ

IX.

Назначеніе на Кавказъ П. С. Потемкина. Положеніе Грузіи. Георгіевскій трактатъ 24-го іюля 1783 года о вступленіи ея подъ покровительство Россіи. Обезпеченіе сообщенія Моздока съ Грузіей. Виды князя Потемкина на Закавказье. Учрежденіе кавказскаго намѣстничества. Принятіе шамхала тарковскаго въ подданство Россіи. Отношенія къ чеченцамъ и кабардинцамъ. Шейхъ-Мансуръ и борьба съ нимъ. Гибель отряда полковника Піерія.

Кайнарджійскій мирный трактатъ, заключенный при ближайшемъ участіи Григорія Александровича Потемкина, открылъ обширное поле для дѣятельности этого новаго (съ 1774 г.) любимца императрицы Екатерины. Еще современникъ Потемкина, англійскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ Гаррисъ, подмѣтилъ, что онъ немного заботился о вопросахъ западно-европейской политики, но особенно охотно занимался дѣлами востока. Причина этого предпочтенія кроется въ свойствахъ характера Потемкина. Политическія отношенія Россіи къ западной Европѣ, вращаясь въ опредѣленномъ, давно начертанномъ, кругѣ, не давали простора человѣку честолюбивому и властному. Напротивъ того, внутренняя слабость Персіи и униженіе могущественной Турціи открывали обширный горизонтъ смѣлымъ мечтамъ Потемкина. Екатерина не стѣсняла замысловъ своего любимца, вполнѣ отвѣчавшихъ естественному стремленію Россіи стать твердою ногою на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей.

Въ сентябрѣ 1782 г. Екатерина, уступая настояніямъ Потемкина, согласилась на присоединеніе Крыма, Тамани и всей кубанской стороны. Военныя силы наши на Кавказѣ состояли тогда изъ корпусовъ кубанскаго и астраханскаго. Въ виду готовившагося событія они были значительно усилены. Первымъ

командовалъ генералъ-поручикъ графъ де-Бальменъ, замѣненный въ октябрѣ 1782 г. Суворовымъ. Командиръ астраханскаго корпуса генералъ Фабриціанъ находился по болѣзни въ отпуску и на мѣсто его 6-го сентября 1782 года назначенъ генералъ-поручикъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый корпусъ названъ сначала новолинейнымъ, а скоро потомъ кавказскимъ, какъ бы въ ознаменованіе того, что центръ тяжести нашихъ дѣлъ на юго-востокѣ перемѣстился изъ Астрахани на Кавказъ. Потемкинъ имѣлъ подъ начальствомъ 23 баталіона, 20 эскадроновъ драгунъ, 4 роты артиллеріи (30 орудій), 4 донскихъ казачьихъ полка и астраханское казачье войско.

Назначивъ своего родственника командующимъ на Кавказѣ, могущественный Потемкинъ не ошибся въ выборѣ исполнителя своихъ видовъ на Грузію. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ привелъ сначала къ желанному концу это щекотливое дѣло и затѣмъ дѣятельно занялся заселеніемъ и устройствомъ обширныхъ степныхъ пространствъ сѣвернаго Кавказа.

Грузинское царство клонилось въ это время къ окончательному упадку. Былая энергія Ираклія ослабѣла и мятежные князья перестали бояться его нѣкогда тяжелой руки. Отецъ Ираклія Теймуразъ не былъ прирожденнымъ царемъ Карталиніи: онъ получилъ эту область по соизволенію шаха Надира въ 1744 г., уступивъ кахетинское царство своему сыну съ шахскаго разрѣшенія. Послѣ смерти Теймураза обѣ области Грузіи соединились подъ властью Ираклія. Но князья Карталиніи съ неудовольствіемъ подчинялись царямъ кахетинскаго дома, которые къ тому же явно отдавали предпочтеніе своимъ роднымъ кахетинцамъ. Въ Карталиніи время отъ времени наступало броженіе подъ знаменемъ приверженности къ роду царя Вахтанга, переселившагося съ семействомъ своимъ въ Россію въ 1724 г. Ираклію приходилось оружіемъ усмирять такія вспышки. Къ внутреннимъ несогласіямъ присоединились еще и раздоры въ царскомъ семействѣ. Ираклій былъ женатъ три раза. Третья

жена его Дарія, дочь владѣтеля Мингреліи, отличалась властнымъ и честолюбивымъ характеромъ. Наслѣдникомъ престола считался царевичъ Георгій, старшій сынъ Ираклія отъ второго брака. Царица Дарія направила всю свою энергію на измѣненіе порядка престолонаслѣдія въ пользу своего любимаго сына Юлона. Происки ея и несогласія между царевичами изъ-за пожалованныхъ имъ въ управленіе удѣловъ внесли полное разложеніе въ царскую семью. Должно упомянуть, наконецъ, о совершенной нищетѣ, въ которую ввергли грузинскій народъ персидскіе поборы и постоянныя войны, внѣшнія и внутреннія. Хищные дагестанцы стремились всегда жить на счетъ обитателей благословенныхъ природою долинъ Грузіи и только подарки царей удерживали ихъ отъ опустошительныхъ набѣговъ. Въ ту эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, казна царская была пуста и лезгинскія шайки участили свои вторженія въ Кахетію и Карталинію.

Не видя выхода изъ затруднительнаго положенія, Ираклій рѣшился просить о принятіи его подъ покровительство Россіи. Для предварительныхъ переговоровъ объ этомъ избралъ онъ проживавшаго съ давнихъ поръ въ Грузіи нѣмецкаго авантюриста Якова Элиха, извѣстнаго болѣе подъ именемъ доктора Рейнеггса. Этотъ послѣдній былъ вызванъ княземъ Потемкинымъ въ Россію и отправленъ обратно въ Грузію въ званіи комиссіонера (агента) при Иракліи и Соломонѣ. Вскорѣ послѣ его возвращенія въ Тифлисъ, осенью 1782 года, Ираклій отправилъ въ Петербургъ формальную челобитную о принятіи его подъ верховную власть Россіи.

Главные пункты челобитной заключались: въ присылкѣ отряда въ 4000 чел. для защиты Грузіи отъ невѣрныхъ и для безотлагательнаго завоеванія Ахалциха и очищенія Кахетіи отъ лезгинъ; въ утвержденіи Ираклія съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ для огражденія его отъ покушеній со стороны представителей рода царя Вахтанга; и въ заимообразномъ отпускѣ

денегъ на содержаніе грузинскихъ войскъ. Съ своей стороны Ираклій обязывался: издержки на содержаніе русскихъ войскъ заплатить въ нѣсколько лѣтъ изъ доходовъ тѣхъ областей, которыя будутъ завоеваны при помощи Россіи; изъ прибыли отъ разработки металловъ, открытыхъ и впредь могущихъ открыться, половину вносить въ русскую казну; съ каждаго обывательскаго двора доставлять въ ту же казну по 70-ти коп.; съ обывателей тѣхъ областей, кои оружіемъ русскимъ Грузіи возвращены будутъ, давать въ казну по 70-ти коп. съ двора, и сверхъ того, въ половину противъ того, что даютъ въ казну въ Россіи помѣщичьи крестьяне, и по 200 пудовъ шелку; наконецъ, давать на русскую службу солдатъ по правиламъ рекрутскихъ наборовъ.

Русское правительство, очевидно, не могло принять столь странныхъ условій, возлагавшихъ на него вполнѣ опредѣленныя обязательства и дававшихъ взамѣнъ одни пустыя обѣщанія. Такой договоръ не соотвѣтствовалъ ни здравой политикѣ, ни достоинству великой державы. По сдѣланному тогда исчисленію всѣ обѣщанные Иракліемъ доходы не могли дать въ сложности болѣе 250,000 руб. въ годъ, т. е. не окупили бы даже содержанія нашихъ войскъ въ Грузіи. Россія не нуждалась въ столь ничтожной для нея суммѣ и потому челобитная Ираклія была принята только подъ условіемъ вступленія грузинскаго царя въ прямое подданство Россіи.

Согласіе императрицы Екатерины на заключеніе трактата съ царемъ Иракліемъ послѣдовало 29-го декабря 1782 года, а 3-го апрѣля слѣдующаго года проектъ самаго договора, составленный въ Петербургѣ, былъ отправленъ въ Грузію съ подполковникомъ Томарою. Ираклій согласился на всѣ предложенія русскаго двора. Оставалось только совершить обрядъ заключенія договора. Князь Потемкинъ поручилъ это дѣло командующему войсками на Кавказѣ Павлу Сергѣевичу Потемкину, придавъ къ нему для дѣлопроизводства подполковника Томару. Ирак-

лій уполномочилъ подписать трактатъ своего зятя, главнаго совѣтника въ дѣлахъ провинціи Эриванской, генерала войскъ отъ лѣвой руки князя Ивана Константиновича Багратіонъ-Мухранскаго и своего генералъ-адъютанта, начальника Казахской провинціи, князя Гарсевана Ревазовича Чавчавадзе. Ассистентомъ при нихъ былъ извѣстный архимандритъ Гаіосъ или Гаій, знавшій русскій языкъ.

Подписаніе трактата состоялось 24-го іюля 1783 года въ Георгіевской крѣпости *). Этотъ важный государственный актъ, рѣшившій навсегда судьбу грузинскаго народа и давшій впервые твердую опору Россіи за горами Кавказа, состоитъ изъ 13-ти артикуловъ и четырехъ сепаратныхъ секретныхъ статей. Сущность постановленій его заключалась въ слѣдующемъ. Царь карталинскій и кахетинскій именемъ своимъ и своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ навсегда отрицается отъ вассальныхъ и вообще зависимыхъ къ Персіи или иной державѣ отношеній и не признаетъ надъ собою иного самодержавія, кромѣ верховной власти и покровительства монарховъ всероссійскихъ. Въ силу таковаго признанія, цари карталинскіе и кахетинскіе, вступая наслѣдственно на царство, обязываются испрашивать немедленно императорскаго на то подтвержденія и затѣмъ, въ присутствіи россійскаго министра, торжественно учинить присягу на вѣрность и усердіе къ россійской державѣ и на признаніе верховной власти и покровительства всероссійскихъ императоровъ. Грузинскій царь не имѣетъ права, безъ согласія и вѣдома русскаго министра и пограничнаго начальника, входить въ сношенія съ окрестными владѣльцами. Войско грузинское должно быть всегда готовымъ на императорскую службу. Императрица Екатерина, съ своей стороны, обѣщала за себя и преемниковъ своихъ признавать непріятелей Грузіи своими непріятелями, ручалась за сохраненіе цѣлости владѣній Ираклія и преемственности престола въ его домѣ. Внутреннее управленіе, судъ, рас-

*) Нынѣ Георгіевскъ, заштатный городъ Терской области.

права и сборъ податей оставлены въ полномъ распоряженіи царя; князьямъ и дворянамъ Грузіи предоставлено пользоваться въ имперіи всѣми преимуществами и выгодами россійскаго благороднаго сословія; купечеству карталинскому и кахетинскому разрѣшено свободно торговать въ Россіи на правахъ природныхъ русскихъ подданныхъ, подъ условіемъ предоставленія такого же права русскимъ купцамъ въ предѣлахъ грузинскаго царства.

Сепаратными секретными статьями, приложенными къ трактату, опредѣлялись размѣръ и условія военной помощи, а также отношенія Ираклія къ владѣтелю Имеретіи. Для охраненія владѣній карталинскихъ и кахетинскихъ отъ всякаго прикосновенія со стороны сосѣдей и для подкрѣпленія войскъ царя на оборону, русское правительство обѣщало содержать въ Грузіи два полные баталіона пѣхоты съ четырьмя пушками. Въ случаѣ же войны, царь долженъ былъ дѣйствовать по соглашенію съ русскимъ главнымъ пограничнымъ начальствомъ.

Подписанный уполномоченными трактатъ былъ доставленъ въ Петербургъ полковникомъ Томарою 17-го августа 1783 года. Удовольствіе свое по этому поводу, равное „славѣ изъ того пріобрѣтенной и пользѣ несомнѣнно ожидаемой“, императрица выразила пожалованіемъ Павлу Потемкину 6000 руб. и табакерка съ портретомъ. Царю Ираклію былъ пожалованъ титулъ высочества, предоставлено право короноваться и дозволено бить собственную монету съ прибавленіемъ къ грузинскому гербу изображенія двуглаваго орла „въ знакъ покровительства и верховной власти всероссійскихъ императоровъ“.

Въ Тифлисѣ вѣсть о заключеніи трактата была встрѣчена съ величайшей радостью и отпразднована 20-го августа 1783 года. Но истинное торжество происходило 22-го января слѣдующаго года, когда прибывшій изъ Петербурга полковникъ Томара по особому церемоніалу передалъ Ираклію пожалованные ему императрицею знаки инвеституры: знамя, саблю, царскую мантію, скипетръ, корону и грамоту. Царь принималъ ихъ

у ступеней трона, а затѣмъ, выслушавъ рѣчь Томары, взошелъ на тронъ и высказалъ глубокую благодарность императрицѣ за ея милости.

На другой день, 23-го января 1784 года, послѣ богослуженія въ соборной церкви, Ираклій подписалъ ратификацію трактата и произнесъ предъ крестомъ и евангеліемъ присягу на вѣрность всероссійскому престолу. Въ числѣ присутствовавшихъ въ соборѣ находилась и супруга Ираклія царица Дарія Георгіевна въ первый разъ съ открытымъ лицомъ. Царь самъ возложилъ на царицу пожалованную ей императрицей брилліантовую звѣзду ордена Св. Екатерины.

Русскимъ резидентомъ при царѣ Ираклии былъ назначенъ полковникъ Бурнашовъ, прибывшій въ Грузію еще въ маѣ мѣсяцѣ 1783 года, на смѣну доктора Рейнеггса, оказавшагося по дѣламъ, хотя усерднымъ, но вѣтреннымъ и хвастливымъ.

Вступленіе Грузіи подъ покровительство Россіи выдвинуло на первую очередь вопросъ объ удобномъ и безопасномъ сообщеніи Моздока съ Закавказьемъ. Изслѣдованіемъ путей черезъ главный кавказскій хребетъ въ Карталинію и Имеретію еще осенью 1781 года занимался дивизіонный квартирмейстеръ Штедеръ, составившій любопытный отчетъ о своей поѣздкѣ по горной Чечнѣ и Осетіи. Онъ полагалъ, что устройство по Даріальскому ущелью колесной дороги вполнѣ возможно и потребуетъ не болѣе 10000 рублей. Въ маѣ 1783 года Павелъ Потемкинъ поручилъ это дѣло оберъ-квартирмейстеру Фохту, давъ ему для работъ 800 солдатъ и для прикрытія баталіонъ гренадеръ. Къ октябрю того же года дорога была уже настолько улучшена, что Потемкинъ нашелъ возможнымъ исполнить нетерпѣливое желаніе царя Ираклія видѣть въ Грузіи русскія войска, обѣщанныя ему трактатомъ. Третьяго ноября 1783 года егерскіе баталіоны вступили въ Тифлисъ.

Въ томъ же году было приступлено къ сооруженію по правому берегу Терека цѣпи укрѣпленій между Моздокомъ и по-

дошвою кавказскихъ горъ. Первое отъ Моздока названо Григоріополисомъ, второе Кумбелей, третье, при р. Терекѣ, Потемкинымъ; четвертое, поставленное при осетинскомъ селеніи Зауровѣ, заперло входъ въ Даріальское ущелье. Оно освящено 6-го мая 1784 года и названо Владикавказомъ въ знакъ владычества надъ горами. Нынѣ это областной городъ Терской области.

Обезпечивъ сообщеніе Моздока съ Грузіей, новая линія укрѣпленій имѣла еще и другое не менѣе важное значеніе: она отдѣлила большую Кабарду отъ малой, затруднивъ возможность совмѣстнаго дѣйствія ихъ противъ насъ, и устранила непосредственное вліяніе кабардинцевъ на чеченскія племена.

Присоединеніе Крыма и принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи,—эти два важныя событія, задѣвавшія насущные интересы Турціи и Персіи и, между тѣмъ, не стоившія намъ ни одной капли крови, показали полное безсиліе нашихъ азіатскихъ сосѣдей. Въ воображеніи князя Потемкина возникла мысль объ установленіи полнаго господства Россіи надъ мусульманскимъ востокомъ. По его указаніямъ Павелъ Потемкинъ вступилъ въ оживленныя сношенія съ владѣтелями и народами Закавказья и Персіи. Предполагалось, опираясь на армянское населеніе въ Адербейджанѣ, Эривани, Шушѣ и Дербентѣ, овладѣть Дагестаномъ и всѣми закавказскими ханствами и создать изъ нихъ по ту сторону горъ кавказскихъ одно сильное христіанское государство подъ русскою державою. Мечты эти остались мечтами, быть можетъ, потому только, что князь Таврическій не имѣлъ необходимой выдержки и настойчивости для осуществленія такихъ отдаленныхъ цѣлей. Онъ охладѣвалъ, если дѣло не дѣлалось такъ быстро, какъ того требовало его нетерпѣніе. Но во всякомъ случаѣ переписка, касающаяся этой попытки, показываетъ смѣлость его замысловъ, обширность политическихъ видовъ и глубокую вѣру въ призваніе Россіи на востокѣ.

Возвращаясь къ послѣдствіямъ принятія Грузіи подъ рус-

ское покровительство, необходимо указать, что новыя отношенія наши къ Закавказью и сосѣднимъ съ нимъ владѣніямъ требовали, для ихъ прочности и дѣйствительности, объединенія и усиленія военной и гражданской власти на сѣверномъ Кавказѣ. Очевидно, что русское вліяніе на сосѣдей могло быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ крѣпче эта часть края была связана съ остальною Россіей.

Еще 1-го іюля 1783 года Павлу Потемкину, для однообразнаго управленія, поручено все пространство отъ моздокской линіи до Астрахани и Каспійскаго моря. Затѣмъ, 2-го февраля 1784 года, послѣдовало назначеніе его генералъ-губернаторомъ саратовскимъ и кавказскимъ и начальникомъ всѣхъ войскъ отъ Каспійскаго до Чернаго и Азовскаго морей. Это сосредоточеніе административной власти закончилось учрежденіемъ, по указу 5-го мая 1785 года, особаго Кавказскаго намѣстничества изъ областей Кавказской и Астраханской.

Обратимся теперь къ обзору военной и гражданской дѣятельности Павла Потемкина въ обширномъ и пустынномъ краѣ, гдѣ надлежало одновременно вести ожесточенную войну съ горскими народами, бороться съ тайными происками Турціи, заселять безлюдныя степи и насаждать на дѣвственной почвѣ первыя сѣмена гражданственности.

Наиболѣе сильнымъ владѣльцемъ, изъ числа нашихъ сосѣдей на линіи, былъ шамхалъ тарковскій. Шамхалы носили титулъ *вали* и заявляли права на первенствующее значеніе въ Дагестанѣ. Шамхальство граничило съ русскими владѣніями въ низовьяхъ Терека. Сухопутная дорога изъ Астрахани въ Дербентъ проходила черезъ земли владѣтеля тарковскаго. Вслѣдствіе этого, со времени паденія астраханскаго царства и заложенія крѣпости Терки, русское правительство находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ шамхалами и изъ видовъ политическихъ поддерживало съ ними дружбу. Надо отдать справедливость владѣльцамъ тарковскимъ въ томъ, что они, понимая свое положе-

ніе, цѣнили эту дружбу и со временъ Петра Великаго, за малыми исключеніями, не измѣняли ей. Въ январѣ 1784 года шамхалъ Муртазали просилъ черезъ князя Потемкина о принятіи его въ русское подданство. Просьба его была, конечно, уважена, но высочайшая грамота не застала шамхала въ живыхъ: онъ умеръ въ іюлѣ или августѣ 1784 года. Подданство принялъ его братъ и преемникъ Баммать, принесшій торжественно присягу на вѣрность черезъ своихъ уполномоченныхъ въ городѣ Екатеринградѣ 25-го мая 1786 года. Императрица особою грамотою утвердила Баммата въ шамхальскомъ достоинствѣ, произвела въ тайные совѣтники, наградила брилліантовымъ перомъ на папаху и пожаловала по 6000 руб. на содержаніе войскъ.

Установленіе мирныхъ сношеній съ хищными чеченцами представляло всегда большія затрудненія. Они не имѣли высшаго сословія и, распадаясь на множество родовыхъ союзовъ, управлялись своими старшинами, находившимися подъ вліяніемъ членовъ союза. Русскому начальству на линіи приходилось вступать въ сношенія не съ цѣлымъ народомъ или его представителемъ, а съ каждымъ почти большимъ селеніемъ отдѣльно. Племена, жившія въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ линіей и потому болѣе доступныя для нашихъ войскъ, волею-неволею должны были жить съ нами въ ладахъ; но другія, отдѣленныя отъ насъ полосою дремучихъ непроходимыхъ лѣсовъ, не имѣли побудительной причины сдерживать свои хищныя привычки.

Въ исходѣ 1782 года всѣ чеченскія селенія, кромѣ Атаги, дали генералу Потемкину аманатовъ (заложниковъ). Атагинцы даже среди чеченцевъ славились своими разбоями. Соединившись съ ингушами, они готовились сдѣлать набѣгъ на притеречныя станицы. Потемкинъ поспѣшилъ предупредить ихъ. Полковникъ Кекъ съ сильнымъ отрядомъ проникъ черезъ ущелье Ханъ-кале къ атагинскимъ жилищамъ и истребилъ ихъ огнемъ и мечомъ. Чеченцы прибѣгли и въ этомъ случаѣ къ своему обычному военному пріему: почти безъ боя пропустивъ на-

ступающій отрядъ черезъ лѣсистое ущелье, они съ яростью насѣли на него при обратномъ движеніи. Но полковникъ Кекъ оставилъ при наступленіи одинъ баталіонъ въ Ханкальской тѣснинѣ. Такимъ образомъ хитрость чеченцевъ не удалась. Поставленные между двухъ огней, они разсѣялись послѣ трехчасового боя, потерявъ болѣе 400 человѣкъ. Чеченцы были всегда грозными противниками. Они бились съ нами не на жизнь, а на смерть. Полковникъ Кекъ привелъ только двухъ плѣнниковъ, такъ какъ атагинцы не сдавались живыми. Раненые наносили самыя жестокія оскорбленія солдатамъ, съ цѣлью понудить ихъ къ крутой расправѣ. Отрядъ нашъ возвратился въ Науръ 7-го марта 1783 года. Атагинцы принесли присягу на вѣрность и дали аманатовъ, но вслѣдъ затѣмъ возобновили свои набѣги на линію. Осенью 1783 года были вновь направлены противъ нихъ два отряда. Одинъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Самойлова, прошелъ черезъ всю малую Чечню, истребляя селенія. Другой, предводительствуемый Потемкинымъ, дѣйствовалъ со стороны Ханкальскаго ущелья. Чеченцы опять понесли большія потери и опять дали присягу на вѣрность. Послѣ того весь 1784 годъ прошелъ довольно спокойно. Но это было только затишье предъ грозой, разразившейся надъ кавказскими горами въ слѣдующемъ году.

Отношенія наши къ кабардинцамъ послѣ занятія Крыма были довольно удовлетворительны. Напуганные усиленіемъ Кавказскаго корпуса и стѣсненные въ пользованіи пастбищами вслѣдствіе устройства азовской линіи, они задумали было покинуть родныя мѣста и искать болѣе привольной жизни въ Грузіи и ахалцихскомъ пашалыкѣ. Но намѣреніе это было во-время открыто и остановлено. Тогда они подали князю Потемкину прошеніе о своихъ нуждахъ, главнымъ образомъ о разрѣшеніи пасти табуны и стада въ предѣлахъ линіи и о непринятіи ихъ бѣглыхъ холоповъ. Первая просьба была удовлетворена, но вторую князь Потемкинъ отклонилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что отъ

самихъ князей и дворянъ вполнѣ зависитъ удержать своихъ подвластныхъ отъ побѣговъ хорошимъ обращеніемъ съ ними и облегченіемъ повинностей. Преслѣдуя эту человѣколюбивую цѣль, Потемкинъ имѣлъ въ виду также и насущныя потребности края: бѣглые холопы увеличивали населеніе линіи; вмѣстѣ съ тѣмъ кабардинскіе владѣльцы теряли съ уходомъ подвластныхъ не только часть своихъ доходовъ, но и боевую силу. Такимъ образомъ, достигалась вдвойнѣ безопасность нашей границы.

Любопытно намѣреніе князя Потемкина учредить милицію изъ кабардинцевъ, осетинъ и ингушей. Они должны были образовать поселенное или земское войско, въ родѣ казачьяго, для охраны нашихъ владѣній отъ набѣговъ чеченцевъ и закубанскихъ черкесовъ. Мысль, положенная въ основаніе этого предположенія, была совершенно правильная: охранная служба давала выгодное для насъ примѣненіе воинственности кабардинцевъ, подчиняла ихъ нѣкоторой дисциплинѣ и надзору, и наконецъ, льстила честолюбію высшихъ сословій обѣщаніемъ чиновъ и наградъ.

Кабардинцы не противились проекту. Въ маѣ 1787 года они спокойно выслушали обращенную къ нимъ грамоту Потемкина и присягнули исполнить ее. Вслѣдъ затѣмъ кабардинское ополченіе было собрано на р. Малкѣ для распредѣленія его по кордонамъ. Но открывшаяся въ сентябрѣ того же года турецкая война отвлекла вниманіе князя Потемкина въ другую сторону и предложеніе было забыто.

Въ 1785 году разразилась на Кавказской линіи та гроза, о которой упомянуто въ обзорѣ отношеній нашихъ къ чеченцамъ. Въ декабрѣ 1784 года П. С. Потемкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ для обсужденія вопроса объ открытіи кавказскаго намѣстничества. Командующимъ войсками на Кавказѣ оставался за него генералъ-поручикъ Леонтьевъ. Въ это время появился въ Чечнѣ проповѣдникъ новаго мусульманскаго ученія, взволновавшій весь затеречный край.

Ушурма или Учерманъ,—такъ назывался проповѣдникъ—родился въ сел. Алды на берегу Сунжи. Судя по тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ объ его ученіи, онъ принадлежалъ къ послѣдователямъ тариката, т. е. мистическаго мусульманскаго ученія о пути къ познанію истиннаго Бога. Учитель или наставникъ тариката называется имамомъ, муршидомъ или шейхомъ. Познаніе истиннаго пути дается не разомъ: ищущій (мюридъ) долженъ пройти нѣсколько степеней по пути къ откровенію. Шествующій по этому пути руководится влеченіемъ, развивающимся въ немъ черезъ духовное воспитаніе. Право духовнаго воспитанія наслѣдственно по ученію, т. е. переходитъ непосредственно отъ учителя-воспитателя (муршида) къ его духовному воспитаннику (мюриду). Безъ дозволенія или благословенія, полученнаго отъ совершеннаго шейха, дошедшаго до степени богосозерцанія, никто не можетъ самъ сдѣлаться шейхомъ или муршидомъ.

Такимъ образомъ, тарикатъ есть мистическое ученіе о пути къ достиженію возможнаго нравственнаго совершенства. Различные суфи (мистики) основали въ мусульманствѣ множество братствъ или сообществъ, члены которыхъ, удаляясь отъ свѣта, предаются въ уединеніи самоизнуренію и молитвамъ. Арабскіе завоеватели занесли въ Кавказскія горы, вмѣстѣ съ исламомъ, также и тарикатскія ученія разнаго рода. Въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтій особенно распространился въ Дагестанѣ такъ называемый тарикатъ накшубандійскій, одинъ изъ четырехъ главныхъ путей ислама.

Слѣдовательно, Ушурма не былъ, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, творцомъ своего ученія. Сущность его проповѣди, заключающаяся въ удаленіи отъ свѣта, воздержаніи и нравственномъ самоусовершенствованіи, вполнѣ совпадаетъ съ тарикатскими ученіями. Трудно повѣрить также, чтобы онъ, какъ утверждаютъ, не зналъ арабской грамоты. Выступивъ въ 1785 году на общественное поприще, онъ принялъ титулы имама и

шейха и присвоилъ себѣ арабское прозвище Мансура. Титулы эти взяты изъ тариката. Мансуръ значитъ по-арабски побѣдоносный.

По существу своему тарикатскія ученія, какъ видно изъ приведенныхъ свѣдѣній, совершенно чужды политическихъ цѣлей и направлены исключительно къ возвышенію религіознаго чувства своихъ послѣдователей. Опасность ихъ, какъ показала исторія мюридизма на Кавказѣ, заключается въ той мистической экзальтаціи, въ томъ слѣпомъ фанатизмѣ, въ который впадаютъ мюриды на пути къ совершенствованію. У воинственныхъ и свободолюбивыхъ горцевъ Кавказа эта экзальтація находила всегда исходъ въ *джигадѣ* или *газаватѣ*, т. е. войнѣ за вѣру, предписанной кораномъ всѣмъ мусульманамъ. Народныя бѣдствія даютъ проповѣдникамъ тариката удобный поводъ напоминать населенію о томъ, что кара постигла его за пренебреженіе религіозными обязанностями. Естественный исходъ такой проповѣди—призывъ къ газавату. Таково было происхожденіе такъ называемаго мюридизма, созданнаго въ текущемъ столѣтіи Кази-муллою и развитаго въ полную политическую систему Шамилемъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и появленіе шейха Мансура въ качествѣ народнаго предводителя съ знаменемъ войны за вѣру было вызвано жестокими пораженіями, нанесенными чеченцамъ въ 1782 и 1783 годахъ, въ отмщеніе за ихъ хищническіе набѣги въ русскіе предѣлы.

Начальство Кавказской линіи вполнѣ оцѣнило опасность для насъ проповѣди Мансура. Выгода нашего положенія въ отношеніи горцевъ заключалась въ постоянныхъ распряхъ между отдѣльными племенами и родовыми союзами. По словамъ П. Буткова, въ то время наблюдаемо было „правило древнихъ римлянъ, чтобы для пользы Кавказскаго края ссорить между собою разныхъ кавказскихъ народовъ, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше насъ въ покоѣ". Газаватъ, объявленный Мансуромъ, грозилъ сплотить воедино не только чеченскія племена,

но и всѣхъ горцевъ сѣвернаго Кавказа. Тогда положеніе линіи дѣлалось крайне опаснымъ. Военныя силы наши на обширномъ протяженіи границы не превышали 27000 человѣкъ, тогда какъ всѣ горскія племена, въ случаѣ общаго возстанія, могли дать, по исчисленію П. С. Потемкина, до 25000 воиновъ.

При первомъ извѣстіи о волненіи въ Чечнѣ генералъ-поручикъ Леонтьевъ приказалъ усилить ближайшіе къ чеченцамъ военные посты и предписалъ необходимыя мѣры осторожности. Въ іюлѣ 1785 года на Сунжѣ были собраны войска подъ начальствомъ генералъ-маіора Шемякина, а командиру Астраханскаго пѣхотнаго полка полковнику Піерій *) поручено съ сильнымъ отрядомъ проникнуть за Сунжу къ сел. Алды и стараться захватить Мансура.

Къ сожалѣнію, храбрый Піерій не сдержалъ своей пылкости. Не дождавшись прибытія поддержки, онъ быстро переправился черезъ Сунжу и 6-го іюля 1785 года уничтожилъ селеніе Алды, состоявшее изъ 400 дворовъ. Мансуръ успѣлъ ускользнуть. Обратный путь оказался гибельнымъ для отряда, какъ это не разъ случалось и позже въ Чечнѣ. Безмолвный лѣсъ, по которому отступали войска, вдругъ оживился. Невидимый врагъ билъ изъ густой лѣсной чащи на выборъ. На половинѣ пути Піерій былъ убитъ, вслѣдъ затѣмъ смертельно раненъ маіоръ Комарскій, командовавшій Кабардинскимъ егерскимъ баталіономъ. Тогда смятеніе сдѣлалось общимъ. Немногіе только избѣжали смерти или плѣна. Отрядъ понесъ огромную потерю: однихъ убитыхъ было 8 офицеровъ и 414 нижнихъ чиновъ. Чеченцамъ досталось 162 плѣнныхъ и 2 орудія.

Мансуръ торжествовалъ. Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ горахъ истребленіемъ русскаго отряда, онъ пред-

*) Николай Юрьевичъ Піерій, родомъ грекъ, былъ избранъ для этой экспедиціи лично княземъ Потемкинымъ, знавшимъ его рѣшительный характеръ. Современникъ говоритъ, что его наиболѣе занимали греческія фаланги, мысль его была изъ россіянъ сдѣлать грековъ, да и самъ стремился идти по пути Александра. Полкъ его былъ хорошъ и въ стрѣльбѣ замѣчалось великое искусство.

принялъ рядъ нападеній на линію. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ большая партія чеченцевъ обложила Каргинскій редутъ въ 5-ти верстахъ отъ Кизляра и подожгла деревянныя строенія. Огонь проникъ до порохового погреба. При взрывѣ погибли всѣ храбрые защитники редута. Изъ-подъ Кизляра Мансуръ бросился въ Кабарду и безуспѣшно пытался овладѣть укрѣпленіемъ Григориполисъ, затѣмъ въ августѣ вновь появился подъ Кизляромъ и разорилъ всѣ пригородные сады. Но приступъ его къ самой крѣпости былъ отбитъ. Не смотря на эти неудачи, вліяніе имама росло и распространялось съ каждымъ днемъ. Къ нему спѣшили партіи изъ Кабарды, съ Кумыкской плоскости, изъ ущелій Дагестана. Большинство увлекалось, конечно, не ученіемъ имама, а приманкою грабежа и добычи. Но нельзя не признать, что въ успѣхѣ Мансура играли извѣстную роль и болѣе глубокія соціальныя причины. Дѣло въ томъ, что шаріатъ отрицаетъ право власти одного мусульманина надъ другимъ, если право это не истекаетъ изъ религіознаго начала. Вслѣдствіе этого аристократическій общественный строй кабардинскаго народа являлся незаконнымъ съ точки зрѣнія шейха Мансура. Зависимыя сословія Кабарды, изнемогавшія подъ тяжкимъ гнетомъ своихъ владѣльцевъ, съ радостью привѣтствовали принесенное имъ ученіе о незаконности княжеской власти. Князья колебались и выжидали на чьей сторонѣ окажется побѣда. Они не рѣшались открыто передаться Мансуру изъ опасенія русскихъ штыковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, страхъ потери подвластныхъ невольно увлекалъ ихъ на сторону имама. Такимъ образомъ, пламя мятежа проникло въ Кабарду и отсюда перешло къ закубанскимъ черкесамъ, поспѣшившимъ выразить свое сочувствіе Мансуру рядомъ дерзкихъ набѣговъ на русскія селенія.

П. С. Потемкинъ возвратился изъ Петербурга въ Георгіевскъ только 30-го сентября 1785 года. Мѣстныя дѣла нашелъ онъ въ крайнемъ замѣшательствѣ. Вся граница отъ Чернаго моря до Каспійскаго терпѣла отъ нападеній хищниковъ. Войска

наши, состоявшія преимущественно изъ пѣхоты и разбросанныя мелкими частями на обширномъ протяженіи линіи, не могли ни угоняться за горскими наѣздниками, ни своевременно сосредоточиваться для нанесенія сильнаго удара. Потемкинъ исправилъ этотъ недостатокъ, составивъ три отдѣльные отряда: одинъ противъ кумыковъ, дагестанцевъ и чеченцевъ, другой противъ Кабарды, третій противъ закубанцевъ.

Между тѣмъ Мансуръ съ скопищемъ въ 20 тыс. человѣкъ двинулся изъ Чечни въ Малую Кабарду. Здѣсь наткнулся онъ на слѣдившаго за нимъ полковника Нагеля. Два раза горцы безуспѣшно пытались опрокинуть русскій отрядъ. Въ дѣлѣ 2-го ноября подъ Татартупомъ при Терекѣ Нагель разсѣялъ скопище совершенно. Къ сожалѣнію онъ не могъ преслѣдовать бѣгущихъ, такъ какъ кавалерія его была въ самомъ плохомъ состояніи.

Мансуръ скрылся въ сел. Алды. Кабардинцы смирились и принесли повинную. П. С. Потемкинъ именемъ императрицы даровалъ имъ прощеніе, взялъ заложниковъ и назначилъ къ нимъ приставомъ князя Уракова.

1786 годъ прошелъ на линіи сравнительно спокойно, если не считать постоянныхъ набѣговъ горскихъ хищниковъ на русскія поселенія. Въ половинѣ 1787 года, когда Турція вновь готовилась объявить войну Россіи, Мансуръ нашелъ болѣе выгоднымъ для успѣха своего дѣла вступить въ прямыя сношенія съ анапскимъ пашою. Онъ покинулъ Чечню и удалился къ закубанскимъ черкесамъ. Разрывъ съ Турціей былъ объявленъ манифестомъ 9-го сентября 1787 года. Въ томъ же мѣсяцѣ П. Потемкинъ дѣлалъ удачную экспедицію за Кубань противъ скопищъ Мансура, собранныхъ имъ для вторженія въ наши предѣлы между Урупомъ и Лабою. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ былъ отозванъ въ главную армію и 4-го октября 1787 года сдалъ командованіе войсками на Кавказѣ генералъ-аншефу Текелли.

Описанію военныхъ дѣйствій на Кавказѣ во время второй

турецкой войны посвящена особая глава. Здѣсь же, для связи разсказа, остается только упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ шейха Мансура. Послѣ штурма Анапы 22-го іюня 1791 года генераломъ Гудовичемъ Мансуръ оказался въ числѣ плѣнныхъ. Его отправили въ Петербургъ и, послѣ допроса, заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Здѣсь скончался онъ 13-го апрѣля 1794 года. Судьба этого человѣка, еще при жизни его, дала поводъ ко многимъ фантастическимъ разсказамъ. Въ русской литературѣ существуетъ романъ Савинова подъ названіемъ „Шихъ-Мансуръ". Герой его не имѣетъ никакого сходства съ историческимъ Мансуромъ. Еще менѣе правды въ статьѣ А. Ганьера (A. Gagnière) подъ заглавіемъ „Un Mahdi au XVIII siècle", напечатанной въ парижскомъ журналѣ „La Nouvelle Revue" за 1884 годъ. Авторъ увѣряетъ, что подъ именемъ Мансура дѣйствовалъ итальянскій монахъ Жанъ Батистъ Боэтти. Вся статья преисполнена вопіющихъ нелѣпостей и анахронизмовъ.

Князь Герсеванъ Чавчавадзе

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ

X.

Гражданская дѣятельность П. С. Потемкина на Кавказѣ. Положеніе Кавказской области. Водвореніе въ ней земледѣльческаго населенія. Успѣхи колонизаціи. Учрежденіе городовъ. Дѣло объ убійствѣ и ограбленіи гилянскаго владѣтеля Гедаета. Мнимое участіе въ этомъ преступленіи П. С. Потемкина.

Обширный край, порученный управленію П. С. Потемкина, почти вовсе не имѣлъ осѣдлаго русскаго населенія, если не считать казачьихъ линейныхъ станицъ, входившихъ въ составъ военной обороны нашей границы. Городовъ не существовало, а были только крѣпости и укрѣпленія разныхъ наименованій, съ слободками при нихъ, которыя тоже подчинялись военному начальству. Эти слободки образовались сами собою: въ нихъ селились женатые отставные нижніе чины, торговцы и ремесленники, снабжавшіе войска своими товарами и произведеніями, выходцы изъ горъ, принявшіе христіанство, и разный сбродъ, привлеченный жаждою наживы, или не нашедшій себѣ мѣста въ благоустроенныхъ поселеніяхъ.

Такимъ образомъ, цѣпь станицъ и крѣпостей охраняла пустыню, занятую кое-гдѣ кочевьями калмыковъ и ногайцевъ. Очевидно, что прочная связь этого края съ имперіей могла быть достигнута только путемъ водворенія въ немъ земледѣльческаго населенія и развитія городской дѣятельности. Необходимость такой колонизаціи сѣвернаго Кавказа, сверхъ соображеній обще-государственнаго характера, вызывалась еще и настоятельною потребностью въ созданіи мѣстныхъ средствъ и способовъ довольствія войскъ, расположенныхъ на линіи. Военныя силы въ краѣ увеличивались съ каждымъ годомъ и содержаніе ихъ дѣлалось все затруднительнѣе при неимѣніи дорогъ и отсутствіи мѣстной производительности.

Первый толчокъ къ устройству поселеній дало проложеніе моздокско-азовской линіи въ 1777—1778 годахъ. Ближайшимъ или, такъ сказать, подручнымъ колонизаціоннымъ матеріаломъ были, конечно, отставные нижніе чины. Князь Потемкинъ поселилъ ихъ тремя слободами (Сергіевская, Сабля и Малка) въ числѣ 586 человѣкъ. Въ 1780 году, по указу сената отъ 5-го іюня, къ этимъ новымъ поселенцамъ были отправлены ихъ жены и семейства изъ внутреннихъ губерній.

Въ 1782 году, по сенатскому указу отъ 22-го декабря, князь Потемкинъ получилъ право раздавать свободныя земли подъ поселенія на моздокской линіи. Правомъ этимъ воспользовалось только нѣсколько лицъ изъ столичной знати, завлеченныхъ, конечно, болѣе надеждою угодить всесильному вельможѣ, чѣмъ дѣйствительнымъ желаніемъ обзавестись имѣніемъ гдѣ-то на отдаленной окраинѣ. Переселеніе и устройство крѣпостныхъ крестьянъ на этихъ земляхъ требовало такихъ значительныхъ затратъ, что на скорое возвращеніе ихъ изъ будущихъ доходовъ едвали можно было расчитывать. Какъ бы то не было, но съ 1784 года возникли на р. Кумѣ помѣщичьи деревни Вяземскаго, Безбородко, Воронцова, Чернышева и др. съ населеніемъ до 1300 душъ мужского пола.

Наконецъ, по рескрипту отъ 18-го декабря 1784 года, право полученія свободныхъ земель на линіи распространено также на однодворцевъ и всѣхъ желающихъ безъ различія рода и званія.

Всѣ эти мѣры оказались, однако, недостаточными для привлеченія поселенцевъ на линію. Обѣщаніе отвода земли безъ всякихъ другихъ льготъ и пособій не могло побудить массу крестьянъ внутреннихъ губерній оставить насиженныя мѣста и искать счастья въ невѣдомой и отдаленной странѣ. Существенный недостатокъ перечисленныхъ мѣропріятій заключался также въ отсутствіи опредѣленнаго плана колонизаціи.

9-го мая 1785 года, вслѣдъ за учрежденіемъ Кавказскаго

намѣстничества, послѣдовалъ на имя П. С. Потемкина именной указъ съ изложеніемъ главныхъ основаній дѣятельности его по гражданскому устройству края. Замѣчательный актъ этотъ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, планъ правительственной колонизаціи Кавказа въ обширныхъ размѣрахъ. Намѣренія императрицы относительно заселенія края изложены въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 10) отъ Царицына до Кавказской линіи по степи и отъ линіи до Черкаска, построеніе почтовыхъ дворовъ и стараніе о заселеніи тѣхъ дорогъ, начиная съ станціи и назначая отъ 15-ти до 30-ти верстъ, мы признаемъ весьма полезнымъ и нужнымъ, предоставляя притомъ на мѣстное ваше усмотрѣніе, не удобно ли будетъ, для выгоды и безопасности сихъ селеній, обнести оныя земляными укрѣпленіями отъ внезапнаго покушенія тамошнихъ народовъ, отъ своеволія еще не отвыкшихъ; 11) на пространствѣ степей отъ Черкаска до линіи основать городъ, къ которому со временемъ и умноженіемъ населенія и уѣздъ причисленъ быть можетъ, а для пособія желающимъ селиться дать на каждый дворъ по 20-ти рублей, тоже самое разумѣется и о заселяющихся деревнями по обѣимъ вышесказаннымъ дорогамъ; 12) поселеніе отставныхъ солдатъ, конечно, предпочесть должно отпуску ихъ на росписки частныхъ людей; чего ради, когда отставка, по волѣ нашей, или по распоряженію высшаго начальства, дѣлана будетъ, надлежитъ стараться таковымъ поселеніемъ и пособіемъ отъ казны, какъ выше сказано, умножать и обезпечивать жительства тамошнія.

По сдѣланному сенатомъ вызову, желающихъ переселиться изъ разныхъ мѣстностей Россіи оказалось 23175 душъ мужского пола, главнымъ образомъ изъ курскаго, пензенскаго и орловскаго намѣстничествъ.

Точныхъ статистическихъ данныхъ о ходѣ переселенія не имѣется. Но о размѣрахъ дѣятельности П. С. Потемкина въ этомъ отношеніи можно судить отчасти по вѣдомости отъ 20-го апрѣля 1786 года о числительности населенія Кавказской обла-

сти. Въ ней показано городскихъ жителей 5742 и сельскихъ 16414, а всего 22156 душъ муж. пола, въ томъ числѣ русскихъ 16839 *) или 76%, армянъ 2092 или 9%, грузинъ 1323 или 6%, грековъ, поляковъ и новокрещеныхъ разныхъ націй 203 или 1%, нехристіанъ въ г. Кизлярѣ 1699 или 8%.

Переселенцы направлялись въ Царицынъ и Черкаскъ. Здѣсь принимали ихъ особые чиновники и при именныхъ спискахъ препровождали на впередъ назначенныя мѣста водворенія, гдѣ находились распорядители поселеній. Замѣчательно, чт. П. С. Потемкинъ, исполняя общій планъ колонизаціи, стремился вмѣстѣ съ тѣмъ къ однородности состава каждаго отдѣльнаго поселенія и къ соотвѣтствію новыхъ условій привычкамъ поселенцевъ. Въ началѣ 1787 года онъ предложилъ намѣстническому правленію держаться правила, чтобы въ званіе крестьянъ однихъ съ другими не мѣшать, и потому: 1) малороссіянъ поселять въ степныхъ мѣстахъ, какъ людей, привыкшихъ къ безлѣснымъ мѣстамъ; 2) татаръ казанской, вятской и прочихъ губерній поселить на кавказской дорогѣ отъ Царицына, дабы имѣть ихъ далѣе отъ заграничныхъ народовъ, съ ними единовѣрныхъ, и 3) присоединить къ солдатскимъ слободамъ однодворцевъ, во-первыхъ потому, что и дѣти солдатъ поселенныхъ войдутъ почти въ тотъ же родъ и званіе; а во-вторыхъ, поселяя ихъ вмѣстѣ, солдаты поселенные будутъ имѣть случай обжениться.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что новопоселенцы сильно страдали отъ непривычки къ климату, лишеній и разныхъ другихъ причинъ; но точныхъ свѣдѣній объ этомъ, къ сожалѣнію, не имѣется. Сохранились указанія только относительно нѣкоторыхъ селеній. Такъ, напримѣръ, въ селеніяхъ Михайловскомъ, Надеждѣ, Пелагіадѣ и Марьиномъ числилось въ 1787 году 4696 душъ

*) По сословіямъ эта цифра распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: купцовъ 52, мѣщанъ 188, однодворцевъ 12456, казенныхъ крестьянъ 1931, малороссіянъ 510, помѣщичьихъ крестьянъ 843, отставн. солдатъ 469, дворовыхъ людей 124, бѣглыхъ помѣщ. крестьянъ 124, неизвѣстныхъ сословій 142; всего 16839 душъ муж. пол.

м. п. Въ два послѣдующіе года цифра эта уменьшилась на 25% *). Нѣсколько селеній было упразднено совершенно вслѣдствіе набѣговъ на нихъ закубанцевъ.

Въ 1793 году совершилъ путешествіе по сѣверному Кавказу знаменитый академикъ Палласъ, принимавшій участіе въ составленіи плана колонизаціи этого края. Изъ приведенныхъ имъ статистическихъ данныхъ видно, что въ общемъ число поселенцевъ не увеличилось со времени ихъ водворенія, не смотря на естественный приростъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, путешественникъ свидѣтельствуетъ о благопріятномъ положеніи хозяйства поселенцевъ. Въ 1792 году они собрали съ своихъ полей 94,400 четвертей ржи, 86,400 четв. пшеницы, 45,544 четв. ячменя, 28,300 четв. проса, 75,700 четв. овса, 1200 четв. гречихи, 1533 четв. гороха, 3140 четв. конопли, 2160 четв. льняного сѣмени. Продуктовъ этихъ, говоритъ Палласъ, почти достаточно для продовольствія мѣстныхъ войсковыхъ частей. Но комиссаріатское вѣдомство только въ 1793 году, вслѣдствіе положительнаго приказанія, купило на мѣстѣ 15,000 четв. по 2 руб. за четверть. До этого же года провіантъ заготовлялся будто бы въ Харьковской и другихъ губерніяхъ и обходился казнѣ въ 4½ руб. за четверть.

Указъ 9-го мая 1785 года касался не одного только водворенія осѣдлаго населенія въ кавказскомъ намѣстничествѣ: онъ обнималъ всѣ отрасли гражданскаго управленія края, предписывая П. С. Потемкину учредить для обузданія подгорныхъ народовъ новые города, въ Кизлярѣ и Моздокѣ, управлявшихся до того воинскимъ начальствомъ, ввести городовое положеніе; дозволять иностранцамъ, поселившимся въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, селиться въ городахъ Кавказской губерніи; въ губернскомъ городѣ основать соборную церковь; привести въ проч-

*) Любопытны причины этой значительной убыли: умерло 1243, взято въ плѣнъ горцами 106, бѣжало 90, отдано въ рекруты 109, перечислено въ купцы и мѣщане 126; итого 1674. За эти же два года родилось 485 человѣкъ, такъ что общая убыль мужского населенія составила 1189 человѣкъ.

ность дорогу черезъ Кавказскія горы въ Тифлисъ и построить по ней каменные мосты; освидѣтельствовать какіе въ Кавказскихъ горахъ имѣются минералы и руды; завести въ Екатериноградѣ школу для обученія дѣтей аманатовъ и другую для обученія горскимъ языкамъ и пр. и пр.

Программа эта была, конечно, задумана слишкомъ широко, безъ соображенія возможности ея исполненія въ краѣ, гдѣ кипѣла постоянная война, гдѣ не существовало еще почти совсѣмъ мирнаго населенія, какъ почвы для насажденія гражданственности. Это былъ общій недостатокъ многихъ начинаній императрицы Екатерины. Но несомнѣнно также, что вопросъ былъ поставленъ правильно: въ указѣ 9-го мая 1785 года высказана впервые мысль о томъ, что для прочнаго утвержденія русской власти въ странѣ необходимо не одно оружіе, но также школа и развитіе мирнаго труда и промышленности. Осуществить окончательно эту мысль на Кавказѣ пришлось уже послѣдующимъ поколѣніямъ.

Появленіе на линіи шейха Мансура не дозволило генералу Потемкину открыть въ томъ же году Кавказское намѣстничество по указу 5-го мая 1785 года. Торжество это произошло 18-го января 1786 года, во вновь учрежденномъ губернскомъ городѣ Екатериноградѣ, въ присутствіи чиновъ, назначенныхъ въ составъ намѣстническаго правленія, до ста человѣкъ дворянъ и болѣе 40 кумыкскихъ, кабардинскихъ и ногайскихъ князей и мурзъ. Кавказская область, образованная по губернскому учрежденію, была раздѣлена на шесть уѣздовъ: Кизлярскій, Моздокскій, Георгіевскій, Александровскій, Ставропольскій и Екатериноградскій. Административные центры уѣздовъ возведены на степень городовъ съ примѣненіемъ къ нимъ общаго городового положенія, изданнаго 21-го апрѣля 1785 года.

Одновременно съ открытіемъ намѣстничества вступили въ дѣйствіе и дворянскія собранія. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ избранъ князь Потемкинъ-Таврическій, уѣзд-

нымъ въ Георгіевскѣ графъ И. Г. Чернышевъ, въ Александровскѣ статсъ-секретарь императрицы И. П. Елагинъ.

П. С. Потемкинъ, какъ уже было сказано, сдалъ 4-го октября 1787 года должность намѣстника генералу Текелли и отправился въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Если военная дѣятельность его на Кавказѣ не представляетъ ничего выдающагося, то труды по водворенію гражданственности въ этомъ краѣ заслуживаютъ благодарной памяти. Труды эти еще и до сихъ поръ не оцѣнены по достоинству исторіей, а между тѣмъ клевета и соперничество успѣли связать имя П. С. Потемкина съ преступленіемъ, совершеннымъ на южномъ побережьи Каспія въ то время, когда онъ начальствовалъ на Кавказѣ. Стоустая молва подхватила гнусную клевету, и никто, до нашихъ дней, не далъ себѣ труда вникнуть въ обстоятельства происшествія и отдѣлить истину отъ злостнаго вымысла. Въ заключеніе обзора дѣятельности П. С. Потемкина будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ въ оправданіе его памяти.

Съ Кавказа П. С. Потемкинъ отправился въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ подъ предводительствомъ князя Таврическаго. Въ 1790 году онъ велъ на штурмъ Измаила правое крыло нашихъ войскъ, а 24-го октября 1794 года командовалъ центральнымъ корпусомъ при штурмѣ варшавской Праги. Получивъ за военныя отличія орденъ св. Георгія 2-го класса и чинъ генералъ-аншефа, онъ былъ возведенъ 1-го января 1795 года въ графское достоинство.

Ровно черезъ годъ, въ январѣ 1796 года прошелъ въ Петербургѣ слухъ о привлеченіи П. Потемкина къ суду по обвиненію въ умерщвленіи и ограбленіи въ 1786 году персидскаго принца, искавшаго спасенія на русскомъ военномъ суднѣ отъ преслѣдованій своего брата *).

Подробности этого дѣла сохранились въ „Mémoires secrets

*) Послѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ статьи Е. Вейденбаума: „графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ“ (газета „Кавказъ“ 1897 года №№ 112, 114, 128).

sur la Russie“ извѣстнаго швейцарца Карла Массона, высланнаго изъ Россіи императоромъ Павломъ, и въ книгѣ секретаря саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины Георга Гельбига „Russische Günstlinge“. Изъ этихъ, довольно мутныхъ, источниковъ и черпаются біографами Павла Потемкина свѣдѣнія объ его преступленіи.

По словамъ Массона, дѣло происходило такимъ образомъ: братья Ага-Магометъ-хана, захватившаго въ 1785 году шахскій престолъ въ Персіи, спасаясь отъ его преслѣдованій, бѣжали: одинъ, Сали-ханъ,—въ Астрахань, другой—къ берегамъ Кизляра. Павелъ Потемкинъ, ссылаясь на пріязненныя отношенія Россіи къ Персіи, отказалъ второму бѣглецу въ пріютѣ. Изгнанникъ, преслѣдуемый кораблями шаха, рѣшился, не смотря на отказъ, приблизиться къ кизлярскому порту. Комендантъ Кизляра выслалъ ему навстрѣчу лодки съ воинскою командою. Радостно привѣтствовали ихъ бѣглецы-персіяне, предполагая въ нихъ своихъ спасителей... но жестоко ошиблись! Изверги, взойдя на корабль, перерѣзали и передушили всю свиту злополучнаго принца, его же самого утопили и овладѣли всѣми его сокровищами, изъ которыхъ львиная доля досталась Павлу Потемкину. Гельбигъ разсказываетъ это трагическое происшествіе нѣсколько иначе. По его свѣдѣніямъ, не русскіе вошли на корабль бѣглаго персидскаго принца, а самъ принцъ пытался попасть на русское судно, гдѣ хранились его сокровища, но былъ брошенъ за бортъ съ отрубленными пальцами, попалъ въ руки своего брата и казненъ по его приказанію.

Новѣйшій біографъ П. Потемкина, покойный П. П. Каратыгинъ (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1883 года, августъ), такъ былъ увѣренъ въ справедливости и точности разсказа Массона, что сопроводилъ вопросительными и восклицательными знаками мнѣніе академика Я. К. Грота, считавшаго обстоятельства умерщвленія и ограбленія принца еще недостаточно разъясненными. Каратыгинъ не только не сомнѣвался, но даже напелъ

объясненіе склонности П. Потемкина къ самымъ гнуснымъ злодѣйствамъ: она явилась въ немъ по наслѣдству (отецъ его былъ человѣкъ низкой и злой души) и развилась подъ вліяніемъ хищныхъ горцевъ, среди которыхъ Потемкинъ жилъ на Кавказѣ. Такъ пишется исторія!

Не стоитъ перечислять всѣхъ несообразностей и нелѣпостей разсказа Массона. Достаточно сказать, что онъ только самымъ отдаленнымъ образомъ напоминаетъ дѣйствительность и вмѣстилъ въ себѣ обстоятельства двухъ различныхъ и разновременныхъ событій. Массонъ и Гельбигъ, хватавшіе на лету придворныя сплетни, не могли, да, вѣроятно, и не заботились узнать истину. Имъ, какъ чужеземцамъ, не было никакого дѣла до репутаціи русскаго генерала и государственнаго дѣятеля. Но удивительно, что соотечественники П. С. Потемкина сто лѣтъ пятнаютъ его позорными кличками предателя, убійцы и грабителя, не сдѣлавъ даже малѣйшей попытки къ провѣркѣ справедливости обвиненія.

Обратимся теперь къ разсказу о тѣхъ событіяхъ, которыя послужили предлогомъ къ распространенію клеветы, сгубившей Потемкина.

Во время смутъ и усобицъ, наступившихъ въ Персіи послѣ смерти векиля (правителя) Керимъ-хана (1779 г.), правитель Гиляна Гедаетъ-ханъ возвратился на родину и началъ свое правленіе притѣсненіемъ русскихъ купцовъ. Заступничество и протесты тамошняго консула нашего, Тумановскаго, были безуспѣшны. Гедаетъ-ханъ, въ то время полный хозяинъ на южномъ побережьи Каспія, могъ пренебрегать угрозами консула, не подкрѣпленными краснорѣчіемъ пушекъ и штыковъ. Вскорѣ обстоятельства перемѣнились. На сцену выступилъ сильный и храбрый соперникъ въ лицѣ астрабадскаго владѣтеля Ага-Магомета. При жизни Керимъ-хана онъ содержался заложникомъ въ Ширазѣ, а Астрабадскою областью правили его младшіе братья. Въ ночь смерти векиля Ага-Магометъ бѣжалъ въ Астрабадъ и по праву

старшинства вступилъ въ управленіе наслѣдственнымъ владѣніемъ. Но честолюбіе и воинственность его не удовлетворялись этой скромною ролью. Въ сентябрѣ 1780 года захватилъ онъ сосѣднюю Мазандеранскую область и такимъ образомъ пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ владѣніемъ стариннаго врага своего—гилянскаго Гедаетъ-хана. Въ предлогахъ къ войнѣ недостатка не было. Ага-Магометъ припомнилъ, что Гедаетъ взялъ когда-то за незначительную плату драгоцѣнный алмазъ, который цѣнился въ милліонъ рублей. Опасаясь противника, Гедаетъ поспѣшилъ вознаградить его уступкою небольшой приморской провинціи. Но Ага-Магометъ потребовалъ полной покорности и зависимости. Весною 1781 года Ага-Магометъ овладѣлъ Гиляномъ и поставилъ въ немъ правителемъ брата своего Муртузъ-Кули-хана. По предложенію Тумановскаго, Гедаетъ отправился въ Астрахань на русскомъ суднѣ, но по пути высадился въ Сальяны и оттуда пробрался къ дербентскому Фетъ-Али-хану искать помощи противъ своего врага. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ собралъ въ Дагестанѣ и мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья 6000 воиновъ, двинулся съ ними въ Гилянъ, вытѣснилъ Муртузъ-Кули-хана и 2-го января 1782 года вступилъ въ свой городъ Рештъ. Спокойствіе водворилось, но не надолго. Въ началѣ 1783 года Гедаетъ имѣлъ непріязненныя столкновенія съ зенганскимъ Али-ханомъ и былъ вынужденъ бѣжать въ Перибазаръ. Опасаясь за свои сокровища, онъ погрузилъ ихъ на русское купеческое судно, стоявшее въ Энзелійскомъ заливѣ. Вскорѣ Али-ханъ былъ изгнанъ изъ Решта. Тумановскій потребовалъ, чтобы Гедаетъ принялъ съ судна свое имущество, но ханъ медлилъ подъ разными предлогами. Между тѣмъ поднялась буря, старое и ветхое судно разбилось, а грузъ его разбросало по берегу. Хотя все по списку было найдено и возвращено, тѣмъ не менѣе Гедаетъ, уже не нуждавшійся въ русской помощи, заявилъ консулу о пропажѣ имущества на милліонъ рублей и требовалъ вознагражденія. Дѣло до-

шло до вооруженнаго столкновенія, и только прибытіе въ Энзели двухъ нашихъ фрегатовъ образумило Гедаета. Онъ извинился предъ Тумановскимъ и далъ ему письменное свидѣтельство о ложности сдѣланнаго на него поклепа въ сокрытіи вещей.

Трудно сказать, былъ ли Тумановскій совсѣмъ чистъ въ этомъ столкновеніи. Послѣдующія дѣйствія его даютъ основаніе сомнѣваться въ безкорыстіи его въ дѣлѣ о пропажѣ ханскаго имущества. Какъ бы то не было, но съ этого времени Тумановскій питалъ непримиримую ненависть къ Гедаету и черезъ три года нашелъ случай жестоко отмстить ему.

Въ 1785 году настали опять трудныя времена для гилянскаго владѣтеля. Старый врагъ его Ага-Магометъ-ханъ, успѣвшій подчинить себѣ значительную часть Персіи, наложилъ на Гилянскую область значительную контрибуцію. Устрашенный Гедаетъ поспѣшилъ подать прошеніе о принятіи его подъ покровительство Россіи и вновь скрылъ свои сокровища на русскихъ судахъ. Генералъ Потемкинъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, предписалъ консулу „тщательно радѣть, чтобы Гедаетъ и сокровища, ему принадлежащія, были спасены и безопасно препровождены въ Астрахань“. Вскорѣ обстоятельства перемѣнились къ лучшему. Опасность со стороны Ага-Магометъ-хана миновала. Гедаетъ прекратилъ переговоры о подданствѣ и попрежнему сталъ тѣснить русскихъ купцовъ непомѣрными пошлинами.

Въ это время консуломъ нашимъ въ Энзели состоялъ уже не Тумановскій, а Дмитрій Скиличи, по отзыву П. С. Потемкина, человѣкъ строптивый и горячій. Съ перваго же дня прибытія своего въ Гилянъ сталъ онъ въ крайне враждебныя отношенія къ Гедаету, обвиняя его, совершенно, впрочемъ, справедливо, въ двуличіи и коварствѣ. Вражда между ханомъ и консуломъ дошла вскорѣ до того, что послѣдній рѣшился принять мѣры къ изгнанію Гедаета изъ его владѣнія. Съ этой цѣлью, въ январѣ 1786 года, безъ вѣдома и разрѣшенія нашего прави-

тельства, Скиличи вступилъ въ сношенія съ Ага-Магометъ-ханомъ, приглашая его занять Гилянъ и предупреждая, что не окажетъ Гедаету никакой помощи и не дастъ ему средствъ къ бѣгству моремъ. Ага-Магометъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ вторгся въ Гилянъ и занялъ Рештъ. Гедаетъ отступилъ въ Перибазаръ. И побѣдитель и побѣжденный поспѣшили обратиться съ письмами къ П. С. Потемкину. Первый увѣрялъ въ своемъ искреннемъ желаніи сблизиться съ Россіей, второй просилъ помощи и возобновлялъ ходатайство о принятіи въ русское подданство. Потемкинъ отправилъ въ Энзели на военномъ фрегатѣ бывшаго консула Тумановскаго съ письмами къ враждовавшимъ ханамъ. Словесно Тумановскому было приказано обѣщать содѣйствіе тому изъ противниковъ, который согласится заключить письменное условіе о свободѣ торговли, отмѣнѣ пошлинъ и уступкѣ участка земли въ Энзели для устройства русской торговой факторіи. Консульству предписывалось во всякомъ случаѣ оказать покровительство Гедаету и въ случаѣ опасности отправить его въ Астрахань.

Между тѣмъ Ага-Магометъ приближался къ Энзели. Купцы наши перешли на свои суда. Гедаетъ погрузилъ на одно изъ нихъ свои несмѣтныя богатства, но самъ оставался на берегу. Дѣло шло, очевидно, къ развязкѣ. Тумановскій призналъ время удобнымъ для исполненія своего замысла. Подъ благовиднымъ предлогомъ послалъ онъ къ Ага-Магомету своего повѣреннаго, армянина Хастатова, и уговорился предать ему Гедаета за 70,000 рублей. Въ ночь на 30-е сентября 1786 г. полчища Ага-Магомета атаковали Энзели и вытѣснили изъ него Гедаета. Съ двумя сыновьями поспѣшилъ онъ на лодкѣ къ купеческому судну, на которомъ находились Тумановскій и Скиличи, и умолялъ ихъ о спасеніи. Но Тумановскій, отозвавшись неимѣніемъ инструкцій на этотъ случай, тайно послалъ состоявшаго при консульствѣ капитана Калмыкова къ непріятелю съ извѣстіемъ, что гилянскій ханъ находится въ его власти. На этотъ зовъ при-

былъ съ берега талышинскій бекъ Ала-Верды, личный врагъ Гедаета, поразилъ его на смерть пистолетною пулею и тѣло его выбросилъ въ море. Энзели былъ разграбленъ и преданъ огню.

Такъ кончилась энзелійская драма. На четвертый день, по требованію Ага-Магометъ-хана, были выданы ему сокровища Гедаета, находившіяся на русскихъ судахъ. Общая стоимость ихъ простиралась до десяти милліоновъ рублей. По описи значились драгоцѣнные камни и жемчуги, золота въ слиткахъ 262 пуда, червонцевъ 300,000, нѣсколько брилліантовыхъ перьевъ, 4000 дорогихъ конскихъ уборовъ, оружіе, ковры и т. д. Тумановскій, съ своей стороны, напомнилъ Ага-Магомету объ уговорѣ. За полученіемъ денегъ послалъ онъ Хастатова съ подарками тысячи на двѣ. Но жадный и коварный побѣдитель не нуждался болѣе ни въ покровительствѣ Россіи, ни въ услугахъ Тумановскаго. Онъ принялъ подарки, но отказался уплатить цѣну крови Гедаета и даже обвинилъ консула въ сокрытіи имущества покойнаго хана на два милліона рублей.

Тумановскій не перенесъ удара. По показанію Скиличи, стыдъ и огорченіе, угрызенія совѣсти и опасеніе наказанія заставили его желать смерти. Онъ не покидалъ постели, не принималъ ни лекарства, ни пищи и скончался въ Энзели 17-го ноября 1786 г.

Исторія Гедаетъ-хана изложена здѣсь по тѣмъ свѣдѣніямъ и документамъ, которые находятся въ „Матеріалахъ“ П. Г. Буткова, „Исторіи войны на Кавказѣ“ Н. Ф. Дубровина и въ Палласовомъ описаніи его путешествія по южной Россіи. Разсказъ этотъ свидѣтельствуетъ, что Скиличи и Тумановскій, увлекаемые корыстолюбіемъ и ненавистью къ гилянскому хану, дѣйствовали противъ него за свой личный счетъ и страхъ, безъ вѣдома и вопреки инструкцій своего ближайшаго начальника. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о корыстныхъ побужденіяхъ и прямомъ участіи въ этомъ дѣлѣ П. С. Потемкина. Остается, затѣмъ, вопросъ: зналъ ли онъ обстоятельства, при

которыхъ погибъ гилянскій ханъ, и если зналъ, то почему оставилъ безъ преслѣдованія преступниковъ? Изъ свѣдѣній, приведенныхъ у Н. Ф. Дубровина, видно, что Потемкину было извѣстно о помощи, оказанной Тумановскимъ Ага-Магометъ-хану при занятіи Энзели, и о выдачѣ ему семейства и имущества Гедаета. Онъ объяснялъ этотъ поступокъ или сумасшествіемъ, или предательствомъ бывшаго консула, но за смертью его не считалъ нужнымъ производить разслѣдованіе дѣла. Остальные участники энзелійскаго убійства, конечно, не имѣли надобности разглашать о немъ и разсказывали, что Гедаетъ погибъ отъ руки непріятельской въ то время, когда спѣшилъ на русское судно. Въ такомъ именно видѣ происшествіе это представлено въ „Матеріалахъ“ Буткова. Гилянскій ханъ, до послѣдняго часа своей жизни, велъ себя коварно относительно Россіи. Ага-Магометъ-ханъ, напротивъ, показывалъ въ то время знаки полной пріязни и доброжелательства къ русскимъ. Очевидно, что съ точки зрѣнія политическихъ выгодъ П. С. Потемкинъ не имѣлъ основанія сожалѣть о смерти Гедаета и начинать розыскъ, если до свѣдѣнія его и дошло кое-что о незаконныхъ дѣйствіяхъ Тумановскаго и его пособниковъ. Такъ смотрѣлъ на энзелійское происшествіе и самъ свѣтлѣйшій князь Таврическій: „всѣ притѣсненія,—писалъ онъ своему внучатному брату отъ 25-го декабря 1786 г.,—дѣланныя русскимъ купцамъ отъ Гедаетъ-хана и его обманы потерю его не дѣлаютъ чувствительною. Наблюдаемое же доселѣ поведеніе Магометъ-хана испаганскаго подаетъ поводъ надѣяться всегда добраго съ нимъ согласія“.

Прошло почти десять лѣтъ. Великолѣпный князь Тавриды сошелъ въ могилу. Платонъ Зубовъ „смѣнивъ, не замѣнилъ его“. П. С. Потемкинъ, послѣ участія въ польской кампаніи, остался не у дѣлъ. Ага-Магометъ-ханъ соединилъ въ своей желѣзной рукѣ власть почти надъ всѣмъ Ираномъ и разореніемъ Тифлиса 11-го сентября 1795 г. бросилъ вызовъ Россіи, покровительницѣ и защитницѣ Грузинскаго царства.

Въ это время, совершенно неожиданно для всѣхъ, вышло на свѣтъ Божій давно забытое дѣло о смерти Гедаетъ-хана. Н. Ф. Дубровинъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ подлинное слѣдственное производство, не говоритъ, къ сожалѣнію, кѣмъ именно и по какому случаю было доведено до свѣдѣнія императрицы Екатерины запоздалое извѣстіе объ энзелійскомъ происшествіи 1786 года. Онъ сообщаетъ только, что по указу отъ 14-го ноября 1795 года состоялось учрежденіе подъ предсѣдательствомъ адмирала Чичагова особой комиссіи для изслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ кончину Гедаетъ-хана, а 24-го декабря 1796 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о ссылкѣ въ Сибирь въ каторжныя работы надворнаго совѣтника Скиличи, капитана Калмыкова и прапорщика Хастатова. О привлеченіи къ слѣдствію П. С. Потемкина въ качествѣ обвиняемаго авторъ „Исторіи войны на Кавказѣ“ также не упоминаетъ ни однимъ словомъ въ своемъ трудѣ. Между тѣмъ несомнѣнно, что ударъ назначался именно ему, такъ какъ при дворѣ едва ли могли интересоваться мелкими чиновниками, совершившими десять лѣтъ тому назадъ насиліе надъ какимъ-то разбойникомъ-ханомъ въ глухомъ и никому невѣдомомъ уголкѣ каспійскаго побережья.

Вторженіе Ага-Магометъ-хана въ 1795 году въ Грузію не могло оставаться безнаказаннымъ. Война съ Персіей была рѣшена, и командовавшій на Кавказѣ генералъ Гудовичъ получилъ повелѣніе приготовить къ веснѣ 1796 года войска для похода. Вопросъ о выборѣ главнокомандующаго экспедиціоннымъ корпусомъ далъ поводъ къ усиленію придворныхъ интригъ и исканій. Архіепископъ Іосифъ Аргутинскій просилъ Платона Зубова о назначеніи Суворова. Генералъ Гудовичъ, какъ видно изъ его письма къ фавориту, былъ вполнѣ увѣренъ, что выборъ падетъ на него, какъ начальника тѣхъ войскъ, изъ состава которыхъ формировался дѣйствующій отрядъ. Наконецъ, въ числѣ вѣроятныхъ кандидатовъ считалъ себя и П. С. Потемкинъ.

Долговременное командованіе на Кавказѣ въ самое трудное время, многостороннее знаніе края и людей, военные подвиги,— все это давало ему, какъ дипломату и воину вмѣстѣ, значительное преимущество предъ другими искателями. Съ такимъ соперникомъ приходилось считаться, и вотъ къ услугамъ интригановъ и клеветниковъ явился разсказъ объ умерщвленіи и ограбленіи Потемкинымъ персидскаго принца.

П. С. Потемкинъ жилъ въ это время въ Москвѣ. Пораженный клеветою и сознавая, что Зубовы не допустятъ его до личнаго объясненія съ императрицей, онъ отвѣчалъ на обвиненія стихотвореніемъ „Гласъ невинности" и распространилъ его въ спискахъ. Стихотвореніе помѣчено 11-мъ декабря 1790 года. День 11-го декабря—день измаильскаго штурма, въ которомъ съ отличіемъ участвовалъ Потемкинъ. Совпаденіе это не случайное: поэтъ умышленно избралъ для своей защиты годовщину славнаго дня, чтобы упрекнуть клеветниковъ въ неблагодарности къ человѣку, неоднократно жертвовавшему своею жизнью для славы отечества.

Интрига противъ Потемкина имѣла полный успѣхъ. Обвиненіе въ убійствѣ и ограбленіи гилянскаго хана устранило его кандидатуру на командованіе экспедиціоннымъ корпусомъ. Суворовъ отказался самъ отъ предложеннаго ему начальства. Надежды Гудовича также не оправдались: ему поручено только снабженіе продовольствіемъ дѣйствующаго отряда. Указомъ 19-го февраля 1796 г. главнокомандующимъ назначенъ младшій братъ фаворита графъ Валеріанъ Зубовъ, молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, обратившій военный походъ въ увеселительную прогулку.

П. С. Потемкинъ не вынесъ нанесеннаго ему удара. Онъ тяжко заболѣлъ горячкой и скончался въ Москвѣ 29-го марта 1796 года, черезъ три дня послѣ того, какъ его счастливый соперникъ В. Зубовъ прибылъ въ Кизляръ и принялъ команду надъ войсками экспедиціоннаго отряда.

Вѣстовщики не хотѣли вѣрить тому, что тяжкое огорченіе

если не вызвало, то ускорило смерть Потемкина. Одни утверждают, что онъ, избѣгая наказанія, самъ принялъ отраву. А. М. Тургеневъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, будто бы Екатерина послала Потемкину рескриптъ, въ которомъ было написано только одно слово: „умри!“, и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ полученія этого повелѣнія. Нѣкоторые кончину графа приписывали страшному Шешковскому, съ которымъ Потемкинъ видѣлся будто бы предъ самымъ концомъ своимъ. Басню эту повторяетъ и Бантышъ-Каменскій, забывая, что Шешковскій умеръ еще въ 1794 году.

Біографы Потемкина обвиняютъ его въ непомѣрномъ корыстолюбіи и въ доказательство ссылаются на убійство и ограбленіе Гедаетъ-хана. Справедливость требовала бы обратнаго дѣйствія: сперва доказать наличность преступленія и затѣмъ уже дѣлать выводъ о побужденіяхъ преступника. Духовное завѣщаніе, составленное Потемкинымъ въ 1794 году, передъ польской войной, показываетъ, что онъ не имѣлъ тѣхъ милліоновъ, которые будто бы отнялъ у гилянскаго хана. За исключеніемъ суконной фабрики, купленной у Матвѣевыхъ, прочія недвижимыя его имѣнія принадлежали къ родовымъ и состояли въ залогѣ. Долговъ, сверхъ 55000 рублей по закладнымъ, онъ оставилъ болѣе ста тысячъ рублей. Нельзя не согласиться, что родственникъ князя Таврическаго могъ бы при корыстолюбіи лучше обезпечить себя. Замѣчательно, что ему не было пожаловано ни одной деревни, ни одной крестьянской души.

Такимъ образомъ, документальныя свѣдѣнія объ энзелійской драмѣ не даютъ рѣшительно никакихъ основаній къ обвиненію Потемкина въ томъ преступленіи, которое до сихъ поръ тяготѣетъ надъ нимъ.

Съ устраненіемъ обвиненія Потемкина въ предательскомъ убійствѣ и ограбленіи Гедаета, личность его является въ очень привлекательномъ свѣтѣ. По отзыву Д. Н. Бантыша-Каменскаго, онъ былъ обходителенъ и любезенъ, отличался неустраши-

мостью, умомъ образованнымъ, любилъ заниматься словесностью, зналъ совершенно отечественный языкъ и многіе иностранные.

Въ русской литературѣ П. С. Потемкинъ оставилъ слѣдъ переводами изъ Руссо и Вольтера и оригинальными драмами, поэмами и эпистолами въ стихахъ. Драмы его „Россы въ Архипелагѣ“ и „Торжество дружбы“ были неоднократно играны въ театрахъ. Памятникомъ службы его на Кавказѣ осталось „Описаніе кавказскихъ народовъ“.

XI.

Занятіе Грузіи русскими войсками въ 1783 году. Генералъ Самойловъ и экспедиція его на Алазань. Смерть принца Рейнсфельдскаго. Дѣла на ахалцихской границѣ. Нашествіе Омаръ-хана аварскаго и разореніе имъ Грузіи. Отозваніе русскихъ войскъ обратно на Кавказскую линію *).

3-го ноября 1783 года Тифлисъ былъ свидѣтелемъ торжественнаго вступленія русскихъ войскъ, присланныхъ царю Ираклію императрицей Екатериной, какъ залогъ ея защиты и покровительства Грузіи. Это были егерскіе баталіоны, Горскій и Бѣлорусскій, которые съ четырьмя полевыми орудіями перешли Кавказскій хребетъ въ суровую и бездорожную зиму. При вступленіи въ городъ, ихъ встрѣтилъ полковникъ Бурнашовъ, находившійся въ Тифлисѣ, въ качествѣ резидента при грузинскомъ дворѣ, и принялъ надъ ними начальство. День былъ холодный, пасмурный, съ снѣговой вьюгой, но не смотря на то, народъ толпами спѣшилъ за городъ, чтобы привѣтствовать новыхъ гостей, пришедшихъ къ нимъ съ далекаго, холоднаго сѣвера. Во всѣхъ церквахъ грузинскихъ и армянскихъ весь день звонили въ колокола, а вечеромъ Тифлисъ былъ иллюминованъ, хотя торжеству много мѣшала ненастная погода.

— „Это русскіе принесли намъ зиму", говорили грузины, отогрѣваясь потомъ у своихъ мангаловъ.

Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе ихъ словъ, зима установилась ранняя, съ такими глубокими снѣгами, что сообщенія въ узкихъ улицахъ, занесенныхъ сугробами, прекратились

*) Матеріалами для этой статьи служили дѣла Лефортовскаго архива въ Москвѣ: опись 194, связка 106, д. № 127. Опись та же, связка 109, приложеніе къ дѣлу № 2, д. №№ 56 и 87; та же опись, связка 111, д. № 10; всеподданнѣйшія донесенія Потемкина. Газета „Кавказъ" 1898 г. №№ 47 и 48.

даже между сосѣдними дворами. Такой зимы не помнили въ Грузіи самые старые люди.

Появленіе русскихъ за переваломъ, на полуденной сторонѣ горъ, и обнародованіе вслѣдъ затѣмъ государственнаго акта, по которому Грузія признала надъ собою верховную власть русской императрицы, встревожило всѣхъ мусульманскихъ владѣльцевъ, увидѣвшихъ въ этомъ зловѣщій призракъ близкаго и неизбѣжнаго паденія своего могущества. Не имѣя повода къ открытому вмѣшательству въ наши дѣла въ Закавказьи, такъ какъ Грузія еще со времени кучукъ-кайнарджійскаго мира объявлена была независимой, и, занимая ее, мы не нарушали никакихъ трактатовъ—тѣмъ не менѣе Турція не хотѣла примириться съ близкимъ сосѣдствомъ Россіи и постаралась ослабить Грузію, не только поддерживая въ ней внутреннія смуты, но и обративъ ее въ кровавую арену лезгинскихъ набѣговъ. Воинственные, несвязанные никакими трактатами, лезгины по первому ея призыву охотно взялись за оружіе, и жертвою ихъ нападенія сдѣлались деревни, лежавшія по Алазани.

Это было лѣтомъ 1784 года, когда въ Грузіи ожидали Павла Сергѣевича Потемкина, который ѣхалъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и пріискать средства къ огражденію грузинскаго царства отъ его внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Потемкинъ прибылъ однако же только осенью. Съ замашками стариннаго русскаго барства, проѣхалъ онъ черезъ кавказскій хребетъ, едва доступный одиночнымъ повозкамъ, восьмерикомъ въ коляскѣ, и явился въ Тифлисъ, окруженный блестящей свитой. Его сопровождалъ генералъ-маіоръ Самойловъ—племянникъ свѣтлѣйшаго князя Тавриды, принцъ Рейнсфельдскій *) и множество офицеровъ изъ знатныхъ русскихъ фамилій.

Послѣ цѣлаго ряда празднествъ, Потемкинъ занялся дѣлами Грузіи и прежде всего обратилъ вниманіе Ираклія на не-

*) Мы оставляемъ титулъ принца такъ какъ онъ писался въ нашихъ актахъ; настоящій же титулъ его былъ принцъ Рейнфельсъ,—побочная линія Гессенъ-Кассельскаго дома.

обходимость улучшить боевыя средства страны. Въ Грузіи постояннаго войска тогда не существовало, а въ случаѣ надобности жители выставляли въ поле, какъ конныя, такъ и пѣшія ополченія—„мориге“. Службою въ ополченіи обязывались всѣ, имѣвшіе какой либо участокъ земли, и не перешедшіе за 45-тилѣтній возрастъ. Каждый ополченецъ обязывался являться на службу вполнѣ снаряженнымъ, съ собственнымъ оружіемъ и съ собственнымъ продовольствіемъ, о которомъ долженъ былъ заботиться самъ. Ополченцы раздѣлялись на три призыва, каждый отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ, и изъ нихъ-то образовывались дружины отъ ста до пятисотъ и тысяча человѣкъ, подъ начальствомъ своихъ князей, которые также вели между собою очередь. Бурнашовъ въ своемъ сочиненіи: „Картина Грузіи или Описаніе политическаго состоянія царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго“ приводитъ слѣдующую характеристику грузинской арміи: *).

„Высшій военный чинъ называется сардаръ, коихъ три, а именно: въ Кахетіи одинъ изъ рода князей Челокаевыхъ; въ Карталиніи два: изъ нихъ одинъ въ Верхней Иверіи изъ князей Амилахваровыхъ, другой въ Сомхетіи изъ князей Орбеліановыхъ; сіи чины наслѣдственны въ фамиліяхъ. Католикосъ имѣетъ своего сардара; затѣмъ генералы отъ крылъ праваго и лѣваго, начальникъ надъ артиллеріею, адъютанты царскіе старшіе и младшіе, бимбаши или тысячники, пятисотенные и сотники, есаулы и знаменщики. Хотя всѣ сіи существуютъ, но не бываютъ никогда при своихъ мѣстахъ, но всегда толпятся на походѣ при царѣ; подчиненные ихъ бродятъ по своей волѣ и становятся безъ всякаго порядка. Станъ ихъ (лагерь) подобенъ съѣзду на торжище крестьянъ; передовыхъ отрядовъ и отводныхъ карауловъ не имѣютъ, а оттого нѣтъ такой ночи, чтобы лошадей, а иногда и людей не похищали непріятели изъ лагеря, равно и они у непріятелей своихъ тоже дѣлаютъ. Провіантъ не приготов-

---

*) Сочиненіе это написано Бурнашовымъ въ 1786 году. Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Грузіи, онъ былъ переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ курсскимъ губернаторомъ.

ляется; каждый, идущій на войну, беретъ съ собой сколько можетъ, а оттого часто претерпѣваютъ голодъ; иногда бываетъ подвозъ изъ Тифлиса, но рѣдко, и потому на походѣ берутъ хлѣбъ и прочее изъ селеній безъ разбора... Строгости воинской и подчиненія вовсе нѣтъ, а потому собственнымъ землямъ пребываніе и походъ войскъ крайне разорителенъ"...

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ трудно было завести порядокъ и поддержать дисциплину. Желавшіе уклониться отъ сбора всегда находили къ тому тысячи причинъ, или являлись безъ ружей, вооруженные одними палками, а голодъ, при отсутствіи какой либо системы продовольствія, порождалъ страшное дезертирство, такъ что никогда нельзя было вести правильнаго счета ратникамъ. Ираклій сознавалъ это, но находилъ невозможнымъ поправить дѣло, вслѣдствіе крайняго оскудѣнія государственнаго казначейства. „Мои подданные—говорилъ онъ Потемкину—весьма храбры; но они не могутъ стоять противъ лезгинъ". Тоже самое подтверждалъ и Бурнашовъ. „Никто, конечно, не станетъ упрекать грузинское дворянство—писалъ онъ—въ недостаткѣ храбрости, но по безначалію и безпорядку сомнительно производить съ ними дѣла, заблаговременно распоряженныя, да и въ самомъ сраженіи ожидать точнаго исполненія приказовъ невозможно".

Такимъ образомъ всѣ надежды царя возлагались только на русское войско. Онъ и расчитывалъ воспользоваться имъ, чтобы сдѣлать большую экспедицію за Алазань въ лезгинскія земли и разорить ихъ главныя селенія Джары и Белаканы. Потемкинъ отвѣчалъ однако, что эти селенія отстоятъ слишкомъ далеко отъ границы, и что для такой экспедиціи необходимы не два баталіона, а значительныя силы, которыхъ нѣтъ и взять не откуда. Кромѣ того, если бы Ираклію и удалось завладѣть этими пунктами, то удержать ихъ за собою онъ будетъ не въ состояніи. Поэтому для огражденія Кахетіи рѣшено было наказать только ближайшія къ намъ лезгинскія общества, и По-

темкинъ, уѣзжая обратно въ Георгіевскъ, оставилъ въ Грузіи изъ своего конвоя еще эскадронъ астраханскихъ драгунъ и 180 донскихъ и уральскихъ казаковъ, поручивъ всю экспедицію генералу Самойлову. Вмѣстѣ съ Самойловымъ остались въ Грузіи принцъ Рейнсфельдскій, Пищчевичъ и нѣкоторые другіе.

Пока царь собиралъ грузинское ополченіе, Самойловъ выступилъ съ одними русскими войсками и 4-го октября 1784 года сталъ на Алазани. Здѣсь онъ нашелъ жителей въ полномъ смятеніи, такъ какъ лезгины, пользуясь послѣдними осенними днями, хозяйничали въ краѣ, какъ въ собственной землѣ. Едва егеря успѣвали отстаивать однѣ деревни, какъ приходилось посылать кавалерію уже къ другимъ, а между тѣмъ лезгины, бросаясь то внизъ, то вверхъ по Алазани, нападали на третьи. Дальность разстояній мѣшала подавать своевременную помощь, а разбрасываться отряду малыми частями было не безопасно. Грузины между тѣмъ не подходили. Самойловъ начиналъ уже волноваться, и, опасаясь упустить время удобное для экспедиціи, жаловался П. С. Потемкину на полную бездѣятельность грузинскаго правительства. Но онъ былъ не правъ въ своихъ упрекахъ Ираклію. Онъ еще не зналъ, что въ тотъ самый день, когда грузинское войско готово было уже къ выступленію, въ Тифлисъ пришло извѣстіе о возмущеніи ганжинскаго хана, который, призвавъ къ себѣ наемныхъ лезгинъ, прислалъ сказать Ираклію, что „если царь похотѣлъ бы силою привести его паки въ повиновеніе, то онъ встрѣтитъ его съ оружіемъ“. Событіе это задержало Ираклія на нѣсколько дней, и онъ только 8-го октября прибылъ къ Самойлову съ частью своей кавалеріи, составленной изъ лучшихъ грузинскихъ князей. Остальныя войска двигались сзади и находились еще въ нѣсколькихъ переходахъ.

Пока ожидали царя, погода перемѣнилась, пошли проливные дожди, дороги разгрязнились до невозможности везти по нимъ артиллерію, а вода въ Алазани прибывала такъ быстро,

что переправы съ каждымъ часомъ становились затруднительнѣе. Даже лезгины прекратили свои набѣги, и только нѣкоторые смѣльчаки, переправляясь на бурдюкахъ, убивали или захватывали въ плѣнъ одиночныхъ людей. Съ прибытіемъ царя начались дѣятельныя приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, но и тутъ происходили частыя колебанія, такъ какъ царь не рѣшалъ окончательно куда идти—на Джары или Белаканы. „Большое несчастіе—писалъ по этому поводу Самойловъ—что царь самъ принялъ начальство, а не прислалъ сюда своихъ военачальниковъ; тѣхъ я принудилъ бы къ дѣйствію, а къ царю могу лишь входить съ представленіями". По всей вѣроятности экспедиція за позднимъ временемъ такъ бы и не состоялась, какъ вдругъ, 12-го октября въ лагерѣ у насъ получено было извѣстіе, что джаро-белаканцы, встревоженные появленіемъ нашихъ войскъ на ихъ границѣ, послали въ Ганжу требованіе, чтобы всѣ находившіеся тамъ лезгины, спѣшили обратно на защиту собственныхъ селеній. На другой день казачій разъѣздъ, посланный въ ту сторону, далъ знать, что ганжинскіе лезгины уже не далеко и ночуютъ отъ насъ въ одномъ переходѣ. Войска тотчасъ выступили изъ лагеря и на разсвѣтѣ 14-го октября увидѣли огромную толпу непріятеля, быстро двигавшуюся прямо къ деревни Муганлы, съ очевиднымъ намѣреніемъ переправиться за Алазань. Кругомъ этой деревни тогда тянулись дремучіе лѣса. Царь съ грузинскою конницей, драгуны и казаки—все пустилось маршъ-маршъ, чтобы раньше ихъ захватить лѣсную опушку. Но лезгинамъ до нее было ближе, чѣмъ намъ, и пока конница скакала, лѣсъ уже былъ занятъ. Пылкій Ираклій хотѣлъ немедленно атаковать непріятеля, но вести спѣшенныхъ всадниковъ на крѣпкую лѣсную позицію было рисковано. Къ счастію, въ эту минуту подоспѣла наша пѣхота. Двѣ колонны, каждая изъ двухсотъ егерей, поддержанныя своими баталіонами, подъ общею командою подполковника принца Рейнсфельдскаго, съ двухъ сторонъ двинулись къ лѣсу; артиллерія поставила свои орудія на

небольшой высотѣ, откуда могла обстрѣливать лѣсъ и противоположный берегъ рѣки, а кавалерія размѣстилась на флангахъ. Вся грузинская пѣхота, подоспѣвшая къ моменту боя, какъ плохо организованная, и еще хуже вооруженная, поставлена была въ резервѣ, при которомъ находились царь и Самойловъ; тутъ же приготовленъ былъ и особый конвой изъ сорока отборныхъ драгунъ и 10-ти казаковъ, подъ командой поручика Пишчевича, назначеннаго Самойловымъ для охраны царя.

Какъ только все было готово, взвились три ракеты, и по этому сигналу артиллерія открыла учащенный огонь, а принцъ съ передовыми колоннами стремительно бросился къ лѣсу. Лезгины, взобравшись на деревья осыпали атакующихъ сильнымъ огнемъ, но послѣ упорной и продолжительной схватки были оттѣснены настолько, что егерямъ удалось утвердиться въ опушкѣ. Но дальше подвигаться было нельзя: лѣсъ былъ наполненъ непріятелемъ, а на томъ берегу собирались новыя толпы, готовившіяся переправиться на нашу сторону. „Наступленіе наше было жестоко—говоритъ въ своихъ запискахъ Пишчевичъ—но и лезгинская оборона отчаянна“. Видя, что бой разгорается, Самойловъ послалъ приказаніе подполковникамъ Мерлину и Квашнину-Самарину усилить принца своими баталіонами, а между тѣмъ, желая ободрить егерей, самъ поскакалъ въ лѣсъ, едва согласившись, по настоятельной просьбѣ царя, взять съ собою конвой Пишчевича. Въ лѣсу онъ засталъ бой уже въ полномъ разгарѣ, и такъ какъ подкрѣпленія, отправленныя къ принцу, еще не подходили, то Самойловъ спѣшилъ своихъ конвойныхъ драгунъ и усилилъ ими цѣпь. Черезъ полчаса вся наша пѣхота и даже часть грузинскаго ополченія уже введены были въ дѣло. Непріятеля тѣснили все болѣе и болѣе. Принцъ, распоряжавшійся боемъ, стоялъ въ сильномъ огнѣ рядомъ съ Самойловымъ, и оба были верхами, не соглашаясь ни на какія просьбы окружающихъ сойти съ лошадей. „Мы на то и начальники—говорилъ принцъ—чтобы насъ видѣли всѣ, и наши и непріяте-

ли". Вдругъ онъ покачнулся въ сѣдлѣ, и слабо вскрикнувъ, опрокинулся на руки Самойлова. Пуля, пущенная съ верхушки сосѣдняго дерева, попала ему въ плечо и, пройдя черезъ грудь, вышла въ спину. Подбѣжавшіе егеря сняли его съ лошади, положили на носилки и вынесли изъ боя. Между тѣмъ солдаты, увидѣвъ Самойлова, забрызганнаго и перепачканнаго кровью, распространили слухъ, что оба начальники убиты, или по крайней мѣрѣ ранены. Въ нѣкоторыхъ частяхъ произошло замѣшательство. Понимая какія гибельныя послѣдствія можетъ имѣть эта минута, Самойловъ тотчасъ объѣхалъ всю боевую линію, появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и вездѣ возстановляя порядокъ. Но еще большее впечатлѣніе произвелъ этотъ слухъ на грузинское войско, при которомъ находился царь. Ираклій до того былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, „что позабывъ, какъ выражается Потемкинъ въ своемъ донесеніи императрицѣ, и царскій санъ и древность лѣтъ, поскакалъ на мѣсто сраженія лишь съ небольшой свитой, и успокоился только тогда, когда подъ сильнымъ огнемъ отыскалъ генерала". Узнавъ о случившимся, онъ выразилъ глубокую скорбь по поводу раны принца и объявилъ, что послѣ этого долгъ и совѣсть повелѣваютъ ему раздѣлить опасность наравнѣ со всѣми. Онъ стоялъ дѣйствительно осыпаемый пулями, и Самойлову стоило не мало труда уговорить его выѣхать по крайней мѣрѣ изъ сферы огня.

Но бой приходилъ уже къ окончанію. Весь лѣсъ былъ нами занятъ, и лезгины, прижатые къ Алазани, вынуждены были спасаться вплавь, поражаемые выстрѣлами нашей пѣхоты и артиллеріи; тѣ же, которые выскакивали изъ лѣса, попадали въ руки конницы, рубившей ихъ безъ пощады. Общая потеря непріятеля простиралась свыше трехсотъ человѣкъ. Знаменъ было отбито много, но Самойловъ приказалъ изломать ихъ и сжечь, оставивъ только четыре, изъ которыхъ одно поднесено было царю, а три „для единаго любопытства" отправлены были къ свѣтлѣйшему князю Потемкину. Съ нашей стороны уронъ состоялъ

изъ 40-ка человѣкъ нижнихъ чиновъ, но изъ офицеровъ мы потеряли только одного принца Рейнсфельдскаго, про котораго Самойловъ писалъ, „что онъ во все время боя съ отличною храбростію и присутствіемъ духа сражался со всею непріятельскою силою". Что касается грузинъ, то у нихъ были убиты два старыхъ князя Абхазовъ и Черкезовъ и ранены князья Іосифъ Бебутовъ *), Меликовъ и Баратовъ. „Сей послѣдній—писалъ въ своемъ донесеніи Потемкинъ—считается между своими наилучшимъ изъ всѣхъ наѣздникомъ". О потерѣ простыхъ грузинъ свѣдѣній не сохранилось. Называя главнымъ виновникомъ побѣды принца Рейнсфельдскаго, Самойловъ не упомянулъ о себѣ ни единымъ словомъ, точно онъ не былъ въ бою и не подвергался никакимъ опасностямъ. Черта эта въ характерѣ Самойлова была весьма замѣчательной, такъ какъ и въ предшествовавшемъ году, послѣ осенней экспедиціи въ Чечнѣ, Потемкинъ доносилъ императрицѣ, что Самойловъ изъ единой скромности не упомянулъ въ своемъ рапортѣ о томъ, что лично велъ войска на штурмъ гехинскаго лѣса, и что подъ нимъ была убита лошадь". Потемкинъ и на этотъ разъ узналъ о Самойловѣ только окольнымъ путемъ черезъ письма грузинскаго царя, которыя передали ему всѣ подробности боя.

Истребленіе сильной партіи лезгинъ, погибшей у Муганлынской переправы, можно сказать на глазахъ джаро-белаканцевъ, водворило спокойствіе въ краѣ лишь на нѣкоторое время. Мы не могли идти за Алазань, такъ какъ, по словамъ Пишчевича, весь противоположный берегъ былъ усѣянъ непріятелемъ и переходъ черезъ рѣку на глазахъ ихъ „былъ бы не безъ великой потери", тѣмъ болѣе, что Алазань вышла изъ береговъ, а мы не имѣли ни понтоновъ, ни лодокъ. „Симъ предпріятіемъ на Алазань—говоритъ онъ—не сдѣлавъ лезгинцевъ смирнѣе, лишь ихъ раздражили, но и то должно сказать, что нечаянная

*) Отецъ князя Василія Осиповича—побѣдителя турокъ на Башъ-Кадыкларѣ и Кюрюкъ-Дара.

встрѣча съ лезгинцами, послужила намъ къ лучшему, ибо, если бы мы вошли въ ихъ землю гористую, лѣсомъ и ущельями преисполненную, и при томъ обороняемую отчаяннымъ народомъ,— а насъ была горсть,—то изъ насъ можетъ быть и одна душа бы не спаслась". Такимъ образомъ, окончивъ экспедицію, которая почти не начиналась, войска ночевали на самомъ полѣ сраженія, а на слѣдующій день пошли обратно въ Тифлисъ.

А Тифлисъ переживалъ въ эти дни страшныя минуты тревогъ и опасеній. Въ самый день битвы кто-то прискакалъ съ Алазани и распустилъ зловѣщій слухъ, что русскій генералъ и принцъ убиты, что всѣ офицеры забраны въ плѣнъ, а солдаты истреблены поголовно. Какую роль играло при этомъ грузинское войско—вѣстникъ умалчивалъ. Весь городъ пораженъ былъ потрясающею вѣстью. Царица была неутѣшна. „Если эти слухи вѣрны, говорила она своимъ приближеннымъ, то значитъ, нѣтъ уже въ живыхъ и Ираклія". Она знала доблестный характеръ своего царственнаго супруга и была убѣждена, что онъ никогда не пережилъ бы такой катастрофы. Убитая горемъ, босая и въ разорванномъ платьѣ, царица пошла пѣшкомъ изъ своего дворца *) въ Сіонскій соборъ, но едва она переступила порогъ древняго храма, какъ ее нагналъ новый вѣстникъ съ письмомъ отъ Ираклія. Царь извѣщалъ о побѣдѣ, писалъ о ранѣ принца и восторгался русскими войсками. „Я долго былъ въ Персіи при славномъ Шахъ-Надирѣ—говорилось въ этомъ письмѣ—я видалъ войска персидскія, индѣйскія и турецкія, сражался съ лезгинами, но, увидѣвъ теперь русскихъ, не могу представить, чтобы какія нибудь въ свѣтѣ войска могли бы быть подобными по своей храбрости русскимъ". Молва объ этомъ письмѣ мгновенно разнеслась по городу, и весь Тифлисъ хлынулъ къ дворцу, запрудивъ всю передъ нимъ площадь. Царица, возвратившись изъ собора, гдѣ отслушала благодарственное молебствіе, вышла на балконъ, и письмо Ираклія прочитано было

*) Царскій дворецъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго дома экзарха Грузіи.

всенародно. День этотъ для Тифлиса былъ днемъ свѣтлаго праздника.

Между тѣмъ русскія войска уже приближались къ городу и 20-го октября торжественно вступили въ Тифлисъ. Царь и Самойловъ верхами на богато-убранныхъ коняхъ открывали шествіе; за ними шли баталіонъ егерей, двигались пушки и ѣхали драгуны и казаки. Все это при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, при рѣзкихъ звукахъ зурны и громѣ пушекъ со стѣнъ Мегеха и старой крѣпости, направлялось прямо къ Сіонскому собору, гдѣ самъ католикосъ со всѣмъ духовенствомъ встрѣтилъ царя и окропилъ святою водою побѣдоносное оружіе русскихъ. Народъ ликовалъ и праздновалъ нѣсколько дней.

Но между тѣмъ какъ въ Тифлисѣ готовились шумныя празднества, въ бѣдной и глухой грузинской деревушкѣ тихо угасала жизнь молодого принца. Вотъ что доносилъ объ этомъ Самойловъ:

„по невозможности принцу Рейнсфельдскому по тяжкой ранѣ продолжать свой путь, я принужденъ былъ оставить его въ д. Мачхаанахъ у подполковника Квашнина-Самарина, поручивъ уходъ за нимъ лекарю Горскаго баталіона и снабдивъ его всѣмъ необходимымъ. Передъ моимъ отъѣздомъ принцу было гораздо лучше, такъ что мы возымѣли было надежду на благополучный исходъ его раны, но съ вечера 18-го числа боль въ ранахъ весьма усилилась, а на разсвѣтѣ 19-го и жизнь принца кончилась. Имѣніе его я приказалъ опечатать и описать, но извѣстно, что экипажъ его былъ весьма бѣденъ, долгу же осталось не мало“.

Принцъ Рейнсфельдскій былъ первой жертвою, принесенной Россіею за освобожденіе Грузіи,—и эта первая пролитая кровь должна была освятить братскій союзъ двухъ единовѣрныхъ народовъ. Принцу было только 25 лѣтъ. Онъ принятъ былъ въ русскую службу прямо подполковникомъ въ 1783-мъ году и получилъ въ командованіе Кабардинскій егерскій баталіонъ, расположенный на Кавказской линіи. Осенью того же

года онъ участвовалъ съ нимъ въ экспедиціи Самойлова за Сунжу, и здѣсь-то, въ дремучихъ гехинскихъ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ Валерика, Гойты, Рошни и Гехи, впервые услышавшихъ тогда громъ русскаго оружія, онъ сблизился съ русскимъ солдатомъ и заслужилъ общую любовь въ отрядѣ и блестящею храбростью, и ровнымъ, мягкимъ, симпатичнымъ характеромъ. Пишчевичъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что „принцъ былъ съ добрымъ воспитаніемъ, и, много ѣздивши по чужимъ краямъ, имѣлъ свѣдѣніе обо всемъ великое; разговоры его были полезны и наставительны".

Тѣло принца привезено было въ Тифлисъ и погребено въ Благовѣщенской католической церкви, стоявшей на нынѣшней Католической улицѣ въ предѣлахъ армянскаго базара. Теперь этой церкви не существуетъ; она была продана въ частныя руки и превращена въ амбары или склады одной изъ транспортныхъ компаній. Вмѣстѣ съ нею погибла и могила принца. Какъ не пожелать, чтобы русскіе люди приложили стараніе отыскать хотя бы остатки могильной плиты, покрывавшей прахъ того, чье имя начинаетъ собою нашъ длинный, боевой синодикъ.

По окончаніи экспедиціи, Самойловъ въ сопровожденіи драгунъ и казаковъ, оставленныхъ Потемкинымъ въ Тифлисѣ, выѣхалъ обратно на линію, а изъ двухъ баталіоновъ—одинъ расположился въ Мачхаанахъ по дорогѣ въ Кахетію, а другой направленъ въ Сурамъ для прикрытія границъ Карталиніи и самаго Тифлиса со стороны Ахалциха. Алазанская экспедиція не только не ослабила, но еще болѣе усилила интриги Турціи, которая прибѣгла къ помощи адербейджанскихъ хановъ. Ибрагимъ карабагскій первый отсталъ отъ союза съ Грузіей; Ганжа отъ нея отложилась, эриванскій ханъ не платилъ дани и, какъ выражается Бурнашовъ, „находился на послѣдней чертѣ отпаденія отъ царской власти". „Казахи, Шамшадиль и шамхорцы,

лучшіе военные и богатые люди, оставя свои тучныя земли, бѣжали въ Карабагъ и служили тамошнему хану“. Все это отзывалось на экономической жизни страны, на ея продовольственныхъ средствахъ и, наконецъ, подрывало финансы царя, получавшаго большую часть доходовъ съ своихъ вассальныхъ владѣній. Царская казна опустѣла, и при внутренней неурядицѣ, когда князья и царевичи то и дѣло враждовали съ царемъ, пополнить ихъ было нечѣмъ. Турки, между тѣмъ, продолжали свою агитаторскую дѣятельность, стараясь довести Грузію путемъ экономическаго разоренія до невозможности продовольствовать русскія войска, которыя не могли получать провіанта съ линіи. Въ этихъ видахъ они съ весны 1785 года значительно усилили набѣги изъ Ахалциха. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нѣсколько тысячъ лезгинъ и турокъ внезапно вторглись въ Карталинію черезъ Боржомское ущелье, разорили нѣсколько селеній, и увели въ плѣнъ болѣе шестисотъ грузинъ. Стоявшій въ Сурамѣ маіоръ Сюнненбергъ съ частью бѣлорусскаго баталіона бросился ихъ преслѣдовать и настигъ на берегу Куры у д. Хашури *). Прижатый здѣсь къ обрывистому берегу рѣки, непріятель напрасно старался проложить себѣ дорогу оружіемъ. 1300 тѣлъ оставлено было имъ на мѣстѣ сраженія, и сотни ихъ неслись по быстрой рѣкѣ мимо самаго Тифлиса. Грузинскій лѣтописецъ, описывая это сраженіе, упоминаетъ о русскомъ сержантѣ Димитріѣ, который одинъ закололъ 12 лезгинъ и тѣмъ навелъ на нихъ такой паническій страхъ, что они стали бросаться въ Куру. Еще никогда лезгины, привыкшіе торжествовать надъ слабою грузинскою конницею, не испытывали такого страшнаго пораженія. Пылая местью, они собрали свѣжія силы, и вмѣстѣ съ турками 27-го мая снова ворвались въ Карталинію. Маіоръ Сюнненбергъ опять встрѣтилъ ихъ на Курѣ и опять нанесъ такое же пораженіе. Эти побѣды надъ исконными врагами Грузіи торжествовало все христіанское Закавказьѣ. „Опыты храбрости на-

*) Нынѣ ст. Михайловская между Тифлисомъ и Батумомъ.

шихъ войскъ, писалъ П. С. Потемкинъ къ полковнику Бурнашову,—и всегдашнее сокрушеніе лезгинъ, дерзающихъ противостоять храбрымъ нашимъ войскамъ, послужитъ въ доказательство царю и всѣмъ грузинамъ сколь высоко для нихъ благополучіе быть подъ щитомъ россійскаго воинства“.

Но обстоятельства начинали уже складываться для насъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Видя, что всѣ усилія остаются тщетными, что ни лезгины, ни адербейджанскіе ханы не въ состояніи вытѣснить русскія войска, Порта склонила на свою сторону одного изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ Дагестана Омаръ-хана аварскаго, и на его содѣйствіи основала цѣлый планъ нашествія на Грузію. Дѣйствительно, къ осени 1785 года до насъ стали доходить со всѣхъ сторонъ самые грозные слухи: въ Ахалцихѣ собирались лезгины и турки, со стороны Дагестана надвигался Омаръ-ханъ съ своими аварцами; внутри волновались татарскія дистанціи, угрожая отложиться отъ Грузіи; составленъ былъ даже злодѣйскій планъ схватить наслѣдника престола царевича Георгія, жившаго тогда въ Казахѣ, и передать его въ руки лезгинъ. Лазутчики то и дѣло приносили тревожныя вѣсти, совѣтуя грузинамъ спасать свои семейства и имущество. При первыхъ симптомахъ бури, Бурнашовъ сосредоточилъ въ Тифлисѣ оба баталіона и держалъ ихъ въ полной готовности двинуть туда, куда обратится непріятель. Бо̀льшаго ничего сдѣлать ему было нельзя. Двухъ русскихъ баталіоновъ очевидно было недостаточно, чтобы охранять границы Грузіи на всемъ ихъ протяженіи, а между тѣмъ на содѣйствіе туземныхъ войскъ расчитывать было нечего. Къ тому же наши баталіоны, собранные въ Тифлисѣ, не могли передвигаться быстро съ мѣста на мѣсто, такъ какъ нигдѣ не находили продовольствія, и солдаты во время похода нерѣдко питались одними кореньями и травами, которые сами же собирали въ окрестностяхъ. Пользуясь этимъ, мелкія партіи ахалцихскихъ лезгинъ наводнили Карталинію. Одна изъ этихъ партій пробралась да-

же къ самому Тифлису, и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Авлабара угнала табунъ въ триста голов. Царевичъ Георгій преслѣдовалъ ее съ грузинами, но безуспѣшно. Царь и Бурнашовъ оба писали къ Потемкину, прося у него подкрѣпленій. Бурнашовъ жаловался особенно, что у него нѣтъ конныхъ войскъ для разъѣздовъ, что безъ нихъ невозможно разузнавать о непріятелѣ, и „что присылка хотя небольшой части конницы подняла бы духъ грузинъ, впавшихъ въ уныніе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ". „Дайте намъ спасеніе—писалъ Ираклій Потемкину:—да не возгласится въ свѣтѣ слово, что во время великой Екатерины, и по соединеніи съ Россіей—Грузія исчезла".

Потемкинъ и самъ тревожился опаснымъ положеніемъ нашихъ баталіоновъ, но волненія горцевъ, поднятыя шейхъ-Мансуромъ почти на всемъ протяженіи Кавказской линіи, и ограниченное число войскъ, назначенныхъ для ея защиты, лишали его возможности оказать Грузіи какую либо помощь: сообщенія съ нею были перерваны и находившіяся тамъ наши войска казались, дѣйствительно, обреченными въ жертву. Въ предписаніи своемъ къ Бурнашову, Потемкинъ запрещаетъ ему раздроблять егерей на части, требуетъ, чтобы онъ не занималъ передовыхъ позицій, а составлялъ бы общій резервъ, „на который опрокинутые грузины могли бы опереться, а непріятель получить отпоръ". Онъ совѣтовалъ ему избирать для резерва крѣпкія позиціи, вблизи отъ продовольственныхъ складовъ, „чтобы въ случаѣ нападенія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, можно бы безвредно дожидаться помощи". Потемкинъ расчитывалъ, что наступленіе зимы прекратитъ лезгинскіе набѣги, а между тѣмъ на линіи справятся съ шейхъ-Мансуромъ и можно будетъ дать помощь Грузіи.

Но лезгины не стали ожидать наступленія зимы, и 16-го сентября 15-ти-тысячное скопище ихъ, предводимое Омаръ-ханомъ аварскимъ, появилось на Алазани. Бурнашовъ тотчасъ передвинулся въ Сигнахъ, куда также прибылъ Ираклій, а вслѣдъ

за нимъ стали прибывать изъ разныхъ селеній небольшими частями вооруженные жители, которые собственно и составляли, такъ называемое, царское войско. Бурнашовъ предлагалъ Ираклію немедленно атаковать лезгинъ при переправѣ ихъ черезъ рѣку, но Ираклій, имѣвшій у себя едва три тысячи воиновъ, не рѣшился покинуть крѣпкую сигнахскую позицію. Тогда Омаръ-ханъ спокойно перешелъ Алазань и, не обращая уже вниманія на наши войска, стремительно пошелъ на Тифлисъ. Этотъ смѣлый маневръ опрокинулъ всѣ расчеты царя, и ему пришлось форсированными маршами спѣшить на защиту своей столицы. Но едва Бурнашовъ подошелъ къ Авлабарскому мосту, какъ Омаръ-ханъ перемѣнилъ направленіе и кинулся въ глубь страны, неся съ собою смерть и опустошеніе. Общая паника была такъ велика, что грузинская конница не отваживалась идти на развѣдки, и слѣдъ непріятеля былъ совершенно затерянъ. Войска, сдѣлавшія отъ Тифлиса нѣсколько переходовъ, вынуждены были остановиться. Пользуясь этимъ, лезгины прошли Борчалу, разорили Ахтальскіе серебряные заводы, взяли крѣпость Агжакала и, вырѣзавъ въ ней 640 душъ обоего пола, увели съ собою въ плѣнъ до 900 человѣкъ, преимущественно грековъ, работавшихъ на заводѣ. Отсюда они появились на Лорійской степи, и обойдя хорошо укрѣпленный замокъ Лори, выжгли въ окрестности его всѣ травы, хлѣба и запасы сѣна. Пытались было они атаковать самую Лори, но были отбиты храбрымъ гарнизономъ и скрылись изъ виду. Когда у насъ получили объ этомъ извѣстіе, лезгины были уже на пути къ Ахалциху, очевидно намѣреваясь соединиться съ тамошнимъ пашой Сулейманомъ и вмѣстѣ съ нимъ повторить нашествіе на Грузію. Русскіе баталіоны поспѣшно повернули назадъ и заняли у Тифлиса опять центральную позицію. Между тѣмъ, дойдя до Ахалциха и узнавъ, что Сулейманъ-пашѣ запрещено открыто дѣйствовать противъ русскихъ, Омаръ-ханъ потребовалъ содѣйствія царя имеретинскаго, но получивъ отказъ, вторгся въ его владѣнія

и осадилъ пограничный замокъ Вахань. Замокъ этотъ принадлежалъ князьямъ Абашидзе, и Ираклій тотчасъ двинулся на помощь къ нимъ съ своими войсками, стоявшими у Мцхета; вслѣдъ за нимъ выступили изъ Тифлиса и русскіе баталіоны. Но едва они дошли до Сурама, какъ получилось извѣстіе, что замокъ взятъ и населеніе его истреблено поголовно. Невозможность защищать Грузію была такъ очевидна, что Ираклій вынужденъ былъ наконецъ вступить въ переговоры, и гордый Омаръ-ханъ изъявилъ согласіе оставить Грузію, если ему будетъ уплочено по 50-ти рублей за каждаго плѣннаго, и опредѣлено 10 тыс. рублей ежегоднаго жалованья. Пришлось согласиться на эти условія, и лезгины дѣйствительно очистили грузинскія земли.

Слѣдующій, 1786 годъ, прошелъ сравнительно спокойно. Турція готовилась къ войнѣ съ Россіей; но пока война не была объявлена, она не хотѣла осложнять взаимныхъ отношеній съ Грузіей мелкими пограничными спорами и сдерживала набѣги со стороны Ахалциха. Ираклію между тѣмъ приходилось залечивать раны, нанесенныя странѣ лезгинами, оставившими въ ней страшные слѣды опустошенія. Вся Грузія лежала въ развалинахъ и, по словамъ Ираклія, находилась въ такомъ положеніи, въ какомъ не была со времени разоренія ея Шахъ-Аббасомъ. Горесть царя усиливалась еще постоянными упреками царицы Даріи, считавшей причиною всѣхъ бѣдствій Грузіи вступленіе ея подъ покровительство Россіи, которая, по ея мнѣнію, никогда не могла оказать странѣ дѣйствительную помощь. Мнѣніе царицы раздѣляли многіе князья, находившіе пребываніе иноземныхъ войскъ тягостью для Грузіи. Къ этому нужно прибавить, что ни одна изъ мѣръ, предпринятыхъ Иракліемъ для правильнаго снабженія войскъ провіантомъ, не удавалась, и русскіе солдаты по прежнему питались травой и кореньями. Все это вынудило наконецъ самого Ираклія просить объ отозваніи русскихъ войскъ. Но пока объ этомъ шла переписка, случилось слѣдующее обстоятельство.

Лѣтомъ 1787 года, когда война Россіи съ Турціей была уже объявлена, казахскіе татары, въ числѣ 1500 семей, вдругъ откочевали въ Карабагъ, значительно усиливъ собою силы карабагскаго хана. Ираклій немедленно предпринялъ походъ съ цѣлью возвратить бѣжавшихъ, и взялъ съ собою баталіоны Бурнашова. Послѣдніе оставлены были имъ подъ Ганжею, а самъ онъ двинулся впередъ, наголову разбилъ Ибрагимъ-хана и вторгся въ его владѣнія. Какъ разъ въ это самое время пришло распоряженіе о выводѣ русскихъ войскъ изъ Грузіи, и Бурнашовъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ царя. Напрасно Ираклій убѣждалъ его повременить 12 дней, чтобы дать ему возможность покончить съ карабагскимъ ханомъ. Бурнашовъ не могъ принять на свою отвѣтственность несвоевременное исполненіе приказа, и 3-го сентября, прямо изъ-подъ Ганжи, выступилъ на линію. Онъ шелъ безостановочно, но только 26-го октября прибылъ наконецъ во Владикавказъ, задержанный въ пути невообразимо труднымъ переходомъ черезъ Кавказскія горы. Ираклій, по уходѣ русскихъ, долженъ былъ отозвать свои войска изъ Карабага и возвратился въ Тифлисъ.

Такъ неудачно окончилась первая наша попытка утвердиться въ Грузіи, но она послужила предвѣстіемъ близкаго и неизбѣжнаго подчиненія Россіи всего Закавказья.

XII.

Генералъ Текелли. Состояніе войскъ на линіи. Осенняя экспедиція 1787 года. Анапскій походъ Текелли и Талызина. Результаты похода. Линія по отъѣздѣ Текелли. Бѣдственная экспедиція Бибикова къ Анапѣ. Генералы Бальменъ и Германъ. Блистательная побѣда Германа надъ турецкимъ сераскиромъ Баталъ-пашею.

Послѣ отъѣзда съ Кавказа генерала Потемкина, сохранившаго за собою званіе кавказскаго намѣстника, начальникомъ кавказскихъ войскъ назначенъ былъ генералъ-аншефъ Петръ Абрамовичъ Текелли. Родомъ сербъ, онъ началъ службу въ рядахъ венгерскихъ гусаръ, а затѣмъ, перейдя въ Россію, заставилъ говорить о себѣ, какъ о талантливомъ партизанѣ во время семилѣтней войны. Военная слава утвердилась за нимъ еще болѣе въ первую половину царствованія Екатерины Великой, когда, командуя гусарскими полками, онъ отличался въ войнахъ съ Турціей и Польшей. Израненый въ битвахъ, онъ возвратился изъ этихъ походовъ генералъ-поручикомъ, украшенный анненскою лентой и Георгіемъ на шеѣ. Но въ исторіи Россіи имя Текелли памятно болѣе всего уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, которая, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, пала передъ нимъ безъ борьбы и сопротивленія.

Не касаясь гражданской части въ кавказскомъ намѣстничествѣ, Текелли обратилъ исключительное вниманіе на войска Кавказскаго и Кубанскаго корпусовъ, матеріальная часть которыхъ находилась въ крайнемъ запущеніи: солдаты довольствовались плохо, жалованье не получалось за нѣсколько лѣтъ, одежда была ветхая, „никакой защиты, какъ выражается Текелли, отъ дождя и стужи дѣлать не можетъ", обозовъ не было во-

все, казачьи лошади изнурены, „и въ такой крайности не только службы нести не могутъ, но начинаютъ и умирать“ *).

Текелли пришлось спѣшно исправлять хозяйственные недочеты въ войскахъ, и въ тоже время торопиться открытіемъ военныхъ дѣйствій на Кубани, гдѣ шейхъ-Мансуръ по прежнему продолжалъ свою агитацію. Всякое дальнѣйшее промедленіе давало лишній шансъ противникамъ, а потому генералъ Текелли на-легкахъ выступилъ съ Кавказскимъ корпусомъ къ Кубани и 14-го октября 1787 года переправился черезъ нее у развалинъ бывшей турецкой крѣпости Аджи-кале. Отсюда были высланы сильные отряды къ верховьямъ Малаго Зеленчука и въ долину р. Аксауты, а главныя силы направились къ Лабѣ, гдѣ, по слухамъ, находился Мансуръ. Вскорѣ получены были, однако, свѣдѣнія, что имамъ перебрался въ верховья Большого Зеленчука, вслѣдствіе чего генералъ Текелли, быстро переправившись черезъ эту рѣку, занялъ нѣсколькими отрядами всю долину и главнѣйшіе боковые выходы. Горцы при нашемъ приближеніи бѣжали, бросивъ жилища, скотъ, имущество, даже больныхъ, и вмѣстѣ съ имамомъ укрылись въ малодоступныя ущелья Урупа и Тегеня. Текелли съ небольшимъ отрядомъ послѣдовалъ за ними и, загнавъ подъ самыя скалы главнаго хребта, уже заваленнаго снѣгомъ, заставилъ сдаться. Мансуру удалось однако бѣжать, и горными тропами пробраться въ Суджукъ.

Не успѣвъ уничтожить главнаго врага, Текелли предалъ огню всѣ аулы, встрѣчавшіеся ему на пути, а жителей, которые сдавались, забиралъ въ плѣнъ и партіями выселялъ ихъ на правый берегъ Кубани, на р. Куму и Подкумокъ. Къ концу октября между Лабою и Кубанью образовалась пустыня.

Одновременно съ этимъ такое же опустошеніе по лѣвому берегу Лабы произвелъ Кубанскій корпусъ, подъ начальствомъ бар. Розена, и донскіе казаки съ войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ.

---

*) Н. Волконскій. Кав. Сбор. т. XIV, „Кавказъ 1787—1789 г.“ статья составлена по дѣламъ георгіевскаго архива.

Октябрьскими походами были достигнуты весьма важные результаты въ томъ отношеніи, что шейхъ-Мансуръ былъ изгнанъ съ Кубани, а его послѣдователи частью разсѣялись, а частью переселены подъ ближайшій надзоръ нашихъ отрядовъ. Въ общемъ, линія цѣлую зиму провела спокойно, и генералъ Текелли могъ свободно отдаться благоустройству своего корпуса, на что ему было отпущена широкою рукою князя Таврическаго значительная, по тогдашнему времени, сумма въ 669,468 рублей 30 коп. *).

Надо замѣтить, что при генералѣ Текелли впервые формируется кабардинская милиція, собранная, на основаніи указа князя Потемкина отъ 26-го августа 1786 года, по которому Большая Кабарда обязалась выставлять 600, а Малая 300 конныхъ всадниковъ; выступленіе этой милиціи замедлилось, и она не участвовала въ анапскомъ походѣ. При той замѣчательной способности горскихъ народовъ къ быстрому подъему въ минуту необходимости, медленность эта можетъ быть объяснима отчасти внутренними неурядицами, но также и не желаніемъ кабардинцевъ подчиняться русскимъ командирамъ. Когда же Текелли назначилъ начальниками ихъ бригадира Горича и его брата, генералъ-маіора польской службы, происходившихъ изъ кабардинскаго рода Басіатовыхъ, ополченія быстро собрались въ походъ и немедленно открыли самостоятельныя дѣйствія—одно на Кубани, другое въ Чечнѣ.

Старшій Горичъ, бригадиръ, сдѣлалъ набѣгъ на абазинцевъ, которыхъ принудилъ переселиться въ Кабарду; затѣмъ онъ проникъ далѣе и долиною Кубани дошелъ до Суджукъ-кале, гдѣ разбилъ турецкій отрядъ и захватилъ два мѣдныхъ орудія, торжественно доставленныхъ потомъ въ Георгіевскую крѣпость. Младшій Горичъ, генералъ-маіоръ, съ нѣсколькими сотнями малыхъ кабардинцевъ, къ которымъ присоединились кумыки и брагунцы, бросился на чеченцевъ, возвращавшихся съ удач-

*) Тамъ же, стр. 4.

наго набѣга на терскую линію, разбилъ скопище и отбилъ множество русскихъ плѣнныхъ.

Вліяніе братьевъ Горичей на своихъ одноплеменниковъ было очень велико. Они убѣдили ихъ прекратить вражду съ безконечно сильнѣйшимъ противникомъ и искать его милостей своими заслугами; по ихъ же настоянію кабардинцы дали въ аманаты знатнѣйшихъ лицъ, въ число которыхъ вошли не только юноши, но даже и пожилые люди. Всѣ эти представители главнѣйшихъ родовъ, въ количествѣ 31-го человѣка, отправлены были къ свѣтлѣйшему князю Потемкину, у котораго потомъ состояли въ свитѣ до конца его жизни. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Потемкинъ въ высшей степени симпатично относился къ кабардинцамъ. Вѣроятно ему нравились та черта независимости и то героическое упорство, съ которыми эта маленькая аристократическая республика боролась уже много лѣтъ противъ русскихъ домогательствъ. Изъ донесеній и личныхъ распросовъ князь зналъ причины постоянныхъ волненій и находилъ ихъ до нѣкоторой степени основательными. Онъ потребовалъ отъ Текелли подробную карту кабардинскихъ земель съ показаніемъ отнятыхъ у нихъ участковъ, и на основаніи этихъ данныхъ представилъ 24-го января 1788 года докладъ императрицѣ, въ которомъ ходатайствовалъ за кабардинцевъ, „сдѣлавшихся за послѣднее время достойными монаршаго благоволѣнія“. Въ докладѣ свидѣтельствовалось „о прискорбіи, которое они чувствуютъ, видя себя стѣсненными въ настоящемъ своемъ пребываніи, и земли, отъ нихъ отошедшія, они стараются пріобрѣсти ихъ службою... Теперь насталъ благопріятный случай согласиться на ихъ постоянныя просьбы, подъ предлогомъ награды за ихъ услуги“ *).

Такъ могло казаться князю Таврическому, смотрѣвшему на дѣло издали, но при ближайшемъ знакомствѣ, кабардинцы являлись совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Вначалѣ и генералъ Текел-

*) П. Бутковъ II. 208.

ли, человѣкъ въ высшей степени гуманный, былъ сторонникомъ дарованія различнаго рода льготъ, но видя въ этомъ народѣ черты лживости, лицемѣрія и лести, онъ пришелъ къ заключенію, что это „воровское, грабительское племя боится одной только силы“. Такого же взгляда, повидимому, держалась и Екатерина, которая, не взирая на авторитетное ходатайство кн. Потемкина, ограничилась (28-го февраля 1788 года) однимъ изъявленіемъ кабардинцамъ монаршаго благоволенія за ихъ „полезныя дѣйствія“.

Едва кабардинцы узнали объ отказѣ въ домогательствѣ получить свои земли, ревность ихъ охладѣла, и въ слѣдующемъ году они не только не приняли участія въ походѣ Текелли, но въ продолженіи его даже нѣсколько разъ тревожили линію набѣгами. Старшаго Горича въ это время на Кавказѣ уже не было: онъ уѣхалъ въ главную армію, и въ декабрѣ палъ геройскою смертью подъ стѣнами Очакова. Младшій оставался еще на Кавказѣ, и хотя до нѣкоторой степени сдерживалъ своимъ присутствіемъ порывы своихъ родичей, но нерѣдко и его вліяніе оказывалось слабымъ.

Между тѣмъ турецкая война разгоралась, и въ началѣ марта 1788 года генералъ Текелли получилъ приказъ князя Потемкина—спѣшно открыть одновременныя дѣйствія съ Дона и линіи на Кубань, и далѣе на Суджукъ и Анапу, чтобы отвлечь отъ Крыма сосредоточенныя въ этихъ пунктахъ турецкія войска, подъ начальствомъ Баталъ-бея, сдѣлавшагося впослѣдствіи у насъ извѣстнымъ подъ именемъ Баталъ-паши.

Необычайный въ этомъ году разливъ горныхъ рѣкъ не допустилъ, однако, открыть кампанію ранѣе осени 1788 года, и только въ августѣ Текелли направилъ Кубанскій корпусъ, состоявшій подъ командой генерала Талызина, къ переправѣ черезъ Кубань, приказавъ ему изслѣдовать пути къ Анапѣ и развѣдать о силахъ непріятеля.

Талызинъ занялъ переправу 11-го августа и расположился

лагеремъ верстахъ въ 17-ти выше урочища Заны. Посланные имъ лазутчики донесли, что въ Анапѣ и Суджукѣ не болѣе двухъ съ половинною тысячъ турокъ, но что ближайшіе горцы, отправивъ свои семьи въ горы, намѣреваются сдѣлать нападеніе на лагерь. Чтобы предупредить непріятеля, Талызинъ ночью перевелъ за Кубань три баталіона егерей съ тремя стами казаковъ и шестью легкими пушками, подъ начальствомъ бригадира Берхмана, и приказалъ ему внезапно атаковать и разбить это скопище. Какъ ни скрытно выступилъ Берхманъ, но горцы уже были предупреждены о его движеніи, и отрядъ въ четыре часа утра былъ атакованъ на маршѣ четырехтысячнымъ скопищемъ абазинцевъ, абадзеховъ и натухайцевъ. Отрядъ свернулся въ каре и, послѣ трехчасового боя, отбросилъ наконецъ непріятеля, который, укрывшись въ засѣкахъ, продолжалъ упорную перестрѣлку. Между тѣмъ охотники, высланные Берхманомъ, успѣли зайти ему въ тылъ и зажечь пять большихъ и богатыхъ ауловъ, еще никогда не испытывавшихъ разоренія. Страшный пожаръ, истребившій болѣе трехъ тысячъ домовъ, смутилъ непріятеля и способствовалъ, какъ выражается Берхманъ, нашей побѣдѣ. Горцы бѣжали, оставивъ на мѣстѣ около восьмисотъ труповъ. Колонна Берхмана потеряла двухъ человѣкъ убитыми и двухъ офицеровъ и 19 нижнихъ чиновъ ранеными. Донося объ этомъ дѣлѣ, генералъ Талызинъ съ особою похвалою отзывается о войскахъ. „Они—говоритъ онъ—столь жадны къ пораженію непріятеля, что мало видѣлъ таковыхъ, и если бы случилось вызвать охотниковъ противъ сильныхъ непріятелей, то едвали бы осталась въ лагерѣ двадцатая часть“ *).

Дѣйствія генерала Талызина вообще отличались чрезвычайной энергіей и умѣлостью. За свое полуторамѣсячное пребываніе на Кубани, онъ тщательно подготовился къ переправѣ, собравъ каюки, построивъ понтоны и соорудивъ гати черезъ топкія мѣста; онъ дѣлалъ частыя рекогносцировки и поиски на ту

*) Тамъ же. Рапортъ Талызина генералу Текели отъ 14-го августа.

сторону рѣки, пріучая войска къ дѣйствіямъ на пересѣченной мѣстности. Особенною удачею сопровождался поискъ 23—28-го августа отрядовъ Ребиндера, Дорша и Голова. Они нагрянули на большую партію горцевъ, конвоировавшихъ длинный обозъ съ переселявшимися женщинами, дѣтьми и имуществомъ. Скопище скоро возрасло тысячъ до шести, но тѣмъ не менѣе оно было опрокинуто и разсѣяно, причемъ отбито два орудія, захвачено семь тысячъ головъ разнаго скота и взято въ плѣнъ до 50-ти женъ и дѣтей.

Не смотря на то, что горцы находились въ сборѣ, и даже были усилены двумя тысячами турокъ, они ни разу не отважились напасть на русскій лагерь, благодаря мѣрамъ, принятымъ Талызинымъ, который каждую ночь выставлялъ къ сторонѣ непріятеля сильныя дежурныя части, сохранявшія полную готовность отразить ночное нападеніе. Горцы объ этомъ знали и не хотѣли рисковать своими головами.

26-го сентября по ту сторону Кубани у самыхъ горъ послышалась частая и продолжительная пушечная пальба. Талызинъ заключилъ, что это идетъ Кавказскій корпусъ, и, вызвавъ по тревогѣ кавалерійскую бригаду вмѣстѣ съ егерскимъ баталіономъ, поспѣшилъ на выстрѣлы.

Это шелъ дѣйствительно генералъ Текелли. Онъ выступилъ 5-го сентября, направляясь черезъ Темижбекъ къ мѣсту намѣченной имъ переправы, верстахъ въ 35-ти ниже устья Лабы. Для обезпеченія пройденнаго пути было выстроено 6 редутовъ, въ которыхъ оставлены гарнизоны, а Романовскій бродъ, кромѣ того, охранялся атаманомъ донского войска съ 5-ю тысячами казаковъ. 18-го сентября Текелли подошелъ къ устью Псекупса и, построивъ изъ лодокъ мостъ, перешелъ на лѣвый берегъ Кубани, оставивъ въ мостовомъ укрѣпленіи одинъ баталіонъ егерей. Конечно, возможно было продолжать движеніе по правому, возвышенному берегу, и этотъ путь былъ даже удобнѣе, безопаснѣе и короче, но Текелли хотѣлъ лично изслѣдовать закубанскую сто-

рону къ западу отъ Лабы и, кромѣ того, онъ имѣлъ извѣстіе, что тамъ собирались горскія партіи, которыя могли воспользоваться отсутствіемъ войскъ и дѣлать набѣги на линію. Лучшимъ же обезпеченіемъ тыла онъ считалъ разгромъ этихъ горскихъ партій. Переправившись черезъ Кубань, Кавказскій корпусъ двигался тремя боевыми колоннами. Черкесы все время слѣдили за его движеніемъ, вступали иногда въ перестрѣлки, но уклонялись отъ рѣшительнаго боя. Такъ корпусъ дошелъ до Убина, откуда 26-го сентября Текелли выслалъ на развѣдки отряды Мансурова, князя Ратіева и Германа.

Пройдя верстъ восемь, Мансуровъ неожиданно наткнулся на турецкій лагерь Аджи-Мустафы-паши, вокругъ котораго располагались безчисленные таборы закубанцевъ. Непріятель не далъ нашему отряду даже развернуться и окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Понимая невыгоду своего положенія среди лѣсовъ и горъ, Мансуровъ, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ два баталіона пѣхоты, два эскадрона драгунъ и три сотни казаковъ, началъ отходить назадъ; скоро подоспѣли къ нему на помощь князь Ратіевъ и Германъ, а вслѣдъ затѣмъ подошли и главныя силы. Бой загорѣлся сильный.

Если мы припомнимъ боевые строи того времени—каре и сомкнутыя колонны для атаки,—то должны будемъ признать, что въ малой войнѣ, въ дѣлахъ партизанскаго характера, горцы должны были имѣть значительный перевѣсъ надъ нами. Имъ благопріятствовала самая мѣстность, а для нашихъ войскъ эта мѣстность, мѣшавшая тяжелымъ уставнымъ построеніямъ, оказывалась совершенно невыгодною. Вотъ почему бои на Кубани среди горъ, лѣсовъ и камышей, были прекрасною школою, пріучавшею начальниковъ проявлять частную иниціативу, а солдатъ считать себя не бездушною машиной, а осмысленными бойцами. Генералъ Талызинъ уже въ то время доносилъ о какихъ-то „ползущихъ егеряхъ“ и о „скорострѣльномъ огнѣ“, что, очевидно, служило переходомъ къ тѣмъ своеобразнымъ пріемамъ, ко-

торые впослѣдствіи выработались въ кавказскихъ войскахъ и такъ рѣзко отличали ихъ отъ войскъ собственно „россійскихъ“.

Между тѣмъ генералъ Талызинъ, двигавшійся, какъ мы уже сказали, на выстрѣлы, вышелъ какъ разъ въ тылъ непріятелю, и его появленіе рѣшило участь сраженія. Поставленные между двумя огнями, горцы, обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ болѣе 1500 труповъ и множество оружія; пушки, однако успѣли увезти. Наши потери также были значительны: убито 28, ранено 226 человѣкъ.

Отсюда войска направились къ Анапѣ. Впереди шелъ Кубанскій корпусъ, и 14-го октября, когда вдали засинѣло море и на слегка всхолмленномъ берегу показалась турецкая крѣпость, Талызинъ приказалъ двумъ баталіонамъ егерей, подъ командой полковника Германа, произвести усиленную рекогносцировку. Ихъ поддерживала драгунская бригада Кубанскаго корпуса. Два эскадрона нижегородцевъ, высланные впередъ для освѣщенія мѣстности, далеко обогнали пѣхоту и первые приблизились къ крѣпости. Непріятель видѣлъ издали движеніе нашего небольшого отряда и, притаившись за крѣпостными валами, далъ ему подойти на близкій пушечный выстрѣлъ. Только тогда всѣ крѣпостныя орудія разомъ открыли огонь, а на главной батареѣ показался самъ начальникъ гарнизона Баталъ-бей, окруженный многочисленной свитой, среди которой находился и пророкъ шейхъ-Мансуръ. Въ тоже время турецкая пѣхота, выйдя на валъ, водрузила на немъ свои бунчуки и знамена. То былъ какъ бы условный сигналъ, по которому горцы, скрывавшіеся дотолѣ въ лѣсистыхъ ущельяхъ, вдругъ выдвинули противъ насъ одиннадцать орудій и, подъ прикрытіемъ жестокаго огня, бросились на наши два эскадрона. Въ эту минуту изъ крѣпостныхъ воротъ вынеслись стройные ряды янычаръ въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, и устремились на тѣ же эскадроны, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Гибель драгунъ казалась неизбѣжною. Къ счастью, подоспѣвшіе егеря приняли на себя ударъ всей этой массы и дали возможность дра-

гунамъ отойти назадъ съ небольшою потерей. За то егеря сами очутились въ критическомъ положенiи. Засѣвъ въ д. Кучугурахъ, они отважно отбивали атаки непрiятеля, но опасность нагрянула на нихъ съ другой стороны, откуда ея не ожидали: анапскiй гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и зашелъ въ тылъ нашимъ баталiонамъ. Подъ двойнымъ ударомъ егерямъ устоять было бы трудно. Но въ эту минуту на помощь къ нимъ прискакала драгунская бригада. Нижегородцы и владимiрцы стремительно ударили на турокъ, мгновенно ихъ смяли и открыли егерямъ путь къ отступленiю. Черкесы бросились было преслѣдовать, но батарея, удачно поставленная Талызинымъ на одномъ изъ холмовъ, встрѣтила ихъ картечью и обратила въ бѣгство *).

Къ вечеру подошелъ Кавказскiй корпусъ и войска расположились лагеремъ передъ Анапой, съ минуты на минуту ожидавшей теперь штурма.

Трудно было устоять противъ искушенiя атаковать тогда еще небольшую и слабо укрѣпленную крѣпостцу, обороняемую всего четырехтысячнымъ гарнизономъ. Но Текелли разсуждалъ объ этомъ иначе. Въ своемъ журналѣ этого похода онъ говоритъ:

„По примѣчанiямъ генералъ-маiора Шевича и полковника Германа, Анапу вскорости нельзя взять, иначе какъ штурмомъ; но я, съ общаго совѣту, не приступилъ къ тому по причинѣ, что, помянутый городъ взявши, удержать его и связи съ владѣнiемъ россiйскимъ учредить въ сiе время не можно было; а для одной славы безъ всякаго другого вида и пользы людей, коихъ потерять показалося непростительно; для формальной осады не было ни артиллерiи нужной и ниже довольно зарядовъ“... **).

Эти мотивы совершенно оправдываютъ Текелли въ его рѣшенiи отступить отъ крѣпости тѣмъ болѣе, что цѣль экспедицiи была вполнѣ достигнута и, турки, занятые обороною Анапы,

*) Библiотека Импер. акад. наукъ, № 33. Рукопись Буткова.
**) Кавказскiй Сборникъ. Т. XIX, стр. 307.

ничего не предпринимали противъ Крыма. Анапскій походъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ первый опытъ продолжительнаго серьезнаго наступленія въ непріятельскую землю, при чемъ изслѣдованы были всѣ пути и дороги, ведущіе къ важной приморской турецкой крѣпости, изучена страна, доселѣ мало извѣстная, собраны свѣдѣнія о мѣстномъ населеніи, о его силѣ, объ отношеніи племенъ другъ къ другу, и записка Текелли поданная Потемкину, не лишена интереса даже и понынѣ *).

Но были и отрицательныя стороны. Рекогносцировка 14-го октября и затѣмъ возвращеніе нашихъ войскъ на линію, были выставлены турками какъ полныя побѣды, и фирманы султана приглашали всѣ горскіе народы подняться для окончательнаго изгнанія русскихъ изъ края. Мансуръ опять началъ свои зажигательныя проповѣди, а Баталъ-бей, возведенный въ званіе паши и назначенный сераскиромъ, готовился съ весной начать большія военныя дѣйствія со стороны Кубани. Расчетамъ этимъ помѣшало одно обстоятельство: горцы, ненавидѣвшіе русскихъ, въ равной мѣрѣ ненавидѣли и турокъ, подмѣчая въ нихъ тѣ же стремленія къ порабощенію своей независимости. Они съ благоговѣніемъ слушали вдохновенныя рѣчи имама, брали отъ турокъ подарки и деньги, но держали себя съ ними на сторожѣ. Эти взаимныя отношенія Текелли характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „турки, говоритъ онъ, давно владѣютъ симъ берегомъ, но горскихъ народовъ никогда не могутъ покорить, и послѣдніе первымъ и теперь мало подвластны... Они турковъ не только не уважаютъ, но во многихъ мѣстахъ не даютъ имъ пристанища и пропитанія и, словомъ сказать, что горскіе народы тогда склонны къ подвластію туркамъ, когда они снабдѣваютъ ихъ деньгами и подарками“ **).

Вотъ почему вся зима, не смотря на усиленныя агитаціи

*) Кавк. Сборн. XIX. Матеріалы для исторіи сѣвернаго Кавказа. Журналъ похода и дѣйствій Кавказскаго корпуса въ 1788 году.

**) Тамъ же, стр. 316.

турокъ, прошла безъ особыхъ тревогъ, и горцы ограничились только ничтожными набѣгами, которыя Текелли описываетъ такъ: „имѣя пролазы ниже кордоновъ нашихъ, они ищутъ по пространству степи случая, гдѣ бы двухъ или трехъ схватить нечаянно, скитаясь иногда нѣсколько дней для того, но не отдаляясь однако жъ отъ Кубани, имѣя большіею частью убѣжище по балкамъ крутобережистымъ, и какъ скоро увидятъ наши партіи —стремительно бѣгутъ на свою сторону. Случается, что ихъ въ довольномъ числѣ шайка нападаетъ на нашихъ, но какъ скоро наши спѣшатся къ перестрѣлкѣ неробкимъ духомъ,—то тотчасъ воры уходятъ; а ежели наши пустятся въ побѣгъ, то предаются непремѣнно жертвѣ хищниковъ“.

Такъ наступилъ 1789 годъ. Зима стояла суровая, никогда небывалая въ краѣ; съ февраля мѣсяца начались такіе бураны, что цѣлыя селенія заносились снѣговыми сугробами, люди погибали сотнями, а табуны и стада, застигнутые въ полѣ, истреблялись почти поголовно. Довольно сказать, что въ эти бѣдственные дни въ двухъ донскихъ полкахъ Грекова и Голова, расположенныхъ на линіи, погибло около тысячи строевыхъ и вьючныхъ коней. Весьма возможно, что эта снѣжная буря, разразившаяся широкою полосою надъ сѣвернымъ Кавказомъ, причинила и закубанцамъ огромныя бѣдствія, вынудивъ, и ихъ и турокъ, отложить свои операціи на Кубани до будущаго года. Тѣмъ не менѣе въ іюнѣ 1789 года получено было извѣстіе, что новый десятитысячный турецкій корпусъ высадился въ Анапѣ и Суджукѣ, почему Текелли немедленно выдвинулъ Кубанскій корпусъ, приказавъ ему занять Тамань, а Кавказскій расположилъ нѣсколькими отрядами близъ устья Лабы, у Темижбека, на рѣчкѣ Невинкѣ, гдѣ былъ построенъ редутъ *), и у Песчанаго брода (на Терсъ-Зеленчукѣ). Въ такомъ положеніи мы ожи-

*) Рѣка Невинка до этого носила странное, совсѣмъ уже нецензурное названіе; въ моздокскомъ архивѣ имѣется особое дѣло 1784 года № 214 -63. „О переименованіи рѣчки Х..... въ „Невинную“ по непристойному изреченію“.

дали наступленія непріятеля, но Баталъ-паша считалъ себя еще слишкомъ слабымъ, чтобы прорвать эту линію сильныхъ кордоновъ, и, ожидая подкрѣпленій, не предпринималъ ничего. Наши войска простояли спокойно лѣто, а затѣмъ разошлись по своимъ квартирамъ.

Еще въ половинѣ лѣта 1789 года Текелли, по разстроенному трудами и ранами здоровью, былъ уволенъ отъ службы, а на его мѣсто назначенъ генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, съ званіемъ „главнокомандующаго Кубанскою арміею", въ составъ которой по прежнему входили корпуса Кубанскій и Кавказскій. Графъ Салтыковъ прибылъ въ августѣ мѣсяцѣ, а въ декабрѣ уже былъ отозванъ въ Финляндію для командованія арміею, дѣйствовавшею противъ шведовъ. По его отъѣздѣ Кубанскій и Кавказскій корпуса остались безъ общаго руководителя; дѣйствія ихъ не были согласованы, что въ періодъ продолжавшейся турецкой войны, не могло не отразиться на общемъ ходѣ дѣлъ.

Баронъ Розенъ, покинувъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ Тамань, такъ какъ занятіе ея имѣло лишь временное значеніе—недопустить высадки въ этомъ пунктѣ турецкаго десанта, могущаго помѣшать вооруженію нашихъ кораблей въ Керчѣ,—отошелъ къ Ейскому укрѣпленію, а затѣмъ на Донъ.

Напротивъ, генералъ-поручикъ Бибиковъ, командовавшій въ то время Кавказскимъ корпусомъ, сгорая честолюбіемъ, рѣшилъ овладѣть Анапой, отъ которой, по его мнѣнію, неблагоразумно отступилъ Текелли. Бибиковъ очевидно односторонне понималъ важное значеніе крѣпости и не постигалъ глубокихъ соображеній, заставившихъ Текелли отказаться отъ ея завладѣнія. Онъ выбралъ для похода самое неудобное время, февраль 1790 года, когда съ переходомъ къ веснѣ начинаютъ разливаться рѣки, но еще стоитъ довольно холодная температура. Предварительныхъ приготовленій къ движенію никакихъ не было сдѣлано; чтобы не отягощать войскъ обозами, приказано было

не брать съ собою ни палатокъ, ни понтоновъ, ни фуража, ни провіанта; предполагалось довольствоваться средствами страны, реквизиціей у жителей, которые зимою не могутъ укрыть свои запасы въ горы. Единственно о чемъ позаботился Бибиковъ, это разрѣшеніемъ отобрать у всѣхъ станичныхъ жителей полушубки.

Затѣмъ, почти совершенно обнаживъ линію отъ войскъ, Бибиковъ выступилъ къ Кубани, имѣя подъ ружьемъ 7600 человѣкъ *) и 10-го февраля переправился черезъ нее по льду у Прочноокопа. Первые дни похода прошли спокойно; встрѣчались только слабые аулы, которые не могли оказать сопротивленія. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ сопротивленіе становилось упорнѣе, а погода день ото дня дѣлалась хуже; въ долинахъ наступила весна, а горы были завалены снѣгомъ. Войска то цѣлый день брели по колѣна въ студенной водѣ, то останавливались, вслѣдствіе горныхъ метелей и вьюгъ, бушевавшихъ по нѣсколько дней кряду. То сильная оттепель превращала ничтожныя ручьи въ бурныя рѣки, уничтожавшія всѣ переправы, то снова ударитъ морозъ, и гололедица не даетъ некованнымъ лошадямъ двинуться съ мѣста; на обледенѣлыя скалы приходилось поднимать на канатахъ не только обозы и орудія, но даже и лошадей. Солдаты болѣли и падали отъ голода. Попутные аулы были пусты, и продовольствіе реквизиціоннымъ способомъ оказывалось не примѣнимымъ; сухари между тѣмъ вышли, и люди питались только травою, кореньями или сырой кониной, а лошадей давно кормили старыми рубленными рогожами.

Черкесы видѣли бѣдственное положеніе отряда и съ каждымъ днемъ становились упорнѣе и дерзче въ своихъ нападеніяхъ. Въ одномъ мѣстѣ турецкій отрядъ перегородилъ намъ путь въ узкомъ ущельѣ и встрѣтилъ русскихъ перекрестнымъ

---

*) Въ составъ войскъ вошли: 1) *пѣхота:* Кавказскій, Тифлисскій, Владикавказскій, Казанскій, Ладожскій, Воронежскій, Нижегородскій полки; 1-й и 3-й кавказскіе егерскіе баталіоны: 2) *кавалерія:* часть Нарвскаго, Ростовскаго, Каргопольскаго карабинерныхъ и Астраханскаго драгунскаго полковъ; затѣмъ, Хоперскій, Волгскій, Уральскіе и 4 Донскіе казачьи полки. Всего 14 баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 7 казачьихъ полковъ и 16 орудій.

огнемъ артиллеріи. Къ счастію, отважный генералъ Булгаковъ съ головною частью пѣхоты бросился впередъ, овладѣлъ батареей и проложилъ дорогу штыками. Солдаты вывезли съ собою мѣдное турецкое орудіе.

Наконецъ, 24-го марта, въ самый канунъ свѣтлаго Христова Воскресенія, отрядъ подошелъ къ Анапѣ. Погода стояла ужасная, снѣгъ валилъ хлопьями, бушевала метель, а подъ утро ударилъ такой морозъ, что въ лагерѣ замерзло много лошадей. Свѣтлое Воскресеніе прошло въ установкѣ лагеря, а на другой день русскій отрядъ былъ атакованъ съ одной стороны 15-ти-тысячнымъ анапскимъ гарнизономъ, а съ другой—безчисленными толпами горцевъ. Войска сражались на два фронта; и надо удивляться, какъ они не только уцѣлѣли, но остались даже побѣдителями. Отбитый на всѣхъ пунктахъ непріятель, бѣжалъ, оставивъ на полѣ сраженія болѣе 6000 труповъ.

Къ сожалѣнію, увлеченный успѣхомъ, Бибиковъ вздумалъ немедленно штурмовать Анапу. Солдаты, смѣшавшись съ толпами бѣгущихъ, быстро достигли крѣпости, но турки успѣли запереть ворота,—и наши войска, остановились. Не имѣя штурмовыхъ лѣстницъ, поражаемые въ упоръ крѣпостною картечью они, послѣ тщетныхъ попытокъ спуститься въ ровъ и взобраться на валъ, вынуждены были отступить съ большимъ урономъ. Но бѣдствія этимъ не окончились. Среди безпорядочнаго отступленія, отрядъ внезапно былъ атакованъ тысячными массами горцевъ. Мракъ ночи увеличилъ общее смятеніе и трудно сказать, что сталось бы съ нашими войсками, если бы два баталіона пѣхоты съ маіоромъ Веревкинымъ и батарея Офросимова не заслонили бы ихъ своею грудью. Они приняли на себя ударъ черкесской конницы и дали разстроенному отряду время кое-какъ добраться до лагеря. На другой день былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ высказалось за отступленіе, такъ какъ голодъ и недостатокъ въ боевыхъ припасахъ не позволяли думать о новомъ приступѣ.

Отступленіе сопровождалось еще большими бѣдствіями. Горцы преслѣдовали насъ по пятамъ, а измученные солдаты едва могли отбиваться. Въ одномъ лѣсномъ дефиле черкесы и турки едва не заперли отрядъ, но, къ счастію, мы успѣли захватить и уничтожить мостъ черезъ болотистую рѣчку прежде, чѣмъ появился непріятель. Далѣе наступила уже борьба съ природою. Всѣ низменности, всѣ долы наполнены были весеннею водою, такъ что на одномъ переходѣ пришлось идти цѣлыя 14 верстъ въ водѣ по самое горло. Солдаты коченѣли отъ холода, теряли сознаніе и многіе погибали прежде, чѣмъ имъ успѣвали подать какую нибудь помощь. Тогда Бибиковъ приказалъ повернуть войска на другую горную дорогу болѣе сухую, но за то и гораздо болѣе кружную. Противъ этого возстали всѣ офицеры, говоря, что солдаты, изнуренные голодомъ, не вынесутъ этого пути и сдѣлаются жертвами черкесовъ. Болѣе всѣхъ противился перемѣнѣ дороги извѣстный Офросимовъ, у котораго не осталось и по пяти зарядовъ на орудіе. Бибиковъ арестовалъ Офросимова и даже приковалъ его къ пушкѣ. Тогда взбунтовались солдаты; они легли на землю и не хотѣли идти дальше. Собрался новый военный совѣтъ, который освободилъ Офросимова и принудилъ Бибикова подчиниться общему рѣшенію. Наконецъ отрядъ вышелъ къ Кубани, но глубокая рѣка была въ разливѣ и переправъ не было.

Здѣсь горцы опять настигли наши войска, и отрядъ, прижатый къ рѣкѣ, очутился въ безвыходномъ положеніи. Къ счастію, въ полкахъ сохранился превосходный духъ. Минутное неудовольствіе людей не оставило по себѣ никакого слѣда: они опять были тѣми же бодрыми, храбрыми, терпѣливыми солдатами, готовыми сто разъ пожертвовать своею жизнію, чтобы спасти честь русскаго оружія. Днемъ они отбивались отъ непріятеля, а по ночамъ, съ чисто русскою сметкой, мастерили изъ прибрежнаго камыша плоты и паромы. Скоро они были готовы, и на этихъ-то утлыхъ ладьяхъ отрядъ совершилъ свою невѣроятную перепра-

ву. Правда, нѣкоторые изъ этихъ плотовъ опрокинулись, другіе унесены были въ Черное море, но большинство добралось таки до русскаго берега. Орудія спасены были всѣ, и отрядъ не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея.

Слухъ о бѣдственномъ положеніи Бибикова за Кубанью дошелъ до свѣтлѣйшаго князя Потемкина, который предписалъ барону Розену поспѣшно идти за Кубань, чтобы разыскать отрядъ и помочь ему выйдти на линію. Розенъ однако встрѣтилъ Бибикова уже на правомъ берегу внѣ всякой опасности. Изъ его донесенія Потемкину видно, что онъ нашелъ Кавказскій корпусъ въ совершенно разстроенномъ состояніи: офицеры и нижніе чины опухли отъ голода, истомлены были маршами, стужей и непогодой, остались безъ одежды,—въ однихъ рубищахъ, босые, даже безъ рубахъ, которые погнили на людяхъ.

Оффиціальныя свѣдѣнія показываютъ общую потерю Бибиковскаго отряда въ 1106 человѣкъ, не считая раненыхъ; но по запискамъ всѣхъ очевидцевъ и участниковъ этого похода изъ 8-ми-тысячнаго отряда вернулось только три тысячи на ногахъ и тысяча больныхъ, изъ которыхъ большая часть умерла.

„Экспедиція Бибикова—писала императрица Потемкину—для меня весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что онъ съ ума сошелъ, державъ людей сорокъ дней въ водѣ, почти и безъ хлѣба; удивительно, какъ единый остался живъ. Я почитаю, что немного съ нимъ возвратилось; дай знать сколько пропало, о чемъ я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а болѣе надо дивиться сорокадневному ихъ терпѣнію. Сіе дѣло нѣсколько схоже съ Тотлебеновымъ и Сухотинымъ въ прошедшую войну“.

Послѣ формальнаго слѣдствія и военнаго суда Бибиковъ былъ отставленъ отъ службы. Но отрядъ, отличившійся мужествомъ въ битвахъ и перенесеніемъ тяжкихъ трудовъ и лишеній въ походѣ, награжденъ былъ особою серебряною медалью на голубой лентѣ, съ надписью „за вѣрность“.

Неудачная экспедиція къ Анапѣ вызвала усиленную дѣятельность со стороны турокъ и горцевъ. Баталъ-паша, назначенный уже сераскиромъ, мечталъ поднять противъ насъ все населеніе Кавказа, уничтожить наши слабыя линіи и идти на Тавриду. Успѣхи на Кавказѣ обольщали его мечтою, что вслѣдъ за кавказскими горцами поднимутся всѣ мусульмане, живущіе подъ скипетромъ Россіи, и ему удастся отторгнуть древнія татарскія царства, распространивъ мятежъ по Волгѣ и Уралу до самой Сибири. Дѣла принимали дѣйствительно тревожный характеръ. Шейхъ-Мансуръ уже появился на Сунжѣ и ждалъ только случая, чтобы броситься на Терскую линію и уничтожить Кизляръ, эту важную продовольственную базу Кавказскаго корпуса; весь Дагестанъ волновался, и преданный намъ шамхалъ тарковскій, также какъ и ханъ дербентскій, опасались за цѣлость своихъ областей. Турецкіе агенты проникли даже въ Персію и приглашали адербейджанскихъ хановъ присоединиться къ Турціи. Корабли, между тѣмъ, подвозили все новые и новые десанты въ Суджукъ и Анапу, гдѣ, по слухамъ, образовалась уже грозная 25-ти-тысячная армія.

Обстоятельства были серьезныя. Наступалъ важный критическій моментъ въ исторіи нашего владычества на Кавказѣ, когда все, что исповѣдывало исламъ, не смотря на крайнее племенное различіе, готово было объединиться подъ однимъ знаменемъ, поднятымъ Мансуромъ.

Начальникомъ Кавказскаго корпуса назначенъ былъ въ это время генералъ-поручикъ графъ де-Бальменъ, человѣкъ просвѣщенный, мужественный и благородный. Къ несчастью, по пріѣздѣ въ Георгіевскъ, онъ заболѣлъ, слегъ въ постель и не могъ самъ предводительствовать войсками. Тѣмъ не менѣе его энергіи мы были обязаны тѣмъ, что Кавказскій корпусъ, понесшій большую убыль, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль былъ приведенъ въ полный порядокъ, укомплектованъ всѣмъ, чѣмъ только было можно, и къ началу іюля мѣсяца находился „въ полной воин-

ской готовности". Что же касается военныхъ дѣйствій, то, не имѣя возможности участвовать въ нихъ самъ, графъ де-Бальменъ писалъ Потемкину, „что господа генералъ-маіоры, коимъ ввѣрено командованіе частныхъ отрядовъ, исполняя предписанія мои, тоже сдѣлаютъ".

Съ наступленіемъ лѣта Кубанскій корпусъ былъ сосредоточенъ у Ейскаго городка; Кавказскій—былъ выдвинутъ къ Кубани и расположился тремя отрядами: первый, генерала Булгакова, въ Прочномъ окопѣ; второй, бригадира Беервица, въ Невинномъ мысѣ; третій г.-м. Германа, въ Кумскомъ редутѣ.

Въ половинѣ сентября получены были свѣдѣнія, что Баталъ-паша съ 25-ти-тысячною арміею при 30-ти орудіяхъ перешелъ Лабу и стоитъ уже на Урупѣ. Чтобы ближе слѣдить за непріятелемъ, генералъ Германъ въ два перехода передвинулся къ Кубанскому редуту, и въ ту же ночь выслалъ разъѣзды, которые, перейдя Кубань, дошли до Малаго Зеленчука, но дальше ихъ не допустили сильныя турецкія партіи. Они видѣли большую пыль въ долинѣ между Большимъ и Малымъ Зеленчуками и дымъ сигнальныхъ костровъ, яркими звѣздами свѣтившихся по вершинамъ горъ. Очевидно было, что непріятель приближается. Между тѣмъ къ Герману подошла колонна Беервица, и боевая сила отряда возрасла, такимъ образомъ, до трехъ съ половиною тысячъ пѣхоты и конницы, при шести полевыхъ орудіяхъ. Здѣсь были: 1-й, 2-й и 3-й егерскіе баталіоны, Кавказскій, Тифлисскій и Воронежскій пѣхотные полки, Ростовскій и Каргопольскій карабинерные, Астраханскій драгунскій и казачьи: Волжскій линейный, и донскіе Луковкина и Поздѣева. Эти-то три съ половиной тысячи штыковъ и сабель и составляли все, что мы могли противопоставить 25-ти-тысячному полчищу. Отрядъ Булгакова былъ еще далеко, а объ Кубанскомъ корпусѣ Розена не было никакихъ извѣстій.

27-го сентября разъѣзды дали знать, что непріятель взялъ направленіе къ Каменному Броду. Было очевидно, что онъ на-

мѣренъ обойти насъ съ юга, и генералъ Германъ тотчасъ отодвинулся верстъ на 15 назадъ, къ рѣчкѣ Подбаклеи, чтобы удержать за собой тахтамышскія горы и прикрыть путь въ Кабарду. На другой день турки переправились на правый берегъ Кубани и стали большимъ укрѣпленнымъ лагеремъ у Каменнаго Брода. Высоты, лежавшія передъ ихъ лагеремъ, однако не были заняты, и Германъ, воспользовавшись ошибкой непріятеля, въ ту же ночь захватилъ ихъ въ свои руки, рѣшившись дожидаться здѣсь прибытіе отряда генерала Булгакова. Но обстоятельства мѣнялись быстро. Къ вечеру замѣчено было движеніе турецкихъ войскъ по направленію къ Бѣлой Мечети, составляющей узелъ дорогъ, расходившихся оттуда на Кабарду и на Георгіевскъ. Положеніе наше становилось опаснымъ. „Все приготовлено было—говоритъ Германъ въ своемъ дневникѣ—къ какому нибудь важному приключенію на этой границѣ, и все возвѣщало мнѣ о его приближеніи.... Стало свѣтать. Я собралъ своихъ сотоварищей и, объяснивъ имъ наше критическое положеніе, сказалъ, что я не могу ожидать прибытія Булгакова, а долженъ атаковать непріятеля немедленно; что если я дамъ свободу Баталъ-пашѣ еще на одинъ день, то потеряю Куму, а можетъ быть и всю кавказскую границу“. Рѣшеніе Германа было одобрено единогласно.

Въ 6 часовъ утра, послѣ ранняго обѣда, „дабы люди не были слабы въ дракѣ“ изъ лагеря выступилъ авангардъ, подъ командою „испытаннаго офицера“ маіора князя Орбеліани. Ему приказано было занять высоты, командовавшія надъ долиной рѣчки Тахтамыша (Абазинки) и удерживать ихъ во что бы то ни стало до прибытія отряда. Турки, замѣтивъ наше движеніе, двинули свои войска къ тѣмъ же высотамъ; но князь Орбеліани, поддержанный всею кавалеріею, успѣлъ уже на нихъ утвердиться. Между тѣмъ подошли остальныя войска, и Германъ развернулъ отрядъ въ боевой порядокъ. Правый флангъ составила колонна Беервица (три баталіона егерей); въ центрѣ—бригада

Матцена (полки Кавказскій и Тифлисскій) на лѣвомъ флангѣ полковникъ Чемодановъ съ Воронежскимъ полкомъ. Кавалерія размѣстилась частью на флангахъ, а частью за центромъ.

Турецкая армія подоспѣла почти одновременно съ нами, но, не успѣвъ занять командующія высоты, вынуждена была растянуть свою боевую линію по возвышенностямъ праваго берега Абазинки. 30 турецкихъ орудій открыли огонь по нашимъ войскамъ. Имъ отвѣчала батарея Офросимова. Пока бой разгорался по фронту, огромное скопище горцевъ, поддержанное турецкой кавалеріей, ударило на нашъ лѣвый флангъ и заскакало въ тылъ. Эта смѣлая атака, грозившая намъ въ случаѣ успѣха серьезными послѣдствіями, была отбита кавалерійскою бригадою Буткевича, поддержанной донскимъ казачьимъ полкомъ и резервомъ изъ колонны Матцена. Въ тоже время турецкая батарея, стоявшая вправо, была сбита огнемъ нашей артиллеріи, и Германъ, воспользовавшись этой минутой, перешелъ въ наступленіе. Ударъ направленъ былъ на лѣвый непріятельскій флангъ. Астраханскій драгунскій полкъ, съ полковникомъ Мухановымъ первый понесся въ атаку и врѣзался въ ряды турецкой пѣхоты. Его поддержали полки Ростовскій и Каргопольскій съ полковникомъ Буткевичемъ, а вслѣдъ затѣмъ подоспѣли и егеря Беервица. Турецкая батарея была взята, и весь лѣвый флангъ непріятеля смятъ, опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство. Центръ и правое крыло уже не могли держаться. Разгромъ былъ полный. 25 тысячъ турокъ и черкесъ бѣжали передъ тремя тысячами русскихъ, которые ворвались въ лагерь и завладѣли всѣми обозами, имуществомъ, боевыми и продовольственными запасами. Самъ Баталъ-паша, настигнутый казаками, былъ взятъ въ плѣнъ войсковымъ старшиною Луковкинымъ; его помощникъ Аджи-Мустафа-паша былъ убитъ. Въ нашихъ рукахъ остались всѣ 30 орудій, и кромѣ того знамя, бунчукъ и булава, принадлежавшія сераскиру. Наша потеря состояла изъ трехъ офицеровъ и 130 нижнихъ чиновъ.

Побѣда Германа навсегда останется памятной въ исторіи Кавказа. Она разсѣяла страшную тучу, собиравшуюся надъ нами, и не только загладила дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ походомъ Бибикова, но и утвердила надолго среди кавказскихъ племенъ убѣжденіе въ непобѣдимости русскихъ. Императрица пожаловала Герману прямо орденъ Св. Георгія 2-го класса Большого Креста.

Впослѣдствіи, близъ мѣста этой славной побѣды была основана станица Хоперскаго казачьяго полка, названная въ честь ея Баталпашинскою. Нельзя не пожалѣть, что ее не назвали Германовскою—въ честь побѣдителя. Во всякомъ случаѣ Баталпашинская станица, гдѣ хранится и понынѣ портретъ генерала Германа *), служитъ уже сама по себѣ лучшимъ и вѣковѣчнымъ ему памятникомъ.

---

*) Портретъ этотъ пожертвованъ станицѣ состоящимъ при Особѣ Его Величества генералъ-адъютантомъ Оттономъ Борисовичемъ Рихтеромъ. Въ настоящемъ изданіи помѣщена копія съ этого портрета.

XIII.

Генералъ Гудовичъ. Движеніе Гудовича къ крѣпости Анапѣ; штурмъ и взятіе крѣпости 22-го іюня 1791 года. Окончаніе второй турецкой войны. Устройство Кавказской линіи. Переселеніе на Кубань Черноморскаго казачьяго войска.

24-го декабря 1790 года намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ Кубанскимъ и Кавказскимъ корпусами былъ назначенъ генералъ-аншефъ Гудовичъ.

Иванъ Васильевичъ Гудовичъ принадлежалъ къ небольшому числу серьезно образованныхъ людей и выдающихся дѣятелей конца прошедшаго столѣтія. Важныя заслуги его въ дѣлѣ утвержденія русской власти на сѣверномъ Кавказѣ далеко еще не выяснены въ нашей исторической литературѣ. Получивъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ, И. В. Гудовичъ 1-го января 1759 года былъ принятъ на службу прапорщикомъ по инженерной части и, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, черезъ четыре года уже въ чинѣ полковника, командовалъ Астраханскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Отличія, оказанныя во время первой турецкой войны подъ Хотиномъ, Ларгой и Кагуломъ, на штурмахъ Браилова и Журжи, выдвинули его настолько, что онъ окончилъ кампанію генералъ-маіоромъ, съ Георгіемъ 3-й степени и анненскою лентою. По окончаніи войны, Гудовичъ командовалъ дивизіей, а въ 1785 назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ Тамбовской и Рязанской губерній съ производствомъ въ генералъ-поручики. Вторая турецкая война снова вызвала его на боевое поприще и ознаменовалась взятіемъ имъ укр. Гаджи-бея (нынѣ Одесса) и кр. Киліи. Въ концѣ 1790 года, произведенный въ генералъ-аншефы, Гудовичъ получилъ назначеніе на Кавказъ.

23-го января 1791 года онъ прибылъ въ крѣпость Георгіевскъ съ повелѣніемъ отъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго овладѣть турецкою крѣпостью Анапою, которая имѣла чрезвычайно важное значеніе по своему положенію на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря. Располагая въ Анапѣ сильнымъ гарнизономъ, Турція, путемъ религіозной пропаганды, дѣятельно поддерживала въ своихъ политическихъ видахъ вражду противъ Россіи въ подвластныхъ ей, хотя и номинально, племенахъ закубанскихъ горцевъ. Въ тоже время извѣстный фанатикъ и проповѣдникъ шейхъ-Мансуръ (Ушурма) разсылалъ воззванія къ горцамъ Дагестана, къ чеченцамъ и къ кабардинцамъ, вселяя въ нихъ надежду на скорое прибытіе войскъ правовѣрныхъ, съ которыми онъ разсчитывалъ предпринять наступленіе противъ русскихъ. „Не бойтесь угрозъ ихъ—писалъ онъ—настало уже время ослабленія беззаконныхъ и торжества мусульманъ“ *).

Но всѣ расчеты турецкаго правительства поднять противъ насъ горцевъ далеко не оправдались. Пораженіе Баталъ-паши и погромъ, понесенный во время экспедиціи барона Розена во второй половинѣ 1790 года, были еще слишкомъ памятны закубанцамъ, и они остались спокойными. Среди кабардинцевъ происходило нѣкоторое броженіе, но Гудовичъ не принималъ противъ нихъ строгихъ мѣръ, полагая, что съ паденіемъ Анапы сами собою разрушатся всѣ несбыточныя мечты ихъ о возстановленіи прежней независимости. Такимъ образомъ, политическая обстановка вполнѣ благопріятствовала предстоящему походу противъ Анапы.

По прибытіи въ Георгіевскъ, генералъ Гудовичъ болѣе двухъ мѣсяцевъ употребилъ на подготовку всего необходимаго для ранняго похода къ Анапѣ. Онъ значительно усилилъ подвижной составъ полевой артиллеріи и перевозочныя средства для поднятія понтоновъ и подвижныхъ магазиновъ; войскамъ

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа, ч. II.

предписалъ исправить снаряженіе, обмундированіе, обозы, всѣ недостающіе запасы и быть готовымъ къ походу въ половинѣ апрѣля, назначивъ сборными пунктами Кавказскому корпусу Темижбекъ на р. Кубани, а Кубанскому—Ейское укрѣпленіе.

Кавказскій корпусъ сосредоточился у Темижбека 4-го мая, въ составѣ 11-ти баталіоновъ, 24-хъ эскадроновъ, 1900 казаковъ и 20-ти орудій полевой артиллеріи съ двойнымъ комплектомъ патроновъ *). Части Кубанскаго корпуса, подъ командою генералъ-маіора Загряжскаго, собрались къ Ейскому укрѣпленію 10-го мая въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, 20-ти эскадроновъ драгунъ **), двухъ донскихъ казачьихъ полковъ и 16-ти полевыхъ орудій. Для прикрытія Кавказской линіи и наблюденія за кабардинцами оставлено, подъ начальствомъ генералъ-маіора Савельева, 9 баталіоновъ, 17 эскадроновъ, 3 казачьихъ полка и 10 полевыхъ орудій.

9-го мая генералъ Гудовичъ съ Кавказскимъ корпусомъ двинулся изъ Темижбека по правому берегу Кубани и, дѣлая дневки черезъ каждые два перехода, 22-го числа достигъ Талызинской переправы. Генералъ Загряжскій выступилъ изъ Ейскаго укрѣпленія 11-го мая и слѣдовалъ туда же съ Кубанскимъ корпусомъ. 24-го числа оба корпуса соединились и приступили къ наводкѣ понтоннаго моста и постройкѣ мостового укрѣпленія. Нельзя не отмѣтить здѣсь весьма искусныхъ мѣръ, принятыхъ Гудовичемъ для обезпеченія сообщенія съ Кавказской линіей и заготовленія фуража́ для войскъ при обратномъ ихъ слѣдованіи. Съ этою цѣлью онъ устроилъ на правомъ бере-

*) Бутковъ, ч. II. Кавказскій Сборникъ, т. XVII. Журналъ экспедиціи къ Анапѣ 1791 года. *Пѣхота:* Тифлисскій, Воронежскій, Казанскій и Владимірскій пѣхотные (2-хъ баталіоннаго состава) полки, по 1000 чел. въ каждомъ; 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Кавказскаго егерскаго корпуса, по 500 человѣкъ. *Кавалерія:* 4 эскадрона Ростовскаго, 3 Нарвскаго и 1 Каргопольскаго карабинерныхъ полковъ, Астраханскій и Таганрогскій (по 8-ми эскадроновъ) драгунскіе полки; въ каждомъ эскадронѣ по 100 человѣкъ; Хоперскій, Волгскій, Донскіе Кошкина и Луковкина казачьи полки, Гребенскіе (200 чел.) и Терскіе семейные (150 чел.) казаки; всего 1900 человѣкъ.

**) Тамъ же. Нижегородскій и Ладожскій мушкетерскіе, Владимірскій и Нижегородскій драгунскіе полки.

гу Кубани, по всему пройденному пути, цѣлый рядъ укрѣпленныхъ постовъ и редутовъ съ небольшими гарнизонами отъ 40-ка до 70-ти пѣхотинцевъ и казаковъ. Генералъ Загряжскій съ своей стороны построилъ шесть редутовъ для связи съ Ейскимъ укрѣпленіемъ. Главный складочный и опорный пунктъ для войскъ Кавказскаго корпуса учрежденъ въ укрѣпленіи у Темижбека, для прикрытія котораго Гудовичъ выдѣлилъ отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ, одного эскадрона, одного донского казачьяго полка и 4-хъ орудій, подъ командой бригадира фонъ-Кропфа; такимъ же пунктомъ для Кубанскаго корпуса служило Ейское укрѣпленіе. Всего на постахъ для обезпеченія коммуникаціонныхъ линій состояло до 2050 штыковъ и сабель. На отрядъ фонъ-Кропфа возлагалось также прикрытіе границъ праваго крыла линіи отъ Темижбека внизъ по Кубани, поддержка сообщеній до Талызинской переправы и мелкія пограничныя дѣйствія противъ хищническихъ партій горцевъ, если бы они появились на этомъ участкѣ Кубани.

Къ 29-му мая дѣйствующій отрядъ съ подвижными магазинами окончилъ переправу черезъ Кубань и на другой день выступилъ къ Анапѣ, оставивъ больныхъ, лишнія тяжести и обозы въ мостовомъ укрѣпленіи; туда же приказано было доставить изъ укрѣпленія св. Дмитрія мѣсячную пропорцію провіанта, сверхъ имѣвшагося при войскахъ сорока-дневнаго запаса. Для прикрытія тетъ-де-пона и связи съ Темижбекомъ, Ейскимъ и другими постами, у Талызинской переправы оставленъ подполковникъ Браунъ съ однимъ баталіономъ, 6-ю эскадронами, донскимъ казачьимъ полкомъ и 8-ю орудіями. Войска наши слѣдовали къ Анапѣ черезъ старое Темиргоевское укрѣпленіе, устраивая на каждомъ переходѣ гати и мосты черезъ множество рѣчекъ, встрѣчавшихся на пути. 5-го іюня генералъ Гудовичъ остановился въ одномъ переходѣ отъ Анапской крѣпости у дер. Адалы, на р. Нарпсухо (Гастагай) и далъ войскамъ трехдневный отдыхъ. Вечеромъ 8-го числа, къ дер. Адалы прибыли изъ Крыма, че-

резъ Тамань, войска Таврическаго корпуса, высланныя генералъ-аншефомъ Каховскимъ, подъ командою генералъ-маiора барона Шица, въ составѣ одного баталiона Таврическаго егерскаго корпуса, Брянскаго мушкетерскаго полка, 10-ти эскадроновъ драгунъ и конныхъ егерей, 300 донскихъ казаковъ, 10-ти полевыхъ и 4-хъ полковыхъ орудiй; при отрядѣ имѣлось 90 штурмовыхъ лѣстницъ.

Установивъ связь съ подполковникомъ Брауномъ по правому берегу Кубани черезъ Курки, генералъ Гудовичъ съ Кубанскимъ и Кавказскимъ корпусами выступилъ 9-го iюня къ Анапѣ, а барону Шицу поручилъ прикрыть, оставленный у дер. Адалы вагенбургъ, наблюдать за стрѣлкою, идущею къ Бугасу и поддерживать сообщенiе по ней съ генераломъ Каховскимъ. До сихъ поръ войска наши нигдѣ не встрѣчали непрiятеля; напротивъ, мѣстное населенiе выражало видимую покорность, а владѣльцы и уздени нѣкоторыхъ племенъ просили даже о принятiи ихъ въ русское подданство. 9-го же числа нѣсколько тысячъ турокъ и горцевъ рѣшили было преградить намъ путь къ Анапѣ на высотахъ за р. Нарпсухо, но передовой отрядъ бригадира Поликарпова, поддержанный 12-ю эскадронами драгунъ, сбилъ ихъ съ позицiи и обратилъ въ бѣгство. Въ этотъ же день Гудовичъ съ главными силами расположился лагеремъ на р. Бугурѣ. Въ то же время баронъ Шицъ, оставивъ у Адалы для прикрытiя вагенбурга и развѣдывательной службы 100 человѣкъ пѣхоты съ 2-мя полковыми орудiями, эскадронъ карабинеръ и 50 казаковъ, съ остальными войсками Таврическаго корпуса двинулся вслѣдъ за Гудовичемъ и къ 9-му числу остановился въ 4-хъ верстахъ отъ Анапы.

Со времени похода генерала Бибикова, турки обратили особенное вниманiе на оборону верковъ Анапской крѣпости; рвы съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами были углублены; валъ, протяженiемъ около 700 саж., упиравшiйся концами своими въ море, усиленъ палисадомъ. На вооруженiе крѣпости сто-

яло 83 орудія и 12 мортиръ, большею частью крѣпостного калибра. Гарнизонъ состоялъ изъ 10-ти тысячъ турокъ и 15-ти тысячъ вооруженныхъ татаръ, ногайцевъ и закубанскихъ черкесовъ, подъ начальствомъ трехбунчужнаго Мустафы-паши и его помощника, сына Баталъ-бея. Значительное число судовъ, вооруженныхъ пушками, окружали Анапу съ моря. Въ крѣпости находился также шейхъ-Мансуръ, который имѣлъ сильное нравственное вліяніе на защитниковъ и окрестное населеніе. Крѣпость въ изобиліи снабжена была продовольственными и боевыми запасами.

Генералъ Гудовичъ 10-го іюня, послѣ произведенной рекогносцировки, расположился на лѣвой сторонѣ р. Бугура, протянувъ свой лѣвый флангъ до дороги въ Суджукъ-кале, а отрядъ барона Шица сталъ на правомъ берегу Бугура. Этимъ расположеніемъ Гудовичъ отрѣзалъ Анапу отъ горъ, занятыхъ въ ближайшихъ ея окрестностяхъ значительными силами горцевъ, которые съ этого дня могли сообщаться съ гарнизономъ только моремъ. Горцы нѣсколько разъ дѣлали попытки прорваться въ крѣпость при помощи анапскаго гарнизона, который своими вылазками старался содѣйствовать ихъ предпріятію, но войска наши постоянно отражали нападенія и не допустили горцевъ пробиться въ Анапу.

Въ ночь на 13-е іюня заложена была первая осадная батарея на 10 орудій. Утромъ турки открыли по ней сильную канонаду и затѣмъ, въ числѣ полутора тысячъ пѣшихъ и конныхъ, сдѣлали вылазку. Генералъ Загряжскій, находившійся въ прикрытіи съ двумястами егерей, опрокинулъ турокъ и гналъ ихъ почти до самыхъ крѣпостныхъ воротъ. Вылазка эта была поддержана горцами, спустившимися съ горъ, но бригадиръ Поликарповъ съ тремя баталіонами и четырьмя эскадронами драгунъ сбилъ ихъ съ высотъ и отбросилъ въ ущелья. Затѣмъ съ 14-го по 17-е іюня войсками Кавказскаго корпуса были устроены еще двѣ батареи, въ 250-ти саженяхъ отъ крѣпости; изъ нихъ одна

(№ 2) на 10, а другая (№ 3), названная „лѣвофланговой“, на 12 орудій. Въ тоже время и въ отрядѣ Шица на стрѣлкѣ, ведущей къ Бугасу, возведены были двѣ батареи на десять орудій.

Съ разсвѣтомъ 18-го іюня открылось сильное бомбардированіе крѣпости. Турки отвѣчали сперва энергично, но затѣмъ огонь ихъ сталъ замѣтно ослабѣвать. Ночью 19-го числа громадное зарево озарило окрестности Анапы; наши бомбы и брандскугели зажгли домъ паши, провіантскій магазинъ и другія крѣпостныя зданія. Почти весь слѣдующій день непріятельскія батареи молчали. Генералъ Гудовичъ, полагая, что гарнизонъ и жители упали духомъ, послалъ анапскому пашѣ письмо *) съ предложеніемъ сдать крѣпость, обѣщая гарнизону и жителямъ свободный выходъ изъ города. Мустафа-паша готовъ былъ принять предложеніе, но шейхъ-Мансуръ, пользуясь своимъ вліяніемъ, настоялъ на упорномъ сопротивленіи.

Между тѣмъ положеніе Гудовича становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Съ 12-ти-тысячнымъ отрядомъ онъ долженъ былъ блокировать крѣпость, защищаемую 25-ти-тысячнымъ гарнизономъ, имѣя въ тылу и на флангахъ массу непріязненныхъ намъ горцевъ, которые безпокоили войска и затрудняли ихъ фуражировки, производившіяся въ 5-ти верстахъ отъ лагеря. Для правильной осады у насъ не было ни инженеровъ, ни осадной артиллеріи, а къ довершенію всего генералъ-аншефъ Каховскій сообщалъ изъ Крыма, что турецкій флотъ показался противъ устья Днѣстра и надо ждать скораго появленія его изъ Анапы. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Гудовичъ послѣ совѣщанія съ главными начальниками, „призвавъ Бога въ помощь“, рѣшилъ штурмовать крѣпость, направивъ главную атаку на юго-восточный фронтъ, какъ слабѣйшую часть, гдѣ валы и рвы имѣли меньшую профиль **).

---

*) Кавказск. Сборн., т. XVII, стр. 492. Письмо И. В. Гудовича къ анапскому пашѣ.

**) Кавказ. Сборникъ, т. XVII. Рапортъ Гудовича князю Потемкину-Таврическому 29-го іюня 1791 года № 546.

Диспозиціей на 21-е число *) войска Кубанскаго и Кавказскаго корпусовъ раздѣлялись на четыре штурмовыя колонны, въ 800 штыковъ каждая, съ двумя частными резервами по 600 и однимъ общимъ резервомъ въ 2000 штыковъ и сабель; при послѣднемъ находилось 16 полевыхъ орудій. Первой (лѣвой) колоннѣ, полковника Чемоданова, предписывалось собраться у лѣвофланговой батареи капитана Нелюбова и атаковать крѣпостную батарею на „Курганѣ"; четвертой, полковника Самарина— овладѣть подъемнымъ мостомъ у среднихъ крѣпостныхъ воротъ; остальнымъ колоннамъ не было указано ясно опредѣленной цѣли и въ диспозиціи говорилось, что „вторая колонна держится отъ первой въ полтораста шагахъ, третья отъ первой въ двухстахъ", а когда взойдутъ на валъ, то колоннамъ „строиться направо по валу, стараясь овладѣть батареями". Общее руководство первыми двумя колоннами возлагалось на генералъ-маіора Депрерадовича. Частнымъ резервамъ приказано было идти вслѣдъ за колоннами; большому (общему) резерву, „при которомъ остались всѣ знамена, ведущихъ штурмъ", приказано построиться впереди лагеря, „противу средняго каре" и ожидать приказанія Гудовича; командованіе общимъ резервомъ поручалось бригадиру Поликарпову. Пятая колонна полковника графа Апраксина съ частнымъ резервомъ была составлена изъ войскъ Таврическаго корпуса, подъ общею командою барона Шица, которому предписывалось слѣдовать правымъ берегомъ р. Бугура, овладѣть воротами и вторымъ подъемнымъ мостомъ. Обезпеченіе тыла возложено на особый отрядъ генералъ-маіора Загряжскаго.

Такимъ образомъ, изъ 12,170 человѣкъ, составлявшихъ боевую силу дѣйствующаго отряда, для главнаго удара назначалось только 6400 штыковъ и сабель (четыре штурмовыя колонны съ ихъ частными и общимъ резервами); 1300 человѣкъ от-

*) Тамъ же. Диспозиція, приказъ и наставленіе „къ произведенію атаки на крѣпость Анапу" генералъ-аншефа Гудовича отъ 21-го іюня 1791 года.

дѣльно для дѣйствія противъ второстепеннаго пункта (колонна барона Шица) и 4144 для обороны тыла (колонна Загряжскаго). Артиллерія распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: 16 полевыхъ орудій въ общемъ резервѣ, 12 у генерала Загряжскаго и 7 полевыхъ и полковыхъ пушекъ въ вагенбургѣ, для охраны котораго оставалось лишь 326 человѣкъ.

Послѣ зари войска выстроились впереди своихъ лагерей и съ наступленіемъ темноты двинулись на сборные пункты, соблюдая полную тишину и порядокъ. Первая (лѣвая) колонна остановилась у батареи Нелюбова № 3, а остальныя три тихо, безшумно выдвигались на линію № 2-й батареи. Одновременно съ этимъ движеніемъ колонна барона Шица, слѣдуя берегомъ моря, остановилась въ 250-ти саженяхъ отъ крѣпости, ожидая сигнала для штурма. Общій резервъ оставался пока на мѣстѣ лагернаго расположенія. Въ полночь, по приказанію Гудовича, по крѣпости была открыта канонада и подъ ея прикрытіемъ наши войска придвинулись ближе къ городу. Пальба скоро смолкла, но за полчаса до разсвѣта снова со всѣхъ батарей открылся сильный огонь, и русскія колонны, при грохотѣ пушекъ и шумѣ морского прибоя, двинулись къ Анапѣ *).

Турки, повидимому, не ожидали въ эту ночь нападенія и даже не выставили внѣ крѣпости сторожевыхъ пикетовъ. Поэтому колонны безпрепятственно и никѣмъ незамѣченныя подошли къ самому рву и по условленному знаку бросились на приступъ. Только теперь непріятель замѣтилъ штурмующихъ и открылъ по нимъ сильный картечный и ружейный огонь. Лѣвая колонна, полковника Чемоданова, раньше другихъ приблизилась къ крѣпости и спустилась въ ровъ, имѣя впереди егерей 1-го баталіона съ капитаномъ Доброклонскимъ во главѣ. Жестокій огонь съ лѣвофланговыхъ батарей и кавальеровъ встрѣтилъ штурмующихъ и не мало прошло времени, пока колоннѣ удалось овладѣть и батареями и кавальерами. Изъ первыхъ взошли на

*) Рапортъ Гудовича кн. Потемкину 29-го іюня 1791 г. № 516.

валъ капитаны Воронежскаго полка *) Митякинъ и Владимірскаго Чичаговъ, а поручикъ Казанскаго полка Копытовъ снялъ со стѣны знамя. Самъ Чемодановъ получилъ три раны и сдалъ команду подполковнику Лебедеву, прибывшему съ частью резерва **).

Вторая колонна, полковника Муханова, состоявшая изъ спѣшенныхъ эскадроновъ Нижегородскаго, Владимірскаго, Астраханскаго и Таганрогскаго драгунскихъ полковъ, въ числѣ 800 человѣкъ, встрѣтила еще большее сопротивленіе, но всетаки поднялась на валъ и овладѣла нѣсколькими орудіями. Въ то же время подоспѣвшій частный резервъ, подъ командою Нижегородскаго драгунскаго полка премьеръ-маіора Ланге, „дружнымъ ударомъ, какъ говоритъ Гудовичъ, опровергъ другія батареи“ и ворвался въ крѣпость.

Между тѣмъ, бой охватилъ уже всѣ крѣпостные верки. Третья колонна подполковника Келлера ***) атаковала самую сильную часть юго-восточнаго фронта—бастіонъ, лѣвѣе среднихъ воротъ, но понесла сильную потерю и задержалась во рву. Келлеръ былъ раненъ; его смѣнилъ премьеръ-маіоръ Веревкинъ, прибывшій съ частнымъ резервомъ ****). Онъ поднялся на валъ и засталъ уже тамъ четвертую колонну полковника Самарина *****). Дѣйствія этихъ колоннъ ознаменовались цѣлымъ рядомъ блестящихъ подвиговъ: 4-го егерскаго баталіона капитанъ Бачуринъ первый взялъ батарею и, заклепавъ орудія, опрокинулъ ихъ вверхъ лафетами; тифлисскаго полка капитаны Монтрезоръ и Кронъ овладѣли другою батареею. Офицеры вездѣ подавали

*) Въ составѣ первой колонны находились 200 егерей 1-го баталіона, 200 человѣкъ Воронежскаго и 400 Владимірскаго пѣхотныхъ полковъ.

**) Въ частномъ резервѣ за первой и второй колоннами находились 300 егерей 1-го и 4-го баталіоновъ, 240 человѣкъ Воронежскаго и Владимірскаго пѣхотныхъ полковъ.

***) Въ 3-й колоннѣ состояло 200 егерей 4-го баталіона и 600 челов. Тифлисскаго пѣхотнаго полка.

****) Въ частномъ резервѣ за первой и второй колоннами находились 200 егерей 1-го баталіона, 276 челов. Казанскаго и 124 челов. Ладожскаго пѣхотныхъ полковъ.

*****) Въ 4-й колоннѣ состояло 675 челов. Нижегородскаго и 125 челов. Тифлисскаго пѣхотныхъ полковъ.

примѣръ своею храбростью нижнимъ чинамъ; многіе изъ нихъ были ранены; раненъ былъ и премьеръ-маіоръ Веревкинъ, но остался командовать колонной *).

Дѣйствія отряда генерала Шица были менѣе удачны. Полтораста егерей, посланныхъ для „диверсіи" на лодкахъ, рано открыли стрѣльбу, вслѣдствіе чего колонна барона Шица встрѣчена была съ верковъ крѣпости сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, принудившимъ ее нѣсколько отступить. Генералъ Шицъ привелъ части въ порядокъ и снова готовился перейти въ атаку, какъ Гудовичъ, въ связи съ общимъ ходомъ дѣла, нѣсколько измѣнилъ ее назначеніе.

Получивъ донесеніе, что войска овладѣли валомъ, Гудовичъ направилъ въ подкрѣпленіе къ нимъ изъ главнаго резерва 600 человѣкъ пѣхоты **) и три эскадрона драгунъ, подъ общею командою бригадира Поликарпова. Пока пѣхота направлялась къ среднимъ воротамъ, спускала подъемный мостъ и брала батарею, драгуны, подскакавъ ко рву, спѣшились, ворвались въ самую крѣпость и оттѣснили непріятеля до половины города. Но здѣсь они встрѣтили опять сильнѣйшее сопротивленіе. Извѣщенный объ этомъ Поликарповымъ, Гудовичъ приказалъ ему вести на подкрѣпленіе всю кавалерію, остававшуюся въ общемъ резервѣ. Нижегородцы, владимірцы и астраханцы стремительно понеслись подъ ядрами и картечью съ непріятельскихъ батарей, находившихся вправо и частью на коняхъ, а частью спѣшенными ворвались въ крѣпость. Атака была блистательная. Владимірскій эскадронъ капитана Васильева взялъ батарею, и поручикъ Доможировъ, повернувъ орудія противъ непріятеля, осыпалъ его картечью. Другой эскадронъ владимірцевъ съ капитаномъ Гладкимъ и астраханскій эскадронъ Пишчевича пронеслись до самаго морского берега, поражая турокъ и заставляя ихъ бросать оружіе.

---

*) Кавказскій Сборникъ, т. XVII. Списокъ отличившимся во время штурма.

**) Владимірскаго и Казанскаго пѣхотныхъ полковъ.

Посылая резервную кавалерію на штурмъ, Гудовичъ въ то же время приказалъ барону Шицу повернуть влѣво, на опущенный уже мостъ у среднихъ воротъ. Колонна, состоявшая изъ 500 казаковъ волгскаго, хоперскаго и донского Кошкина полковъ и двухсотъ мушкетеръ Брянскаго полка, подъ начальствомъ подполковника графа Апраксина, раздѣлилась: одни ворвались по мосту въ крѣпость, другіе пошли на валы. Апраксинъ, взойдя на валъ, былъ раненъ и замѣненъ подполковникомъ Брянскаго полка Нелидовымъ; Нелидовъ въ свою очередь получилъ двѣ контузіи, и начальство надъ колонной принялъ подполковникъ Штемпель, прибывшій на помощь со своимъ резервомъ *). Получивъ сильное подкрѣпленіе, наши войска снова погнали непріятеля, который по реляціи „бѣжалъ и топился въ морѣ". Въ общемъ резервѣ оставалось всего 400 егерей 2-го баталіона, съ 16-ю орудіями и одинъ эскадронъ, притянутый изъ отряда генерала Загряжскаго. Около 5-ти часовъ утра, опасаясь „усталости сражавшихся", Гудовичъ приказалъ Поликарпову двинуть въ городъ изъ главнаго резерва еще 100 егерей. Ударомъ этой свѣжей части непріятель „былъ совершенно побитъ, началъ бросать ружья, отдаваться въ плѣнъ и кричать „аманъ".

Геройство атакующихъ войскъ не привело бы, быть можетъ, къ такимъ блестящимъ результатамъ, если бы генералъ Гудовичъ не распорядился оставить въ тылу цѣлую треть всего отряда противъ горцевъ, которые, зная о готовящемся штурмѣ, рѣшили ударить на наши войска во время атаки. Еще до начала штурма они сдѣлали неудачное покушеніе на вагенбургъ, а отрядъ генерала Загряжскаго они не тревожили до самаго разсвѣта. Но едва разсвѣло, какъ вся восьмитысячная масса горцевъ съ нѣсколькими орудіями, спустилась съ высотъ и, отдѣливъ часть противъ вагенбурга, стремительно ударила на гребенскихъ и терскихъ семейныхъ казаковъ. Въ это время брига-

*) 200 челов. Брянскаго полка, 200 пѣшихъ и 100 конныхъ (съ пиками) Таврическихъ егерей и 100 драгунъ Кинбурнскаго драгунскаго полка.

диръ князь Щербатовъ, быстро выдвинувшись съ пѣхотою, послалъ въ подкрѣпленіе къ нимъ три эскадрона Таганрогскаго драгунскаго полка, подъ командою подполковника Львова. Эскадроны врубились въ толпы черкесовъ, опрокинули ихъ и обезпечили тылъ нашихъ казаковъ. Подъ покровительствомъ огня изъ своихъ пушекъ, горцы бросились въ другую сторону, но генералъ Загряжскій двинулъ противъ нихъ подполковника Спѣшнева, который въ рукопашномъ бою вторично отбросилъ черкесовъ. Атаки нашей конницы повторялись нѣсколько разъ, и „сколько черкесы не метались", не могли прорваться къ крѣпости и были отброшены въ горы съ сильными потерями.

Трофеями нашей блестящей побѣды были: 83 пушки, 12 мортиръ *), 3 булавы и болѣе 130 знаменъ, большая часть которыхъ была разорвана и изъ которыхъ 43 были представлены Гудовичемъ князю Потемкину. Въ крѣпости намъ достались провіантскіе склады, большой пороховой погребъ и магазинъ съ „разными военными снарядами".

Потеря непріятеля простиралась до 8-ми тысячъ убитыми и почти столько же утонуло въ морѣ; спаслось на судахъ не болѣе 150-ти человѣкъ. Все же остальное, уцѣлѣвшее отъ погрома, въ числѣ 13,532-хъ человѣкъ было взято въ плѣнъ, вмѣстѣ съ трехбунчужнымъ пашей и его помощникомъ, сыномъ знаменитаго Баталъ-бея. Въ числѣ плѣнныхъ находился и пророкъ шейхъ-Мансуръ, политическая роль котораго окончилась съ паденіемъ Анапы; онъ сосланъ былъ въ Россію, и, какъ извѣстно, умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости. Побѣда досталась однако намъ цѣною крупныхъ жертвъ; офицеровъ убито 18 и ранено 61, нижнихъ чиновъ убито 912 и ранено 1934; потери въ колоннѣ барона Шица неизвѣстны **).

Послѣ потери Анапы, турки сами покинули Суджукъ-кале,

*) Кавказскій Сборникъ, т. XVII. Вѣдомость о числѣ артиллеріи, взятой въ крѣпости Анапѣ, приложенной къ рапорту № 546.

**) Тамъ же. Вѣдомость потерямъ 22-го іюня во время штурма и взятія крѣпости Анапы.

и небольшой отрядъ, посланный туда, подъ командою подполковника Сюнненберга, нашелъ крѣпость уже пустою и полуразрушенною; на валахъ ея однако стояло еще тридцать орудій, очевидно брошенныхъ бѣжавшими турками. Сюнненбергъ взорвалъ крѣпостные валы, а орудія, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ, заклепалъ и затопилъ въ морѣ. Черезъ два дня въ виду Анапы показался сильный турецкій флотъ, но, узнавъ объ участи крѣпости, повернулъ назадъ и скрылся въ морѣ. По приказанію Гудовича, анапскія укрѣпленія были срыты до основанія, а городъ преданъ огню *).

Взятіемъ Анапы закончилась на Кавказѣ вторая турецкая война. 29-го декабря 1791 года въ Яссахъ былъ заключенъ миръ, по которому Кубань осталась нашею границею, а закубанскія племена признаны независимыми; Анапа и Суджукъ отходили обратно къ Турціи, принявшей на себя отвѣтственность за всѣ дальнѣйшіе набѣги горцевъ.

По возвращеніи изъ Анапы, Гудовичъ занялся внутренними дѣлами края. 7-го ноября 1791 года онъ представилъ императрицѣ донесеніе о нашихъ отношеніяхъ къ кавказскимъ народамъ и персіянамъ, выражая, между прочимъ, мнѣніе о необходимости установить въ Кабардѣ новое чиноначаліе и расправу **).

Въ тоже время во исполненіе высочайшаго повелѣнія онъ представилъ 16-го января 1792 года свои соображенія о преобразованіяхъ и улучшеніяхъ на Кавказской линіи ***). Гудовичъ считалъ ее на всемъ протяженіи отъ устья Терека до укрѣпленія Григориполиса, на р. Кубани, неустроенною и требовавшею большихъ измѣненій. Многіе крѣпости, укрѣпленія и редуты, по его мнѣнію, находились не на мѣстѣ, не защищали гра-

*) Журналъ экспедиціи къ Анапѣ 1791 года.

**) Кавказскій Сборникъ, т. XVIII. Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-аншефа Гудовича 7-го ноября 1791 года.

***) Тамъ же. Всеподданнѣйшее донесеніе генералъ-аншефа Гудовича отъ 16-го января 1792 года.

ницъ, не обезпечивали сообщеній линіи съ Черкасами и не имѣли связи между собою. Одни изъ нихъ Гудовичъ полагалъ необходимымъ сохранить, другіе уничтожить, третьи перенести на новыя мѣста. Отъ Григориполиса до самаго устья Кубани, на протяженіи почти 300 верстъ, оставалось открытое пространство, черезъ которое пролегали пути внутрь Россіи. Во время похода къ Анапѣ, Гудовичъ прикрылъ это пространство укрѣпленными постами и тѣмъ обезпечилъ свои сообщенія съ Черкаскомъ и съ линіей, откуда онъ получалъ все необходимое для дѣйствующихъ войскъ. Поэтому Гудовичъ ходатайствовалъ объ учрежденіи здѣсь новой укрѣпленной линіи, которая должна была составить постоянный оплотъ противъ вторженія закубанскихъ народовъ и обезпечить наши сообщенія съ Россіей. Для болѣе же еще надежнаго прикрытія нашей границы, Гудовичъ просилъ устроить 12 новыхъ станицъ отъ Волгскаго и Хоперскаго поселенныхъ казачьихъ полковъ, расположивъ ихъ отъ р. Малки до Прочнаго Окопа; далѣе же по Кубани до устья р. Лабы поселить донскихъ казаковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гудовичъ обратилъ весьма серьезное вниманіе на весь прикубанскій край, стоившій правительству значительныхъ затратъ и не приносившій никакихъ выгодъ. Онъ предлагалъ заселить обширныя пространства позади нашихъ линій 10-ю тысячами малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ, „дабы край сей приготовлялся впредь къ пользѣ государственной и къ поданію доходовъ, а стража границъ около онаго не оберегала бы пустыхъ земель и лѣсовъ“. Въ своемъ донесеніи онъ указывалъ, между прочимъ, на тѣ выгоды, которыя въ будущемъ можетъ извлечь казна на главныхъ предметахъ продовольствія войскъ, провіантѣ и овсѣ, доставлявшихся изъ Россіи съ значительною платою за провозъ. Съ основаніемъ же здѣсь поселеній, онъ расчитывалъ на пониженіе цѣнъ за продукты почти вдвое.

На всеподданнѣйшее донесеніе 16-го января, предсѣдатель-

ствующій Государственной Военной Коллегіи, графъ Салтыковъ, увѣдомилъ Гудовича объ удовольствіи и благоволеніи, которыя выразила государыня по поводу его донесенія. Вслѣдъ затѣмъ, 28-го февраля 1792 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: усовершенствовать линію отъ устья Терека до Екатеринограда во всемъ, согласно плану Гудовича и устроить всѣ предположенныя имъ укрѣпленія между Екатериноградомъ и Усть-Лабою; переселить ногайскихъ татаръ на Куму и въ другія мѣста; учредить въ Кабардѣ родовые суды и расправы. Вмѣсто хоперскихъ и волгскихъ казаковъ, Гудовичу приказано было заселить 12 проектированныхъ станицъ донскими казаками, назначивъ для этого 6 донскихъ полковъ, находившихся на линіи въ его распоряженіи. Относительно переселенія малоземельныхъ крестьянъ, Екатерина II полагала, что съ устройствомъ и обезпеченіемъ спокойствія и безопасности на Кавказской линіи, „помѣщики и государственные крестьяне мало по малу сами станутъ переносить жительства свои“ изъ малоземельныхъ намѣстничествъ Россіи въ этотъ привольный край, не обременяя казну расходами.

Гудовичъ съ обычною ему энергіею принялся за переустройство линіи и быстро шелъ къ осуществленію начертанной имъ программы. Устройство внутренняго и политическаго быта кабардинцевъ, выселеніе татаръ, оборона нашей границы, сношенія съ сосѣдними горскими племенами, дѣла съ Персіей, заселеніе линіи казаками, все разомъ закипѣло подъ его неустанною рукою. Выселеніемъ разныхъ татарскихъ ордъ, кочевавшихъ въ центрѣ линіи, преимущественно впереди Георгіевска, у Бештау—къ Каспійскому морю, въ низовья Кумы, значительно обезпечивался порядокъ на линіи и открывался просторъ для колонизаціи ея русскимъ элементомъ, который долженъ былъ также оберегать ее отъ враждебныхъ покушеній. Эту охрану какъ нельзя болѣе упрочивало возведеніе разныхъ укрѣпленій.

Къ 1794 году Кавказская линія приняла слѣдующій видъ. Весь участокъ отъ устья Терека до Малки, кромѣ существовав-

шихъ крѣпостей Кизляра, Наура, Моздока и Екатериноградской, былъ усиленъ нѣсколькими редутами и крѣпостью Шелкозаводской, устроенной близъ впаденія р. Сунжи въ Терекъ. Отъ Малки линія направлялась на крѣпость Константиногорскъ, расположенную у горъ Бештау, въ пяти верстахъ отъ нынѣшняго Пятигорска; крѣпость эта служила связью между Малкою и Кубанью и потому расширена была „по правиламъ лучшей обороны". Далѣе линія переходила на р. Куму, гдѣ на уроч. Песчаный Бродъ былъ устроенъ Кумской штерншанецъ, и черезъ вновь исправленное укрѣпленіе Воровсколѣсское переходила на р. Кубань, къ уроч. Невинный Мысъ. Здѣсь кромѣ крѣпостей и укрѣпленій Прочнаго Окопа, Григориполиса и другихъ, были возведены новыя крѣпости: Усть-Лабинская, въ 2-хъ верстахъ ниже впаденія р. Лабы въ Кубань; Кавказская, вблизи уроч. Темижбека, на правомъ берегу Кубани, а для связи между ними построены редуты Ладожскій, Тифлисскій и Казанскій.

Такимъ образомъ, Гудовичъ положилъ начало тому расположенію укрѣпленій, правильность котораго вполнѣ оправдывалась послѣдующими событіями и заставила насъ удержать нѣкоторые изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ до позднѣйшаго періода Кавказской войны, а иныя даже до совершеннаго ея окончанія. Поселеніе шести донскихъ казачьихъ полковъ на линіи встрѣтило однако весьма серьезныя затрудненія, такъ какъ донцы отказались отъ добровольнаго переселенія. Въ маѣ 1792 года всѣ шесть полковъ, оставивъ своихъ старшинъ и, захвативъ знамена, бѣжали на Донъ, гдѣ подняли бунтъ, усмиренный уже силою оружія. Только въ августѣ 1794 года съ Дона прибыла наконецъ тысяча донскихъ семействъ, которыя и основали на Кубани шесть новыхъ станицъ, при чемъ каждая изъ нихъ получила названіе того укрѣпленія, при которомъ была поселена: Кавказская, Темижбекская, Григориполисская, Прочноокопская, Воровсколѣсская и Темнолѣсская. Станицы эти образовали новый Кубанскій казачій полкъ.

Одновременно съ поселеніемъ донскихъ казаковъ заселялось русскимъ элементомъ и все обширное пространство земель внизъ по Кубани отъ Усть-Лабинской крѣпости до береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Въ 1775 году, по волѣ императрицы Екатерины, вольная запорожская сѣчь была уничтожена, а съ нею сошло съ исторической сцены и славное запорожское войско. Часть казаковъ, не понимая иной жизни, кромѣ прежней казачей, ушла „до турка", за синій Дунай; другіе, подчиняясь необходимости, остались на родинѣ и принялись за плугъ, не теряя, впрочемъ, надежды когда нибудь воскресить на Украйнѣ былое казачество. Случай къ этому не замедлилъ представиться.

Въ 1780 году, спустя пять лѣтъ по уничтоженіи сѣчи, когда потребовались новыя значительныя силы для прикрытія границъ обширнаго Новороссійскаго края, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ вспомнилъ о запорожцахъ, и по его призыву, старые сѣчевики стали стекаться со всѣхъ сторонъ, чтобы заселить по старому казачьему уряду степное пространство между Днѣстромъ и Бугомъ. Не прошло и года, какъ образовалось цѣлое за-Бугское войско, названное „кошемъ вѣрныхъ казаковъ", въ отличіе отъ тѣхъ, которые остались за Дунаемъ. Начавшаяся вслѣдъ затѣмъ вторая турецкая война въ полной мѣрѣ выказала доблесть новаго войска, предводимаго въ бояхъ Сидоромъ Бѣлымъ, Харько Чепѣгою и Антономъ Головатымъ.

Истребленіе турецкаго флота въ днѣстровскомъ лиманѣ, штурмъ Березани, Очаковъ и Измаилъ—занимаютъ лучшія страницы въ исторіи нашего казачества. Боевыя отличія, оказанныя въ этой войнѣ, доставили кошу вѣрныхъ казаковъ названіе Черноморскаго казачьяго войска, которое, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, образовало по Днѣстру и Бугу 25 куреней (селеній) съ главною резиденціею войсковыхъ властей въ Слободзеѣ.

Но не успѣли казаки обжиться на этихъ мѣстахъ, какъ уже получили приказаніе готовиться къ переселенію на берега

Кубани въ обширныя безлюдныя пространства, лежавшія въ сосѣдствѣ съ горскими народами, отъ которыхъ нужно было оберегать границу. Съ другой стороны стали ходить слухи, что войско будетъ уничтожено, а изъ черноморцевъ образуютъ легко-конные полки, которые по очереди и будутъ высылаться изъ своего Забужья нести заурядную солдатскую службу на той же Кубани.

Казаки встревожились, и, предпочитая лучше совсѣмъ переселиться на Кубань, лишь бы сохранить „казачій укладъ", рѣшили отправить въ Петербургъ ко двору войскового судью Антона Головатаго, просить отдать казакамъ при-кубанскія земли въ ихъ вѣчное владѣніе. Существуетъ любопытный разсказъ о пребываніи Головатаго при дворѣ императрицы Екатерины.

1-го апрѣля 1792 года въ воскресенье, въ пріемную залу дворца съѣхался весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ, министры и генералитетъ. Ожидали выхода государыни изъ церкви. Въ это время въ залу вошли депутаты Черноморскаго войска. Впереди всѣхъ Головатый, средняго роста, смуглый, съ большими усами и оселедцемъ, замотаннымъ нѣсколько разъ за лѣвое ухо. Онъ былъ въ зеленомъ чекменѣ съ полковничьими галунами, въ бѣломъ съ закинутыми назадъ рукавами жупанѣ, въ широчайшихъ шароварахъ и въ красныхъ сапогахъ, подбитыхъ высокими серебряными подковками. Обвѣшанный орденами, закручивая свои длинные усы, онъ сурово окинулъ глазами все собраніе и спокойно сталъ на указанное ему мѣсто; свита помѣстилась позади его.

Обѣдня кончилась; въ залу вступила императрица и, замѣтивъ черноморцевъ, съ милостивою улыбкою приблизилась къ нимъ. Головатый выдвинулся впередъ, поклонился и громко на чисто русскомъ языкѣ произнесъ привѣтственную рѣчь:

„Всепресвѣтлѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! Жизнеподательнымъ твоего величія словомъ перерожденный изъ небытія, вѣрный черноморскій кошъ пріемлетъ нынѣ

дерзновеніе мною вознести благодарній гласъ свой къ свѣтлѣйшему величеству твоему и купно изглаголати глубочайшую преданность сердецъ его. Пріими оную, яко жертву единой тебѣ отъ насъ сохраненную, пріими и уповающимъ на сѣнь крилу твоея, пребуди прибѣжище, покровъ и радованіе".

Императрица допустила Головатаго къ своей рукѣ и приказала графу Зубову лично заняться дѣлами черноморцевъ. Хлопоты Головатаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Высочайшею грамотою 30-го іюня 1792 года Черноморскому войску пожалованъ островъ Фанагорія со всею землею, лежащею по правой сторонѣ Кубани отъ ея устья къ Усть-Лабинской крѣпости, „такъ чтобы съ одной стороны р. Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковой земли".

18-го іюля Головатый вновь представлялся Екатеринѣ, и благодаря ее за милости, оказанныя Черноморскому войску, сказалъ между прочимъ: „Тамань—даръ твоего благоволенія, будетъ вѣчнымъ залогомъ твоихъ милостей къ намъ, вѣрнымъ казакамъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ села и сохранимъ тебѣ безопасность русскихъ предѣловъ". Вмѣстѣ съ Головатымъ императрица отправила войску въ богатомъ ковчегѣ милостивую грамоту на владѣніе землею, большое бѣлое знамя, серебряныя трубы, войсковую печать и на новоселье хлѣбъ-соль на блюдѣ изъ чистаго золота съ такою же солонкою.

По доставленіи этихъ клейнодовъ, войско начало готовиться къ походу. Ранѣе другихъ отправилась гребная флотилія, которая 25-го августа заняла Тамань и выставила сторожевые отряды къ старому Темрюку и въ лиманъ, къ устьямъ Кубани. За этой флотиліей двинулось войско съ своимъ кошевымъ атаманомъ Харько Чепѣгою. Головатый съ небольшою частью казаковъ остался въ Слободзеѣ, чтобы съ весною препроводить туда же казацкія семьи. Войско зимовало у Ейскаго городка и только въ слѣдующемъ году окончательно заняло Тамань со всѣ-

ми ея окрестностями. Главный войсковой городъ, названный въ честь императрицы Екатеринодаромъ, основанъ былъ въ 1794 году на самой Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ заложенный Суворовымъ Архангельскій редутъ. Затѣмъ все остальное войско разселилось по куренямъ, смыкаясь съ Кавказскою линіею ниже устья Лабы, у поста „Изрядный источникъ“, близъ нынѣшней Васюринской станицы. Отсюда линія эта тянулась длинною цѣпью укрѣпленныхъ постовъ, батарей и бекетовъ по извилистому теченію Кубани до сѣверовосточнаго берега Чернаго моря.

На этомъ протяженіи насчитывалось 60 постовъ и батарей и болѣе 100 пикетовъ. Черноморцы перенесли съ Днѣпра на Кубань, вмѣстѣ съ другими ратными преданіями своихъ предковъ-запорожцевъ, также и своеобразную казацкую линейную фортификацію. Посты представляли четыреугольные редуты съ землянымъ брустверомъ и небольшимъ рвомъ, которые огораживались кругомъ колючимъ терновникомъ; внутри устраивались помѣщенія для людей и лошадей. Въ такомъ видѣ посты, вооруженные разнокалиберной артиллеріей, назывались „кордонами“ и походили на малыя укрѣпленія. Сообразно съ мѣстоположеніемъ и опасностью, постъ вмѣщалъ въ себѣ отъ 50-ти до 200 казаковъ. Пикеты представляли небольшіе плетеные изъ ивы шалаши съ двойными стѣнками, промежутки между которыми на половину заполнялись землею и все окапывалось небольшимъ рвомъ. На пикетѣ не было никакихъ жилыхъ приспособленій и при холодѣ и непогодѣ, казаки просто разводили огонь среди шалаша; пикетъ былъ временнымъ сторожевымъ пристанищемъ для черноморскаго казака и устраивался на живую руку; на пикетѣ помѣщалось отъ 3-хъ до 10-ти казаковъ. Наконецъ, батарея представляла нѣчто среднее между постомъ и пикетомъ, имѣла команду отъ 8-ми до 25-ти черноморцевъ и вооружалась пушками. Служебною принадлежностью поста и пикета составляла наблюдательная „вышка“ (каланча) и сигналь-

ная „фигура“ (вѣха), обмотанная сѣномъ или соломою. Это были вѣстники линейной тревоги—своеобразный телеграфъ или, какъ обыкновенно называли его казаки, „маякъ“.

Но составляя прямое продолженіе Кавказской линіи, Черноморское войско страннымъ образомъ выдѣлено было изъ вѣдѣнія кавказскаго начальства и причислено къ херсонскому генералъ-губернаторству. Такимъ образомъ, здѣсь образовался совершенно самостоятельный, независимый уже отъ Кавказа, районъ нашей борьбы съ горцами и это продолжалось вплоть до назначенія Ермолова, когда линія, Грузія и Черноморье объединились подъ властью одного главнаго начальника на всемъ пространствѣ Кавказскаго перешейка *).

---

*) Архивъ Воен.-Ист. Отд. при шт. кав. воен. окр. Планы и чертежи укрѣпленій Кавказской линіи. Дѣла георгіевскаго архива за 1792 и 1793 гг. Кавказскій Сборникъ, т. XVIII. Письмо Гудовича графу Салтыкову 6-го іюня и всеподданнѣйшій рапортъ его же 13-го ноября 1793 года. Бутковъ, ч. II. Соч. Дебу о Кавказской линіи, изд. 1829 года. Дубровинъ, ч. II, гл. XV. „Кубанскія областныя вѣдомости“ 1892 г. № 26. Короленко. Черноморцы. Попко. Черноморское войско. Фелицынъ. Кубанское казачье войско.

XIV.

Политическое положеніе Персіи во второй половинѣ XVIII столѣтія. Экспедиція графа Войновича. Стремленіе Ага-Магометъ-хана къ единовластію въ Персіи; его борьба съ персидскими ханами и владѣльцами. Сношеніе Ага-Магометъ-хана съ Россіей. Положеніе Грузіи въ концѣ XVIII столѣтія. Просьбы царя Ираклія II о помощи. Рескриптъ императрицы Гудовичу. Приготовленія персіянъ и движеніе ихъ въ Карабагъ и Грузію.

Въ то время, какъ при генералахъ Якоби, Потемкинѣ и Гудовичѣ, устраивалась на сѣверномъ Кавказѣ по Тереку и Кубани крѣпкая граница русской земли, росло и крѣпло казачье населеніе, раскинувшееся уже отъ моря до моря—дѣла наши въ Закавказьи осложнялись все болѣе и болѣе. Причиною тому была Персія съ ея неурядицами и междоусобными войнами, а потомъ властолюбіе ея шаха Ага-Магометъ-хана, несомнѣнно представлявшаго собою одного изъ замѣчательнѣйшихъ восточныхъ государей. Мы и перейдемъ теперь къ краткому очерку тѣхъ событій, которыя происходили въ Персіи и привели насъ къ окончательному занятію Грузіи.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія, послѣ смерти знаменитаго властителя и полководца Надиръ-Шаха, въ 1747 году, въ Персіи наступила эпоха борьбы за престолъ, закончившаяся побѣдою нынѣ царствующей династіи Каджаровъ. Въ это смутное время главныя провинціи Персіи управлялись: Адербейджанъ Азатъ-ханомъ, однимъ изъ сподвижниковъ Надира; Гилянъ Гедаетъ-ханомъ, весьма вліятельнымъ на южномъ побережьи Каспія; Астрабадъ Магометъ-Гассанъ-ханомъ, представителемъ тюркскаго племени Каджаровъ. Всѣ эти владѣтели добивались шахской власти. Но въ концѣ 1750 года явился новый претендентъ курдскаго племени Зендъ, Керимъ-ханъ, основатель

новой династіи, который, побѣдивъ своихъ противниковъ, 29 лѣтъ распоряжался судьбами Ирана *). Азатъ-ханъ адербейджанскій бѣжалъ въ Турцію, а самый сильный изъ его противниковъ, Магометъ-Гассанъ-ханъ астрабатскій, укрылся въ туркменскихъ земляхъ со всей фамиліей Каджаровъ; въ числѣ бѣжавшихъ былъ и сынъ его, Ага-Магометъ-ханъ, впослѣдствіи грозный шахъ Персіи.

Въ 1761 году, послѣ смерти Магометъ-Гассана, сыновья его явились съ повинной къ Керимъ-хану, были прощены и водворены въ Астрабадѣ, за исключеніемъ Ага-Магометъ-хана, котораго, какъ человѣка съ выдающимися способностями и могущимъ явиться опаснымъ царствующей династіи, отправили аманатомъ въ Ширазъ и заключили въ ширазскую тюрьму, гдѣ онъ долгое время влачилъ жизнь несчастнаго узника. Изувеченный на шестомъ году жизни, Ага-Магометъ-ханъ не имѣлъ иной страсти, кромѣ безмѣрнаго честолюбія и жажды власти. Къ удовлетворенію этой страсти онъ стремился всю жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и упорствомъ. Пока Керимъ управлялъ Персіею, страна пользовалась нѣкоторымъ спокойствіемъ, но послѣ его смерти, въ 1779 году, начались вновь безпрерывныя междоусобныя войны между правителями персидскихъ областей.

Въ это время Ага-Магометъ-ханъ, бѣжавшій изъ ширазской тюрьмы, успѣлъ утвердиться въ Астрабадѣ и Мазандеранѣ. Стремясь къ подчиненію своей власти всей Персіи, онъ въ 1781 году овладѣлъ прежде всего Гиляномъ, вытѣснивъ оттуда Гедаетъ-хана.

Въ самый разгаръ борьбы, въ іюлѣ 1781 года въ астрабадскомъ заливѣ бросила якорь наша эскадра, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга графа Войновича, съ цѣлью завести на каспійскомъ побережьи русское коммерческое поселеніе. Такъ какъ Гиляномъ владѣлъ уже тогда Ага-Магометъ-ханъ, то графъ

---

*) Керимъ-ханъ не рѣшился принять шахскій титулъ и правилъ Персіей подъ именемъ *векиля*, т. е. намѣстника или правителя.

Войновичъ открылъ съ нимъ по этому предмету переговоры. Въ томъ положеніи, въ которомъ находился Ага-Магометъ-ханъ, дружественный союзъ съ Россіей былъ для него дѣломъ существенно важнымъ, и потому онъ съ готовностью принялъ всѣ предложенія графа Войновича, хотя вмѣсто гор. Ареша, на который указывалъ начальникъ эскадры, ему было предоставлено основаться на берегу астрабадскаго залива, въ уроч. Городовинѣ. Войновичъ заложилъ здѣсь батарею въ видахъ обезпеченія себя отъ набѣговъ туркменъ, построилъ госпиталь, казарму, амбары, базаръ, пристань, нѣсколько домиковъ и ждалъ только повелѣнія князя Потемкина о поднятіи русскаго флага и высочайшаго разрѣшенія на заключеніе трактата о новомъ поселеніи. Между тѣмъ, въ декабрѣ 1781 года Ага-Магометъ-ханъ, заподозривъ графа Войновича въ неискренности, отдалъ приказаніе старшинѣ одного изъ ближайшихъ къ Городовину селеній задержать графа подъ благовиднымъ предлогомъ. Приглашенный на обѣдъ къ Хаджи-Магометъ-агѣ имранлинскому, довѣрчивый Войновичъ былъ коварнымъ образомъ схваченъ со всей своей свитой, закованъ „въ деревянныя колодки“ и доставленъ въ гор. Сару.

Только тогда, когда по требованію персіянъ всѣ укрѣпленія и постройки на астрабадскомъ берегу были снесены, Войновичъ получилъ свободу, и русская эскадра отплыла въ Астрахань. Колонія болѣе не возобновлялась, но для защиты нашихъ торговыхъ интересовъ, въ октябрѣ 1782 года къ урочищу Городовину отправленъ капитанъ-лейтенантъ Баскаковъ съ фрегатомъ и двумя военными ботами *). Эти интересы и вообще вопросы о торговлѣ тѣсно связывались съ вопросомъ объ единовластіи и прочномъ правленіи въ Персіи, а потому нашему правительству не оставалось ничего болѣе, какъ до времени под-

---

*) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. II, гл. IX. Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 годъ. А. П. Берже. Графъ Войновичъ въ Персіи въ 1781 году. Русская Старина 1881 года.

держивать сильнѣйшаго изъ хановъ. Въ началѣ 1784 года самымъ могущественнымъ изъ правителей персидскихъ областей былъ Али-Муратъ-ханъ испаганскій *), пользовавшійся большою популярностью въ народѣ и войскахъ. Подчинивъ себѣ большую часть Персіи, онъ въ видахъ упроченія своей власти искалъ русскаго покровительства, „чтобы слить интересы Персіи—какъ писалъ онъ П. С. Потемкину—съ интересами Россіи и заслужить званіе сына величайшей въ свѣтѣ государыни, которую уважаетъ, какъ мать и благодѣтельницу рода человѣческаго". Дружественныя отношенія наши съ Персіей продолжались однако недолго. Въ началѣ 1789 года Али-Муратъ-ханъ умеръ, и въ Персіи снова наступили безпорядки и смуты, которыми и воспользовался Ага-Магометъ-ханъ.

Въ 1792 году ему удалось завладѣть Испаганью, съ паденіемъ которой почти весь Адербейджанъ присягнулъ ему на вѣрность, но Фарсистанъ и Арабистанъ съ главными городами Ширазомъ, Кирманомъ и Маскатомъ, заключавшіе въ себѣ огромное пространство земель и самые населенные пункты, оставались еще во власти Лютфъ-Али-хана, а Хоросаномъ владѣлъ Темиръ-ханъ, происходившій изъ древней линіи афганскихъ владѣтелей. Въ Ширазѣ не только не признавали домогательствъ Ага-Магометъ-хана, но, наоборотъ, правитель Лютфъ-Али-ханъ, считавшій себя единственнымъ наслѣдникомъ векиля Керимъ-хана **), требовалъ строгими фирманами отчета въ его поступкахъ. Озлобленный кастратъ не зналъ предѣла своему гнѣву. Онъ громогласно проклиналъ всю династію зендидовъ, причинившихъ ему и Персіи столько несчастій и клялся вѣчною местью. Ага-Магометъ-хану не сразу однако удалось побѣдить своего противника. Борьба продолжалась около пяти лѣтъ, и только въ 1794 году онъ измѣною овладѣлъ Ширазомъ и Кир-

*) Племянникъ векиля Керимъ-хана, который еще при жизни своей назначилъ Али-Мурата губернаторомъ Испагани.

**) Лютфъ-Али-ханъ былъ сынъ Джафаръ-хана, племянника Керимъ-хана. Послѣ смерти отца своего въ 1789 году онъ наслѣдовалъ отъ него Шираз.

маномъ и предалъ Лютфъ-Али-хана мучительной смерти передъ окнами своего дворца *).

Оставшись побѣдителемъ, Ага-Магометъ-ханъ перенесъ свою столицу въ Тегеранъ и сталъ собирать войска для новыхъ предпріятій. Властолюбіе увлекало его къ подчиненію всѣхъ областей, бывшихъ нѣкогда въ зависимости отъ Персіи, не исключая Грузіи, и это неминуемо должно было привести его въ столкновеніе съ нашими интересами въ Закавказьи.

Въ рескриптѣ 8-го мая 1792 года императрица указывала генералъ-аншефу Гудовичу, между прочимъ, на необходимость привлеченія на нашу сторону хановъ всѣхъ ближайшихъ къ Каспійскому морю персидскихъ провинцій, къ числу которыхъ принадлежали ханства: дербентское, бакинское, ширванское, талышинское и карабагское **). Многіе изъ этихъ владѣльцевъ приняли дѣйствительно русское подданство, другіе же искали нашего покровительства, что конечно не могло нравиться Ага-Магометъ-хану, который самъ стремился подчинить ихъ своей власти. Смотря недоброжелательно на Россію, но не сознавая еще въ себѣ достаточно силы для открытой съ нею борьбы, онъ до времени не только скрывалъ свои намѣренія, но даже старался поддерживать съ нами дружественныя отношенія. Такъ, въ 1795 году онъ отправилъ двухъ посланниковъ къ генералу Гудовичу, для представленія ихъ къ высочайшему двору, а также съ цѣлью выручить изъ плѣна преданнаго ему Аббасъ-хана, котораго захватилъ братъ его, Муртазали-Кули-ханъ, не задолго передъ тѣмъ бѣжавшій изъ Персіи въ наши предѣлы. Послѣдній дѣйствительно привезъ съ собою Аббаса и держалъ его въ Астрахани, какъ аманата въ залогъ безопасности собственныхъ своихъ дѣтей и жены, находившихся въ рукахъ жестокаго владѣтеля Ирана.

По прибытіи въ Георгіевскъ, посланные явились къ Гудо-

*) M. Brosset. Histoire de la Géorgie, II, p. 259. Кишмишевъ. Надиръ-Шахъ, стр. 244 -248.

**) Бутковъ, ч. II, стр. 287.

вичу, и заявивъ, что присланы отъ шаха, „теперь Персіею по благости Божіей владѣющаго“, предъявили ему письмо отъ шахскаго визиря. Гудовичъ отвѣчалъ, что онъ до сихъ поръ не знаетъ въ Персіи ни шаха, ни визиря; признать ихъ посланниками не можетъ, а тѣмъ болѣе отправить ихъ къ высочайшему двору, такъ какъ они не имѣютъ ни кредитивовъ отъ своего повелителя, ни писемъ отъ него къ императрицѣ и къ нему, какъ представителю Россіи на Кавказѣ. Аббасъ-хана Гудовичъ отказался освободить безъ высочайшаго повелѣнія, а самихъ посланныхъ принялъ за людей частныхъ, пріѣхавшихъ по своимъ дѣламъ и предоставилъ имъ свободный выборъ оставаться въ Георгіевскѣ или ѣхать обратно. Персидскіе чиновники отправились черезъ Дербентъ въ Кубу, откуда послали съ нарочнымъ донесеніе къ визирю, а сами оставались тамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій *).

Оскорбленный отказомъ, Ага-Магометъ-ханъ не замедлилъ обнаружить свои настоящія намѣренія и потребовалъ отъ правителей закавказскихъ ханствъ не только полной покорности, но и присылки аманатовъ, угрожая, въ случаѣ неповиновенія, раззореніемъ ихъ областей и избіеніемъ жителей. Большинство хановъ съ негодованіемъ отнеслось къ угрозамъ и отвергло всѣ требованія шаха. Колебался только ханъ дербентскій, которому обѣщано было званіе наиба всего Ширвана, да ханъ ганжинскій и слабые владѣтели Шеки и Шемахи, которые открыто признали себя вассалами Персіи. Извѣщенный объ этомъ Гудовичъ съ своей стороны принялъ всѣ мѣры предосторожности. Въ это время у персидскихъ береговъ находились четыре нашихъ военныхъ судна, изъ которыхъ два прикрывали островъ Сары, занятый нами для обезпеченія торговли на Каспійскомъ морѣ. Гудовичъ приказалъ приготовить къ выходу въ море еще одинъ корабль и всѣмъ судамъ зорко слѣдить за дѣйствіями персіянъ. Между тѣмъ они уже двинули часть своихъ войскъ по бере-

*) Дубровинъ, т. III, стр. 16. Бутковъ, ч. II, стр. 229 и 330.

гу Каспійскаго моря и раззорили въ Талышахъ нѣсколько селеній, а сильный десантъ ихъ, подвезенный на 60-ти киржимахъ, пытался высадиться на талышинскій берегъ противъ острова Сары. Нашъ пакетботъ заставилъ ихъ однако поспѣшно удалиться въ Гиляны, откуда они прислали заявленіе, что не имѣютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи, а посланы были наказать только талышинскаго хана *).

Такимъ образомъ, желанія Ага-Магометъ-хана не исполнились, ханы не хотѣли признавать его шахомъ, и ему оставалось силою достигнуть того, чего нельзя было получить добровольно. Ближайшая цѣль его дѣйствій теперь заключалась въ томъ, чтобы, помимо подчиненія себѣ мелкихъ владѣльцевъ Адербейджана, заставить, главнымъ образомъ, грузинскаго царя признать себя вассаломъ Персіи. Это было нужно прежде всего для торжественнаго коронованія шаха въ Ардебилѣ. Надо сказать, что Персія, кромѣ ханствъ, непосредственно отъ нея зависившихъ, имѣла еще четыре намѣстничества, правители которыхъ назывались вали. По древнему обычаю, при коронованіи шаховъ, обязательно должны были присутствовать всѣ четыре намѣстника: изъ нихъ арабистанскій держалъ перо отъ шапки замѣняющей корону; гурджистанскій (царь Грузіи)—государственный мечъ; лористанскій—порфиру и, наконецъ, курдистанскій особое украшеніе изъ двухъ перевязей, убранныхъ алмазами. При отсутствіи хотя одного изъ этихъ вали, обрядъ коронованія считался неполнымъ, и народъ могъ даже не признать шаха въ его достоинствѣ.

Между тѣмъ, какъ Ага-Магометъ-ханъ исподволь подготовлялъ свой ударъ, Грузія, и безъ того ослабленная и раззоренная, была вовлечена еще въ междоусобную войну, происходившую въ сосѣдней Имеретіи изъ-за престола. Его оспаривали два лица: Давидъ Георгіевичъ, двоюродный братъ умершаго царя Соломона, и Давидъ Арчиловичъ племянникъ его, при-

*) Дубровинъ. Георгій XII послѣдній царь Грузіи. Бутковъ, ч. II, стр. 331—333.

ходившійся внукомъ Ираклію. При содѣйствіи своего царственнаго дѣда, послѣдній успѣлъ одержать побѣду и былъ провозглашенъ имеретинскимъ царемъ, подъ именемъ Соломона II. Тогда же между Соломономъ, Иракліемъ и владѣтелями Гуріи и Мингреліи заключенъ былъ въ Тифлисѣ замѣчательный союзный трактатъ, который, по видимому, обѣщалъ наконецъ спокойствіе и благоденствіе всѣмъ христіанскимъ народамъ Закавказья. „Мы—сказано было въ этомъ трактатѣ—будучи единовѣрный народъ, глагольствующій единымъ языкомъ, и сыны единыя каѳолическія церкви, благоумыслили водворить въ отечествѣ нашемъ вожделѣнный покой, распространить исповѣдуемую въ ономъ религію и возстановить любовь, къ каковой приглашаютъ насъ христіанскій законъ и тѣсный союзъ родства". Между прочимъ, союзники постановили признать надъ собою „отцепопечительную" верховную власть грузинскаго царя и признавать врагомъ того, кто будетъ врагомъ Ираклія *).

Но „вожделѣннаго мира" еще долго не пришлось увидѣть Грузіи. Лишенный царства, Давидъ Георгіевичъ вскорѣ съ наемными лезгинами вторгнулся въ Имеретію и заставилъ царя Соломона искать спасенія въ бѣгствѣ. Снова возгорѣлась борьба, и недавніе союзники раздѣлились на два враждебные лагеря: Дадіанъ мингрельскій и Георгій гурійскій приняли сторону Давида, а Ираклій поддерживалъ своего внука. Побѣда осталась опять за Соломономъ, но дружескій союзъ уже не возобновлялся **).

Борьба эта, еще болѣе ослабившая Грузію, прекратилась именно въ то время, когда грозное имя властителя Ирана произносилось уже съ трепетомъ на всемъ обширномъ пространствѣ его владѣній. До сихъ поръ отношенія между Персіей и Грузіей, по видимому, были дружественныя. Ага-Магометъ-ханъ лично относился къ Ираклію, какъ къ государю и полководцу,

*) Дубровинъ, т. III, стр. 31.
**) Бутковъ, ч. II, стр. 284 и 285.

съ большимъ уваженіемъ и даже побаивался его оружія, но негодовалъ на царя за приверженность послѣдняго къ Россіи. „Оставь русскихъ, отрекись отъ нихъ, и наша дружба будетъ ненарушима во вѣки"—присылалъ онъ сказать ему черезъ Зіатъ-хана. Онъ обѣщалъ отдать ему Ганжу, Эривань, Карабагъ, Шеки, Ширванъ и сдѣлать его намѣстникомъ всего Адербейджана, лишь бы Грузія стала по прежнему подъ покровительство Персіи *). Но Ираклій, прекрасно изучившій азіатскую политику, зналъ, какую можно было дать цѣну обѣщаніямъ Ага-Магометъ-хана, и видѣлъ опору и спасеніе своего отечества только въ Россіи. Еще въ 1793 году, предвидя надвигавшуюся бурю, Ираклій воспользовался пребываніемъ одного изъ своихъ сыновей, царевича Миріана, въ Петербургѣ и черезъ него просилъ императрицу о помощи. Просьба эта передана была въ совѣтъ, который призналъ необходимымъ обнадежить Ираклія помощью, въ случаѣ если бы Ага-Магометъ-ханъ имѣлъ дѣйствительное намѣреніе вторгнуться въ Грузію. Очевидно, у насъ не придавали особаго значенія угрозамъ Ага-Магометъ-хана, а между тѣмъ Ираклій, ближе видѣвшій властолюбивые замыслы владыки Ирана и мало надѣясь на собственныя силы, продолжалъ добиваться помощи и съ этою цѣлью раннею весною 1794 года отправилъ въ Петербургъ въ качествѣ посланника своего генералъ-адъютанта, князя Герсевана Чавчавадзе. Но пока шли переговоры, походъ противъ царя Ираклія уже былъ рѣшенъ Ага-Магометъ-ханомъ.

Для вторженія въ Грузію, персидскій шахъ могъ избрать два пути: изъ эриванскаго ханства, черезъ перевалы бамбакскій и безобдальскій, на р. Храмъ, въ окрестности Тифлиса; или же изъ Адербейджана на худоперинскую переправу черезъ Араксъ и далѣе по котловинамъ южной части карабагскаго ханства къ Шушѣ, а оттуда въ долину Куры. Но оба эти пути не были свободны для безпрепятственнаго слѣдованія войскъ

*) Brosset. Histoire de la Géorgie, II, p. 259. Бутковъ, ч. II.

Владѣтель Эривани, Мухамедъ-ханъ, вступившій въ тѣсный союзъ и дружбу съ Иракліемъ, далъ клятву не признавать кастрата главою Ирана, а при такомъ враждебномъ настроеніи, персіянамъ трудно было пройти черезъ его владѣнія, не разрушивъ предварительно крѣпости Эривани, извѣстной въ то время своею недоступностью. Если бы даже Ага-Магометъ обошелъ эту твердыню, то и тогда путь его къ Тифлису не былъ безопасенъ, такъ какъ эриванскій ханъ могъ найти себѣ союзниковъ въ сопредѣльныхъ турецкихъ провинціяхъ и вмѣстѣ съ ними угрожать его сообщеніямъ.

Въ такихъ же условіяхъ находились пути и въ Карабагѣ. Владѣтель его, Ибрагимъ-ханъ, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ вассаловъ, управлявшій своимъ владѣніемъ совершенно самостоятельно и независимо отъ Персіи. Покровительства и защиты его искали не только сосѣдніе ханы, но самый Адербейджанъ, гдѣ послѣ родства его съ Омаръ-ханомъ аварскимъ возбужденъ былъ даже вопросъ о предложеніи ему престола Ирана. Вліяніе этого могущественнаго человѣка не могло не вызвать злобу Ага-Магометъ-хана, и онъ, за годъ до вторженія въ Грузію, пытался силою оружія привести въ повиновеніе мятежнаго вассала. Попытка эта однако не удалась; Ага-Магометъ-ханъ былъ разбитъ въ горныхъ тѣснинахъ Карабага и долженъ былъ отступить. Съ тѣхъ поръ вражда между ними усилилась.

Существовала еще третья дорога, менѣе опасная, но болѣе кружная, изъ Ардебиля черезъ асландузскую переправу, на Араксѣ, и оттуда по муганской степи во владѣнія Джеватъ-хана ганжинскаго, преданнаго вассала Персіи. Но, двигаясь по этой дорогѣ, Ага-Магометъ-ханъ подставлялъ свой флангъ и тылъ карабагцамъ, которые, конечно, не преминули бы овладѣть персидскими транспортами и тѣмъ поставили бы самую армію, по безплодности муганской степи, въ критическое положеніе.

Но какое бы направленіе не принялъ Ага-Магометъ-ханъ, Адербейджанъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ служить ему

операціонною базою, и потому самымъ выгоднымъ направленіемъ для его движенія была всетаки дорога черезъ Карабагъ. Двигаясь по ней, онъ не терялъ сообщеній съ Адербейджаномъ, откуда, какъ изъ центральнаго пункта, имѣлъ возможность, въ случаѣ какихъ либо замѣшательствъ въ тылу, быстро перенестись во внутрь страны для водворенія въ ней порядка и спокойствія. Предпочтеніе карабагскому направленію Ага-Магометъ-ханъ отдавалъ еще и потому, что надѣялся на этотъ разъ, пользуясь громаднымъ превосходствомъ своихъ силъ, задавить Ибрагимъ-хана и отмстить ему за свое пораженіе. Избравъ этотъ планъ, Ага-Магометъ-ханъ оставилъ на своихъ сообщеніяхъ два корпуса: одинъ въ Ардебилѣ изъ 15-ти тысячъ, подъ начальствомъ Нурали-хана; другой, въ числѣ 30-ти тысячъ, подъ начальствомъ своего брата, Али-Кули-хана, для наблюденія за Эриванью. Силы же, предназначенныя для дѣйствія внѣ предѣловъ Персіи и простиравшіяся до 85-ти тыс., сосредоточились раннею весною въ Тавризѣ, гдѣ были учреждены продовольственные склады *).

Въ концѣ мая 1795 года Ага-Магометъ-ханъ выступилъ наконецъ въ походъ. Встревоженный этимъ, Ираклій немедленно отправилъ въ Георгіевскъ князя Герсевана Амилахвари съ письмомъ къ Гудовичу, въ которомъ писалъ, что Ага-Магометъ-ханъ выступилъ въ походъ съ огромными силами, и хотя намѣренія его неизвѣстны, но есть основаніе думать, что ударъ предназначается для Грузіи, и что только помощь императрицы можетъ спасти его владѣнія отъ угрожающей опасности. Онъ просилъ о присылки трехъ тысячъ войскъ, увѣряя, что провіанта заготовлено имъ даже на 12 тысячъ. Въ разговорѣ съ княземъ Амилахвари, Гудовичъ выразилъ сожалѣніе о несвоевременномъ выводѣ русскихъ войскъ изъ Тифлиса въ 1787 году.

„Войска эти—говорилъ онъ—были отозваны по настоянію царя, который безпрестанно твердилъ о безполезности пребыва-

*) Кишмишевъ. Походы Надиръ-Шаха, стр. 252—254.

нія ихъ въ его владѣніяхъ. Что же вышло? Если бы въ настоящее время наши солдаты оставались въ Тифлисѣ, то городу не угрожало бы никакой опасности; но теперь я не могу удѣлить для защиты Грузіи ни одного полка" *).

Гудовичъ сослался при этомъ на высочайшій рескриптъ 8-го мая 1792 года, послѣдовавшій въ отвѣтъ на просьбу Ираклія о возвращеніи въ Тифлисъ русскихъ войскъ. Въ этомъ рескриптѣ императрица писала Гудовичу, что „отправлять въ Грузію войска за благо не пріемлется, пока не представятся къ тому благопріятныя обстоятельства, о чемъ прежде и помышлять не должно, пока не устроится линія и не учредится оная на прочномъ основаніи" **). Не рѣшаясь поэтому отправить войска безъ разрѣшенія императрицы, Гудовичъ донесъ о положеніи дѣлъ въ Грузіи и въ тоже время отправилъ въ Петербургъ князя Амилахвари, которому были ближе извѣстны мѣстныя затрудненія.

Между тѣмъ Ага-Магометъ-ханъ переправился уже на лѣвый берегъ Аракса. Подступивъ къ Шушѣ, онъ расположился лагеремъ въ восьми верстахъ отъ крѣпости, но Шуша оказалась для него неприступною. Построенная на гранитной скалѣ, она не допускала ни правильной осады, ни продолжительной блокады, а тѣмъ болѣе открытаго штурма. Единственный путь, по которому можно было проникнуть въ крѣпость, лежалъ черезъ ущелье до того узкое, что брать его силою было почти немыслимо. Ханъ и карабагцы, гордясь неприступностью этого мѣста, смѣялись надъ хвастовствомъ Ага-Магометъ-хана, сказавшаго разъ, что онъ нагайками своей кавалеріи закидаетъ шушинское ущелье.

Видя невозможность овладѣть твердыней и опасаясь потерять время, чтобы не дать Ираклію возможности получить помощь съ Кавказской линіи, шахъ отступилъ къ Агдаму и, обойдя Шушинскую крѣпость, рѣшился прямо идти на Тифлисъ. Но походъ въ Грузію видимо его озабочивалъ; онъ принималъ всѣ

*) Кишмишевъ. Походы Надиръ-Шаха, стр. 259.
**) Бутковъ, ч. II, стр. 334.

мѣры, чтобы предотвратить какія бы то ни было случайности, и обезпечить успѣхъ похода. Прежде всего онъ послалъ воззваніе къ джаро-белаканскимъ лезгинамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему для совмѣстнаго нападенія на Грузію и обѣщая выдать по сто рублей каждому всаднику. Въ тоже время онъ послалъ приказаніе своему брату оставить подъ Эриванью лишь четырехъ-тысячный наблюдательный отрядъ, а съ остальными войсками быть готовымъ къ походу и ожидать его повелѣнія. Но Али-Кули-ханъ могъ располагать уже всѣмъ своимъ 30-ти-тысячнымъ корпусомъ, такъ какъ эриванскій ханъ добровольно сдалъ крѣпость и выдалъ въ аманаты жену и сына. Между тѣмъ самъ шахъ дѣятельно пополнялъ убыль въ своихъ войскахъ, заготовлялъ продовольственные запасы и устраивалъ перевозочныя средства, въ чемъ ему усердно помогали ханы нухинскій и ганжинскій, отдавшіе въ его распоряженіе всѣ свои наличныя силы. Приведя войска въ полный порядокъ, Ага-Магометъ-ханъ въ исходѣ августа выступилъ, наконецъ, изъ Агдама и двинулся въ Грузію.

Только 4-го сентября 1795 года на имя Гудовича послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ Императрица, между прочимъ, писала *):

„Царя карталинскаго и кахетинскаго, яко вассала нашего, сходно съ собственнымъ нашимъ достоинствомъ и интересами, обязаны мы защищать противу непріязненныхъ на него покушеній. Согласіе его съ шушинскимъ ханомъ и общее ихъ дѣйствіе много возспособствуютъ въ затрудненіи дальныхъ успѣховъ Ага-Магометъ-хана; но дабы и паче усилить царя карталинскаго противъ сего безпокойнаго человѣка, соизволяемъ, чтобы вы подали помянутому царю пособіе, положенными по трактату съ нимъ двумя полными баталіонами пѣхоты, къ которымъ сверхъ обыкновенныхъ орудій отдѣлить нѣсколько изъ артиллеріи, прежде ему обѣщанныхъ... Смотря же по обстоятельствамъ и по лучшему вашему на мѣстѣ соображенію, можете

*) Дубровинъ, т. III, стр. 22 и 23. Бутковъ, ч. II, стр. 330 и 331.

присовокупить и другіе два баталіона, остерегая только, дабы оные не были напрасною жертвою въ отдаленности, и тѣмъ при потерѣ людей не подвергнулась предосужденію честь оружія нашего".

Кромѣ того Гудовичу поручалось внушить деликатнымъ образомъ Ага-Магометъ-хану, что если онъ хочетъ достигнуть признанія его въ шахскомъ достоинствѣ, то

„во первыхъ, чтобы онъ прекратилъ свои предпріятія на области, къ Каспійскому морю прилежащія и на владѣтелей, скиптру нашему подвластныхъ, именуя тутъ точно, во первыхъ царя карталинскаго, а потомъ шамхала тарковскаго, уцмія каракайтагскаго, хановъ дербентскаго, бакинскаго, талышинскаго, также шушинскаго и другихъ, въ Адербейджанѣ находящихся; во вторыхъ, чтобы учинилъ приличный и почтительный отзывъ, и если по взаимнымъ соглашеніямъ положено будетъ о границахъ и о прочемъ, то и можетъ тогда отправить ко двору Нашему посольство, во взаимство коего также и отъ Насъ получитъ".

Въ тоже время Гудовичу предлагалось тонко намекнуть:

„что Ага-Магометъ-ханъ всего удобнѣе можетъ обратиться къ сторонѣ Багдада и къ другимъ турецкимъ владѣніямъ, къ югу лежащимъ, и тѣмъ скорѣе преуспѣетъ въ пользѣ и славѣ своей, что можетъ надѣяться на благопріязненное Россіи расположеніе; смотря же по обстоятельствамъ, и на дѣятельную ея помощь диверсіею, которая, одна занимая всѣ почти существенныя силы оттоманской монархіи, облегчитъ ему способы къ достиженію своей цѣли въ такомъ краѣ, гдѣ духъ непослушанія и своевольства отъемлетъ у Порты всякую возможность сильно обороняться".

Гудовичъ получилъ этотъ рескриптъ въ то время, когда Ага-Магометъ-ханъ стоялъ уже подъ стѣнами Тифлиса. Помощь наша Грузіи оказалась запоздалой.

План

Г. ТИФЛИСА, СОСТАВЛЕННЫЙ ЦАРЕВИЧЕМЪ ВАХУШТОМЪ

въ 1735 году.

ПОЯСНЕНІЕ

къ плану города Тифлиса 1735 года.

Городъ Тифлисъ, въ періодъ съ 1735 по 1800 г., почти совсѣмъ не измѣнилъ своего наружнаго вида, какъ это видно изъ сравненія плана царевича Вахушта *) съ позднѣйшимъ, составленнымъ въ 1809 г. и хранящимся въ Воен.-Топограф. Отд. Штаба Кавказ. в. округа. На планѣ Вахушта показаны:

Царскіе дворцы (1 и 2)—нынѣ дома экзарха Грузіи и синодальной конторы; придворная церковь (3) во имя Св. Георгія находится на углу Анчисхатской ул. и Экзаршеской площади. 4, Царская площадь—нынѣ Экзаршеская. 5, 7—10, Дворцы царевича и царевны, дома Амилахвари и другихъ, 12—14, караванъ-сараи и прочая—заняты теперь частными постройками. 15, Крѣпостная площадь—нынѣ татарскій мейданъ.

18—24, Отъ бывшей нѣкогда Высокой крѣпости (Нари Кала) на Сололакскомъ гребнѣ сохранились развалины башенъ Стамбульской и Шахъ-тахты и часть крѣпостной стѣны; стѣна эта съ туръ-бастіонами, окружая городъ, проходила по нынѣшнимъ Вельяминовской, Пушкинской и Мухранской улицамъ; коджорскія ворота выходили на теперешнюю Эриванскую площадь, дигомскія были противъ семинаріи, мейданскія и нижнія—на Мухранской ул.

26, Армянское кладбище находилось между Солдатскимъ базаромъ и Александровскимъ садомъ; 27, мейданскій дворецъ—нынѣ Орбеліановская ул. и частныя постройки; 28 и 30, ристалище и цар. соколин. дворъ—теперь Александровскій садъ; 29, садъ Кайбула—дома и садъ инженернаго вѣдомства; 31 и 32, татарское кладбище и дома Цици-швили—нынѣ Головинскій проспектъ. 35, Дворецъ Арагвскаго эрист.—гдѣ домъ Главноначальствующаго; 37, караванъ-сарай Бежана—зданіе Городской Думы; 38—43, сады царевны и другихъ—нынѣ часть города Сололаки и Вознесенская ул. 44 и 45, Ишутрукъ и Мта-цминда—Давидовская гора съ монаст. св. Давида; 46, тифлисскій мостъ—начало Банной ул.

47—49 и 54, У садовъ Тифлисскаго (сеидъ-абадскаго—нынѣ Воронцовская ул.) и Крцанисскаго (существуетъ), на Мта-бори (гора Таборъ, Ѳаворъ, Корчи-кала) и у Салатгари (около нынѣшнихъ разгоннаго поста и казармы казачьей сотни) происходила битва въ сентябрѣ 1795 г. во время нашествія Ага-Магометъ-хана. 50, Татарское кладбище—существуетъ. 51—53, На лѣвомъ берегу Цавкисскаго ручья до разв. башенъ, по скату горы—находится Ботаническій садъ, а на правомъ берегу, гдѣ были крѣпостной садъ и мостъ Окоевыхъ (не существующія), разводится новый. 55, Метехъ съ крѣпостью—нынѣ Метехскій замокъ, гдѣ помѣщается тюрьма; 59, садъ Бебута—не существуетъ. 61 и 63, Чугурети, на лѣвомъ берегу Куры; на мѣстѣ же бывшей здѣсь Новой деревни—нынѣ часть города Куки. 64, новый садъ Мейданскій—нынѣ кварталъ Пески. 68, Бежановъ садъ—не существуетъ. 71 и 72, Верхней крѣпости не существуетъ, а Нижняя—застроена частными постройками; 73—76, мостъ Авлабарскій и католич. кладбище—существуютъ, воротъ-же Авлабарскихъ—нѣтъ, а Ганжинскія—служатъ для въѣзда въ Ботаническій садъ.

Изъ показанныхъ Вахуштомъ на планѣ церквей въ старой части города и по нынѣ существуютъ: 6 и 11, Анчисхатская и Сіонъ (каѳедральный соборъ); на мѣстѣ же (16), церкви Св. Николая, гдѣ проходила крѣпостная стѣна—нынѣ Старо-Крѣпостная ул. съ церковью Св. Богородицы; 17, крѣпостной церкви—не существуетъ. 65, Мамасахлисъ-сакдари (нѣкогда православная)—нынѣ армянская Сурпъ-Нишанъ; 67, латинтъ-сакдари—старый костелъ на Католической улицѣ; 69, Могниси—Могнинскій армянскій соборъ. Въ бывшемъ загородномъ кварталѣ, Гаретубани, нынѣ Дворцовая, Головинскій проспектъ и Лорисъ-Меликовская ул.—существуютъ старинныя церкви: 33, 34 и 36, Кашветская (Кашвети), Колубанская (Колубани) и Армянская (на Дворцовой), всѣ три во имя Св. Георгія. Въ Кукахъ (62) Квира-цховели—нынѣ айсорская Св. Ѳомы, въ Чугуретахъ (60) армянская—Сурпъ-Карапетъ и (25) на правомъ берегу Куры—Ванскій (Ванки) армянскій каѳедральный соборъ. О нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ (56—58, 66, 70)—свѣдѣній не имѣется.

---

*) Царевичъ Вахуштъ, знаменитый грузинскій географъ и историкъ, былъ сынъ царя Вахтанга VI, переселившагося въ Россію въ концѣ царствованія Петра I.

ПЛАНЪ Г. ТИФЛИСА

СОСТАВЛЕННЫЙ ЦАРЕВИЧЕМЪ ВАХУШТОМЪ ВЪ 1735 ГОДУ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

1 Царскій дворецъ.
2 Дворецъ царицы
3 Придворная церковь.
4 Царская площадь.
5 Дворецъ царевича.
6 Анчисхатская церковь
7 Домъ Амилахвари
8 Домъ царевича.
9 Домъ Луарсаба.
10 Домъ Мухранъ-Батони.
11 Сіонъ
12 Караванъ-сарай Тбилели.
13 Караванъ-сарай мелика.
14 Царская конюшня.
15 Крѣпостная площадь.
16 Церковь св. Николая.
17 Крѣпостная церковь.
18 Высокая крѣпость.
19 Стамбульская башня.
20 Шахскій тронъ.
21 Коджорскія ворота.
22 Дигомскія ворота.
23 Мейданскія ворота.
24 Нижнія ворота.
25 Ванки.
26 Армянское кладбище
27 Мейданскій дворецъ
28 Площадь или ристалище
29 Садъ Кайбула
30 Царскій соколиный дворъ
31 Татарское кладбище
32 Домъ Цици-швили.
33 Кашвети
34 Калабани.-
35 Дворецъ Арагвскаго эристава.
36 Армянская церковь.
37 Караванъ-сарай Бежани.
38 Садъ мамасахлиса.
39 Садъ царевны.
40 Садъ царской сестры.
41 Амарати
42 Садъ Тбилели.
43 Сололакскій ручей.
44 Ишутруки
45 Мта-цминда.
46 Тифлисскій мостъ отъ крѣпости.
47 Тифлисскій садъ (Сейдъ-абадскій).
48 Салатгари.
49 Мта-бори.
50 Татарское кладбище.
51 Крѣпостной садъ.
52 Мостъ Окоевыхъ.
53 Цавкисскій ручей.
54 Крцанисскій садъ,
55 Метехъ съ крѣпостью.
56 Армянская церковь.
57 Греческая церковь.
58 Церковь мелика.
59 Садъ Бебута.
60 Армянская церковь.
61 Чугурети
62 Квира-цховели (Воскресное воскресенье).
63 Новая деревня.
64 Новый садъ Мейданскій.
65 Мамасахлисъ-саkдари.
66 Сомхисъ-сакдари.
67 Латинтъ-сакдари.
68 Бежановъ садъ.
69 Могниси.
70 Церковь скалистаго квартала.
71 Южная крѣпость.
72 Верхняя крѣпость.
73 Мостъ Авлабарскій.
74 Авлабрисъ-кари (Авлабарскія ворота)
75 Католическое кладбище.
76 Ганджійскія ворота.
A Кала или Тбилиси (Тифлисъ).
B Тифлисъ или Сейдъ-абадъ.
C Исни или Авлабаръ
D Гаретубани (загородный кварталъ)
Дорога.
Ложбины.
Оврагъ.
Гора.

XV.

Военныя приготовленія Ираклія для борьбы съ персіянами. Просьба царя о присылкѣ русскихъ войскъ. Описаніе гор. Тифлиса и его укрѣпленій. Движеніе Ага-Магометъ-хана къ Тифлису. Двухдневная крцанисская битва. Раззореніе персіянами Тифлиса и его окрестностей.

Извѣстіе о вторженіи персіянъ въ Карабагъ вызвало со стороны Ираклія усиленныя приготовленія къ борьбѣ. Наличныя боевыя силы царя были однако весьма незначительны. Двухтысячный отрядъ при 4-хъ орудіяхъ находился съ царевичемъ Георгіемъ въ Сигнахѣ для защиты Кахетіи; тысяча человѣкъ расположены были въ тѣснинахъ Арагвы, противъ мелкихъ хищническихъ партій, спускавшихся съ сосѣднихъ горъ; остальныя двѣ тысячи стояли въ Карталиніи, гдѣ приходилось отражать набѣги лезгинъ и турокъ со стороны Ахалцыха. Въ виду опасности, грозившей государству, Ираклій объявилъ призывъ последнихъ двухъ очередей „мориге", т. е. всего ополченія и послалъ приказаніе царевичамъ собирать войска и вести ихъ къ Тифлису. Кромѣ того, царевичи Юлонъ и Александръ были отправлены имъ въ Борчалу, Казахъ и Шамшадиль, чтобы созвать конныя дружины татаръ и прикрыть границу со стороны Ганжи и Эривани *). Онъ приглашалъ также къ совмѣстному дѣйствію царя Соломона, ссылаясь на дружественный трактатъ, заключенный между ними еще въ 1790 году, и разсчитывалъ на наемныя войска изъ лезгинъ и пограничныхъ кочевниковъ. Сознавая однако, что и этихъ силъ далеко недостаточно для обороны царства и своей столицы, онъ снова обратился къ генералу Гудовичу съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что у его про-

---

*) M. Brosset. Histoire de la Géorgie, II; Addition, XVI; p. 549—551.

тивника, Ага-Магометъ-хана, войскъ гораздо больше, чѣмъ у него вмѣстѣ съ царемъ Соломономъ и повторялъ просьбу о присылкѣ 3-хъ-тыс. русскаго отряда. Гудовичъ, не получившій тогда еще разрѣшенія на свои прежнія представленія, отвѣчалъ царю, что Ага-Магометъ-хану предстоитъ много препятствій и затрудненій для выполненія своихъ замысловъ; что соединенныя силы грузинъ и имеретинъ достаточно велики, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ еще третьяго союзника, хана карабагскаго, который, твердо рѣшился отразить персидскаго завоевателя. Онъ обѣщалъ донести обо всемъ императрицѣ, а пока совѣтовалъ Ираклію принять всѣ мѣры, нужныя къ оборонѣ государства.

Все что могъ сдѣлать Гудовичъ въ пользу Ираклія—это удержать лезгинъ отъ нашествія на Грузію вмѣстѣ съ Ага-Магометъ-ханомъ—и онъ достигъ этого, пославъ подарки Омаръ-хану аварскому, который обѣщалъ за то не только не участвовать лично въ этомъ походѣ, но и удержать джаро-белаканцевъ отъ раззоренія Кахетіи. Такимъ образомъ, численность враговъ уменьшалась, но положеніе Грузіи отъ этого не могло улучшиться. Гроза надвигалась. Ага-Магометъ-ханъ оставилъ уже Карабагъ и шелъ на Ганжу. По всѣмъ степнымъ и горнымъ дорогамъ, ведущимъ изъ Карабага, Нахичевани и Эривани толпами бѣжали испуганные жители, торопясь достигнуть предѣловъ Грузіи, въ полной увѣренности, что шахъ не одолѣетъ царя грузинскаго.

При дворѣ Ираклія и среди жителей столицы сначала царила та же увѣренность. Царь призывалъ къ поголовному ополченію весь свой народъ и этимъ путемъ разсчитывалъ собрать 80-ти-тысячную армію. Онъ ожидалъ ее со всѣхъ концовъ государства: 25 тысячъ должны были прислать лезгины изъ Дагестана и Джаро-Белаканъ и 16 тысячъ дать Кахетія; но 10-ти тысячъ обязывались выставить Имеретія, Карталинія, Арагвское ущелье и татарскія дистанціи. На военномъ совѣтѣ, собранномъ, подъ предсѣдательствомъ царя, Ираклій предложилъ свой планъ для военныхъ дѣйствій, который и былъ одобренъ

всѣми присутствующими. Царь предполагалъ стянуть всю 80-ти-тысячную армію въ окрестности Тифлиса и дать генеральное сраженіе на открытой равнинѣ Куры, у Соганлуга. Съ этою цѣлью войска распредѣлялись имъ слѣдующимъ образомъ: 10-ти-тыс. отрядъ, расположенный у Соганлуга, и 5-ти-тыс.—у Краснаго моста, на р. Храмѣ, предназначались для встрѣчи непріятеля съ фронта; два отряда, по 10-ти тысячъ въ каждомъ, укрывшись въ Караязахъ и въ горахъ Яглуджи, должны были атаковать непріятеля съ фланга и тыла; самъ царь съ остальными войсками и 18-ю орудіями оставался въ главномъ резервѣ.

Но этимъ надеждамъ Ираклія не суждено было сбыться. Раздоры и несогласія въ царскомъ семействѣ не прекращались и всюду царила крамола; царевичи, владѣвшіе удѣлами, не спѣшили на защиту родины и не слушали приказовъ царя. Наслѣдникъ престола, Георгій, собравъ до 4-хъ тыс. войскъ, не двигался съ ними изъ Сигнаха. Царевичу Александру удалось было собрать дружину изъ конныхъ татаръ, но вся она разбѣжалась, такъ какъ персіяне успѣли переманить её на свою сторону; остальныя провинціи—и „даже Карталинія, остались глухи къ требованіямъ долга и чести“ *). Исключеніе составляли жители горныхъ ущелій: тушины, пшавы и хевсуры, да имеретинскій царь Соломонъ, который пришелъ въ Тифлисъ съ 2-хъ-тысячнымъ отрядомъ. Кромѣ того, царю удалось наскоро собрать еще около 2-хъ тысячъ милиціи. Съ этими-то ничтожными силами Ираклій, поручивъ жителямъ Тифлиса оборону города, двинулся на встрѣчу 80-ти-тысячной персидской арміи и въ половинѣ августа прибылъ въ Казахъ. Здѣсь его ожидалъ посолъ Ага-Магометъ-хана.

— „Я перешелъ уже Араксъ —писалъ онъ Ираклію—но все-таки присылаю посла, за которымъ слѣдую съ войскомъ. Именитый ты царь, и не хочу тебѣ зла, если только исполнишь мою волю. Обѣщай уважить мое желаніе, пришли въ аманаты одного изъ своихъ сыновей и внука, и я сейчасъ же поверну на-

*) Хонели. Къ 100-лѣтію Крцанисской битвы, стр. 20.

задъ“. Въ отвѣтъ на это предложеніе, Ираклій приказалъ арестовать посла и отправить его въ Тифлисъ.

Между тѣмъ, извѣстіе о томъ, что Ага-Магометъ-ханъ уже занялъ Ганжу и что все, встрѣчаемое на пути его арміи, покоряется, а непокорные предаются огню и мечу, произвело нѣкоторую панику и въ войскѣ, и въ Тифлисѣ. Имеретины, приведенные Соломономъ, стали разбѣгаться по своимъ домамъ. Грузины, армяне и татары цѣлыми толпами покидали Тифлисъ и спѣшили укрыться въ горахъ, лежащихъ по рѣкѣ Арагвѣ. Городъ начиналъ пустѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось и число его защитниковъ. Царь отступилъ сперва къ Красному мосту, а потомъ отошелъ къ Тифлису. При тѣхъ средствахъ, которыя имѣлись въ его распоряженіи, единственною опорою могли служить только тифлисскія укрѣпленія, которыя по своей малодоступности могли задержать непріятеля на довольно значительное время *).

Тифлисъ лежитъ въ долинѣ Куры, представляющей съ сѣвера совершенно открытую котловину; съ запада долина эта ограничивается горою Ишуттрукъ, называемою нынѣ Мтацминда (святая гора) или горою св. Давида, съ восточной стороны Махатскимъ хребтомъ, а съ юга—высокимъ и узкимъ Сололакскимъ гребнемъ **); къ югу отъ этого гребня и параллельно ему тянется дабаханское ущелье, съ протекающимъ въ немъ въ крутыхъ и обрывистыхъ берегахъ цавкисскимъ ручьемъ. На юго-восточномъ уступѣ Сололакскаго гребня, надъ раскинутымъ

---

*) Для описанія г. Тифлиса источниками служили: „Краткій историческій очеркъ гор. Тифлиса“ (Сборн. свѣдѣній о Кавказѣ, т. VI., изд. кавказ. стат. ком.). Е. Вейденбаумъ. „Путеводитель по Кавказу“, стр. 302—308. П. Іосселіани. „Описаніе древностей Тифлиса“. Кишмишевъ. „Надиръ-Шахъ“. Планы гор. Тифлиса, хранящіеся въ арх. Воен.-Истор. и Воен.-Топографич. отдѣловъ Кавказ. воен. округа.

**) Гор. Тифлисъ лежитъ подъ 41° 43′ 37″ сѣв. шир. и 62° 27′ 31″ вост. долг. Высота горъ его окружающихъ: Мта-цминда 2700 ф. н. у. м., Махатскаго хребта 2160 фут. и Сололакскаго гребня ок. 1600 фут. Названіе Тифлиса, Тпилиси или Тбилиси происходитъ отъ грузинскаго слова тпили или тбили, что означаетъ теплый и дано городу по его горячимъ сѣрнымъ источникамъ, находящимся въ дабаханскомъ ущельи. Основаніе Тифлиса относится къ V столѣтію.

нынѣ по лѣвому берегу цавкисскаго оврага ботаническимъ садомъ, возвышалась древняя крѣпость, называемая Нари (Нарынъ)-кала, которая состояла изъ нѣсколькихъ каменныхъ башень, построенныхъ на террасахъ. Общая ограда, окружавшая Нари-кала, придавала ему характеръ отдѣльнаго сомкнутаго укрѣпленія, назначеніе котораго состояло въ обстрѣливаніи дороги, ведущей по правому берегу Куры и служившей главнымъ сообщеніемъ Грузіи и Персіи. Воздвигнутая на обрывистой скалѣ, Нари-кала была недоступна атакѣ ни съ южной, ни съ сѣверной сторонъ. Напротивъ Нари-кала, на правой сторонѣ дабаханскаго ущелья, на вершинѣ скалистой горы, было построено передовое укрѣпленіе Хоша-кала, защищавшее кратчайшіе пути, направлявшіеся изъ сел. Коды черезъ Хатисъ-Телеты на крцанисскіе сады. Для защиты доступовъ по Курѣ на скалистомъ высокомъ берегу рѣки возвышалась Метехская цитадель (Метехъ), изъ которой обстрѣливались тропы, прилегавшія по сеидабадскимъ садамъ (нынѣ Воронцовская улица).

Кромѣ этихъ укрѣпленій, Тифлисъ былъ окруженъ каменною стѣною, высотою въ 4—5 саженъ и толщиною въ $2^1/_2$ аршина. Стѣна эта начиналась отъ Нари-кала и тянулась по Сололакскому гребню, на протяженіи 600 саженъ до башни Шахъ-тахты (тронъ или сѣдалище шаха *). Отъ этой башни стѣна, спускаясь по скату хребта, продолжалась на сѣверъ по нынѣшнимъ Вельяминовской и Пушкинской улицамъ и упиралась въ оврагъ, прорѣзывавшій теперешнюю Эриванскую площадь; далѣе городская ограда съ туръ-бастіонами поворачивала на востокъ, тянулась вдоль того же оврага (по Мухранской улицѣ) и выходила къ Курѣ. Со стороны рѣки не было стѣны, такъ какъ Кура, по своей глубинѣ и ширинѣ, вполнѣ обезпечивала городъ съ востока. Такъ какъ главная опасность

---

*) Развалины Хоша-калы, Нари-калы, башни Шахъ-тахты и части южной стѣны видны и по настоящее время; Метехская цитадель или замокъ обращена въ городскую тюрьму.

постоянно грозила съ юга, т. е. со стороны Персіи, то кромѣ Нари-кала, городъ защищался здѣсь двойными стѣнами; одна тянулась вдоль цавкисскаго ручья, а другая направлялась къ авлабарскому мосту. Воротъ было восемь, изъ нихъ главныя: на южномъ фронтѣ—крѣпостныя (противъ нынѣшнихъ бань) съ мостомъ черезъ упомянутый оврагъ; влѣво отъ крѣпостныхъ—сеидабадскія; изъ Нари-кала вели ганжинскія, а изъ Шахъ-тахты—сололакскія; на западномъ фронтѣ было двое воротъ—коджорскія и дигомскія (противъ семинаріи); на сѣверномъ фронтѣ мейданскія и нижнія ворота. Тифлисъ съ древнѣйшихъ временъ раздѣлился на три части. Населеніе главнымъ образомъ тѣснилось внутри городскихъ стѣнъ, въ части города Кала (крѣпость). Здѣсь на берегу Куры были царскій дворецъ, монетный дворъ, главное судилище. Тбилиси или Сеидъ-абадъ называлось поселеніе около минеральныхъ источниковъ; а южнѣе его находились крцанисскіе сады. Исни или Авлабаръ ютился на лѣвомъ берегу Куры противъ Кала и соединялся съ городомъ авлабарскимъ мостомъ на каменныхъ устояхъ. Съ сѣвера къ Авлабару примыкало предмѣстье Чугуреты; у западной стѣны находились сололакскіе сады, а къ сѣверу отъ главной части города, внѣ окружающихъ его стѣнъ, было предмѣстье Гаретубани (загородный кварталъ), имѣвшее нѣсколько церквей и поле для коннаго ристалища (гдѣ нынѣ Александровскій садъ). Населеніе города составляло около 60-ти тыс. жителей.

Такимъ образомъ, тифлисскія укрѣпленія предназначались преимущественно для обороны доступовъ изъ Персіи, со стороны Ганжи, откуда ожидали Ага-Магометъ-хана, который могъ достигнуть города, не иначе какъ овладѣвъ Хоша-кала. Но взятіе укрѣпленія, построеннаго на высокой горѣ, при отсутствіи тяжелой артиллеріи, было ему не по силамъ. При наступленіи персіянъ по коджорской дорогѣ, башня Шахъ-тахты, находившаяся въ юго-западномъ углу стѣны, затрудняла доступъ къ

городу съ этой стороны. Трудно было ожидать также появленія Ага-Магометъ-хана съ запада, такъ какъ войскамъ его приходилось маневрировать между заборами и каменными стѣнками сололакскихъ садовъ, что составило бы для персіянъ, при преобладаніи у нихъ въ арміи кавалеріи, непреодолимую преграду. Наконецъ, едва ли возможно было предполагать атаку города со стороны Авлабара; если бы Ага-Магометъ-хану и удалось переправиться черезъ Куру, гдѣ либо ниже города, то съ уничтоженіемъ единственнаго моста у Метехской цитадели, Тифлисъ былъ совершенно обезпеченъ.

При тѣхъ ничтожныхъ боевыхъ средствахъ, которыми располагалъ Ираклій II, казалось, что вся оборона города должна была сосредоточиться въ предѣлахъ городской ограды, въ виду топографическихъ и тактическихъ условій мѣстности, а также крѣпости городскихъ стѣнъ; необходимо было занять гарнизонами укрѣпленія Нари-кала, Хоша-кала и башню Шахъ-тахты и ожидать атаки непріятеля. Но на совѣщаніи, происходившемъ у царя около 8-го—9-го сентября, при участіи высшихъ чиновъ двора, военачальниковъ, обоихъ царей и царицы Даріи, послѣ долгихъ споровъ рѣшено было: Хоша-кала занять отдѣльнымъ гарнизономъ, а авангардъ, подъ начальствомъ царевича Давида, выдвинуть къ Соганлугу; царицу же со всѣмъ дворомъ и семействами придворныхъ и знатныхъ дворянъ отправить въ Арагвское ущелье, въ Мтіулеты. Одновременно съ тѣмъ приказано доставить въ Тифлисъ изъ Кавтысхевскаго монастыря мощи св. Евстафія, чтобы молитвами угодника испросить у Всемогущаго дарованія побѣды.

Между тѣмъ Ага-Магометъ-ханъ уже двигался къ границамъ Грузіи. Передовыя войска его, состоявшія изъ конницы, въ одни сутки сдѣлали переходъ въ 110 верстъ до Акстафы. Форсируя движеніе, онъ имѣлъ въ виду повліять на татарскія провинціи, которыя и приняли его сторону. Въ Акстафѣ Ага-Магометъ-ханъ сложилъ всѣ лишнія тяжести, и

оставивъ по пути для обезпеченія тыла со стороны Карабага значительный корпусъ, съ 35-ю тысячами отборныхъ войскъ двинулся дальше. 7-го сентября онъ расположился лагеремъ на берегу рѣки Храма, у Краснаго моста, выдвинувъ передовые посты къ яглуджинскимъ высотамъ. Получивъ свѣдѣнія, что персіяне выступили изъ Акстафы, Ираклій выслалъ 8-го сентября на развѣдки о непріятелѣ 12 всадниковъ изъ собственнаго конвоя, подъ начальствомъ Гурджаспа—Ната-швили. Въ 15-ти верстахъ отъ Соганлуга Гурджаспъ открылъ персіянъ на сѣверныхъ склонахъ Яглуджи, смѣло атаковалъ ихъ, но въ этой схваткѣ всѣ грузины были перебиты и спасся только самъ Гурджаспъ на конѣ убитаго имъ туркмена *). Въ виду обнаруженія противника Ираклій приказалъ царевичу Давиду занять съ авангардомъ соганлугскіе сады, на главномъ пути наступленія непріятеля.

Первая стычка съ грузинами заставила Ага-Магометъ-хана быть болѣе осторожнымъ. Онъ зналъ Ираклія за опытнаго и отважнаго полководца, и потому, опасаясь засады, наступалъ отъ Краснаго моста съ большою осмотрительностью. По прибытіи на Яглуджу, онъ выдвинулъ свой авангардъ къ Соганлугу, гдѣ персіяне нашли сады уже занятыми. Царевичъ Давидъ, не давая имъ опомниться, бросился въ атаку и обратилъ ихъ въ бѣгство. Это авангардное дѣло показало Ага-Магометъ-хану всю трудность наступленія черезъ соганлугскіе тѣснины и сады, окруженные высокими заборами и неудобными для дѣйствія кавалеріи. Поэтому онъ избралъ, по совѣту сопутствовавшаго ему мелика Межнуна, обходную дорогу на сел. Кумиси и Хатисъ-Телети и далѣе черезъ каменистый кряжъ Шавнабади—къ крцанисскимъ садамъ. Слѣдуя по этому пути, Ага-Магометъ-ханъ обходилъ не только соганлугскіе сады, но и главную позицію грузинъ у входа въ тѣснины, между скалистыми скатами шавнабадскихъ высотъ и обрывистымъ берегомъ Куры. Ираклій, понимая

*) Brosset. Histoire moderne de la Géorgie, II, p. 260.

всю опасность расположенія своего авангарда у Соганлуга, въ случаѣ обхода персіянъ, приказалъ царевичу Давиду отступить къ Крцанисамъ.

Между тѣмъ отъѣздъ царицы Даріи съ семействами придворныхъ и именитыхъ князей вызвалъ ропотъ среди населенія Тифлиса и неудовольствіе въ войскахъ. Многіе оставили ряды и бѣжали въ городъ спасать свои семейства. За ними послѣдовали имеретины и стали грабить жителей съ крикомъ „спасайтесь, идутъ персіяне". Царь Ираклій, находившійся при войскахъ, также вернулся въ Тифлисъ. Здѣсь, при въѣздѣ въ городъ, его окружила толпа, требуя прекращенія грабежей и сѣтуя на преждевременный отъѣздъ царскаго двора, такъ какъ знатные наравнѣ съ простыми должны были защищать столицу. Въ своемъ дворцѣ царь уже не засталъ ни блестящей свиты, присутствовавшей обыкновенно при царскихъ выходахъ, ни придворныхъ, облагодѣтельствованныхъ имъ. Убитый горемъ, Ираклій написалъ письмо къ царевичу Георгію, сидѣвшему безъ дѣла въ Сигнахѣ. Онъ умолялъ сына поспѣшить на помощь или прислать войска, съ которыми царь надѣялся отразить персіянъ *).

По оставленіи грузинами авангардной позиціи, Ага-Магометъ-ханъ 9-го сентября занялъ Соганлугъ и расположился лагеремъ на правомъ берегу Куры, окопавъ его со всѣхъ сторонъ траншеями для обезпеченія отъ нечаяннаго нападенія. На слѣдующій день онъ атаковалъ грузинъ.

Ираклій распредѣлилъ всѣ свои силы, состоявшія изъ 2500—3000 человѣкъ слѣдующимъ образомъ: царевичъ Давидъ съ авангардомъ около тысячи воиновъ и нѣсколькими орудіями, въ составъ котораго вошли дружины князей Отара Амилахвари, Ивана Багратіона-Мухранскаго, Захарія Андроникова и имере-

*) Для описанія боя и послѣдующихъ событій, служили слѣдующіе источники: записки царевича Теймураза „Взятіе Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ въ 1795 году". Давидъ, царевичъ грузинскій. „Краткая исторія Грузіи". Ил. Хонели „Къ 100-лѣтію крцанисской битвы". Дубровинъ „Царь Георгій XII". Кавказъ 1850 года №№ 87, 89 и 90. „Взятіе Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ". Brosset. „Histoire moderne de la Géorgie, II. p. 260—262 и другіе.

тины, подъ начальствомъ князя Зураба Церетели, занималъ позицію у Крцанисъ; главныя силы стояли у Сеидъ-абада; небольшіе гарнизоны съ артиллеріей занимали передовое укрѣпленіе Хоша-Кала и Метехскую цитадель.

Рано утромъ въ понедѣльникъ, 10-го сентября, Ага-Магометъ-ханъ выступилъ изъ соганлугскаго лагеря къ Тифлису. Разстилавшійся надъ городомъ туманъ не давалъ возможности опредѣлить расположеніе грузинскихъ войскъ, и потому онъ около 8-ми часовъ остановилъ армію въ 2-хъ верстахъ отъ Крцанисъ. Какъ только туманъ поднялся, персіяне увидѣли съ шавнабадскихъ высотъ сеидъ-абадскіе сады и Коша-кала, занятые непріятелемъ, и перешли въ наступленіе. Тѣмъ временемъ, царь объѣхалъ свои войска, напомнилъ имъ о долгѣ, объ обязанностяхъ воина и просилъ не забывать, что въ тылу у нихъ совершенно беззащитный Тифлисъ. Въ это время у Крцанисъ раздались пушечные выстрѣлы. Царевичъ Давидъ встрѣтилъ персіянъ сперва дружнымъ залпомъ, разстроившимъ ряды непріятеля, а затѣмъ стремительно бросился въ шашки. Ударъ былъ на столько силенъ, что персіяне обратились въ бѣгство. Царевичъ преслѣдовалъ ихъ на нѣкоторомъ разстояніи, но затѣмъ повернулъ свои дружины и занялъ прежнюю позицію. Съ обѣихъ сторонъ бой временно ограничился артиллерійской канонадой, и вскорѣ подбитыя два персидскихъ орудія замолчали.

Но вотъ, на одномъ изъ отроговъ шавнабадскихъ высотъ показалась небольшая фигурка повелителя Ирана. Окинувъ взоромъ небольшой отрядъ защитниковъ, Ага-Магометъ-ханъ, съ презрительною усмѣшкою, обратился къ приближеннымъ:

— „Ужели эти несчастные думаютъ загородить мнѣ путь къ Тифлису?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ двинулъ свѣжія войска на Крцаниси. Персіяне, ободренные присутствіемъ своего властителя, смѣло двинулись на отрядъ царевича Давида. Между тѣмъ Ираклій, замѣтивъ наступленіе непріятеля, подкрѣпилъ царевича сотнею новыхъ воиновъ и, обратившись къ нимъ,

сказалъ.—„Товарищи! видите ли шаха, покажите же ему, какъ воюютъ воины Ираклія“.

Воодушевленные словами царя, грузины встрѣтили персіянъ мѣткимъ огнемъ и, бросившись въ шашки, оттѣснили атакующихъ. Ага-Магометъ-ханъ усилилъ свою боевую линію еще новыми войсками, но и царь Ираклій поддержалъ царевича Давида девятьюстами свѣжихъ воиновъ. Грузины третій разъ отбросили персіянъ и гнали ихъ далеко отъ Крцанисъ. Пораженный упорнымъ сопротивленіемъ противника, Ага-Магометъ-ханъ произнесъ: „Я не помню, чтобы когда либо враги мои сражались съ такимъ мужествомъ“—и тотчасъ двинулъ впередъ всѣ свои резервы. Бой закипѣлъ съ новой силой. Поле битвы нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, пока наконецъ дружина грузинскихъ и имеретинскихъ дворянъ и князей не сломала упорство атакующихъ.

Жестокій рукопашный бой приковалъ вниманіе властителей Ирана и Грузіи. Сумрачно смотрѣлъ шахъ съ своего возвышенія, съ восторгомъ любовался Ираклій пыломъ своихъ воиновъ, насѣдавшихъ на непріятеля. Наконецъ кровь стараго бойца заговорила въ царѣ: схвативъ знамя съ изображеніемъ на одной сторонѣ Божіей Матери, а на другой св. Георгія, онъ съ пятьюстами отборнѣйшихъ всадниковъ бросился въ бой. Все поле огласилось побѣдными криками, со всѣхъ сторонъ грузины перешли въ наступленіе. Всѣ устремились къ царю, мчавшемуся впереди своего отряда со знаменемъ, которое развѣвалось надъ его бѣлою какъ лунь головою. Ага-Магометъ-ханъ поспѣшно удалился съ своего наблюдательнаго пункта въ то время, когда цари Ираклій и Соломонъ черезъ нѣсколько минутъ были уже на оставленной имъ высотѣ. Налетъ царя былъ такъ стремителенъ, что все персидское войско, вслѣдъ за своимъ вождемъ, обратилось въ бѣгство. Эта первая побѣда вызвала всеобщее ликованіе населенія Тифлиса, но царь продолжалъ быть осторожнымъ.

Рано утромъ, 11-го сентября, Ираклій снова занялъ позицію у Сеидъ-абада и распредѣлилъ войска свои въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ, подъ начальствомъ царевича Іоанна, изъ лучшихъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ расположился на крцанисской равнинѣ. Правый флангъ составилъ отрядъ царевича Давида, у котораго находилось 7 орудій; онъ сталъ на верхней тифлисской дорогѣ, тамъ, гдѣ она спускалась къ Тифлису и пересѣкалась дорогами изъ Сололакъ и с. Табахмелы. Въ центрѣ расположился самъ царь съ отрядомъ царевича Вахтанга и дружиною князя Отара Амилахвари; лѣвѣе, у самыхъ сейдабадскихъ садовъ находился съ дружиною князь Иванъ Багратіонъ-Мухранскій, а правѣе князь Зурабъ Церетели съ имеретинами.

Испытавъ наканунѣ неудачу подъ стѣнами Тифлиса, Ага-Магометъ-ханъ готовъ былъ отступить, но Джеватъ-ханъ ганжинскій увѣрялъ шаха въ безсиліи грузинъ и малочисленности ихъ войска. „Нѣтъ, я знаю Ираклія, онъ ученикъ Надира—отвѣчалъ шахъ.—У него есть и другія войска, иначе онъ не посмѣлъ бы сражаться съ такимъ упорствомъ“.

Таково было впечатлѣніе успѣшнаго для грузинъ боя 10-го числа. Опасаясь военной хитрости царя, Ага-Магометъ-ханъ все еще не рѣшался перейти въ наступленіе, но когда получилъ свѣдѣніе объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Тифлисѣ, а ганжинскій ханъ съ высотъ Шавнабада указалъ ему въ подзорную трубу на дигомское поле, по которому безпорядочныя толпы жителей уходили изъ города пѣшкомъ, верхомъ и на арбахъ, тогда только шахъ двинулся на штурмъ столицы Грузіи. Онъ раздѣлилъ армію свою на 14 колоннъ, которыя развернулись на скалистыхъ высотахъ Соганлуга, Шавнабада, Телети и Крцанисъ; на болѣе выгодныхъ пунктахъ выставлены два орудія и фальконеты; въ резервѣ стала мазандеранская пѣхота. Опасаясь засады въ крцанисскихъ садахъ, Ага-Магометъ-ханъ приказалъ карабагскому мелику Межнуну съ отдѣльною колонною двигаться горными тропами и ударить въ тылъ грузинамъ, зани-

мавшимъ эти сады. Для возбужденія въ своихъ воинахъ храбрости, онъ прибѣгнулъ къ довольно оригинальному способу. По словамъ царевича Теймураза, „передъ началомъ сраженія, Ага-Магометъ-ханъ отобралъ 6 тыс. человѣкъ своего наемнаго войска изъ туркменъ, поставилъ его позади и строго приказалъ умерщвлять каждаго, который бы изъ страха бѣжалъ съ поля сраженія“.

Около 8-ми часовъ утра персидскій авангардъ спустился въ узкую долину, примыкавшую къ позиціи, занятой грузинами. Царевичъ Іоаннъ смѣло двинулся впередъ, атаковалъ непріятеля и потѣснилъ передовыя части персіянъ, но когда послѣдніе увидѣли передъ собою лишь небольшую горсть, то снова перешли въ наступленіе. На крцанисской равнинѣ завязался упорный бой. Колонны персіянъ всею массою обрушились на авангардъ царевича Іоанна, который, потерявъ много убитыхъ и раненыхъ, началъ было отступать, когда въ подкрѣпленіе ему явился самъ Ираклій съ отрядомъ царевича Вахтанга и другими дружинами. Воодушевляемыя личнымъ присутствіемъ царя и боевою пѣснею народнаго пѣвца, князя Давида Мачабели, грузинскія войска кинулись въ рукопашный бой. Во главѣ съ царевичами Вахтангомъ и Іоанномъ они проникли до „знаменъ персидскихъ“, изъ которыхъ многія отняты были на глазахъ самого шаха.

Этотъ первоначальный успѣхъ противника заставилъ Ага-Магометъ-хана двинуть въ бой свой резервъ, мазандеранскую пѣхоту. „Увидя своихъ единовѣрцевъ побѣжденными—говоритъ въ своихъ запискахъ царевичъ Теймуразъ—полчища враговъ яростно бросились впередъ...“ Въ эту рѣшительную минуту Ираклій подкрѣпилъ сражающихся своими послѣдними немногочисленными резервами, большая часть которыхъ, если только не всѣ, погибли въ свалкѣ съ несоразмѣрнымъ числомъ непріятеля. Здѣсь пало 300 арагвцевъ, поклявшихся побѣдить или умереть; погибъ начальникъ артиллеріи, князь Георгій Гурамовъ, царскій крестникъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ персіянами, онъ пред-

ложилъ своимъ воинамъ погибнуть, но не измѣнять долгу. Всѣ усилія персіянъ взять эту горсть героевъ были безуспѣшны. Когда всѣ были перебиты, израненый кн. Гурамовъ легъ на пушку и его изрубили въ куски. Царевичи Вахтангъ и Іоаннъ, князь Джандіеръ Джандіери и другіе оказывали чудеса храбрости. Уже было замѣтно колебаніе въ рядахъ непріятеля, когда на коджорской дорогѣ появилась обходная колонна мелика Межнуна. Охваченный съ двухъ сторонъ и подавленный многочисленнымъ противникомъ, Ираклій началъ отступать къ сеидабадскимъ садамъ.

Въ этотъ періодъ боя, около полудня, Ага-Магометъ-ханъ, оттѣснивъ царя, обратилъ всѣ свои усилія на отрядъ царевича Давида, который, занимая позицію на высотахъ Корча-кала (Таборисъ-мта), громилъ своею артиллеріею толпы персіянъ. Ага-Магометъ-ханъ направилъ противъ него колонну изъ 3000 отборныхъ войскъ, но царевичъ Давидъ, послѣ жаркой схватки, сбросилъ ихъ съ высотъ и обратилъ въ бѣгство. Въ это время меликъ Межнунъ успѣлъ уже зайти въ тылъ войскамъ, отступавшимъ изъ Крцанисъ и чуть не захватилъ въ плѣнъ Вахтанга и Іоанна, но царевичи пробились черезъ непріятельскія полчища и соединились съ царемъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни бой перешелъ къ сеидабадскимъ садамъ и предмѣстью Харпуху. Три раза грузины отбрасывали непріятеля отъ крѣпостныхъ стѣнъ; комендантъ метехской цитадели, Агалуа, съ большимъ успѣхомъ обстрѣливалъ сады, занятые уже персіянами; гарнизонъ Хоша-кала и царевичъ Давидъ еще удерживали свои позиціи. Но сильно порѣдѣвшіе ряды грузинскихъ дружинъ, подавляемые численнымъ превосходствомъ непріятеля, начали отступать въ городъ. Въ эти критическія минуты „имеретины—говоритъ царевичъ Давидъ—бывшіе въ грузинскомъ войскѣ, вспомня понесенныя ими отъ царя Ираклія обиды, при изгнаніи изъ Имеретіи царя Давида, оставили непріятеля и устремились грабить жителей Тиф-

лиса. Въ такой разсѣянности грузинскаго войска, персіяне приступили къ Тифлису и взяли городъ".

Между тѣмъ Ираклій все еще не хотѣлъ оставлять поле сраженія. „Каждый изъ твоихъ подданныхъ—говорили царю его окружающіе—знаетъ, что ты презираешь смерть для пользы народа и отечества; но если суровая судьба измѣнила намъ, не увеличивай торжества непріятеля. Ты нуженъ для отечества". Но царь никого не слушалъ. Съ нѣмымъ отчаяніемъ онъ устремился на персіянъ и навѣрное бы погибъ, если бы внукъ не спасъ своего знаменитаго дѣда. Царевичъ Іоаннъ съ 300-ми конныхъ грузинъ врубился въ толпу персіянъ, вырвалъ его изъ рукъ непріятеля и увлекъ черезъ авлабарскій мостъ въ то время, когда персіяне уже ворвались въ городъ.

Было 5 часовъ пополудни, когда царь наконецъ покинулъ Тифлисъ. Гарнизонъ Хоша-кала, сдѣлавъ послѣдній залпъ по насѣдавшимъ персіянамъ, оставилъ укрѣпленіе, сбросилъ орудія въ Сагубари (цавкисскій оврагъ) и съ боемъ сталъ отходить къ Табахмели. Съ удаленіемъ Ираклія, въ городѣ произошло страшное смятеніе: оставшіеся жители искали всюду спасенія, а ворвавшіеся персіяне грабили и опустошали дома; остатки грузинскаго войска разсѣялись, и только одинъ царевичъ Давидъ продолжалъ держаться на своей позиціи, отражая нападенія непріятеля. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда царевичъ узналъ объ оставленіи царемъ столицы и занятіи города толпами персіянъ. Испортивъ орудія, онъ бросилъ ихъ въ тотъ же оврагъ Сагубари и окольными путями отступилъ на сѣверъ къ Анануру.

Съ оставленіемъ города послѣднимъ грузинскимъ отрядомъ, персіяне вступили въ Тифлисъ. На другой день Ага-Магометъ-ханъ въѣхалъ въ него въ сопровожденіи Джеватъ-хана ганжинскаго, показавшаго ему дворецъ Ираклія. Шахъ осмотрѣлъ его, присвоилъ себѣ всѣ сокровища и украшенія, которыя ему понравились, а затѣмъ остальныя богатства отдалъ на расхищеніе своему войску.

Городъ онъ приказалъ уничтожить и, стоя на вершинѣ Сололакской горы, самъ распоряжался его разрушеніемъ. По мановенію руки жестокаго шаха пламя разливалось по тѣснымъ улицамъ города, и въ жесточайшихъ мукахъ гибло все, что исповѣдывало христіанскую вѣру. Митрополитъ грузинскій заперся съ духовенствомъ въ Сіонскомъ соборѣ, но персы выломали двери, сожгли иконостасъ, раскидали святыню и перебили священниковъ, а самого старца митрополита сбросили въ Куру съ виноградной террасы его собственнаго дома. Армянское духовенство, по приказанію грознаго шаха, собрано было все вмѣстѣ и поголовно вырѣзано въ оградѣ Ванкскаго собора. На авлабарскомъ мосту персіяне выставили и заставляли плѣнныхъ христіанъ издѣваться надъ мощами св. Евстафія, а ослушниковъ бросали въ Куру. И рѣка скоро запрудилась трупами, такъ какъ къ чести грузинъ и армянъ не нашлось никого, кто бы пошелъ на сдѣлку съ своею совѣстью, ради сохраненія жизни. Въ общемъ погромѣ не были пощажены ни женщины, ни дѣти; даже грудныхъ младенцевъ персіяне вырывали изъ рукъ матерей и разбивали о камни, или перерубали пополамъ со всего размаха только для того, чтобы испытать остроту своихъ сабель. Грузія не видѣла у себя такого погрома со временъ Чингисъ-хана и Тамерлана.

Въ цвѣтущемъ городѣ, съ его дворцами и великолѣпными христіанскими храмами, не осталось камня на камнѣ: онъ былъ превращенъ въ такую груду развалинъ, что у Ираклія въ первое время явилась даже мысль совсѣмъ уничтожить Тифлисъ, а оставшихся жителей перевести на другое мѣсто. Къ счастію, этому воспротивились впослѣдствіи уже сами грузины *).

Бѣдственные дни, испытанные Тифлисомъ въ то время, нашли себѣ отраженіе въ народной поэзіи и создали много чудныхъ легендъ, которыя въ старое время жили, да и теперь живутъ, во многихъ грузинскихъ и армянскихъ семействахъ.

*) Дубровинъ. Походъ графа Зубова въ Персію въ 1796 году.

Есть преданіе, что изъ всего населенія Тифлиса, неуспѣвшаго бѣжать изъ города заблаговременно, только и спаслись 50 человѣкъ, которые укрылись на святой горѣ въ обители св. Давида и даже, можетъ быть, въ той самой пещерѣ, гдѣ теперь стоитъ гробница Грибоѣдова. Замѣчательно, что персіяне по какому-то неизъяснимому обстоятельству ни разу не попытались даже войти въ этотъ старый монастырь, долженствовавшій, казалось бы, напротивъ привлечь къ себѣ алчныхъ грабителей. Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что шахское войско опасалось выходить изъ города, чтобы не попасть на засаду; но какъ бы то не было, а святая обитель укрыла и спасла всѣхъ тѣхъ, которые искали въ ней спасенія *).

Существуетъ разсказъ о смерти въ эти кровавые дни знаменитаго народнаго пѣвца Сайятъ-Нова, имя котораго сто лѣтъ тому назадъ было славно повсюду отъ царскаго дворца до сакли ремесленника. Это былъ бѣдный армянинъ, ткачъ по ремеслу, ашугъ (народный пѣвецъ) по призванію. Его слушали и въ бѣдныхъ развалившихся хижинахъ, и на обширныхъ площадяхъ богатаго города, и въ пышномъ дворцѣ грузинскаго царя Ираклія, покровительствовавшаго искуствамъ и страстно любившаго народное пѣніе. Вторженіе персіянъ застало его въ церкви св. Георгія **). Заслышавъ приближеніе враговъ, онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, съ крестомъ въ рукахъ; они изрубили его на церковномъ помостѣ и черезъ трупъ ашуга вломились въ церковь.

Народная память, сохраняетъ также имена княгини Амилахвари и другой княгини, по имени Соломіи, которыя закон-

*) Всѣ историки свидѣтельствуютъ согласно, что персіяне настолько опасались новаго нападенія грузинъ, что оставили лагерь подъ Соганлугомъ. Съ разсвѣтомъ каждаго дня толпы ихъ приходили въ Тифлисъ, предаваясь въ немъ грабежамъ и неистовствамъ, но къ сумеркамъ всегда возвращались въ лагерь. Этимъ же объясняютъ и то, что вся Карталинія осталась нетронутой.

**) Церковь эта существуетъ въ старомъ городѣ, недалеко отъ Майдана. Въ церкви и понынѣ показываютъ могилу Сайятъ-Нова.

чили свою жизнь подвигами ярко отразившими въ себѣ высшіе идеалы ихъ, какъ женщинъ и христіанокъ *).

Въ теченіе нѣсколькихъ дней персіяне вывели до 10-ти тысячъ плѣнныхъ, преимущественно молодыхъ и красивыхъ женщинъ; цифра убитыхъ не могла быть приведена въ извѣстность, но изъ всего 60-ти-тысячнаго населенія города, какъ говоритъ Дубровинъ, не осталось въ немъ и 35-ти тысячъ. Удовольствовавшись такимъ разгромомъ, Ага-Магометъ-ханъ въ концѣ сентября мѣсяца покинулъ Грузію и отошелъ къ Ганжѣ. Оттуда онъ вступилъ въ переговоры съ Иракліемъ, требуя въ аманаты одного изъ царскихъ сыновей или внуковъ. Ираклій поддерживалъ переговоры, а между тѣмъ приказалъ народу готовиться къ новой войнѣ и назначилъ сборные пункты войскамъ. Царевича Давида онъ отправилъ въ Тифлисъ устраивать городъ и собирать разсѣявшихся жителей. Самъ царь со всѣмъ дворомъ переѣхалъ въ Телавъ, и оттуда послалъ письмо къ Гудовичу, въ которомъ писалъ, что если помощь не будетъ подана въ скоромъ времени, то онъ, не имѣя силъ противиться персидскому завоевателю, вынужденъ будетъ согласиться на всѣ его требованія.

---

*) Иллюстрированное прибавленіе къ „Тифлисскому листку" 1899 г. № 1. „Легенды стараго Тифлиса".

XVI.

Война съ Персіей. Отряды Сырохнева въ Грузіи и Савельева подъ Дербентомъ. Главнокомандующій графъ Зубовъ. Покореніе Дербента, Кубы и Баку. Бѣгство Шихъ-Али-хана и его послѣдствія. Измѣна Нуръ-Али-хана. Занятіе Шемахи. Покореніе Ганжи. Стоянка у Джевата. Неожиданное возвращеніе войскъ въ Россію.

Нашествіе на Грузію Аги-Магометъ-хана и варварское избіеніе ея жителей произвели въ Петербургѣ, не ожидавшемъ такого быстраго движенія со стороны персіянъ, крайне удручающее впечатлѣніе, и, какъ справедливо говоритъ Зиссерманъ, легло укоромъ на нашу политическую совѣсть *). Раззореніе Грузіи, находившейся подъ покровительствомъ Россіи, было прямымъ оскорбленіемъ достоинства великой державы, прямымъ вызовомъ ея на войну,—и Гудовичъ считалъ необходимымъ для пользы края наказать персіянъ за ихъ коварный и вѣроломный поступокъ.

„Ежели благоугодно будетъ повелѣть,—писалъ онъ императрицѣ,—опрокинуть Агу-Магометъ-хана... то мнѣніе мое въ томъ состоитъ, чтобы сначала весны послать небольшую часть войскъ въ Грузію, а другою значительною частію, не меньше, какъ 12-ю баталіонами, знатною частію артиллеріи, съ 30-ю эскадронами драгунъ и съ казаками, вступить въ мартѣ мѣсяцѣ въ Персію берегомъ Каспійскаго моря, и идти съ оными въ Гилянъ, а оттуда и далѣе“. Но чтобы дать скорѣйшую помощь Грузіи и предохранить ее отъ новаго вторженія, которыми ей могли угрожать персіяне, расположившіеся зимовать подъ Ганжею, Гудовичъ немедленно отправилъ въ Тифлисъ полковника Сырохнева съ отрядомъ, который въ составѣ двухъ баталіоновъ

*) Исторія Кабардинскаго полка, т. I.

пѣхоты и 30-ти казаковъ при шести орудіяхъ *), долженъ былъ идти прямо черезъ горы. Извѣщая объ этомъ Ираклія, Гудовичъ писалъ, что считаетъ этотъ отрядъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы возстановить въ царствѣ грузинскомъ порядокъ и должное уваженіе къ его высокой особѣ.

Какъ ни торопился идти Сырохневъ, выступившій съ линіи въ глухую осень, но, задержанный въ пути ненастною погодою, только въ ноябрѣ мѣсяцѣ перевалилъ снѣговой хребетъ и, спустившись въ долину Арагвы, остановился въ Душетѣ. Дальше идти было нельзя—Тифлисъ представлялъ собою одну безобразную груду развалинъ, въ которыхъ нельзя было достать продовольствія и негдѣ было укрыться отъ стужи и ненастья. Столица Грузіи дѣйствительно находилась въ ужасномъ положеніи. Жители только что начинали еще собираться, но возвращеніе ихъ представляло слишкомъ тяжелую и грустную картину: отцы разыскивали своихъ дѣтей; дѣти не знали что сталось съ ихъ родителями; матери оплакивали дочерей, уведенныхъ въ плѣнъ; многіе не находили не только своихъ домовъ, срытыхъ до основанія, но даже мѣстъ, гдѣ они были построены. Самъ царь поселился въ палаткѣ, разбитой на дворѣ разрушеннаго дома князя Дарчи Бебутова, бывшаго тифлисскимъ полицеймейстеромъ **). Царицу со всѣмъ дворомъ, за неимѣніемъ пристанища, отправили въ Телавъ, и ей сопутствовали укоры всего населенія, считавшаго ее главною виновницею раззоренія. Въ городѣ не было никакого порядка. Голодные, въ лахмотьяхъ, жители бродили по улцамъ, не зная гдѣ преклонить свои головы. Къ этому присоединились шайки вооруженныхъ мародеровъ, которыя, собравшись сюда на добычу, грабили всѣхъ и произво-

---

*) Одинъ баталіонъ егерей Кавказскаго корпуса, другой баталіонъ Кавказскаго пѣхотнаго—нынѣ Грузинскаго гренадерскаго полка.

**) Кишмишевъ. Походъ Шахъ-Надира. По другимъ свѣдѣніямъ, заслуживающимъ вниманіе, какъ напр. записки царевича Давида, царь вовсе не возвращался въ свою столицу, а изъ Ананура проѣхалъ прямо въ Телавъ; въ Тифлисѣ же были сперва царевичъ Давидъ, а потомъ Георгій.

дили неистовства, не хуже кизильбашей. Пришлось ввести въ Тифлисъ отрядъ Сырохнева, и только съ его прибытіемъ въ концѣ декабря 1795 года водворился кое какой порядокъ: мародеры исчезли, спокойствіе возстановилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилось и уваженіе къ царской власти, ослабленной и поколебленной персидскимъ нашествіемъ.

Какъ только вѣсть о томъ, что русскіе переправились уже черезъ горы, дошла до Ага-Магометъ-хана, онъ тотчасъ покинулъ Ганжу и отступилъ на Муганскую степь, откуда потребовалъ подчиненія своей власти всѣхъ прикаспійскихъ владѣльцевъ, а въ Шемаху отправилъ сильный 20-ти-тысячный отрядъ для покоренія этого ханства. Шамхалъ тарковскій, уцмій каракайтагскій, ханы дербентскій и казикумухскій, кадіи табасаранскій и акушинскій—всѣ рѣшили единодушно противиться Ага-Магометъ-хану и требовали русской помощи. Гудовичъ тотчасъ собралъ въ Кизлярѣ новый отрядъ, который, въ составѣ трехъ баталіоновъ при шести орудіяхъ и тысячи конницы, подъ командой генералъ-маіора Савельева, долженъ былъ идти въ Дагестанъ и занять Дербентъ, считавшійся ключемъ и воротами въ Персію. Зима съ жестокими морозами задержала движеніе нашихъ войскъ настолько, что они могли выступить съ линіи лишь 19-го декабря, а тѣмъ временемъ Ага-Магометъ-ханъ успѣлъ уже овладѣть Шемахою. Ханъ бѣжалъ въ горы, и персіяне безпрепятственно грабили и опустошали его владѣнія. Испуганный близостью Ага-Магометъ-хана, а съ другой стороны вовсе не желавшій покориться русскому правительству, Шихъ-Али-ханъ дербентскій первый отсталъ отъ союза съ прочими дагестанскими владѣльцами; онъ послалъ подарки персидскому шаху и, заперпись въ городѣ, объявилъ, что не пропуститъ русскихъ черезъ свои владѣнія, а въ случаѣ надобности будетъ отстаивать свою независимость оружіемъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, Гудовичъ отправилъ къ Савельеву еще два баталіона пѣхоты и приказалъ овладѣть Дербентомъ открытою силой.

Савельевъ нашелъ городъ уже приготовившимся къ защитѣ. Выѣхавшая изъ крѣпости татарская конница завязала перестрѣлку съ нашими казаками, но была разогнана пушечными выстрѣлами, и Савельевъ, занявъ высоты, командовавшія Дербентомъ, заложилъ на нихъ батареи. Послѣ тщетныхъ переговоровъ склонить Шихъ-Али къ добровольной покорности, началось бомбардированіе города. Дербентцы защищались упорно, видимо разсчитывая на чью нибудь постороннюю помощь. Дѣйствительно Дагестанъ начиналъ уже колебаться. Надо сказать, что въ это время Ага-Магометъ-ханъ, получивъ извѣстіе о возстаніи Хоросана, покинулъ Муганскую степь и двинулся противъ мятежнаго сатрапа, а съ его удаленіемъ, когда опасность миновала, болѣшая часть дагестанскихъ владѣльцевъ, уже не нуждавшаяся въ русской помощи, стала поддерживать Шихъ-Алихана. Бакинскій ханъ прислалъ ему двѣ пушки вмѣстѣ съ прислугою; уцмій каракайтагскій, ханъ казикумухскій, акушинцы и другіе народы также обѣщали ему содѣйствіе, и въ Дербентѣ скоро собралось до десяти тысячъ защитниковъ. Отрядъ Савельева былъ слишкомъ слабъ, чтобы при такихъ условіяхъ овладѣть сильною крѣпостью, и дѣло съ его стороны ограничилось только бомбардированіемъ города, да отраженіемъ вылазокъ, которыя дѣлали дербентцы.

Между тѣмъ наступила весна 1796 года, и въ Кизлярѣ началъ формироваться дѣйствующій корпусъ. Такъ какъ главныя операціи предполагались по берегу Каспійскаго моря, то, для обезпеченія продовольствія войскъ, въ Астрахани учрежденъ былъ главный магазинъ, откуда на судахъ Каспійской флотиліи провіантъ легко могъ доставляться въ Баку или въ другіе пункты, смотря по надобности. Кромѣ того, войскамъ дѣйствующаго корпуса приказано было имѣть при себѣ подвижной магазинъ съ запасомъ на четыре мѣсяца. Гудовичъ дѣятельно готовился къ походу, вполнѣ увѣренный, что ему поручено будетъ начальство надъ корпусомъ, но, къ прискорбію своему, скоро

увидѣлъ, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Оставаясь на линіи, онъ долженъ былъ заботиться только о продовольствіи отряда, а главнокомандующимъ дѣйствующихъ войскъ *) назначенъ былъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, которому подчинены были также Каспійская флотилія, отрядъ ген. Савельева и войска, находившіяся въ Грузіи съ полк. Сырохневымъ.

Зубову было въ это время только 24 года. Быстрымъ возвышеніемъ онъ былъ, конечно, обязанъ прежде всего близости къ императрицѣ родного брата своего князя Платона Александровича, но несомнѣнно также, что онъ оправдалъ довѣріе государыни и ревностною службой и личнымъ мужествомъ, запечатлѣннымъ тяжелою раною. На штурмѣ Измаила онъ получилъ георгіевскій крестъ изъ рукъ самого Суворова, а послѣ окончанія турецкой войны отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу, гдѣ въ одномъ изъ сраженій, при переправѣ черезъ Бугъ, ядро оторвало ему ногу. Зубовъ лечился за-границей и возвратился назадъ съ искусственною ногою, такъ хорошо сдѣланной, что могъ ѣздить верхомъ и оставаться на конѣ по суткамъ. Впослѣдствіи персіяне и горцы такъ и называли его „кизылъ-ягъ“ т. е. золотая нога. Императрица пожаловала ему за польскій походъ чинъ генералъ-поручика, Георгія 3-й степени и андреевскую ленту. На ряду съ недостатками, общими молодымъ людямъ екатерининскаго вѣка, въ характерѣ Зубова, по словамъ современниковъ, было много такихъ симпатичныхъ чертъ, которыя дѣлали его любимцемъ русскаго войска. И солдаты, дѣйствительно, боготворили своего юнаго полководца.

Зубовъ прибылъ въ Кизляръ 25-го марта 1796 года и засталъ въ сборѣ 8 баталіоновъ пѣхоты, силою въ 6190 штыковъ, четыре полка драгунъ, семь казачьихъ командъ и двадцать одно орудіе. Это былъ Каспійскій корпусъ, съ которымъ онъ долженъ былъ занять Дербентъ и Баку. Въ то же время предполагалось усилить войска, находившіяся въ Грузіи, и подъ име-

*) Дубровинъ. Походъ графа Зубова въ Персію въ 1796 году.

19

немъ Кавказскаго корпуса направить ихъ къ сторонѣ Ганжи и Карабага такъ, чтобы дѣйствовать съ двухъ сторонъ и во взаимной связи. Если бы Ага-Магометъ-ханъ обратился противъ главныхъ силъ, наступавшихъ изъ Дагестана, тогда Кавказскій корпусъ быстрымъ движеніемъ черезъ Ширванское ханство могъ зайти ему въ тылъ и поставить персіянъ въ крайне затруднительное положеніе „быть тѣснимыми съ фронта и не имѣть отступленія“. Если бы персіяне, напротивъ, обратились на Грузію, Кавказскій корпусъ, занявъ удобную и крѣпкую позицію, долженъ былъ задерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока главныя силы не выйдутъ изъ Баку имъ въ тылъ и не отрѣжутъ отъ Аракса. Наконецъ, если бы шахъ, не желая подвергнуть себя пораженію, сталъ отступать внутрь Персіи, оба корпуса, соединившись вмѣстѣ при сліяніи Куры и Аракса, переходятъ въ наступленіе совокупными силами. Въ указѣ данномъ графу Зубову *), ясно опредѣлялось, что цѣль похода заключается въ освобожденіи Грузіи, въ поддержкѣ всѣхъ христіанъ, живущихъ въ Закавказьи, и въ низложеніи владычества Ага-Магометъ-хана черезъ возстаніе противъ него адербейджанскихъ и другихъ хановъ, которые пожелали бы освободиться отъ персидскаго ига. Ту же цѣль имѣла и каспійская флотилія, отправленная съ десантомъ, который, занявъ прибрежныя провинціи Гилянъ, Зинзили, Астрабадъ и Мазандеранъ, долженъ былъ провозгласить ихъ независимыми отъ Персіи.

„Возстановленіемъ въ единой зависимости Россіи меликовъ армянскихъ и подвластныхъ имъ карабагскихъ жителей—писала императрица Зубову,—привлеченіе на нашу сторону патріарха армянскаго, покровительствомъ приверженныхъ намъ ханамъ и всему христіанскому населенію Закавказья и, наконецъ, распространеніемъ царства Грузинскаго присоединеніемъ къ нему ханствъ Ганжинскаго и Эриванскаго, мы можемъ пріобрѣсти значительное вліяніе на дѣла Персіи и Турціи“...

*) 19-го февраля 1796 года.

Но Зубову, при первомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями, во многомъ пришлось отказаться отъ выполненія этого плана. Первое затрудненіе онъ встрѣтилъ въ войскахъ, которыя собирались медленно и не были еще готовы къ походу. Кавказскій корпусъ не начиналъ даже формироваться, ожидая прибытія новыхъ войскъ изъ Россіи, которыя должны были смѣнить его на линіи.

Каспійская флотилія, едва располагавшая двѣнадцатью судами, изъ которыхъ семь крейсировали у персидскихъ береговъ, не могли своевременно доставить продовольственныхъ запасовъ, и склады образованы не были. Кромѣ того, графъ убѣдился лично, что отправить Кавказскій корпусъ прямо черезъ горы не было возможности: во первыхъ потому, что въ горахъ еще лежали глубокіе снѣга, черезъ которые можно было перейти только на лыжахъ; а во вторыхъ, доставка продовольствія съ Кавказской линіи была не мыслима, а раззоренная Грузія не могла продовольствовать даже двухъ баталіоновъ Сырохнева.

Опасаясь между тѣмъ упустить время, Зубовъ рѣшилъ начать военныя дѣйствія съ тѣмъ, что имѣлось у него подъ рукой, а Кавказскій корпусъ, по окончаніи его формированія, направить берегомъ Каспійскаго моря, вслѣдъ за главными силами съ тѣмъ, чтобы ввести его въ Грузію черезъ Шемаху и Ганжинское ханство. Генералу Савельеву, все еще стоявшему подъ Дербентомъ, также послано было приказаніе отступить отъ города, и, занявъ выгодную позицію, ожидать прибытія главнаго корпуса. Графъ Зубовъ опасался, „что помянутый отрядъ, стоя не малое время подъ крѣпостью, пріучить оную взирать нетрепетно на побѣдоносное россійское оружіе, а за подобное оскорбленіе отмстить самъ по себѣ Савельевъ недостаточенъ“.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Зубовъ переправилъ войска за Терекъ, но у Лащуринскаго карантина имъ пришлось простоять еще болѣе недѣли, поджидая обозовъ, которые не могли двигаться за безпрерывными метелями. Пользуясь невольной

остановкой, Зубовъ привелъ въ порядокъ войска, и раздѣлилъ весь корпусъ на четыре бригады: первую пѣхотную, подъ командой генералъ-маіора Булгакова, составили два баталіона Кубанскихъ егерей и два баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка; вторую, генералъ-маіора Римскаго-Корсакова—сводный гренадерскій баталіонъ, два баталіона Тифлисскаго и одинъ Воронежскаго полковъ. Затѣмъ, драгунскіе полки Владимірскій и Нижегородскій образовали первую кавалерійскую бригаду генералъ-маіора барона Бенигсена, а Таганрогскій и Астраханскій—вторую, графа Апраксина.

Полевая артиллерія распредѣлена была по этимъ бригадамъ.

Резервъ составляла вся иррегулярная конница, подъ командой генералъ-маіора Платова: Чугуевскій регулярный казачій полкъ, донскіе полки Орлова и Машлыкина, 1365 линейныхъ казаковъ и Легіонная команда въ числѣ 120-ти человѣкъ *). За этими войсками, кромѣ полковыхъ обозовъ, слѣдовало еще 1414 воловыхъ фуръ подвижного транспорта. Одновременно съ этимъ, въ Астрахани, подъ командой контръ-адмирала Федорова составлялся десантный отрядъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ пѣшихъ полковъ Черноморскаго казачьяго войска, а князю Циціанову приказано было остаться въ Кизлярѣ, и ускорить формированіе Кавказскаго корпуса.

Наконецъ все было готово, всѣ распоряженія сдѣланы,—и 18-го апрѣля войска двинулись по дорогѣ къ Дербенту. Черезъ Сулакъ переправились у Кази-юрта и 22-го числа достигли рѣчки Озени, памятной въ исторіи края гибелью русскихъ отрядовъ Хворостинина, Плещеева и Бутурлина. Здѣсь получены были извѣстія, что Шихъ-Али-ханъ дербентскій, вмѣстѣ съ хамбутаемъ казикумухскимъ, готовятся пройти черезъ табасаранскія и каракайтагскія ущелья, чтобы напасть на отрядъ Савельева съ тыла. Это заставило Зубова ускорить походъ. Миновавъ Тар-

*) Платовъ съ двумя казачьими полками догналъ отрядъ на походѣ, когда войска стояли подъ Дербентомъ.

ки, резиденцію шамхаловъ, войска двинулись дальше по песчаному Каспійскому побережью и 2-го мая увидѣли наконецъ передъ собою историческія стѣны древняго Дербента. Здѣсь присоединился къ нимъ весь отрядъ Савельева. Передъ ними возвышалась высокая крутая гора, увѣнчанная замкомъ или цитаделью, а подъ нею красивыми и живописными террасами раскидывался городъ. Одна половина его лежала на самомъ склонѣ горы, другая, уже покинутая жителями, на песчаномъ прибрежьи. Часть эта называлась Дубари. Каменная стѣна, надъ которою пронеслись тысячилѣтія опоясывала обѣ половины города и упиралась однимъ концомъ въ горы, другимъ уходила въ море и омывалась его волнами. Такая же точно стѣна отдѣляла и нижнюю часть города отъ верхней. Оттѣснивъ вышедшую изъ крѣпости конницу, войска спустились съ высотъ и разбили лагерь передъ городомъ. Въ тотъ же дѣнь Зубовъ произвелъ рекогносцировку и убѣдился, что прежде всего нужно овладѣть передовою башней, которую дербентцы успѣли построить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли батареи Савельева. Это былъ самый выгодный пунктъ для бомбардированія города. Но такъ какъ наши ядра отскакивали отъ толстыхъ, каменныхъ стѣнъ башни, то Зубовъ рѣшилъ въ ту же ночь овладѣть ею посредствомъ открытаго штурма, и назначилъ для этого баталіонъ Воронежскаго полка и двѣ гренадерскія роты, подъ начальствомъ генералъ-маіора Римскаго-Корсакова.

Ночью разразилась страшная буря. На открытыхъ морскихъ берегахъ свирѣпый вѣтеръ, ливень, удары грома и молніи были гораздо грознѣе, нежели въ горахъ. Палатки въ лагерѣ почти всѣ были опрокинуты и частію сброшены въ море; кавалерія все время держала въ поводу лошадей, которыя при каждомъ ударѣ метались и бились, угрожая вырваться и ускакать къ непріятелю. А въ это самое время подъ стѣнами Дербента шло горячее, кровавое дѣло. Воронежцы штурмовали башню. Башня была высокая, четырехъ-ярусная, а штурмовыхъ

лѣстницъ не было; солдаты подсаживали другъ друга, но не смотря на всю отчаянную храбрость, выказанную ими въ бою, они были отбиты, и, потерявъ болѣе ста нижнихъ чиновъ и почти всѣхъ офицеровъ, отступили въ лагерь.

Неудача перваго ночного штурма заставила Зубова прибѣгнуть къ осадѣ. Городъ обложенъ былъ съ двухъ сторонъ и окруженъ батареями, изъ числа которыхъ одной командовалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, тогда еще капитанъ артиллеріи. Начатое бомбардированіе не причиняло однако непріятелю большаго вреда, а между тѣмъ персіяне отвѣчали огнемъ изъ своихъ орудій, и ядра ихъ залетали такъ далеко, что въ кавалерійскомъ лагерѣ были убитыя лошади и раненые люди *). Приходилось во что бы то ни стало сбить непріятеля съ командующихъ высотъ, а для этого было единственное средство—штурмъ. Непріятель также ожидалъ его, и держалъ для прикрытія башни 500 человѣкъ, располагавшихся во рву между ею и крѣпостною стѣною. Съ нашей стороны на приступъ назначены были опять тѣ же двѣ гренадерскія роты и баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Булгакова. Штурмъ приказано было сдѣлать 7-го мая послѣ непродолжительнаго, но усиленнаго бомбардированія башни **). Самъ Зубовъ, окруженный свитою, помѣстился на высокомъ курганѣ, откуда могъ видѣть всѣ подробности боя, и въ $9^1/_2$ часовъ утра подалъ сигналъ къ атакѣ. Одушевленные его присутствіемъ, гренадеры бросились къ башнѣ и черезъ нѣсколько минутъ были уже на ея стѣнахъ. Закипѣла кровавая битва. Защитники верхняго яруса были всѣ переколоты; тогда солдаты разобрали половицы и вмѣстѣ съ досками и балками обрушились въ нижній этажъ на головы враговъ. Гарнизонъ этой башни состоялъ только изъ 70-ти человѣкъ, но то были отборные воины, доброволь-

*) Персидскій походъ 1796 года. Воспоминанія Варвары Ивановны Бакуниной „Русск. Стар.“ 1887 г. т. 53. Бакунина была жена командира Владимірскаго драгунскаго полка и находилась съ мужемъ въ лагерѣ.

**) Бакунина утверждаетъ, что штурмъ происходилъ 8-го мая.

но вызвавшіеся на защиту этого опаснаго пункта,—и ни одинъ изъ нихъ не былъ взятъ въ плѣнъ.

Пока гренадеры бились внутри башни, баталіонъ егерей атаковалъ прикрытіе и вогналъ его въ крѣпость; около полудня вся передовая непріятельская позиція была уже въ нашихъ рукахъ. Въ тотъ же день заложили здѣсь батарею и началось новое жестокое бомбардированіе города. Скоро въ одной изъ наружныхъ башенъ пробита была брешь, и „въ очи непріятеля блеснуло побѣдоносное оружіе вашего императорскаго величества, приготовленными къ штурмованію замка, воинами носимое“,—какъ доносилъ императрицѣ Зубовъ. Съ этой минуты въ Дербентѣ никто уже не думалъ о защитѣ; явились парламентеры, но Зубовъ отправилъ ихъ назадъ, приказавъ сказать, что если черезъ два часа ему не доставятъ городскіе ключи, то городъ будетъ взятъ штурмомъ. Войска дѣйствительно выступили изъ лагеря. Бакунина, свидѣтельница этихъ событій, говоритъ, что Владимірскому и Нижегородскому драгунскимъ полкамъ приказано было обойти городъ со стороны моря, которое около берега было не особенно глубоко и давала возможность кавалеріи обойти стѣну и войти въ Дубари. „Не знаю, говоритъ она, какимъ образомъ разсчитывали перелѣзть черезъ другую стѣну, отдѣлявшую предмѣстье отъ города, однако же было рѣшено, что кавалерійская бригада Бенигсена пойдетъ на приступъ именно съ этой стороны“.

Штурма однако не было. Изъ крѣпости хлынула толпа народа, во главѣ которой шли старшины и представители разныхъ народовъ, пришедшихъ на помощь къ Шихъ-Али-хану. Подойдя къ нашимъ войскамъ, вся толпа стала на колѣни, и изъ среды ея отдѣлился 120-ти-лѣтній старецъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ серебряные ключи Дербента,—тотъ самый старецъ, который за 74 года передъ симъ подносилъ ключи императору Петру Великому. „Оруженосецъ Екатерины II, писалъ графъ Зубовъ, тѣ же ключи отъ того же старца принялъ 10-го мая

1796 года“. Вслѣдъ затѣмъ явился самъ Шихъ-Али, съ повѣшенною на шеѣ саблею въ знакъ покорности и уничиженія. Зубовъ задержалъ его лагерѣ. „Крѣпость занята, доносилъ императрицѣ графъ Зубовъ, гарнизонъ обезоруженъ. Я даровалъ всѣмъ жизнь, да лобызаютъ мысленно съ благоговѣйнымъ ужасомъ и любовью побѣждающую и вмѣстѣ съ тѣмъ милующую десницу Вашу“.

Овладѣніе Дербентомъ стоило намъ 11-ти офицеровъ и болѣе 200 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Крѣпость тотчасъ была занята отрядомъ генерала Савельева, который вступилъ въ городъ съ распущенными знаменами и музыкой. Побѣдителямъ досталось 28 орудій (изъ нихъ 13 подбитыхъ нашею артиллеріею), 5 знаменъ и множество оружія. Савельевъ почелъ первымъ долгомъ возстановить христіанское исповѣданіе, находившееся здѣсь въ большомъ порабощеніи, и „обезпечить свободное отправленіе святой религіи, дабы тѣмъ расположить къ себѣ всѣхъ христіанъ, ощущающихъ иго магометанъ и приготовить ихъ къ объединенію всего христіанскаго населенія Закавказья“ *).

Теперь ворота въ Персію стояли открытыми. Императрица пожаловала Зубову орденъ св. Георгія 2-го класса, брилліантовое перо на шляпу и алмазные знаки Андрея Первозваннаго.

Не смотря на покореніе Дербента, положеніе русскаго корпуса было въ это время весьма затруднительно. Продовольствіе подходило къ концу, а новые транспорты, которыхъ ожидали изъ Астрахани и съ линіи еще не приходили. Графъ Зубовъ опасался идти впередъ, разсчитывая, что дойдя до Баку, можетъ остаться совсѣмъ безъ хлѣба, и въ такомъ невыгодномъ положеніи встрѣтиться съ войсками Аги-Магометъ-хана. О послѣднемъ имѣлись свѣдѣнія, что онъ собираетъ, будто бы, значительныя силы близъ Тегерана, чтобы вернуться къ Араксу. Между тѣмъ за оставленіемъ трехъ баталіоновъ въ Дербентѣ,

*) Донесеніе Зубова отъ 15-го мая 1796 года.

численность русскаго корпуса уменьшилась, и графъ Зубовъ требовалъ присылки новыхъ войскъ съ Кавказской линіи. Но на линіи свободныхъ войскъ не было; Кавказскій корпусъ все еще не былъ сформированъ, а потому Гудовичъ могъ отправить только 140 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ конвоировали транспортъ, слѣдовавшій съ провіантомъ.

Тѣмъ не менѣе, 24-го мая весь русскій корпусъ выступилъ изъ Дербента, и 6-го іюня авангардъ его, подъ командой генерала Булгакова, занялъ Кубу—обширное владѣніе, принадлежавшее также дербентскимъ ханамъ, но управлявшееся особымъ правителемъ. Куба сдалась безъ боя, но здѣсь до графа Зубова стали доходить уже тревожныя вѣсти: въ народѣ распущенъ былъ слухъ, что русскіе идутъ для истребленія хановъ, и сосѣдніе владѣльцы Баку и Шемахи сносились между собою, сговариваясь встрѣтить русскихъ соединенными силами. Чтобы разстроить этотъ планъ, Зубовъ поторопился движеніемъ въ Баку. Выяснилось однако, что подойти къ городу съ цѣлымъ корпусомъ въ это время года не было никакой возможности: на сто верстъ кругомъ его не было не только воды или лѣса, но даже травы. Войска вынуждены были остановиться на границѣ этой безплодной пустыни и расположиться лагеремъ на берегу рѣчки Атычай. Скучна и печальна была эта стоянка. Налѣво, окаймляя горизонтъ тянулся песчаный берегъ моря, направо—голыя, безжизненныя горы; нигдѣ ни малѣйшаго намека на тѣнь или какую нибудь растительность—вездѣ сухая, глинистая почва, растрескавшаяся отъ зноя. Въ войскахъ начались болѣзни, вскорѣ уменьшившія корпусъ почти на половину. Къ счастію, прокламація, посланная къ бакинскимъ жителямъ, возымѣла свое дѣйствіе, и ханъ явился въ русскій лагерь съ изъявленіемъ безусловной покорности.

Для занятія Баку отправленъ былъ генералъ Рахмановъ съ тремя баталіонами при 4-хъ орудіяхъ и Волжскимъ казачьимъ полкомъ. Другіе три баталіона, также съ 4-мя орудіями и ча-

стью кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Булгакова, заняли Кубинское ханство; остальныя войска—4 баталіона и большая часть кавалеріи, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, выступили противъ шемахинскаго хана. Здѣсь въ первый разъ пришлось войскамъ переходить большой Кавказскій хребетъ и познакомиться съ суровою природой южнаго Дагестана. Труденъ былъ этотъ походъ, но зато едва наши войска выбрались изъ страшныхъ горныхъ тѣснинъ и остановились на урочищѣ Курцъ-Булацкій-Ейлагъ, въ мѣстности пользующейся сравнительною прохладой, прекрасными пастбищами и горными ключами, какъ Мустафа-ханъ шемахинскій поспѣшилъ отклонить грозу и присягнулъ на подданство русской императрицы; его примѣру послѣдовали владѣтели Шеки и Карабага.

Край, занятый нашими войсками, находился въ полномъ спокойствіи; но это спокойствіе было только наружное—мы были со всѣхъ сторонъ окружены измѣною. Еще на пути въ шемахинское ханство изъ лагеря бѣжалъ Шихъ-Али-ханъ, воспользовавшись черезъ-чуръ большою свободою, которая была ему предоставлена. Однажды, восхищая всѣхъ лихой джигитовкой, онъ вдругъ поскакалъ на крутую гору, гдѣ виднѣлись какіе-то конные люди, и вмѣстѣ съ ними скрылся изъ виду. Посланные за нимъ казаки скоро потеряли слѣдъ, и ханъ исчезъ, можно сказать, на глазахъ цѣлаго корпуса. Сначала происшествію этому не придали у насъ особаго значенія, но вскорѣ узнали, что бѣгство Шихъ-Али-хана вызвало смуты въ кубинскомъ владѣніи. Мирные доселѣ жители стали уходить въ горы. До Булгакова дошли наконецъ слухи, что въ селеніи Череке каждую ночь съѣзжаются заговорщики, среди которыхъ присутствуетъ самъ Шихъ-Али. Можно было опасаться открытаго возстанія. Булгаковъ донесъ Зубову и просилъ разрѣшеніе сдѣлать набѣгъ на Череке, лежавшій не вдалекѣ отъ лагеря. Главнокомандующій согласился и даже выслалъ къ Булгакову конный отрядъ, подъ командою Платова.

Набѣгъ рѣшено было сдѣлать въ ночь на 3-е іюля съ тѣмъ, что Булгаковъ атакуетъ селеніе съ фронта, а Платовъ съ тыла. Проводникомъ Булгакову вызвался служить самъ кубинскій правитель Вали-бекъ, который подъ личиною преданности русскимъ затаилъ коварный умыселъ спасти своего хана; съ этою цѣлью онъ самъ назначилъ проводника и въ колонну Платова. Не подозрѣвая измѣны, Булгаковъ довѣрился вполнѣ Вали-беку, который повелъ его по такому дремучему и бездорожному лѣсу, что отрядъ долженъ былъ вытянуться въ нитку и пробираться по одиночкѣ. Ночь была темная. Вдругъ Вали-бекъ, ѣхавшій впереди, зажегъ приготовленный факелъ, багровый свѣтъ котораго, предательски освѣтивъ окрестную мѣстность, предупредилъ Шихъ-Али о приближеніи русскихъ. Пока выбирались изъ лѣсу, наступилъ день, и отрядъ, разумѣется, ни кого не засталъ въ Череке. Платовъ, проблудившій всю ночь по лѣсамъ и горамъ, прибылъ еще позднѣе. Набѣгъ, такимъ образомъ, не удался, но тѣмъ не менѣе Шихъ-Али все-таки покинулъ свои владѣнія и бѣжалъ къ казикумухскому хану, который легко поддался на его убѣжденіе собрать войска и напасть на Кубу съ тѣмъ, чтобы истребить Булгакова. Сначала объ этомъ носились одни темные слухи, но потомъ Булгаковъ началъ получать со всѣхъ сторонъ донесенія, что въ горахъ собираются значительныя партіи, и что были уже отдѣльные случаи нападеній на наши пикеты и транспорты. Капитанъ Симоничъ, производившій съемку для составленія карты Кубинскаго ханства, сообщилъ Булгакову 19-го сентября, что едва казаки его подошли къ Самуру, какъ на противоположномъ берегу во владѣніяхъ Сурхая казикумухскаго, тотчасъ зажгли маяки и было замѣчено необычайное движеніе въ ближайшихъ деревняхъ. Въ тоже время преданный намъ кадій табасаранскій писалъ, что горцевъ находится въ сборѣ болѣе 15-ти тысячъ. Благодаря мѣрамъ, принятымъ въ Кубѣ правителемъ ея Вали-бекомъ, въ русскомъ лагерѣ знали менѣе всего, что дѣлается въ окрестно-

стяхъ. Самъ Вали-бекъ конечно имѣлъ у себя самыя точныя свѣдѣнія, но онъ не только ничего не сообщалъ Булгакову, но даже скрылъ отъ него то, что сборнымъ мѣстомъ назначено селеніе Алпаны, лежащее по сію сторону Самура, какъ разъ противъ ущелья, черезъ которое только и можно было пройти на кубинскую равнину.

Встревоженный этими слухами, Булгаковъ послалъ въ Алпаны для наблюденія за непріятелемъ баталіонъ егерей, сотню Хоперскаго казачьяго полка, и два орудія, подъ командою подполковника Бакунина. Отрядъ прошелъ Алпанское ущелье, заросшее дремучимъ чинаровымъ лѣсомъ ночью, но едва на разсвѣтѣ 1-го октября сталъ выходить къ деревнѣ, раскинутой на полугорѣ и очерченной глубокими оврагами, какъ горцы, въ числѣ 10—15 тысячъ, вдругъ ринулись на него изъ этихъ овраговъ. Нападеніе было такъ неожиданно, что оба орудія, едва успѣвъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, были захвачены горцами. Непріятель окружилъ отрядъ—и началось безпощадное истребленіе. Бакунинъ и большинство офицеровъ были убиты; остатки баталіона, уцѣлѣвшіе отъ рѣзни, укрылись за сложенными бревнами и тамъ отбивались. Между тѣмъ выстрѣлы услышаны были въ лагерѣ, откуда немедленно выступилъ весь Углицкій полкъ съ 4-мя орудіями, подъ командой полковника Стоянова, но, къ сожалѣнію, онъ прибылъ тогда, когда отрядъ Бакулина уже былъ уничтоженъ. Атакованные внезапно свѣжими силами, горцы были разбиты на голову и бѣжали съ такою громадною потерей, что о нападеніи на главный кубинскій отрядъ послѣ этого не могло быть рѣчи. Чтобы наказать Шихъ-Али и лишить его возможности вредить намъ въ будущемъ, Зубовъ совершенно отдѣлилъ Кубу отъ дербентскихъ владѣній, и провозгласилъ родного брата Шихъ-Али, Гасанъ-бека, самостоятельнымъ кубинскимъ ханомъ. Въ то же время, не желая оставить безъ отмщенія вѣроломнаго поступка Сурхая казикумухскаго, Зубовъ приказалъ Савельеву и Булгакову съ двухъ сторонъ

вступить въ его владѣнія и опустошить ихъ огнемъ и мечемъ. Но едва Сурхай узналъ о движеніи противъ него войскъ, какъ прислалъ аманатовъ и согласился исполнить всѣ наши требованія: онъ выгналъ Шихъ-Али изъ предѣловъ своего ханства и со всѣмъ народомъ присягнулъ на подданство Россіи. Спокойствіе вездѣ возстановилось.

Одновременно съ волненіями въ Кубинской провинціи, дѣла и въ главномъ отрядѣ, стоявшемъ передъ Шемахою, значительно осложнились. Замыслы Сурхая нашли отголосокъ среди сосѣднихъ владѣній, и ханы шемахинскій, шекинскій и карабагскій, войдя между собою въ тайный союзъ, составили заговоръ, долженствующій привести къ вѣроломному истребленію русскаго корпуса. Для этого у нихъ нашлись сообщники въ самомъ русскомъ лагерѣ. Тамъ находился въ это время братъ ширагскаго владѣльца, убитаго Ага-Магометъ-ханомъ, нѣкто Нури-Али-ханъ, который, опасаясь подобной же участи, бѣжалъ въ отрядъ Савельева, стоявшій подъ Дербентомъ, и былъ отправленъ оттуда въ Кизляръ. Зубовъ взялъ его съ собою въ походъ, обѣщая возвратить ему утраченныя владѣнія. Въ лагерѣ онъ жилъ совершенно свободно и даже имѣлъ собственную свиту до 150-ти человѣкъ, содержавшуюся на деньги русскаго правительства. Но не смотря на это, Нури, какъ истинный персіянинъ, былъ всегда готовъ на самую коварную измѣну. Подкупленный, какъ говорятъ, красотою дочери карабагскаго хана, считавшейся первою звѣздою Закавказья, онъ перешелъ на сторону нашихъ противниковъ и даже принялъ на себя обязанность убить графа Зубова. Для этого онъ намѣревался проникнуть въ ставку главнокомандующаго, куда имѣлъ свободный доступъ и, пользуясь тѣмъ, что Зубовъ никогда не держалъ у себя охранныхъ карауловъ, поразить его собственною рукою. Смерть молодого полководца должна была послужить сигналомъ къ общему нападенію на русскій лагерь и доставить ханамъ побѣду, а Нури—обладаніе первѣйшею красавицею.

Счастливый случай открылъ этотъ страшный заговоръ. Джигитуя однажды по лагерю, Нури сронилъ свою папаху и не замѣтилъ, какъ изъ нея выпала записка, писанная имъ къ шемахинскому хану. Записка была поднята казакомъ и доставлена графу Зубову. Нури со всею своею свитою тотчасъ былъ арестованъ и отправленъ въ Астрахань, а перепуганные ханы одинъ передъ другимъ спѣшили заявить свои вѣрноподданническія чувства. Зубовъ не вѣрилъ ихъ клятвамъ, но опасаясь еще большихъ осложненій, не подавалъ вида, что знаетъ о ихъ коварномъ умыслѣ.

Объ Ага-Магометъ-ханѣ, въ это время не было еще никакихъ извѣстій. Разсказывали, что послѣ жестокаго усмиренія Хоросана, Ага-Магометъ-ханъ по настоянію своихъ приближенныхъ рѣшился наконецъ совершить обрядъ коронованія и, вопреки древнимъ обычаямъ, не въ Ардебилѣ, а въ Мешхедѣ возложилъ на себя ту самую корону, украшенную четырьмя бриліантовыми перьями, которую носилъ Шахъ-Надиръ, какъ эмблему четырехъ покоренныхъ имъ царствъ. Во время этого торжества въ Хоросанѣ было получено неожиданное извѣстіе о войнѣ, объявленной Россіею Персіи *). Тогда шахъ собралъ своихъ военачальниковъ и сказалъ имъ: „Вы требовали, чтобы я возложилъ на себя корону. Но вы знаете также, что я говорилъ, что возложу ея только тогда, когда буду убѣжденъ, что царствованіе мое достигнетъ такой славы, какой не достигало ни одно царствованіе въ Персіи. И я потребую отъ васъ трудовъ небывалыхъ: русскіе объявили войну, и вы поведете на нихъ храбрыя войска мои; вы нападете на стѣны, сгроможденныя изъ пушекъ, и разрубите ихъ своими побѣдоносными мечами“. Начальники одобрили геройскую рѣшимость шаха и обѣщали не жалѣть своей крови. Когда они разошлись, шахъ обратился къ своему первому визирю и спросилъ его:

— Думаешь-ли ты, что я поступлю, такъ какъ говорилъ?

*) Кишмишевъ. Походы Надиръ-Шаха, стр. 288.

Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

— Неужели же я ошибся! гнѣвно воскликнулъ шахъ: неужели и ты также глупъ, какъ и прочіе! Какъ можешь ты думать, что я подставлю свою голову подъ ихъ желѣзныя стѣны и допущу истребить мою неправильную армію ихъ артиллеріей? Я знаю лучше мое дѣло. Никогда русскія пули до меня не достигнутъ, но за то и русскіе будутъ владѣть только тѣмъ, что будетъ находиться подъ огнемъ ихъ пушекъ. Пусть они идутъ, куда пожелаютъ: я вездѣ оставлю имъ одну пустыню“.

Въ тоже время въ воззваніи, обращенномъ къ народу, онъ говорилъ: „Русскіе вступились за грузинъ только потому, что они единовѣрцы имъ, ибо императрицѣ нѣтъ отъ Грузіи никакой прибыли. Поэтому и персіяне, по той же самой причинѣ единовѣрія, обязаны единодушно ополчиться противъ невѣрныхъ, стараться укрѣпить каждый городъ и селеніе и собрать достаточное число способныхъ воиновъ“.

Онъ самъ оставался въ Мешхедѣ и только ограничился тѣмъ, что послалъ въ Мазандеранъ укрѣпить эту провинцію, въ виду возможности русской высадки въ Энзели или Астрабадѣ. Въ тоже время онъ писалъ талышинскому хану, что скоро прибудетъ въ Талышъ и займетъ Сальяны. Русскій десантный отрядъ съ контръ-адмираломъ Федоровымъ находился въ то время уже въ Баку, и Зубовъ въ виду угрозъ, сдѣланныхъ Ага-Магометъ-шахомъ талышинскому хану, приказалъ эскадрѣ въ августѣ мѣсяцѣ выйдти въ море и слѣдовать къ талышинскимъ берегамъ, чтобы въ случаѣ надобности сдѣлать высадку или въ Ленкорани или въ Сальянахъ. Но исполнить это приказаніе было невозможно, такъ какъ у насъ не было судовъ для десанта. Контръ-адмиралъ Федоровъ, обѣщавшій Зубову собрать до двадцати транспортныхъ купеческихъ судовъ, едва нашелъ только 13, да и тѣ пришлось употребить для перевозки провіанта. Тогда графъ Зубовъ приказалъ задерживать всѣ появляющіяся на морѣ персидскія киржимы и приспособлять ихъ для будущаго

десанта; но такихъ киржимовъ персіяне имѣли не много, да и тѣ, въ виду нашего флота, не рѣшались выходить въ море.

Въ поискахъ и въ погонѣ за ними особенно отличались два черноморскіе полка, прибывшіе сюда съ войсковымъ судьею Антономъ Головатымъ. Такъ, однажды небольшая партія казаковъ на лодкахъ сдѣлала поискъ къ персидскимъ берегамъ, разбила нѣсколько приморскихъ поселеній, освободила множество плѣнныхъ армянъ и, овладѣвъ цѣлою флотиліею персидскихъ лодокъ, струговъ и чаекъ, пошла назадъ къ своей эскадрѣ. На дорогѣ ихъ захватила страшная буря, и одна изъ лодокъ, на которой находился лейтенантъ Епанчинъ, два матроса и восемь черноморскихъ казаковъ была отнесена теченіемъ къ персидскому берегу. До полтораста человѣкъ персіянъ, замѣтивъ русское судно, боровшееся съ бурею, тотчасъ бросились въ лодки, чтобы завладѣть имъ, какъ легкою добычей. Лейтенантъ Епанчинъ и оба матроса, кинувшись въ шлюпку, бѣжали. Но черноморцы, выбрали изъ своей среды атаманомъ Игната Саву и приготовились къ бою. Какъ только персидскія лодки стали сближаться и непріятель открылъ батальный огонь, казаки дали залпъ *съ уговоромъ безъ промаху*. Первымъ же залпомъ они уложили персидскихъ начальниковъ, а потомъ, какъ отличные стрѣлки, перебили, по выраженію Головатаго, и *підстаршихъ панківъ*. Тогда смущенные персіяне бѣжали и наши вернулись назадъ безъ всякой потери. „Не загинула ще казацька слава, доносилъ Головатый, коли восимь человікъ могли дать персіянамъ почувствовать, що въ черноморцівъ за сила“.

Но были въ этомъ походѣ и грустные факты. Командиръ 2-го Черноморскаго полка полковникъ Великій, посланный на поискъ къ острову Колишеванъ, былъ застигнутъ сильнымъ штормомъ и, опрокинутый со шлюпкою, погибъ въ волнахъ Каспійскаго моря. Другой командиръ полка полковникъ Чернышовъ, вмѣстѣ съ частью своихъ казаковъ, со знаменемъ, куреннымъ перначемъ и съ иконою, которою благословилъ ихъ херсонскій

военный губернаторъ при отправленіи въ походъ, пропалъ безслѣдно на переѣздѣ къ острову Сара. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ о немъ не было ни слуху, ни духу, и только впослѣдствіи оказалось, что Чернышовъ, потерпѣвъ крушеніе, былъ выброшенъ бурею гдѣ-то на берегъ Дагестана, долго странствовалъ въ горахъ, тщательно сберегая свою казацкую святыню, и только въ началѣ 1797 года успѣлъ присоединиться къ полку.

Вообще положеніе нашего десантнаго отряда было крайне печальное. Убійственный климатъ и всевозможныя лишенія производили въ немъ непомѣрную смертность. Довольно указать на то, что въ короткое время умерли: контръ-адмиралъ Федоровъ, потомъ смѣнившій его въ командованіи флотиліею графъ Апраксинъ, и наконецъ Головатый, едва успѣвшій принять начальство надъ десантомъ. Зубова озабочивала еще и то обстоятельство, что черноморскіе полки прибыли пѣшими, въ расчетѣ купить лошадей на мѣстѣ, но не только въ горахъ, но даже въ ближайшихъ персидскихъ провинціяхъ ни лошадей, ни сѣдель достать было невозможно. Десантныя войска обречены были на полное бездѣйствіе.

Бездѣйствовали также и главныя силы, которыя за отдѣленіемъ отъ себя значительныхъ частей въ Дербентъ, Баку и Кубу, не могли продолжать наступательныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что не были обезпечены ни продовольствіемъ, ни перевозочными средствами. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ стали подходить транспорты и прибылъ, наконецъ, давно ожидаемый Кавказскій корпусъ. Зубовъ немедленно отправилъ его для овладѣнія Ганжею. Но такъ какъ командиръ его князь Циціановъ назначенъ былъ въ тоже время комендантомъ въ Баку, гдѣ требовался дѣятельный и энергическій начальникъ, то кавказскія войска поручены были генералъ-маіору Римскому-Корсакову. Въ составъ этого корпуса вошли: 2-й баталіонъ Кубанскихъ егерей, сводный гренадерскій баталіонъ, Таганрогскій драгунскій и Павлоградскій легко-конный полки, донскіе полки Орлова и Ки-

рѣева, и шесть полевыхъ орудій. Обозъ отряда состоялъ изъ 800 повозокъ и 250-ти верблюдовъ, на которыхъ везлось трехъмѣсячное довольствіе.

Вмѣстѣ съ Римскимъ-Корсаковымъ отправился въ Грузію и архіепископъ армянскій князь Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ, котораго императрица признала полезнымъ отправить въ распоряженіе графа Зубова, какъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ своихъ соотечественниковъ и близко знакомаго съ нравами и обычаями персіянъ.

Князь Іосифъ имѣлъ свою каѳедру въ Астрахани, и оттуда управлялъ армянскою церковью въ Россіи. Человѣкъ знатнаго рода, высокаго ума и обширнаго образованія, онъ пользовался вниманіемъ императрицы, и особымъ довѣріемъ князя Потемкина, который поддерживалъ черезъ него всѣ сношенія съ христіанами, какъ въ Персіи, такъ и въ Турціи. Задача, возложенная на князя Іосифа въ этомъ походѣ, была очень трудная. Дѣло въ томъ, что Зубовъ, искренно желавшій скорѣйшаго освобожденія христіанъ и возстановленія ихъ во всѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ правахъ, наружно долженъ былъ скрывать это желаніе и показывать къ нимъ равнодушіе, чтобы преждевременно не возбудить подозрительности со стороны мусульманъ. Но такъ какъ подобное обращеніе съ христіанами, для которыхъ оно составляло загадку, могло колебать ихъ надежды и вызвать даже къ намъ охлажденіе, то на архіепископа и возложено было тайное посредничество къ примиренію этихъ двухъ противоположныхъ крайностей. Какъ человѣкъ, знакомый съ краемъ, Іосифъ взялся за дѣло умѣлою рукою, и, поддерживая въ христіанахъ вѣру на лучшіе дни, не оскорбляя при томъ религіознаго чувства магометанъ и самолюбія хановъ, онъ подготовилъ почву настолько, что Зубовъ, какъ выражается самъ, „могъ возстановить христіанъ вдругъ и уже съ непоколебимою прочностью“. Обстоятельства, о которыхъ сказано будетъ ниже, помѣшали осуществленію этой идеи.

Католикосъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгорукій.

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ.

Іосифъ *) также долженъ былъ содѣйствовать Римскому-Корсакову въ нереговорахъ съ грузинскимъ царемъ въ дѣлѣ „уничтоженія удѣловъ, вредныхъ для царства“. Зубовъ поручилъ ему убѣдить царя, „что если обильная и пространная Грузія управляема будетъ единовластно, то будучи со временемъ усилена присоединеніемъ къ ней Эриванской и Ганжинской провинцій и привлеченіемъ къ зависимости меликовъ армянскихъ, страна эта можетъ быть грозою для сосѣдей“.

Но переговоры въ этомъ смыслѣ не привели ни къ какимъ результатамъ. Ираклій писалъ Зубову, что уничтожить удѣлы онъ уже не въ силахъ, что предоставляетъ это въ полную волю императрицы, и что въ случаѣ своей смерти полагаетъ болѣе всего надежды на внука своего царевича Давида.

За царемъ, дѣйствительно, оставался въ это время одинъ только призракъ самодержавной власти. Онъ даже не могъ отправить изъ Тифлиса отрядъ Сырохнева, который долженъ былъ выступить на встрѣчу къ Римскому-Корсакову, такъ какъ, не смотря на царскіе указы, въ цѣлой Грузіи не нашлось для него перевозочныхъ средствъ, а по пути къ Ганжѣ не было заготовлено ни фуража, ни продовольствія. Впрочемъ, Римскій-Корсаковъ обошелся и безъ помощи тифлисскаго отряда. 13-го декабря, какъ только онъ подошелъ къ Ганжѣ, Джеватъ-ханъ, тотъ самый, который явился страшнѣйшимъ бичемъ христіанъ при раззореніи Тифлиса, отворилъ крѣпостныя ворота и покорно поднесъ городскіе ключи. Крѣпость тотчасъ была занята русскимъ гарнизономъ, а отрядъ Корсакова расположился лагеремъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній главнокомандующаго.

Одновременно съ движеніемъ Римскаго-Корсакова, 26-го

*) Князь Іосифъ происходилъ изъ древняго княжескаго рода, игравшаго видную роль уже въ царствованіе царицы Тамары. Два брата Захарій и Иванъ Аргутинскіе-Долгоруковы стояли тогда во главѣ управленія Грузіею и много содѣйствовали ея величію въ славное царствованіе Тамары. Въ 1800 году князь Іосифъ былъ возведенъ въ санъ патріарха-католикоса всѣхъ армянъ, но, въ томъ же году скончался на пути въ Эчміадзинъ.

октября выступили и главныя силы по дорогѣ къ новой Шемахѣ, резиденціи Мустафы-хана шемахинскаго. Ханъ однако бѣжалъ, объявивъ своимъ приближеннымъ, что не вернется до тѣхъ поръ, пока русскіе не пройдутъ черезъ его владѣнія. Зубовъ не удивился этому побѣгу хана, такъ какъ давно уже считалъ его въ числѣ недоброжелателей Россіи, но, воспользовавшись этимъ случаемъ, провозгласилъ шемахинскимъ ханомъ Касима, двоюроднаго брата Мустафы, находившагося съ нимъ въ кровной враждѣ. Изъ Шемахи войска двинулись дальше, и 21-го ноября расположились лагеремъ ниже урочища Джеватъ на обширной равнинѣ, примыкавшей къ лѣвому берегу Куры. За Курою начиналась уже Муганская степь. Вся иррегулярная кавалерія, подъ начальствомъ Платова, была переброшена на ту сторону рѣки, и разъѣзды ея доходили почти до самаго Гиляна. Такъ въ короткое время покорены были Россіи ханства Дербентское, Бакинское, Кубинское, Казикумухское, Шемахинское, Шекинское, Карабагское и Ганжинское; весь берегъ Каспійскаго моря отъ устьевъ Терека до устьевъ Куры былъ занятъ русскими войсками. Дорога черезъ Адербейджанъ до самаго Тавриза лежала передъ нами открытою.

Графъ Зубовъ произведенъ былъ въ генералъ-аншефы и назначенъ главнымъ начальникомъ Кавказскаго края. Гудовичъ уѣхалъ въ продолжительный отпускъ, и войска на линіи поручены были въ команду генералъ-поручика Исленьева.

Чтобы упрочить за нами Каспійское побережье, обезпечить торговлю и установить постоянное сообщеніе съ Россіей и Грузіей, Зубовъ предполагалъ построить двѣ новыя крѣпости въ Таркахъ и Руссей-Булахѣ, а также усилить укрѣпленія Баку, какъ наиболѣе важнаго порта на всемъ Каспійскомъ морѣ. Въ то же время предполагалось у Джевата, на мѣстѣ лагерной стоянки, при сліяніи Куры и Аракса, заложить укрѣпленный городъ Екатериносердъ, для первоначальнаго заселенія котораго назначить изъ полковъ, участвовавшихъ въ походѣ двѣ ты-

сячи молодыхъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы правительство снабдило ихъ всѣмъ необходимымъ для обзаведенія хозяйствомъ, а армяне и грузины дали бы имъ женъ. Необходимая для этого сумма была исчислена въ 385,326 руб. 50 коп., и императрица повелѣла отпустить ее въ теченіи будущаго 1797 года. Но всѣ эти проекты, предположенія и самые результаты похода—все исчезло передъ однимъ роковымъ обстоятельствомъ: 6-го ноября 1796 года скончалась императрица, а черезъ мѣсяцъ въ русскій лагерь прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ императора Павла, и тотъ же фельдъегерь привезъ каждому полковому командиру, помимо Зубова, особый именной указъ—немедленно возвратиться въ русскіе предѣлы, „сберегая людей для лучшаго ихъ употребленія". Гудовичъ былъ возвращенъ обратно на Кавказъ, а графъ Зубовъ отставленъ отъ службы.

Прощаніе Зубова съ войсками было очень трогательно. Солдаты, по словамъ очевидцевъ, плакали и называли его своимъ отцомъ. Разстроганный Зубовъ самъ не могъ скрыть своихъ слезъ и прямо отъ фронта уѣхалъ въ Баку, чтобы возвратиться въ Россію моремъ *). Съ отъѣздомъ Зубова войска двинулись въ путь сухопутьемъ на Кубу, Дербентъ и Кизляръ. А. П. Ермоловъ, бывшій въ этомъ походѣ, рисуетъ печальную картину этого отступленія. Полки, по его словамъ, предоставленные судьбѣ, не снабженные ни теплою одеждою, ни продовольствіемъ, ни фуражемъ, шли среди суровой снѣжной зимы, сопровождаемой въ горахъ и обширныхъ кумыкскихъ равнинахъ страшными вюгами,—шли по одиночкѣ, каждый самъ себѣ, и въ результатѣ бѣдственный походъ стоилъ столькихъ человѣ-

---

*) По возвращеніи въ Россію графъ Зубовъ жилъ въ своемъ курляндскомъ имѣніи подъ надзоромъ полиціи. Впослѣдствіи, въ 1800 году, онъ снова былъ принятъ на службу съ чиномъ генералъ-отъ-инфантеріи, и умеръ въ званіи члена государственнаго совѣта 21-го іюня 1804 года, 34-хъ лѣтъ отъ роду. Надъ его могилой въ Сергіевской пустынѣ, близъ Петергофа, воздвигнута каменная церковь и при ней, согласно завѣщанію графа, устроено особое помѣщеніе для 30-ти солдатъ-инвалидовъ.

ческихъ жертвъ и такого матеріальнаго ущерба, какихъ нельзя было ожидать при самой неудачной кампаніи *). Войска Римскаго-Корсакова были счастливѣе: они перезимовали въ Грузіи и только весной 1797 года вернулись на линію.

Вмѣстѣ съ отступавшими войсками бѣжало болѣе 500 армянскихъ семействъ, боявшихся мщенія за услуги, оказанныя ими русскимъ. Императоръ Павелъ повелѣлъ поселить ихъ въ нынѣшней Ставропольской губерніи, тамъ, гдѣ были Старые Мажары, и самое поселеніе наименовать городомъ св. Креста.

Такъ завершилась персидская война, начатая блистательнымъ успѣхомъ, и кончившаяся возвращеніемъ Ага-Магометъ-хану всѣхъ покоренныхъ нами земель.

Персидскій историкъ съ своей точки зрѣнія такъ описываетъ эту кампанію: „Монархиня назначила главнокомандующимъ посылаемаго ею войска военачальника, у котораго одна нога была оторвана ядромъ, а вмѣсто нея сдѣлана золотая, почему его и прозвали Кизылъ-аягъ, т. е. золотоногій. Ему поручено было въ командованіе 40 тысячъ пѣхоты и 20 тысячъ конницы съ несмѣтною артиллеріею. По прибытіи къ Дербенту, онъ хотѣлъ овладѣть имъ, разгромивъ ядрами его стѣны. Но какъ стѣны были прочнѣе, шире и толще скалы, то ядра не произвели ни малѣйшаго вреда. При этомъ Шихъ-Али-ханъ дербентскій множество людей покрылъ кровью (т. е. убилъ), но ему измѣнилъ нѣкто Хазаръ-бекъ, и русскіе взяли городъ. Кизылъ-аягъ появился на Муганской степи. Шахъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ къ Ардебилю съ безчисленною арміею, покрывшею всѣ горы и долины, и съ такимъ торжествомъ выступилъ противъ врага, что Кизылъ-аягъ потерялъ всякую надежду на спасеніе. А потому, видя себя, подобно воробью въ когтяхъ ястреба, или ягненку въ объятіяхъ волка, онъ совершенно потерялся, не зная, что предпринять. Вдругъ пришло извѣстіе, что солнце-шапочная (Хуршидъ-кулагъ) монархиня скончалась. Пользуясь этимъ, Ки-

*) Погодинъ. Матеріалы для біографіи Ермолова.

зылъ-аягъ побѣжалъ въ Россію, бросивъ на произволъ судьбы весь обозъ, который сдѣлался добычею шахскихъ войскъ".

Внезапное отступленіе русскихъ изумило шаха. Но онъ тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы отправить въ Грузію „фирманъ", которому должна повиноваться вселенная:

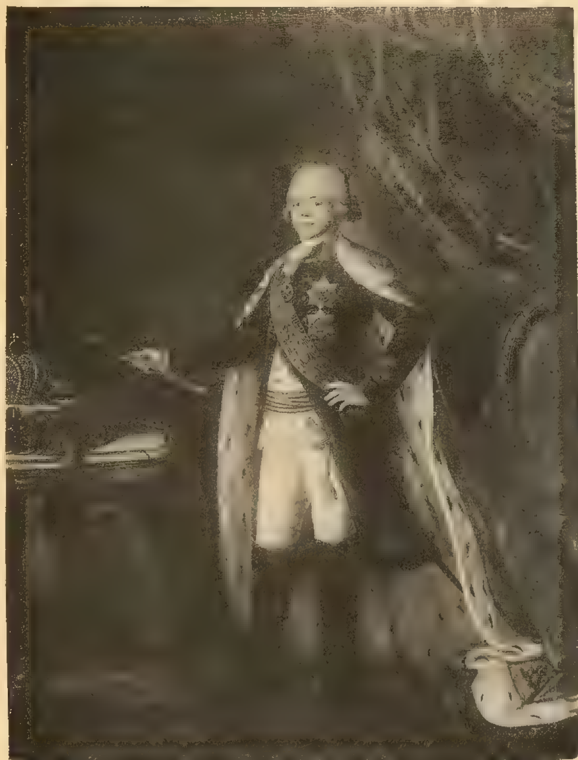
„Россіяне—писалъ онъ въ этомъ фирманѣ,—всегда промышляли торгомъ и купечествомъ, продавали сукна и кармазинъ, но никто и никогда не видѣлъ, чтобы они могли употреблять копье или саблю. Такъ какъ они отважились нынѣ войти въ предѣлы областей, состоящихъ подъ нашей державой, то мы высочайшія мысли наши устремили въ ту сторону и обратили счастливѣйшія знамена наши на то, чтобы ихъ, наказавъ, истребить. Они же, узнавъ о таковомъ намѣреніи нашемъ, бѣжали въ свою гнусную землю"...

Мстительный шахъ не думалъ оставить безнаказанно вторженія русскихъ, тѣмъ болѣе, что Грузія лежала передъ нимъ беззащитная, предоставленная своей собственной участи. Но гроза разразилась только надъ однимъ Карабагомъ. Грозный властитель Персіи не могъ забыть оскорбленія, нанесеннаго его достоинству ничтожнымъ ханомъ шушинскимъ, который осмѣлился не признавать его власти, и многочисленное персидское войско прежде всего появилось на Араксѣ и начало раззорять карабагскую землю. Ханъ на этотъ разъ бѣжалъ къ лезгинамъ, Шуша была взята безъ боя, и персіяне уже готовились идти отсюда на Грузію, какъ вдругъ все разстроила внезапная смерть Ага-Магометъ-шаха: онъ былъ убитъ въ шушинскомъ дворцѣ своими же собственными слугами.

Такъ погибъ грозный властитель Ирана, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ него, не стало въ Грузіи и царя Ираклія II-го. Какъ воинъ, Ираклій былъ по истинѣ царственнымъ рыцаремъ, народнымъ идеаломъ царя и полководца. Такимъ рисуютъ его намъ старинныя преданія. Тѣло усопшаго царя отправлено было въ Мцхетъ и предано землѣ въ соборѣ Двѣнадцати Апосто-

ловъ, гдѣ могила его находится передъ самымъ алтаремъ, по лѣвую сторону амвона. Могила эта долгое время находилась въ забвеніи, и только въ 1812-мъ году главнокомандующій въ Грузіи маркизъ Паулуччи, обладавшій въ высшей степени благороднымъ характеромъ, и много заботившійся о томъ, чтобы научить людей уважать заслуги другихъ—первый обратилъ вниманіе на эту гробницу, которая въ его глазахъ „должна была служить народу священнымъ залогомъ дальнѣйшаго благоденствія Грузіи". И онъ поставилъ надъ ней отъ имени государя, достойный саркофагъ, на которомъ начертана слѣдующая надпись: „Здѣсь покоится Царь Ираклій II-й... Дабы передать потомству память объ этомъ Государѣ, царствовавшемъ со славою въ теченіи 54-хъ лѣтъ, именемъ Его Императорскаго Величества Александра I-го сооруженъ сей памятникъ въ 1812 году".

Спустя сорокъ восемь лѣтъ по кончинѣ Ираклія, намѣстникъ кавказскій князь Воронцовъ возстановилъ изъ развалинъ и другой историческій памятникъ Грузіи—телавскій дворецъ, съ которымъ связано такъ много славныхъ преданій минувшихъ вѣковъ, и въ которомъ жилъ и скончался Ираклій. Эти два памятника передадутъ въ роды родовъ славное имя царя, принесшаго великую, благородную и спасительную жертву своему отечеству.

Императоръ ПАВЕЛЪ I.

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ.

XVII.

Состояніе Грузіи при кончинѣ Ираклія II. Просьба Грузіи о помощи. Вступленіе въ Тифлисъ Егерскаго генералъ-маіора Лазарева полка. Принятіе Грузіи въ подданство Россіи. Новыя угрозы Персіи. Прибытіе Мушкетерскаго генералъ-маіора Гулякова полка въ Закавказье. Битва на Іорѣ.

Карталинскій и кахетинскій царь Ираклій II Теймуразовичъ, скончался въ Телавѣ 11-го января 1798 года на 82-мъ году отъ рожденія. Тяжелое наслѣдство досталось его преемнику-сыну Георгію *). Раньше этого было уже сказано нѣсколько словъ о раздорахъ въ царскомъ семействѣ, вызванныхъ стремленіемъ третьей супруги Ираклія, царицы Даріи Георгіевны **), укрѣпить престолъ за своимъ потомствомъ, минуя сына царя отъ второго брака. Въ 1792 году царицѣ удалось убѣдить Ираклія обезпечить матеріальное положеніе своихъ сыновей: каждый изъ нихъ получилъ по одной тысячѣ семействъ, царевичу же Георгію съ дѣтьми было дано 4000 семействъ. Дѣлежъ этотъ, по замѣчанію грузинскаго лѣтописца, положилъ начало раздору между братьями и далъ поводъ къ распаденію грузинскаго царскаго дома. Въ 1794 году интриги царицы, управлявшей всѣми дѣлами за престарѣлаго Ираклія, увѣнчались новымъ успѣхомъ: она заставила царя подписать актъ, въ силу котораго престолъ переходилъ отъ Георгія не къ старшему его сыну, а къ братьямъ, т. е. начиная съ Іулона. Ираклій сознавалъ вполнѣ несправедливость и опасность такого отступленія отъ обычнаго въ Грузіи порядка престолонаслѣдія, но не имѣлъ силы проти-

*) Въ нашихъ актахъ послѣдній грузинскій царь называется обыкновенно Георгіемъ XIII, хотя исторія Грузіи знаетъ только двѣнадцать царей этого имени. Ошибка въ счетѣ произошла отъ того, что Георгій XI, сынъ Шахъ-Наваза, воцарялся дважды, въ 1676 и 1703 годахъ.

**) Ираклій вступилъ съ нею бракъ въ 1750 году и имѣлъ отъ нея 20 дѣтей.

виться настояніямъ своей супруги и ея многочисленныхъ родственниковъ и приверженцевъ.

Георгій не присутствовалъ при кончинѣ Ираклія. Послѣ персидскаго погрома, царевичъ, по проискамъ царицы Даріи, былъ отправленъ въ Тифлисъ, подъ предлогомъ заботъ о возстановленіи города изъ развалинъ и водворенія порядка въ опустошенной странѣ. Извѣстіе о смерти царя застало его въ Казахѣ среди преданнаго ему татарскаго населенія, и онъ немедленно привелъ къ присягѣ, сопровождавшихъ его грузинскихъ сановниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ партіи царицы, но не посмѣли противорѣчить, въ виду вооруженныхъ агаларовъ, окружавшихъ Георгія; борчалинцы и карталинцы также признали его въ царскомъ достоинствѣ. Заручившись, такимъ образомъ, присягою главныхъ провинцій, Георгій отправился въ Телавъ. Тамъ уже узнали о происшедшемъ въ Казахѣ, Борчалѣ и Карталиніи. Приверженцы Даріи и ея сыновей признали на этотъ разъ свое дѣло проиграннымъ, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній они подписали утвердительный листъ, успѣвъ однако склонить Георгія къ признанію силы акта 1794 года о порядкѣ престолонаслѣдія.

Положеніе страны и ея населенія было самое бѣдственное и безнадежное. Можно сказать, что уже въ послѣдніе годы жизни Ираклія, грузинское царство существовало только по имени, такъ какъ въ немъ не было ни единой власти, ни порядка, ни правильно дѣйствующаго правительственнаго механизма. Персидское нашествіе опустошило страну и лишило ее значительной части населенія. Ага-Магометъ-ханъ увелъ съ собою до 10000 жителей. „Сосѣди наши персіяне—писалъ Георгій въ 1798 году—такъ насъ разсѣяли въ прошедшихъ годахъ, что и понынѣ обѣднѣвшіе наши подданные и мы другъ друга сыскать не можемъ“. Чума и голодъ *) свирѣпствовали во всемъ краѣ, унося множество жертвъ. Турки изъ Ахалцыха и лезгины изъ

*) Во время голода 1796 года пшеница поднялась въ цѣнѣ до 5-ти руб. за пудъ.

Дагестана посылали въ Грузію шайки для грабежей и захвата плѣнныхъ. Базары въ Ахалцыхѣ, Эндери и Анапѣ были переполнены грузинскими невольниками. Еще царь Ираклій, желая обезпечить Грузію отъ лезгинскихъ набѣговъ, обязался платить Омаръ-хану аварскому, подъ видомъ подарка, ежегодную дань въ размѣрѣ 5000 руб. Но платежъ этотъ не мѣшалъ шайкамъ разбойниковъ рыскать по странѣ и каждый годъ уводить въ плѣнъ 200—300 семействъ. Ираклій и послѣ него Георгій не могли или, быть можетъ, не смѣли наказывать хищниковъ. Ираклій боялся еще худшихъ бѣдствій, а Георгій, опасаясь своихъ мятежныхъ братьевъ, содержалъ на жалованьи для своей защиты до 7000 лезгинъ и долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ безчинства даже въ самомъ Тифлисѣ.

Край опустѣлъ и одичалъ. Жители, не находя защиты въ правительствѣ, изнемогая отъ грабежей турокъ и лезгинъ и отъ непосильныхъ поборовъ своихъ князей, покидали родину и искали спасенія въ сосѣднихъ странахъ. До 1783 года въ Грузіи числилось 61000 семействъ, въ 1801 году, послѣ присоединенія къ Россіи, ихъ было едва 35000.

Трудно сказать кто больше разсорялъ страну—свои или чужіе. Доходовъ царства не хватало для удовлетворенія потребностей обширной царской семьи. Ираклій, единственно по праву неограниченнаго самовластія, отнималъ родовыя вотчины у князей и дворянъ и отдавалъ ихъ своимъ дѣтямъ. По мѣрѣ уменьшенія численности населенія, положеніе крестьянъ, оставшихся на мѣстѣ, дѣлалось невыносимѣе, такъ какъ имъ однимъ приходилось нести всю тяжесть непосильныхъ налоговъ. Особенно страдали при этомъ крестьяне удѣльныхъ имѣній. „Всякій царевичъ, всякая царица, царевна, каждый родственникъ царскій могъ давать отъ себя, такъ называемый *баратъ* (указъ), на отнятіе у купца, у крестьянина того, что у него есть лучшее, и власть царская, поколебавшись въ своемъ основаніи, едва примѣчала таковыя насильства, а того меньше принимала

мѣры къ ихъ истребленію“ *). Мы видѣли уже какъ печально отозвалось такое своеволіе царевичей на государственныхъ дѣлахъ во время персидскаго нашествія въ 1795 году; большая часть сыновей царицы Даріи, оберегая свои доходы съ помѣстій, отказалась подъ разными предлогами дать помощь Ираклію людьми и деньгами, и царь едва могъ противопоставить 3000 человѣкъ полчищамъ Ага-Магометъ-хана.

Георгій вступилъ на престолъ въ возрастѣ 49-ти лѣтъ. Въ молодости кипѣлъ онъ воинскимъ духомъ и обратилъ на себя особенное вниманіе во время похода Ираклія подъ Эривань. Но съ годами онъ отяжелѣлъ и тѣломъ и умомъ и предался совершенно своей склонности къ созерцательной жизни и набожнымъ бесѣдамъ съ духовными лицами. Грузинскій лѣтописецъ превозноситъ его религіозность, покровительство вдовамъ и сиротамъ, безпристрастіе въ дѣлахъ управленія и суда. Но однихъ этихъ высокихъ качествъ было недостаточно для спасенія Грузіи. Если царство держалось еще, если турки, персіяне и лезгины не раздѣлили его по частямъ между собою, то причина его лежала не внутри Грузіи, а далеко на сѣверѣ: и Персія и Турція хорошо знали, что имъ придется имѣть дѣло не съ однимъ Георгіемъ, но и съ русскимъ правительствомъ.

Между тѣмъ императоръ Павелъ не спѣшилъ признать Георгія въ царскомъ достоинствѣ и оказать дѣйствительную помощь Грузіи, обѣщанную трактатомъ 1783 года. Тщетно царь Георгій, черезъ посланника своего въ Петербургъ князя Герсевана Чавчавадзе, умолялъ о присылкѣ къ нему русскаго войска, объ утвержденіи его въ царскомъ достоинствѣ и о признаніи сына его Давида наслѣдникомъ престола. Въ Петербургѣ, по видимому, не имѣли точныхъ свѣдѣній о состояніи дѣлъ въ Грузіи и потому оказаніе покровительсгва Георгію ставили въ за-

---

*) Строки эти взяты изъ всеподданнѣйшаго рапорта г.-л. Кнорринга отъ 28-го іюля 1801 года, изображающаго рѣзкими чертами положенія Грузіи во время присоединенія ея къ Россіи. Акты кавказ. археогр. ком., I, № 543.

висимость отъ сохраненія имъ вѣрности нашему правительству и отъ поведенія его относительно Персіи. Въ дѣйствительности положеніе Георгія было такое, что ему приходилось или добровольно отказаться отъ царства, или передаться тому, кто предложилъ бы существенную помощь и поддержку, колеблющемуся грузинскому престолу, „Не безъизвѣстна вамъ пословица грузинская—писалъ царевичъ Давидъ князю Чавчавадзе 3-го февраля 1799 года—что всякія дѣла должны быть въ свое время употребляемы, а въ другомъ случаѣ они не заслуживаютъ вниманіе. Нашему царству не соотвѣтствуютъ теперь дѣла, водимыя преніемъ".

Въ 1798 году персидскій шахъ Баба-ханъ *) предложилъ царю Георгію свое покровительство, обѣщая отдать ему въ управленіе Шеки, Ширванъ, Ганжу и Эривань. Предложеніе было сдѣлано въ такой формѣ, что Георгій не могъ уклониться отъ прямого отвѣта, если не желалъ повторенія всѣхъ ужасовъ персидскаго вторженія. По его приказанію, царевичъ Давидъ написалъ князю Герсевану Чавчавадзе отчаянное письмо, которое открыло, наконецъ, петербургскому кабинету глаза на истинное положеніе Грузіи и рескриптомъ, отъ 23-го февраля 1799 года, императоръ Павелъ повелѣлъ командовавшему Кавказскою линіею, генералъ-маіору князю Уракову, приготовить егерскій полкъ къ выступленію въ Грузію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи третьей статьи трактата 1783 года, императоръ утвердилъ Георгія преемникомъ грузинскаго царства и призналъ его сына царевича Давида наслѣдникомъ грузинскаго престола.

Доставленіе царю Георгію утвердительной императорской граматы, отъ 18-го апрѣля 1799 года, и знаковъ инвеституры было возложено на статскаго совѣтника Петра Ивановича Коваленскаго, впервые назначеннаго, по силѣ георгіевскаго трактата 1783 года, россійскимъ полномочнымъ министромъ при дворѣ грузинскаго царя.

*) Онъ извѣстенъ еще подъ именемъ Фетъ-Али-шаха.

Такимъ образомъ исполнилось, наконецъ, завѣтное желаніе Георгія. Въ концѣ іюля 1799 года Коваленскій прибылъ въ Наурскую станицу на Кавказской линіи, гдѣ имѣлъ резиденцію инспекторъ кавказской дивизіи генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, замѣнившій князя Уракова въ мартѣ того же года. Дальнѣйшая поѣздка Коваленскаго была задержана неисправностью дороги въ Грузію черезъ кавказскія горы. Это же обстоятельство препятствовало и отправленію обѣщаннаго полка. Царь Георгій принялъ дѣятельныя мѣры къ исправленію пути, и 12-го октября онъ былъ готовъ на всемъ протяженіи отъ Моздока до Тифлиса.

13-го октября г.-м. Лазаревъ, шефъ Егерскаго полка, получилъ отъ Кнорринга приказаніе начать съ 20-го числа переправу черезъ Терекъ, и слѣдовать съ полкомъ въ Грузію. По прибытіи въ Тифлисъ, Лазареву предписывалось оказывать царю Георгію всѣ военныя почести, какія положены по уставу императору. Вмѣстѣ съ полкомъ выѣхалъ также и уполномоченный при грузинскомъ дворѣ с. с. Коваленскій. 20-го октября въ глухую осень г.-м. Лазаревъ, съ Егерскимъ, нынѣ лейбъ-Эриванскимъ Его Величества полкомъ, съ небольшою командою казаковъ, четырьмя орудіями полевого генералъ-маіора Гельвиха артиллерійскаго баталіона *) и значительнымъ обозомъ, выступилъ въ походъ. Дорога, кое-какъ приспособленная для движенія повозокъ, изъ мрачнаго Дарьяльскаго ущелья поднималась къ перевалу черезъ главный хребетъ по страшнымъ крутизнамъ.

Для спуска по скалистымъ уступамъ, солдаты бросали сначала шинели въ кучу и затѣмъ спрыгивали на нее, орудія и повозки спускали на веревкахъ. Скалы, громоздясь однѣ надъ другими, висѣли надъ головами огромными выступами, съ кото-

*) Янжулъ. „Восемьдесятъ лѣтъ боевой и мирной жизни 20-й артил. бригады 1806—1886 г.“, стр. 8. Баталіонъ Гельвиха состоялъ изъ 5-ти артиллерійскихъ (по 12-ти орудій) ротъ и четыре орудія, назначенныя въ Грузію въ 1799 году, были выдѣлены изъ артиллерійской роты подполковника Ахвердова. Эти четыре орудія составили ту артиллерію, которая въ 1806 году поступила въ составъ сформированной тогда 20-й артиллерійской бригады.

рыхъ съѣзжалъ нависшій снѣгъ, засыпая проходящихъ. Полку приходилось идти въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда въ горахъ стояла стужа, поднимались неожиданныя снѣговыя метели. Офицерамъ и солдатамъ приходилось свыкаться съ ужасами кавказской природы, во всемъ грозномъ ея величіи. Вслѣдствіе замедленія въ пути въ полку истощился запасъ провіанта, и Лазаревъ вынужденъ былъ покупать его, такъ какъ на дорогѣ грузинскія власти не позаботились его заготовить; только уже по настоятельнымъ требованіямъ, царевичъ Вахтангъ выслалъ, наконецъ, на встрѣчу полку, спустившемуся въ долину Арагвы, транспортъ съ чуреками *) на 13-ти вьюкахъ, и выслалъ 80 паръ быковъ, а на каждой станціи разставилъ по 50-ти лошадей.

Въ Тифлисѣ, между тѣмъ, царило необычайное оживленіе. 26-го ноября 1799 года тысячныя толпы народа, еще задолго до солнечнаго восхода, стремились черезъ авлабарскій мостъ въ загородную деревушку Куки, чтобы встрѣтить прибытіе русскаго полка, выступившаго въ этотъ день изъ Мцхета. Торжество увеличилось еще тѣмъ, что это былъ день тезоименитства царя, который пожелалъ лично встрѣтить полкъ за городскою чертою и выѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи наслѣдника престола, царевичей и многочисленной свиты. Всѣ взоры были устремлены на большую мцхетскую дорогу, по которой долженъ былъ показаться полкъ. Дорога эта, переходя у Мцхета р. Арагву, шла тогда по лѣвому берегу Куры, черезъ Авчалы, Дидубе и Куки; теперь послѣдней деревушки уже не существуетъ, а на ея мѣстѣ проходятъ Михайловская, Елизаветинская и Николаевская улицы.

День былъ ясный и солнечный, но дулъ рѣзкій, довольно холодный вѣтеръ, свидѣтельствовавшій о наступленіи осени. И вотъ, загремѣли барабаны, и изъ-за ближней горы, щетинясь штыками, вдругъ выдвинулась стройная масса, напоминавшая собою гранитную стѣну. То шелъ Егерскій полкъ, подъ начальствомъ своего испытаннаго въ бояхъ шефа генералъ-маіора Ива-

*) Особый хлѣбъ, приготовляемый грузинами, въ видѣ прѣсныхъ лепешекъ.

на Петровича Лазарева. Баталіоны, одѣтые въ парадную форму, въ тяжелыхъ треуголкахъ и простыхъ зеленыхъ мундирахъ, имѣли болѣе нежели скромный видъ, рѣзко отличаясь отъ массы грузинъ, блестѣвшей на солнцѣ серебромъ, золотомъ и разноцвѣтными шелками своихъ нарядныхъ одеждъ. Надъ этими баталіонами не колыхались даже знамена—эти обычные неразлучные спутники войскъ, такъ какъ егеря ихъ не имѣли, предназначаясь въ бою почти исключительно для разсыпного строя. И тѣмъ не менѣе въ этой живой надвигающейся стѣнѣ, скованной могучей дисциплиной, чуялась та подавляющая грозная сила, передъ которой должны были обратиться въ прахъ всѣ усилія восточныхъ народовъ. Это почувствовали всѣ—и царь и народъ.

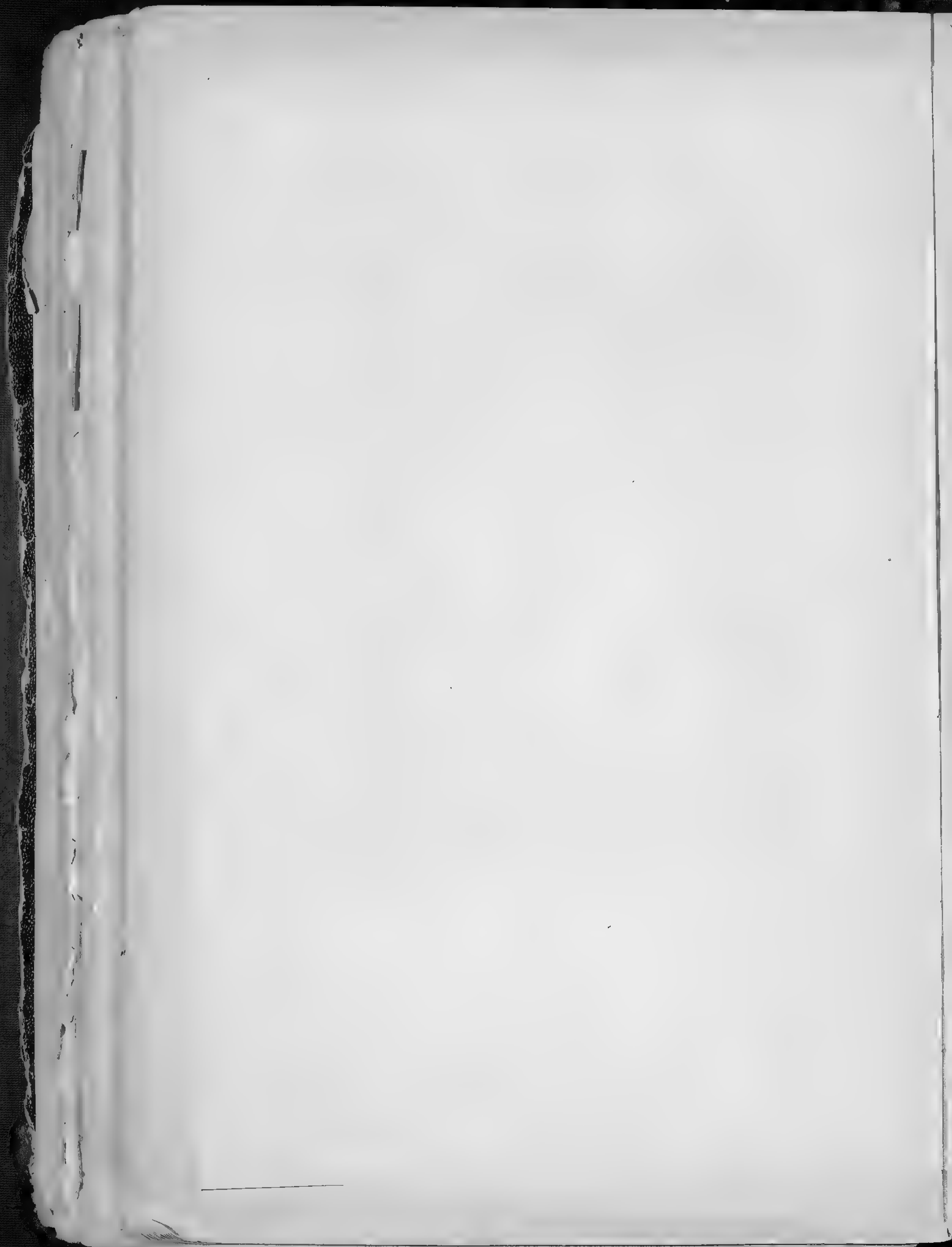
Когда баталіоны остановились и, развернувшись въ длинную линію, сдѣлали,—какъ выражается Коваленскій въ своемъ донесеніи—„фигуру преизрядную", царь, а за нимъ вся свита сѣли на коней и тронулись на встрѣчу полку. Барабаны ударили „походъ" и русское „ура" понеслось на встрѣчу царскому поѣзду. Въ тотъ же моментъ, какъ бы въ отвѣтъ на это привѣтствіе, загудѣли церковные колокола въ Тифлисѣ, и раздались пушечные выстрѣлы со стѣнъ стараго Метехскаго замка. Народъ, не сдерживая больше нахлынувшаго чувства радости, живой волной охватилъ егерей, разстроилъ ихъ ряды и братскимъ цѣлованіемъ привѣтствовалъ пришедшихъ.

Подъ звонъ колоколовъ и непрерывный грохотъ орудій, полкъ, предшествуемый царемъ, прошелъ Чугуреты, Авлабаръ, затѣмъ Метехскую цитадель и по авлабарскому мосту вышелъ черезъ нижнюю крѣпость въ городъ, прямо къ царской (нынѣ Экзаршеской) площади. Весь путь, по которому онъ двигался, былъ запруженъ народомъ, а окна и плоскія кровли тифлисскихъ домовъ, возвышавшихся амфитеатромъ, были увѣшены коврами и усѣяны женщинами, которыя въ своихъ широкихъ бѣлыхъ чадрахъ „казали собой—по словамъ Коваленскаго—

ЦАРЬ ГЕОРГІЙ XII.

Фототипія Н. Димо. Тифлисъ

прекрасный видъ разсѣяннаго по городу лагеря". Торжественна была эта встрѣча, при которой даже столѣтніе старики, помнившіе бѣдственные дни Грузіи, не хотѣли оставаться въ домахъ и выходили за ворота, чтобы благословить дрожащею рукою солдатъ, пришедшихъ на защиту ихъ родины. Народъ ликовалъ сердечно и искренно.

Съ прибытіемъ полка, Тифлисъ началъ готовиться къ торжественному дню коронаціи грузинскаго царя. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, всѣ царскія регаліи перенесены были во дворецъ при огромномъ стеченіи народа, съ изумленіемъ смотрѣвшаго на невидѣнную имъ пышность церемоніала. 5-го декабря, окруженные почетнымъ конвоемъ изъ егерей, русскіе офицеры, имѣя по сторонамъ ассистентовъ, несли: малиновый бархатный тронъ, украшенный массивными золотыми кистями; царское кресло, бѣлый штандартъ съ соединенными гербами Грузинскаго царства и Россійской имперіи; государственный мечъ, царскую порфиру, корону, скипетръ и державу, богатую горностаевую мантію, присланную царицѣ вмѣстѣ съ бриллiантовымъ букетомъ и три бриллiантовыхъ ордена, изъ которыхъ андреевскій предназначался самому Георгію, екатериненскій—царицѣ Маріи, и анненскій—наслѣднику престола. Въ заключеніе на серебряномъ блюдѣ несли императорскую грамату, которою Георгій утверждался на грузинскомъ престолѣ.

Вслѣдъ за регаліями прибылъ во дворецъ нашъ полномочный министръ и, послѣ краткой привѣтственной рѣчи царю, торжественно возвѣстилъ, что всероссійскій императоръ Павелъ I принимаетъ Грузію подъ свой высочайшій покровъ и утверждаетъ Георгія законнымъ преемникомъ грузинскаго царства, а старшаго сына его, свѣтлѣйшаго царевича Давида, будущимъ по немъ наслѣдникомъ. Затѣмъ министръ хотѣлъ приступить къ передачѣ знаковъ царской инвеститутуры, но Георгій остановилъ его.

„Исполненный благоговѣйныхъ чувствъ къ моему государю-

повелителю,—сказалъ онъ,—считаю я себя обязаннымъ принять эти знаки царскаго достоинства не иначе, какъ учинивъ присягу на вѣрность императору и на признанiе его верховныхъ правъ надъ царями Кахетiи и Карталинiи. Но я желаю, чтобы этотъ обрядъ былъ совершенъ торжественно въ храмѣ Божiемъ".

12-го декабря, въ день, назначенный для коронацiи, царь, предшествуемый придворными чинами, несшими передъ нимъ корону, скипетръ и державу, отправился въ соборъ вмѣстѣ съ своей супругой, одѣтой въ русскую горностаевую мантiю; за ними шли всѣ члены царской фамилiи, князья, министры и сановники. Егерскiй полкъ въ полномъ составѣ находился въ строю и отдавалъ Георгiю и его супругѣ тѣ же царскiя почести, какiя по уставу опредѣлены императору. По окончанiи обѣдни, царь приказалъ прочесть высочайшую грамату, и затѣмъ принялъ присягу на подданство русскому государю.

Обрядъ коронованiя сопровождался большою торжественностью, и Георгiй, возложивъ на себя всенародно знаки царскаго достоинства, возвратился во дворецъ, гдѣ, сидя на тронѣ, принялъ поздравленiе отъ русскаго министра и сословныхъ представителей грузинскаго народа. Такъ совершился актъ добровольнаго подчиненiя Грузинскаго царства Россiйской имперiи.

Внутреннiя смуты въ Грузiи, съ прибытiемъ русскихъ войскъ въ Тифлисъ, однако не только не прекратились, но обострились еще болѣе. Въ то время, когда Георгiй и Давидъ присягали на вѣрность русскому императору, а народъ ликовалъ по поводу этого событiя, царица Дарiя, оскорбленная тѣмъ, что вопреки ея завѣтнымъ желанiямъ, грузинскiй престолъ переходилъ не къ ея сыновьямъ, а въ родъ ненавистнаго ей пасынка, сдѣлалась центромъ интригъ, подбирала себѣ тайныхъ сообщниковъ и старалась увеличить число недовольныхъ. Старшiй сынъ ея, царевичъ Юлонъ (Iулонъ), имѣвшiй удѣлъ въ верхней Грузiи и, по завѣщанiю Ираклiя II, претендовавшiй на наслѣдство престола послѣ смерти Георгiя, являлся дѣятельнымъ ея

сообщникомъ; онъ разжигалъ народныя страсти, не слушалъ царскихъ приказаній, не выставлялъ изъ своего удѣла ни одного воина и не давалъ ни одного зерна провіанта, приходившагося на его долю по раскладкѣ. Царевичъ Вахтангъ, „весьма хитрый отъ природы", наружно выказывалъ расположеніе къ Россіи, хлопоталъ о нашихъ войскахъ, но втайнѣ держалъ сторону братьевъ и избѣгалъ всякихъ сношеній съ приверженцами Георгія. Царевичи Александръ и Парнаозъ относились къ царю уже положительно враждебно.

Холодность, существовавшая между братьями и родственниками при самомъ вступленіи на престолъ Георгія, теперь обратилась въ явную вражду между ними. Царевичъ Александръ, одинъ не имѣвшій удѣла, въ іюнѣ 1800 года потребовалъ себѣ Казахскую провинцію, которая, по грузинскому обычаю, не могла никому принадлежать, кромѣ царя. Получивъ отказъ, Александръ, имѣвшій свое пребываніе въ Шулаверахъ, удалился въ Карсъ съ нѣсколькими десятками грузинъ, а оттуда перебрался на Араксъ въ лагерь наслѣдника персидскаго престола Аббасъ-Мирзы, гдѣ принятъ былъ съ большими почестями.

Между тѣмъ, царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, собравъ до 3-хъ тыс. грузинскихъ войскъ съ однимъ орудіемъ, расположились въ 12-ти верстахъ отъ Тифлиса, въ селеніи Авчалы, съ намѣреніемъ увезти царицу Дарію, жившую тогда на Авлабарѣ, подъ предлогомъ опасности отъ нашествія персіянъ. Но это былъ именно только предлогъ, такъ какъ, имѣя переписку съ братомъ Александромъ, они сами искали покровительства Персіи, и потому хотѣли только устранить свою мать отъ всякихъ случайностей. При содѣйствіи царевича Іоанна и благодаря зоркой бдительности Лазарева, державшаго на Авлабарѣ въ полной готовности баталіонъ егерей съ артиллеріей и занявшаго всѣ выходы изъ дворца, гдѣ жила царица, удалось предупредить ея бѣгство, которое могло бы имѣть неисчислимыя послѣдствія. „Тогда, по выраженію Лазарева, Персія, Иеретія и вну-

тренній бунтъ—все возстало бы на бѣдную Грузію" *). Не достигнувъ цѣли, царевичи распустили войска и разъѣхались по своимъ удѣламъ.

Опасность со стороны Персіи существовала дѣйствительно серьезная. По инструкціи, данной Коваленскому при отправленіи его въ Грузію, намъ слѣдовало открыть сношенія съ Бабаханомъ тотчасъ по подписаніи Георгіемъ трактата о подданствѣ, какъ основы, на которую должны были опираться всѣ наши сношенія съ Персіею. Подписаніе трактата однако замедлилось, а потому Коваленскій только въ февралѣ 1800 года извѣстилъ шаха о своемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ и о принятіи царя грузинскаго и его царства подъ верховную власть и покровительство всероссійскаго императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ выразилъ увѣренность, что шахъ приметъ это сообщеніе „съ удовольствіемъ и, отлагая всякія на Грузію притязанія, въ дѣла ея и другихъ владѣльцевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Россіи, вмѣшиваться не станетъ, оставляя каждаго пользоваться желаннымъ спокойствіемъ и тишиною".

Посланный нашъ **) не былъ допущенъ къ шаху, готовившемуся въ то время къ походу на Кандагаръ, и отвѣтъ былъ присланъ отъ визиря, который въ письмѣ своемъ подробно изъяснялъ верховныя права персидскаго шаха на Грузію. Онъ упоминалъ также, что шахъ повелѣлъ своему сыну, Аббасъ-Мирзѣ, возстановить на границахъ должный порядокъ и привести въ повиновеніе непокорныхъ, намекая этимъ и на Грузію ***). Получивъ подобное приказаніе, малолѣтній Аббасъ-Мирза, къ которому былъ приданъ въ дядьки Сулейманъ-сардарь, перешелъ въ

*) Акты, т. I, подъ №№ 25, 34, 35 и 86. Рапортъ генералъ-маіора Лазарева генералу Кноррингу 21-го іюля № 126 и письмо Лазарева къ нему же 4-го августа 1800 года; записка с. с. Коваленскаго о Грузіи и письмо его же къ генералу Кноррингу 4-го августа того же года № 285.

**) Съ письмомъ въ Персію былъ отправленъ отставной поручикъ Мерабовъ, который прибылъ въ Тегеранъ въ половинѣ апрѣля, а возвратился въ Тифлисъ, послѣ долгихъ мытарствъ, только въ іюлѣ.

***) Тамъ же, подъ № 35. Записка Коваленскаго о Грузіи.

маѣ Араксъ у Нахичевани и сосредоточилъ здѣсь около 10-ти тыс. человѣкъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Эривани. Въ это-то время, въ персидскій лагерь явился бѣжавшій царевичъ Александръ и объявилъ, что имѣетъ сильную партію въ Грузіи, и что къ ней съ готовностью примкнутъ всѣ, недовольные правительствомъ. Аббасъ-Мирза, руководимый своимъ дядькой, воспользовался случаемъ для вмѣшательства въ дѣла грузинскія и отправилъ въ Тифлисъ посланнаго съ фирманомъ отца и съ своимъ письмомъ къ Георгію. Царь принялъ его однако не во дворцѣ, а въ домѣ русскаго министра, стоя подъ большимъ портретомъ императора Павла, у подножія котораго былъ поставленъ грузинскій тронъ, со сложенными на немъ скипетромъ и державою. На заявленіе персидскаго посла, что онъ желалъ бы имѣть секретную аудіенцію, царь отвѣчалъ, что, находясь подъ покровительствомъ Россіи, онъ ни въ какіе секретные переговоры вступать не желаетъ. Тогда посолъ объявилъ уже прямо, что шахъ, считая Грузію древнимъ достояніемъ своихъ предковъ, требуетъ полнаго подчиненія ея себѣ и что царю остается только покориться, чтобы не подпасть горшей противу прежняго участи.

— „Я не могу не удивляться вашимъ словамъ—отвѣчалъ на это русскій министръ:—вы, какъ будто, совершенно забыли о томъ покровительствѣ, которое русскій императоръ оказываетъ Грузіи“.

— „Я объ этомъ помню—отвѣчалъ посланникъ—но подаю совѣты единственно изъ усердія къ царю, потому что непріятель уже приближается къ границамъ его владѣній“.

Извѣстіе о сборѣ значительнаго числа персидскихъ войскъ на берегахъ Аракса и возможность нашествія ихъ привело жителей Тифлиса въ общее смятеніе. „Раздѣленіе умовъ между всѣми состояніями народа и даже въ самой столицѣ—писалъ Коваленскій *),—малочисленность войска россійскаго и невоз-

*) Записка Коваленскаго о Грузіи. Дубровинъ. „Царь Георгій XII“, стр. 122 и 123.

можность получить имъ какое либо подкрѣпленіе изъ Россіи, недостатокъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ въ столицѣ, ни же какого и гдѣ либо отъ земли ополченія—все сіе въ совокупности производитъ всеобщій страхъ и отчаяніе“. При подобныхъ условіяхъ, Георгій могъ расчитывать только на помощь Россіи и просилъ Кнорринга прислать къ нему подкрѣпленіе.

При первомъ извѣстіи, полученномъ въ Петербургѣ, о новой опасности для Грузіи, генералу Кноррингу, 10-го іюля дано было высочайшее повелѣніе *) приготовить къ походу 9 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ драгунъ, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи; при этомъ ему предписывалось принять самому главное начальство надъ этимъ отрядомъ и предупредить „злыя намѣренія“ Баба-хана. Генералъ Кноррингъ, подготовляя войска для движенія въ Грузію, сомнѣвался однако въ возможности серьезныхъ покушеній со стороны персіянъ и доносилъ императору. „Едва ли они осмѣлятся покуситься на приведеніе въ дѣйствіе свое намѣреніе. О немъ хотя и грозныя разсѣяли сначала слухи и исчисляли войска на пораженіе Грузіи, подъ предводительствомъ Сулейманъ-хана, назначенныя въ 30-ти, но нынѣ полагаютъ ихъ уже въ 10-ти тысячахъ“.

Предположенія Кнорринга вполнѣ оправдались, и на этотъ разъ дѣло не дошло до открытаго столкновенія съ персіянами. Войска Баба-хана, дѣйствовавшія въ эриванскомъ ханствѣ, насчитывали дѣйствительно не болѣе 10—12-ти тысячъ, дурно организованныхъ и не имѣвшихъ при себѣ даже артиллеріи, которую замѣняли 4 или 6 фальконетовъ на верблюдахъ. Съ такими войсками трудно было идти въ Грузію и расчитывать на успѣхъ, тѣмъ болѣе что главнокомандующій ихъ имѣлъ 12 лѣтъ отъ роду, а дядька его, Сулейманъ-сардарь, по выраженію Лазарева, былъ „пьяница и весьма недовольный Баба-ханомъ, ибо

---

*) Акты, т. I, подъ № 22. Рескриптъ отъ 10-го іюля 1800 года. Арх. окруж. штаба кавказ. в. округа. Дѣло по 1-му отд. дежурства 1800 года № 183. Журналъ всеподданнѣйшихъ донесеній г.-л. Кнорринга. Донесеніе 25-го іюля, № 66.

онъ его прошлый годъ держалъ подъ карауломъ“ *). Царевичъ Александръ, хотя подстрекалъ Сулеймана, расчитывая на помощь сосѣдей, но сардарь думалъ только объ отступленіи въ Тавризъ и, ограничившись нападеніемъ на одинъ Эчміадзинскій монастырь, отступилъ за Араксъ. Царевичъ, между тѣмъ, продолжалъ упорно добиваться покровительства Персіи, и Баба-ханъ обѣщалъ ему наконецъ помощь и поддержку въ мнимыхъ правахъ его на грузинскій престолъ. Онъ наградилъ его ханскимъ достоинствомъ, прислалъ въ подарокъ богатую шубу и даже препроводилъ къ нему планъ нападенія на Грузію и на Тифлисъ при содѣйствіи Омаръ-хана аварскаго, ахалцыхскаго паши и отряда персидскихъ войскъ, подъ начальствомъ самого Александра **).

Въ виду этихъ новыхъ угрозъ, Георгій опять обратился съ просьбою о помощи, и генералъ Кноррингъ отправилъ въ Грузію Мушкетерскій генералъ-маіора Гулякова полкъ (нынѣ 80-й пѣхот. Кабардинскій), съ сотнею казаковъ и 4-мя орудіями 5-го полевого артиллерійскаго полка. 25-го августа 1800 года генералъ Гуляковъ выступилъ изъ Моздока въ походъ, а 23-го сентября прибылъ въ Тифлисъ.

Не смотря на болѣзнь, Георгій выѣхалъ на встрѣчу полка въ линейкѣ; его сопровождала царица Марія, царевичи, вельможи и придворные. За три версты отъ города разбиты были двѣ царскія палатки для Георгія и царицы Маріи; тутъ же толпилась масса народа, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго прибытія русскихъ. Когда показался полкъ, Георгій со свитою сѣлъ на коня и отправился на встрѣчу. Въ палаткѣ осталась одна царица Марія, издали смотрѣвшая на проходившія войска.

При приближеніи Георгія, Гуляковъ остановилъ отрядъ, и войска отдали честь царю, на защиту котораго слѣдовали въ

---

*) Акты, т. I, подъ №№ 38 и 45. Письмо г.-м. Лзарева къ генералу Кноррингу 6-го августа. Всеподданнѣйшій рапортъ г.-л. Кнорринга 10-го августа, 1800 года.

**) Акты, т. I. Рапортъ г.-м. Лазарева г.-л. Кноррингу 31-го августа 1800 г. № 15.

Тифлисъ. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ Метехскаго замка и при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, отрядъ двинулся въ городъ, сопровождаемый ликующими толпами народа. Царь не могъ слѣдовать вмѣстѣ съ полкомъ и остался въ подгородномъ селеніи Куки до тѣхъ поръ, пока не прекратился сильный и пронзительный вѣтеръ. На другой день Гуляковъ со всѣми офицерами представлялся царю, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. „Здѣшній гостинный дворъ—доносилъ Лазаревъ—былъ уже не мѣстомъ торжища, но восхитительною картиною шума празднующихъ и ликовъ веселящихся, въ чемъ участвовали какъ царская фамилія, такъ и всѣ знатнѣйшіе чины царства, отъ малаго до стараго“ *).

Прибытіе полка Гулякова значительно увеличило боевыя силы и средства Георгія, въ распоряженіи котораго теперь находилось до 3-хъ тыс. русскихъ войскъ съ 8-ю орудіями. Опираясь на нихъ, царь совершенно успокоился, но не успокаивались его братья и родственники, въ особенности царевичъ Александръ, который, послѣ отступленія персіянъ, переѣхалъ въ Шушу и сдѣлался однимъ изъ главныхъ виновниковъ вторженія Омаръ-хана аварскаго.

Омаръ былъ человѣкъ предпріимчивый, отважный и храбрый, умѣвшій пользоваться каждымъ обстоятельствомъ въ свою пользу. Погромъ, произведенный имъ въ Грузіи въ 1783 году, когда Тифлисъ былъ занятъ отрядомъ Бурнашова, остался въ памяти народа, и жители съ трепетомъ узнали, что Омаръ снова ведетъ на нихъ 15-ти-тысячное войско. Въ первой половинѣ октября царевичъ Багратъ сообщилъ Лазареву, что Омаръ-ханъ прибылъ съ своими лезгинами на лѣвый берегъ Алазани и остановился у брода Урдо. Царевичъ укрѣплялъ Сигнахъ, и просилъ Лазарева поспѣшить къ нему на помощь. Вслѣдъ затѣмъ получе-

---

*) Акты, т. I. Рапортъ Лазарева г.-л. Кноррингу 25-го сентября № 24. Арх. окр. штаба. Дѣло по 1-му отд. дежурства 1800 г. № 83. Журналъ всеподданнѣйшихъ донесеній. Донесенія Кнорринга 24-го августа № 71 и 7-го октября 1800 г. № 84.

но было свѣдѣніе, что Омаръ, усиливъ свои скопища до 20-ти тыс., переправился на правый берегъ Алазани, гдѣ, послѣ двухдневной стоянки, перешелъ къ Караагачу, въ 16-ти верстахъ отъ Сигнаха. Въ тоже время въ станъ Омаръ-хана прибылъ царевичъ Александръ и здѣсь окончательно выяснились замыслы союзниковъ.

Общій планъ дѣйствій для нападенія на Тифлисъ заключался въ слѣдующемъ: царевичъ Александръ, двигаясь „особливымъ путемъ", съ двумя тысячами лезгинъ долженъ былъ занять мѣстечко Сагареджо, близъ р. Іоры (въ 50-ти верстахъ отъ Тифлиса); остальныя полчища, раздѣляются на двѣ части: одна идетъ на Тифлисъ, а другая переправляется черезъ Куру для соединенія съ имеретинами и войсками царевичей Вахтанга, Юлона и Парнаоза. Утвердившись въ Грузіи, предположено было напасть на Тифлисъ съ трехъ разныхъ сторонъ.

Получивъ эти извѣстія, Лазаревъ предварительно попытался склонить царевича Александра вернуться на родину и примириться съ братомъ-царемъ, а Омаръ-хану совѣтовалъ удалиться отъ границъ Грузіи, тѣмъ болѣе что поступки его совершенно не согласовались съ недавнимъ искательствомъ его покровительства Россіи, на которое только что послѣдовало соизволеніе императора Павла. Омаръ-ханъ, писавшій ранѣе этого царевичу Давиду, что пришелъ за данью, въ которой Георгій отказывалъ ему три раза, теперь отвѣчалъ Лазареву, что лично не желаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи, но, принявъ къ себѣ царевича Александра, считаетъ уже нужнымъ по долгу гостепріимства оказать ему помощь. Такимъ образомъ переговоры окончились, и Лазаревъ выступилъ изъ Тифлиса, взявъ съ собою только два баталіона (одинъ егерскій и одинъ мушкетерскій), 62 казака Моздокскаго и Гребенскаго полковъ и 4 орудія 5-го полевого артиллерійскаго полка—всего 1224 человѣка. 1-го ноября отрядъ прибылъ въ Сигнахъ, а вечеромъ 2-го числа, въ 16-ти верстахъ отъ урочища Топъ-Кара-

гаджа, увидѣлъ бивачные огни непріятеля. Между тѣмъ подошелъ царевичъ Багратъ съ трехъ-тысячнымъ грузинскимъ войскомъ и двумя орудіями, и Лазаревъ тотчасъ двинулся на дер. Прасіани, вдоль возвышенностей, огибающихъ степь, на которой расположились лезгины. Атаку рѣшено было произвести 5-го числа, но чтобы предупредить напрасное кровопролитіе, Лазаревъ еще разъ потребовалъ отъ Омаръ-хана оставить предѣлы Грузіи. Посланный нашъ былъ задержанъ, а утромъ 6-го ноября получено было извѣстіе, что непріятель, еще до разсвѣта, двинулся ущельемъ по направленію къ Іорѣ. Это неожиданное обстоятельство заставило Лазарева повернуть назадъ и идти уже параллельно движенію непріятеля съ тѣмъ, чтобы ударить ему во флангъ и заставить принять бой.

Гористая мѣстность, лежавшая на пути, задержала быстрое движеніе Лазарева, и отрядъ только съ разсвѣтомъ 7-го ноября вышелъ наконецъ на открытую равнину, ограниченную съ юга р. Іорою, а съ сѣвера—цѣпью горъ, служащею водораздѣломъ между ею и Алазанью. Непріятельскій станъ раскинутъ былъ за рѣкою недалеко отъ сел. Какабети. Подвигаясь по отлогому косогору, на краю котораго стояла небольшая ветхая башня, и замѣтивъ, что лезгины переправляются уже черезъ Іору, Лазаревъ выстроилъ боевой порядокъ: на правомъ флангѣ стало каре егерскаго баталіона, на лѣвомъ каре мушкетерскаго баталіона съ генераломъ Гуляковымъ, а между ними расположились грузины, подъ начальствомъ царевичей Баграта и Іоанна.

Окончивъ переправу, Омаръ-ханъ стремительно атаковалъ егерей и охватилъ ихъ съ двухъ сторонъ своею конницею. Штуцерный огонь и картечь отбросили непріятеля съ громаднымъ урономъ, такъ что, по выраженію Лазарева, „не малое число отъ сего пріема, начало лбами доставать землю и доискиваться въ оной мнимыхъ правъ, которыхъ Омаръ-ханъ былъ сильнымъ поборникомъ“. Потерпѣвъ неудачу на правомъ флангѣ, лезгины съ бѣшеной отвагой ударили на грузинское войско, но, встрѣ-

ченные здѣсь картечью съ фронта и бѣглымъ огнемъ егерей съ фланга и тыла—отхлынули назадъ и стали собираться у помянутой полуразрушенной башни, которая оставалась позади нашего расположенія. Новая атака на егерское каре лезгинской пѣхоты, успѣвшей уже переправиться черезъ рѣку, также была неудачна, и лезгины обратились въ бѣгство.

Между тѣмъ Омаръ-ханъ, устроивъ свою конницу за башней, снова ударилъ на грузинъ и атаковалъ ихъ съ тыла, гдѣ стояло пѣшее ополченіе, вооруженное почти однѣми кизиловыми палками. Къ счастью, генералъ Гуляковъ, успѣвшій въ это время очистить отъ непріятеля все пространство до самой Іоры, замѣтилъ опасное положеніе царевичей и, повернувъ назадъ, смѣлымъ ударомъ въ штыки разогналъ непріятеля.

„Побѣдоносное россійское „ура“—доносилъ Лазаревъ—раздалось тогда по обоимъ крыльямъ и съ послѣдними выстрѣлами погибла непріятельская сила“. Наступившая ночь прекратила бой, и только по утру глазамъ побѣдителей представилась картина страшнаго побоища: камыши, кустарники и рвы—все было наполнено трупами, между которыми слышались стоны раненыхъ и умирающихъ. Уронъ непріятеля простирался до двухъ тысячъ убитыми и ранеными; мы потеряли двухъ нижнихъ чиновъ и одного офицера контуженымъ. Лезгинскія полчища разсѣялись, самъ Омаръ-ханъ, раненый пулей, бѣжалъ только съ 10-ю всадниками въ Джары, а царевичъ Александръ укрылся въ Шушу *).

За побѣду на Іорѣ оба царевича, генералы Лазаревъ и Гуляковъ получили командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; всѣ офицеры — кавалерскіе кресты того же ордена; Мушкетерскому (Кабардинскому) полку пожаловано было мальтійское знамя, но егерямъ, не имѣвшимъ у себя знаменъ,

*) Журналъ всеподданнѣйшихъ донесеній г.-л. Кнорринга. Донесенія за №№ 95, 100 и 111. Акты т. I. Рапорты г.-м. Лазарева 1-го, 8-го и 14-го ноября 1800 года за №№ 64, 67 и 68. Бобровскій. „Исторія 13-го л.-гр. Эриванскаго полка, ч. 3, стр. 105—109. „Тифлисскія вѣдомости“ 1828 г. №№ 1 и 2.

не было дано наружнаго отличія, и въ полку, къ сожалѣнію, не осталось никакого слѣда или памятника славной побѣды 7-го ноября 1800 года. Сраженіе на Іорѣ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи кавказской войны, такъ какъ только со времени прибытія въ Грузію полковъ Лазарева и Гулякова, собственно и начинается новый періодъ въ исторіи Закавказья— дѣйствительное и прочное водвореніе наше въ этомъ краѣ. Іорская побѣда показала закавказскимъ народамъ могущество Россіи и значеніе ея покровительства; она положила начало славной боевой дѣятельности кавказской арміи, которая своими подвигами обезпечила владычество наше въ Закавказьи.

12-го ноября генералъ Лазаревъ съ войсками возвратился въ Тифлисъ. Царь Георгій, не смотря на болѣзнь, самъ выѣхалъ на встрѣчу отряду и торжественно ввелъ его въ свою столицу. Но это былъ послѣдній выѣздъ Георгія. Простудившись, онъ слегъ въ постель, и врачи не подавали никакой надежды на его выздоровленіе. А между тѣмъ, для всѣхъ было ясно, что немедленно по кончинѣ Георгія начнется междоусобная война между его сыновьями и братьями. Лучше другихъ понималъ это самъ царь и съ одра болѣзни писалъ къ императору, что Грузія должна покончить свое самобытное политическое существованіе, и что грузинскій народъ желаетъ теперь же единственно и навсегда вступить въ подданство россійскаго императора и признать его за своего природнаго государя и самодержца. Манифестъ о присоединеніи Грузіи подписанъ императоромъ Павломъ въ Петербургѣ 18-го декабря 1800 года, а 28-го декабря скончался въ Тифлисѣ Георгій XII.

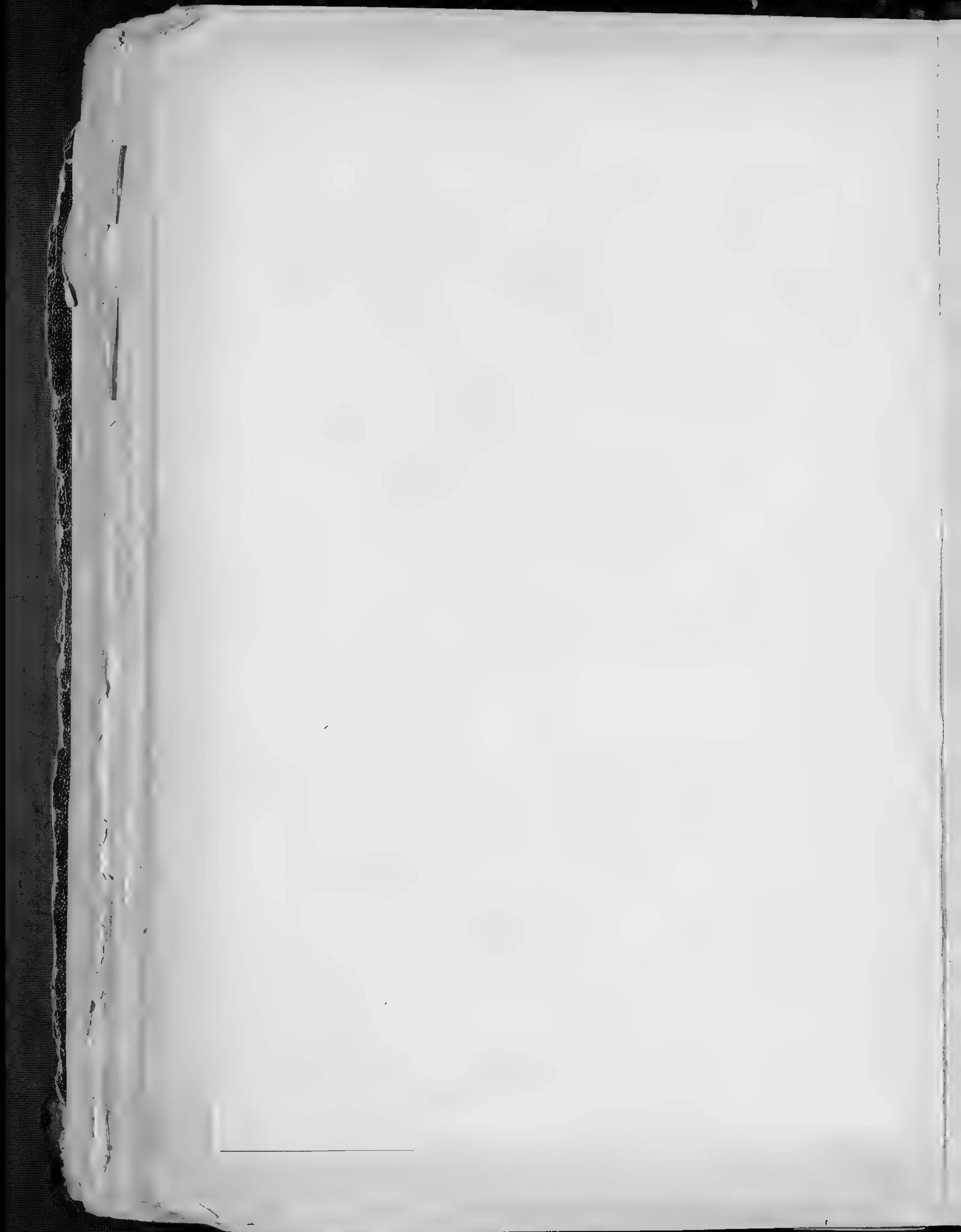
Такимъ образомъ, престолъ грузинскаго царства упразднился, и династія Багратидовъ, считавшая за собой цѣлое тысячелѣтіе, перестала царствовать въ Грузіи. Съ наступленіемъ новаго столѣтія началась и въ исторіи грузинскаго народа новая эпоха его существованія подъ непосредственною властью всероссійскихъ монарховъ.

Битва на Іорѣ 7 Ноября 1800 года

(Съ картины Самокиша).

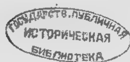
Фототипія И. Димо. Тифлисъ

Указатель личныхъ именъ.

Указатель географическихъ и другихъ названій.

ОПЕЧАТКИ.

	строки			
стр.	*сверху*	*снизу*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
1	—	—	паши	наши
72	7	—	разширить	расширить
88	—	1	преодоленіе	преодолѣніе
92	—	10	Ираклю	Ираклію
95	—	15	найдтись	найтись
100	9	—	допесеніяхъ	донесеніяхъ
125	—	6	дѣйствіямъ	дѣйствіемъ
126	—	10	Павловкая	Павловская
160	—	13	табакерка	табакерки
176	9	—	чт.	что
203	—	1	Закавказьѣ	Закавказье
205	17	—	перерваны	прерваны
211	—	16	не желаніемъ	нежеланіемъ
271	16	—	прилегавшія	пролегавшія
272	11	—	раздѣлился	раздѣлялся

